

Е. Б. Шестопап

320

Шее

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Издание второе, переработанное и дополненное

*Допущено Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности 020200 «Политология»*

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2007

УДК 316.6(075.8)

ББК 88.5я73-1

Ш52

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой
политической теории МГИМО-Университета
МИД РФ *Т. А. Алексеева*;

доктор политических наук, профессор кафедры политологии
и политической социологии социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова *Т. Н. Самсонова*

Шестопад Елена Борисовна

Ш52 Политическая психология: Учебник для студентов вузов / Е. Б. Шестопад. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2007.— 427 с.

ISBN 978-5-7567-0443-3

Учебник представляет собой систематическое изложение предмета одной из новых политологических субдисциплин — политической психологии. Политическая психология уже зарекомендовала себя как академическая и научная дисциплина и вошла в число обязательных предметов при подготовке политологов и психологов. УМО по политологии приняло учебный план по этому курсу. Первое издание стало первым учебником, соответствующим этому учебному плану. Второе издание учебника существенно исправлено и дополнено новыми темами и результатами новых исследований. Обновлена и библиография.

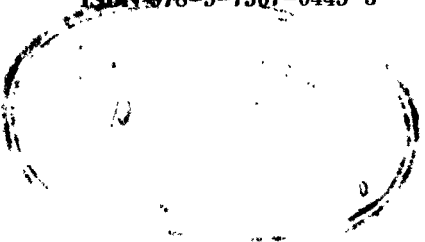
Для студентов, магистрантов, аспирантов, изучающих политические и психологические науки.

УДК 316.6(075.8)

ББК 88.5я73-1

ISBN 978-5-7567-0443-3

© ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2007

Оглавление

Предисловие	6
-------------------	---

Часть I

ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 1. Предметное поле политической психологии	15
§ 1. Политика как объект исследования политической психологии	15
§ 2. «Homo politicus» как предмет политической психологии	24
§ 3. Дискуссии о предмете политической психологии	30
§ 4. Политическая психология в ряду других наук	34
Глава 2. История становления и современное состояние политической психологии	46
§ 1. Истоки возникновения зарубежной и отечественной политической психологии	46
§ 2. Современное состояние и перспективы политической психологии как области политологического знания	52
Глава 3. Методология и методы политико-психологических исследований	59
§ 1. Методология как общая теория. Ведущие школы и направления современной политической психологии	60
§ 2. Методы, используемые в политико-психологических исследованиях	71

Часть II

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Глава 4. Национальная психология в политическом контексте	89
§ 1. Психология интеграции и дезинтеграции в России	89
§ 2. Русские о себе и о других	95
§ 3. Психологическое содержание этнических стереотипов	102
§ 4. Национальная окраска политической картины мира	106
Глава 5. Психология авторитаризма и демократии	121
§ 1. Авторитаризм как психологический феномен	122
§ 2. Авторитаризм и демократия в их политическом измерении	132
§ 3. Психология демократии	138

Глава 6. Психология восприятия власти	151
§ 1. Власть и особенности ее восприятия в России	152
§ 2. Структура образов власти и их психологический анализ	160
§ 3. Персонификация власти в постсоветской России <i>пространстве</i>	169
Глава 7. Психология массового электорального поведения	181
§ 1. Психологический контекст выборов в постсоветской России	181
§ 2. Национальная идеология или «черный пиар»?	191
§ 3. Значение измерения рейтингов политиков	195
§ 4. Выборы как профессия	201

Часть III ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ

Глава 8. Личностный аспект политики	209
§ 1. Роль личностного фактора в политике	210
§ 2. Структура личности и политика	215
Глава 9. Политическая социализация индивида	223
§ 1. Агенты, стадии и механизмы политической социализации	223
§ 2. Политическая социализация и ресоциализация в современной России	232
Глава 10. Политическое сознание, политический менталитет	254
§ 1. Понятие политического менталитета	254
§ 2. Структура политического менталитета	259
§ 3. Становление политических взглядов личности	266
Глава 11. Политическое поведение	273
§ 1. Теоретические подходы к анализу политического поведения	273
§ 2. Основные элементы политического поведения: мотивы, потребности, ценностные ориентации	281
§ 3. Проблема политического участия	294
Глава 12. Политическое лидерство	304
§ 1. Теоретические основы изучения лидерства	304
§ 2. Психологическая природа политического лидерства	309
§ 3. Лидерство в российской политике <i>(политическое лидерство)</i>	315
Глава 13. Психологические профили ведущих российских политиков	319
§ 1. Методология изучения личности политиков	320
§ 2. Президент <i>(политический портрет)</i>	322
§ 3. Партийный лидер <i>(политический портрет)</i>	337
§ 4. Депутат <i>(политический портрет)</i>	341

Глава 14. Образ и имидж в политике	347
47 § 1. Проблема восприятия в практической политике	347
48 § 2. Теоретические проблемы изучения политического восприятия	351
49 § 3. Основные параметры образа политика	357
50 § 4. Важнейшие факторы, влияющие на формирование образа политика	364
Глава 15. Образы российских президентов в массовом сознании	367
§ 1. Восприятие первого российского Президента Б. Н. Ельцина	367
§ 2. Образ В. В. Путина в массовом сознании российских граждан	380
Глава 16. Премьер В. С. Черномырдин: личность и образ	392
§ 1. Председатель правительства: роль и ее исполнитель	395
§ 2. Премьер и его телевизионный образ	400
§ 3. Восприятие образа В. С. Черномырдина массовым сознанием	405
51 § 4) Бессознательные ассоциации <i>А. Г. П. П. П.</i>	412
Библиография	418

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политическая психология — одна из тех субдисциплин, которые утвердились среди других политических наук сравнительно недавно. Сразу заметим, что политическая психология, ставшая столь популярной сегодня в связи с ее прикладным использованием в области политического консультирования, интересна отнюдь не только своими прикладными возможностями. Это прежде всего наука, призванная изучать фундаментальные закономерности политического поведения и сознания. Тот, кто рассчитывает найти в ней описание политических технологий, использующих знание психологии, будет разочарован. Политическая психология как наука не имеет с жанром «политических поваренных книг» ничего общего.

Она уже зарекомендовала себя как академическая и научная дисциплина, вошла в число обязательных предметов при подготовке политологов и нашла свое место в новых учебных планах высшей школы. Более того, Высшая аттестационная комиссия РФ ввела новую научную специальность по защитах диссертаций в рамках как психологических, так и политических наук. За годы, прошедшие с этого момента, защищены десятки диссертаций учеными из разных университетов страны. Таким образом, можно сказать, что это направление обрело свои институциональные формы. Учебно-методическое объединение по политологии приняло новый учебный план по этому курсу. Данный учебник полностью соответствует этому учебному плану, тем более что и у того и у другого — один автор. Тематика учебника неизбежно уже, чем тематика политической психологии как науки, поэтому отбором тем курса всегда занимается преподаватель. Выбор, сделанный автором данного учебника, тоже субъективен, потому что он основан на том опыте преподавания, который сложился на кафедре политической психологии философского факультета МГУ и заведомо неполон.

Учебник предназначен для студентов, магистрантов, аспирантов, изучающих политические и психологические науки, а также для всех,

кто интересуется политикой. Специфика предмета политической психологии как междисциплинарной области предполагает предварительную подготовку читателей в области политической науки и психологии, в том числе психологии личности и социальной психологии. Изучение курса построено на знакомстве с ведущими теоретическими школами и подходами в мировой и отечественной политической психологии и предполагает освоение методов исследования и анализа, имеющих прикладной характер. Поэтому желательно сочетание изучения теоретических разделов курса с практическими занятиями, на которых студенты попробовали бы свои силы в небольших исследовательских проектах, позволяющих использовать полученные теоретические знания для анализа текущих политических событий, поведения действующих политических лидеров или электорального поведения граждан.

Учебник включает в себя три части. Первая — посвящена традиционным для любого курса темам: **предмету, методологии и истории данной дисциплины.**

В связи с тем что политическая психология родилась как междисциплинарная область на стыке политической науки и психологии, знакомство с ней предполагает освещение состояния политической науки (прежде всего российской) и определение места и задач политической психологии в сравнении с другими разделами политологии. Читателю предлагается не просто экскурс в становление этой дисциплины в постсоветский период, свидетелем и участником которого стал автор, но и выделение важнейших проблемных областей, в решение которых вносит вклад и современная политическая психология.

Знакомство с данной дисциплиной предполагает знание ее истоков, лежащих в трудах как зарубежных исследователей, так и отечественных ученых. В книге приводится большое число ссылок на работы, ставшие сегодня классическими, и на новейшие разработки зарубежных и отечественных авторов. Выпускаемая издательством «Аспект Пресс» одновременно с учебником хрестоматия по политической психологии дополняет учебник текстами, входящими в обязательную программу обучения по данной специальности.

Знание предмета политической психологии немыслимо без анализа **теоретических моделей**, объясняющих психологические закономерности политических процессов. В современной науке одни мо-

дели соперничают между собой, другие — мирно сосуществуют. Так, в целом ряде современных теоретических моделей можно найти эклектическое сочетание идей психоанализа и бихевиоризма, теории политических систем и теории политического участия, а также многих других теорий среднего уровня.

Изучение *предмета политической психологии* начинается с анализа политики как главного объекта этой дисциплины. Учебник предлагает различные подходы к пониманию психологических особенностей политики как процесса, как особого вида человеческой деятельности, как системы норм и целей, при этом выделяется задача изучения человека как главного политического актора и в роли лидера, и в роли рядового гражданина.

Существенное значение автор придает *методологии* политико-психологических исследований, так как современная политическая психология сложилась как наука, рожденная на фундаменте эмпирических исследований, и знакомство с методами получения, анализа и интерпретации данных, касающихся поведения и сознания человека в политике, — важнейшая часть образования в области политической психологии. Эта задача особенно значима для современной политической науки, которая постепенно преодолевает схоластический характер, присущий ей на ранних этапах развития, и благодаря освоению современных методов исследования становится все более релевантной современной политической практике. С исследовательской методологией читатель сможет познакомиться не только в разделе с соответствующим названием, но и при анализе практически всех проблем, обсуждающихся в книге. Их фундаментом послужили реальные исследования, проводившиеся на кафедре политической психологии МГУ. Подробное знакомство читателей с технологией получения знаний позволит читателям самостоятельно проводить подобные исследования.

Вторая часть учебника посвящена *политико-психологическим аспектам макрополитических явлений*. Читателю предлагается познакомиться с такими традиционными для политической психологии темами, как психология национализма, психология авторитарности, психология власти, психология электорального поведения.

Особое место в этом разделе занимает проблематика *национальной психологии*. Такие феномены, как национальные чувства, национальное самосознание, национальные предрассудки и стереотипы,

имеют глубинные психологические основания и серьезные политические последствия. Трактовку этих феноменов предлагают как классические, так и современные теории, в которых дается объяснение явлений национализма и ксенофобии.

В учебнике по политической психологии невозможно обойти такой феномен, как **психология авторитарности**. Исторически феномен получил различное освещение в политической и в психологической науках, каждая из которых внесла свой вклад в его понимание. В учебнике авторитаризм и демократия анализируются с точки зрения психологических измерений политических режимов. На основе исследований автора, проведенных в последние годы, дается трактовка образов демократии, сложившихся в российском обществе. Проводится анализ понятия авторитарной личности и ее антипода — личности демократической, как моделей политического поведения, складывающихся под влиянием определенных типов политической культуры.

Одной из наиболее обсуждаемых в последние годы стала тема **массового электорального поведения**. Накануне выборов всех беспокоит вопрос явки избирателей¹, который в политической науке формулируется как проблема политического участия граждан. Однако для того, чтобы гражданин захотел голосовать и проголосовал, у него должны сложиться определенные мотивы. Изучению мотивации электорального выбора посвящены многочисленные эмпирические исследования, ведущиеся как за рубежом, так и в нашей стране.

Сейчас только ленивый не ругает политиков и политтехнологов за грязные приемы и методы проведения выборов. Очень важно разобратся в закономерностях, которые управляют выбором граждан. Анализ выборных технологий с точки зрения политической психологии поможет гражданам правильно принять собственное решение, научиться противостоять давлению агрессивной политической рекламы.

С выборами тесно связана динамика общественного мнения и система измерения политических рейтингов.

Третий раздел учебника акцентирует внимание читателя на **проблемах личности в политике**. Вначале читателю предлагается познакомиться с предысторией проблемы, поскольку значение лич-

¹ Недавно принятый Думой закон, снизивший порог допустимой явки избирателей еще больше обострил данную тему для политической науки и практики.

ности в политике в каждую историческую эпоху имеет разные очертания.

Знакомство с проблемой личности начинается с проблемы политической социализации — с овладения личностью политическими навыками и идеями. В данном разделе подробно представлены материалы исследований о стадиях, механизмах и результате политической социализации в разных политических условиях. Рассматриваются властные отношения в семье и государстве с точки зрения их влияния на оснащение индивида политическими взглядами и ценностями.

Категория *политического менталитета* широко используется в современном политическом языке. Между тем в политических дискуссиях об особенностях, например, российского менталитета нередко не хватает серьезной теоретической основы. В политической психологии понятие менталитета чаще всего используется для анализа процесса становления политических взглядов как отдельной личности, так и различных групп и организаций. В анализе политического менталитета большое значение имеют такие понятия, как «когнитивный стиль» и «операциональный код» — определенные психологические механизмы, описывающие содержание политических позиций и взглядов личности и механизмы их действия.

Помимо общетеоретических закономерностей функционирования политического менталитета, необходимо описать этот феномен в специфическом российском контексте. Политические психологи накопили немалый эмпирический материал, отображающий, каким закономерностям подчиняются изменения в политических представлениях граждан¹. В учебнике приводятся результаты исследований динамики политических предпочтений, ценностей и установок современных российских граждан в постсоветский период.

Помимо менталитета, для политической психологии представляют особый интерес проявления *политического поведения*. Специальному исследованию подвергаются такие элементы политического поведения, как мотивы и потребности, установки, стили межличностных отношений и политические роли. Каждый из этих элементов влияет на то, какую форму приобретет политическая деятельность и поведение рядовых граждан и лидеров.

¹ См.: Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.

Политическая власть рассматривается в учебнике не только как собственно политическое, но и как психологическое явление. Разработки психологов проясняют многие фундаментальные вопросы о природе власти и подчинения, потребности во власти, мотивации власти.

Не менее важным, чем изучение психологии тех, кто осуществляет власть, является изучение тех, кто власти подчиняется. Отношение к власти рядовых граждан, такие феномены, как политическое доверие, симпатия, близость позиций и идентификация с властью, входят в предмет рассмотрения политической психологии.

Изучение **политических лидеров** — одна из важнейших тем в политической психологии. Понятие политического лидерства в этой науке базируется на данных политической науки и на наработках социальных психологов, при этом объектом исследования являются: личность лидера, политический контекст, процесс восприятия лидера его последователями. Для понимания феномена лидерства принципиально важным является то, что, наряду с личностными особенностями и чертами, мотивами и потребностями лидера, его убеждениями и ценностями, объектом изучения становятся те ожидания в отношении лидера, которые существуют в массовом сознании и принимают форму идеального прототипа лидера. Этот идеальный прототип служит основой отбора лидеров, механизмом коррекции их поведения, если лидер хочет остаться на вершине успеха. Глава 13 посвящена анализу психологических профилей ведущих современных российских политиков. Для этой цели автором выбраны президент, партийный лидер и «рядовой» депутат.

В современной науке и политической практике часто очень по-разному используются термины «образ» и «имидж». Вокруг этих феноменов сложилось уже множество мифов. Политическая психология профессионально изучает политические образы и делает это на основе концепции политического восприятия. Последние две главы учебника посвящены анализу этих понятий в науке и описанию образов ведущих российских политиков, полученных в результате исследований автора на протяжении последних десяти лет. В учебнике закономерности восприятия образов политиков проиллюстрированы исследованиями образов двух президентов — Ельцина и Путина и одного премьера — В. С. Черномырдина.

В учебнике приводится обширная библиография на русском и английском языках, позволяющая читателю продолжить самостоятельное изучение политической психологии.

Представленный читателю учебник является вторым изданием. Первое издание, вышедшее в 2002 г., полностью разошлось. Текст, опубликованный ранее, сегодня нуждается в обновлении: политическая психология стремительно развивается, и за эти годы вышло немало новых работ как научного, так и учебного характера. Быстро меняется сам предмет нашей науки — политика и люди, которые ее делают. Все это побудило меня взяться за второе издание — переработанное и дополненное. Ряд глав в учебнике остается неизменными. Это касается в основном глав, посвященных предмету, методологии и истории дисциплины. Современное состояние науки дается в новом изложении.

Некоторые материалы мы сочли возможным изъять из этого издания. Так, с понятием политической культуры сегодня читатель может познакомиться во многих учебниках по политологии. Другие разделы, напротив, введены в это издание. Так, исследования автора по политическому восприятию, проведенные на кафедре политической психологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в последние годы, позволили дополнить учебник главой об образе и имидже в политике и главой, рассказывающей о том, как российские граждане воспринимают ведущих российских политических деятелей.

Естественно, устаревшие примеры из политической действительности также заменены, включена в библиографию и новая литература.

В заключение хочу выразить признательность сотрудникам, аспирантам и студентам кафедры политической психологии отделения политологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова за то, что благодаря их исследованиям, их поддержке и помощи, а главное — замечательному климату, сложившемуся на кафедре и факультете, этот учебник был написан.

Часть I

**ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

ГЛАВА 1

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Приступая к изучению любой научной дисциплины, необходимо очертить ее границы и определить специфику научного знания, выделить ее объект, предмет, основные категории анализа и методы. При этом под **объектом** науки обычно понимается та часть реальности, на которую направлено внимание исследователей. Один и тот же объект может рассматриваться несколькими научными дисциплинами под разными ракурсами. Под **предметом** мы будем понимать тот угол зрения, под которым данный предмет рассматривается именно этой дисциплиной. Предмет науки определяется также используемым ею категориальным аппаратом и методологией исследования.

Так, объектом политической психологии, как и других политических наук, является политика, а ее особым предметом — субъективный компонент политической системы и процесса, который рассматривается с помощью специальных по преимуществу психологических методов и подходов.

§ 1. ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Однажды, читая курс политической психологии, я предложила своим слушателям — профессиональным политологам дать определения самым распространенным в нашей науке понятиям, таким, как политика, президент, правительство, Дума и т.д., или хотя бы ассоциации с этими понятиями. Вот что у нас получилось.

Итак, начнем с политики. **Политика** — это:

— такая игра, где пытаются выглядеть серьезно и решать серьезные проблемы;

- бизнес, власть и ее желание, желание денег, стремление к лидерству;
- государственное управление, борьба за власть;
- движущая сила общества;
- оболочка для других процессов в обществе;
- «грязная работа», игра (шоу), власть;
- деятельность, направленная на развитие общества, создание условий для существования граждан;
- область приложения энергии наиболее активных, честолюбивых и властолюбивых граждан;
- способ достижения власти;
- отношение государства к народу и наоборот;
- правила жизнедеятельности в современном обществе;
- способ воздействия на окружающих, способ достижения своих целей, удовлетворения самолюбия, сфера действий.

Это только малая часть того, как обычно трактуют политику. Обращает на себя внимание то, что у многих профессионалов и у обычных граждан есть ощущение манипулятивности, внутренне присущей политике. Чаще всего встречается ее понимание как властной игры, в которую включаются самые активные, честолюбивые, не всегда морально чистоплотные и нередко безответственные люди, которых и называют политиками. Остальная же часть населения — это пассивные, незаинтересованные граждане, которые лишь терпят то, что с ними проделывают политики. Наши обыденные представления о политике порой ограничиваются обозначением ее как сферы, достаточно далекой от повседневной жизни (что-то, чем занимаются там, «наверху»), и эпитетом «грязная», который чаще других соседствует со словом политика. Если же учесть разочарование в политике, сформировавшееся у российского населения в конце XX — начале XXI в., то никаких положительных чувств это слово у большинства людей уже не вызывает¹.

Но так трактуют это понятие на уровне здравого смысла. Если же отойти от поверхностных стереотипов, то следует признать, что хотя политика действительно включает в себя борьбу за власть, она

¹ Такое понимание политики во многом определяется конкретным историческим контекстом, связанным с периодом политической нестабильности, и традициями политической культуры.

не сводится только к грубому выяснению отношений между политиками, в котором любые средства хороши. Это все же некая **цивилизovaná форма отношений по поводу власти**.

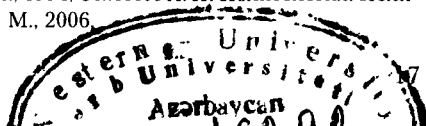
Сейчас издано немало учебников по политологии нового поколения, в которых даются весьма разнообразные научные трактовки этого понятия¹. При этом одни авторы акцентируют в политике ее управленческие функции, говоря, что политика — это искусство управлять обществом. Другие подчеркивают ее связь с властными отношениями, причем имеют в виду прежде всего силовые методы осуществления власти. Третьи указывают на связь политики с правом. Выделим несколько наиболее распространенных трактовок.

Политика как система. В политической науке при всем многообразии определений ее основного объекта исследования — политики есть несколько важных аспектов, которые в этом феномене выделяются. *Первый аспект* — это понимание политика как *системы государственных институтов*. Действительно, говоря о политике, мы обычно вспоминаем о государстве как системе политических *институтов*, куда входят президент и парламент, армия и система безопасности, министерства внутренних и иностранных дел, финансов, социального обеспечения и т.п.

Политология прежде всего изучает, как устроено то или иное государство, как оно регулирует отношения граждан и власти, каковы отношения властных структур между собой. Зрелая политическая система предполагает, что разные институты выполняют различные функции и между ними существует разделение труда: внешняя и внутренняя политика имеют свою специфику, и чтобы обеспечить эффективное управление, нужны профессионалы, знающие свое дело.

Многие проблемы в осуществлении власти возникают тогда, когда происходит смешение функций разных ее *ветвей*. Принцип разделения властей предполагает, что независимо друг от друга и с равной степенью ответственности перед обществом действуют *законодательная, исполнительная и судебная власти*. В современном обществе к ним принято добавлять и *четвертую власть* — средства массовой информации, которые освещают жизнь общества и служат каналом обратной связи между гражданами и политиками.

¹ Гаджиев К. С. Политическая наука. М., 1994; Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2006.

Сейчас уже очевидно, что кризис постсоветской российской политической системы начала—середины 1990-х годов во многом был обусловлен теми перекосами во взаимоотношениях разных ветвей власти, которые никак не могли прийти к согласию «внутри себя». При этом всевозможные «пакты о ненападении», «договоры о согласии», которые время от времени рождались в недрах одной из ветвей власти, по идее должны бы сработать на достижение равновесия этих ветвей, но им всегда что-то мешало. Думается, что причина этого кризиса коренилась прежде всего в психологии тех, кто не может или не хочет договориться о согласии в силу стремления к монополизму, который нередко встречается в нашей политической культуре¹.

Важной частью политической системы являются *политические организации, партии, общественные объединения и движения*. Граждане добровольно объединяются в них, чтобы защищать свои права, проводить свои интересы. Политические партии, число которых в нашей стране сейчас превышает полторы сотни, с одной стороны, отражают разнообразие политических интересов, с другой — в силу своей малочисленности и отсутствия опыта оказывают пока не слишком значительное влияние на ход политического процесса. Однако немало политиков, особенно на национальном и региональном уровне, ставя перед собой задачу быть избранными, создавали либо квази-партию, либо ее административный аналог, чтобы увеличить шансы на избрание. Многие из этих образований являются ширмами для финансовых групп, криминальных или иных сил, которые все с большим интересом относятся к возможности оказывать на политику прямое воздействие.

Так, накануне выборов перед избирателями стоит сверхсложная задача: выбрать наиболее привлекательный политический блок или партию. Устойчивый электорат есть лишь у нескольких наиболее заметных партий. Большинство же избирателей вынуждено делать свой выбор между партиями и движениями практически вслепую.

В этом случае единственным ориентиром при выборе становятся *политические лидеры*, лица которых люди запомнили и которые являются символами определенной политической группы. Такая тенденция сложилась в России начиная с выборов 1993 г., и она сохранялась на протяжении последующего периода. Правда, и в отношении

¹ Некоторые политологи называют эту способность «договороспособностью» и констатируют низкий ее уровень у современной политической элиты.

знакомых им лидеров у наших граждан ярче представлены не столько позитивные, сколько негативные установки. Избирателям надоели все политики: принадлежащие к действующей власти, оппозиционеры, левые, правые, центристы, депутаты, министры, лидеры фракций. Так что говорить о зрелости политики как системы пока рано. Судить о ней граждане могут в основном по ее субъективным компонентам: тем людям, которые олицетворяют те или иные институты или ветви власти. Отсюда и вытекает важность учета психологических компонентов политической системы как объекта политической психологии.

Политика как процесс. Вторым важнейшим измерением политики является ее динамическая составляющая. *Политический процесс* — это те изменения, которым подвергаются и институты, и исполнители разных функций, и правила игры. В мире происходят войны и революции, реформы и стагнация. Мы приспосабливаемся к новым законам и находим способ их обойти. Политические процессы бывают мирными и насильственными, постепенными и скачкообразными.

Изучая политику как набор законов, правил, как ту или иную конфигурацию институтов, необходимо помнить: эта система изменчива. Современная политика столь быстро и драматично изменяется, что это порождает много сложностей как для самой системы, не успевающей приспособиться, так и для конкретных участников процесса, теряющих почву под ногами, нуждающихся в специальных механизмах ориентации в неустойчивом политическом мире. Больше всего от этих изменений (в том числе и персональных) достается политическим управленцам, которые перестают думать о благе граждан и начинают заботиться только о собственных интересах. Не менее сложно делать свой выбор гражданам, которые не успевают выработать рациональных позиций и нередко становятся жертвами разного рода манипулятивных технологий — от примитивного подкупа до обработки их психики более изощренными методами.

В последние десятилетия политическая наука стала все чаще обращаться к анализу политического процесса, который не всегда отливается в форму устойчивых политических институтов, просто не вмещается в них. Среди проблем, интересующих теоретиков политики и тех, кто принимает решения, назовем, например, проблему формирования политических взглядов граждан и профессиональных политиков, культурный и национальный контекст политического процесса, становление новых политических движений, вхождение человека в политику и ряд других.

Сегодня становится все труднее самостоятельно разобраться в смысле происходящих процессов, определить, какие события могут стать значимыми для каждого из нас, а какие окажут влияние лишь на верхушку политической пирамиды. Ряд исследований показал, что некоторые важные политические события (например, в Америке — убийство Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, в России — события периода перестройки, смерть академика Сахарова, чеченская война) повлияли на политический процесс и на сознание целого поколения граждан. Эти динамические аспекты политики также необходимо изучать посредством не только институционального подхода, но и подхода психологического.

Политика как игра по правилам. Третьим важным аспектом понимания политики является ее трактовка как *системы правил некоей игры*. Как и любая другая социальная система, политика подчиняется регулирующим ее законам. Эти законы бывают как писаными (нормы права), так и неписаными (традиции, обычаи, правила поведения). В эпохи быстрых перемен подвергаются резким изменениям официальные нормы и предписания. Пишутся новые конституции, принимаются своды законов, призванные регулировать официальные отношения между властвующими и подчиненными. Из опыта нашей повседневной жизни мы хорошо представляем себе, как непросто добиться исполнения даже давно действующих законов, осуществить гарантированные ими права, пробиться сквозь частокол всевозможных бюрократических инструкций. Что же говорить о множестве новых законодательных актов, которые нам предстоит узнать и исполнить. И это относится не только к правилам, но и к ролям, которые эти законы вводят. Так, например, роль вице-президента у нас то появляется, то отменяется. Накануне парламентских и президентских выборов самые разные политические силы регулярно заводят речь о поправках к Конституции.

Представители исполнительной власти сетуют на то, что законы не исполняются. Однако психология людей так устроена, что частая смена правил игры ведет к правовому нигилизму, неуважению к законам, которые меняются так часто, что нет смысла их принимать в расчет. Непринятие правил игры основными действующими лицами российской политики сказывается в нарастании хаотических процессов, в слабой управляемости и усугубляет и без того серьезные кризисные явления в экономике и политике.

В такие периоды общество начинает управляться не столько писаными, сколько неписаными правилами, устанавливаемыми не официальной политикой, а группами, имеющими реальную силу (в том числе и грубую силу, и силу денег). Именно они и «заказывают музыку». Нередко эти теневые структуры становятся реально более эффективными в осуществлении политических функций, чем те, кто формально считается властью. Несколько лет назад газеты писали о том, что после ареста одного из главарей екатеринбургской мафии в городе резко возросла преступность. В правоохранительные органы начали обращаться граждане с просьбами выпустить мафиози на волю, так как милиция не могла справиться с преступными группировками, подчинявшимися главарю мафии.

В последние годы было обнаружено немало документов, свидетельствующих о роли олигархов в современной российской политике. Как показывают исследования взаимодействия политической и бизнес-элиты¹, этот процесс в конце 1990-х — начале 2000-х годов приобрел весьма опасные формы и стал вызовом политической власти. Сама же политика при этом становилась все менее прозрачной для рядовых участников процесса.

Это не значит, что в эпохи перемен правила игры диктуют только те, у кого есть сила или деньги. Нередко именно люди, олицетворяющие неподкупность, справедливость и правду, моральную силу, задают тон в политической игре. Так было в первые годы перестройки, когда на волне борьбы с несправедливыми привилегиями на политическую авансцену вышли такие разные политики, как Ельцин и Сахаров.

Сложные зависимости между официальными и неофициальными политическими нормами складываются не только по поводу отдельных функций политической системы (охраны правопорядка, выдвижения лидеров, управления). В любой сфере политической жизни эти два свода правил действуют постоянно. Вопрос только в том, в каком они находятся соотношении. Если неофициальные правила преобладают, это приводит к деградации государства, утрате моральных ориентиров и в конечном счете — к упадку системы. Другой вариант дисбаланса — официальные политические ценности

¹ См.: Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России. М., 1997.

вытесняют неписанные правила, не оставляя места выражению личных и групповых интересов, контролируя все проявления деятельности граждан. Такой тип политического устройства известен как тоталитарный. Он ведет к обеднению всех структур гражданского общества и враждебен человеку.

Таким образом, изучая политику как систему правил игры, необходимо учитывать формальный и неформальный свод этих правил, которые регулируют взаимодействие граждан и государства.

Политика как система ценностей, норм, установок. Четвертой моделью политики является ее видение как особой *системы ценностей, мнений, установок* граждан. Такое понимание политики выделяет в ней ее доктринальный, идеологический характер. У каждого человека есть свое понимание политики, свои оценки того, как работает кабинет министров и что происходит в армии. Эти мнения носят, как правило, достаточно противоречивый характер, складываясь в пеструю мозаику «обыденного сознания». Такие политические ориентиры складываются под влиянием многих воздействий: от чтения свежей газеты и просмотра телевизионного выпуска новостей до разговора с соседом.

Некоторые из этих политических установок мимолетны, иные, сохраняясь в личности на протяжении всей жизни, принимают форму убеждений. При этом в основе даже самых преходящих политических установок лежат более устойчивые ценностные ориентиры, которые закладываются с детства и влияют на политические представления и поведение человека в течение всей жизни. Без учета этих «эфемерных» образований в головах людей никакое государство, партия или лидер не могут воздействовать на их поведение. Даже для того, чтобы выполнить простейшую политическую роль — пойти на выборы в качестве избирателя, необходимо определить приоритеты в предлагаемых политических ценностях. Исследования, проведенные в разных политических системах, показывают, что выбор этот может быть как достаточно простым, так и весьма сложным, в зависимости от типа системы (двухпартийная, трехпартийная, многопартийная) и состояния массового политического сознания¹.

¹ См. главу о политическом поведении в книге: Политическая наука. Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1998.

Как показывают исследования в самых разных политических системах, большинство обычных граждан не имеет согласованной системы политических взглядов. Их политические установки обычно запутаны, противоречивы, не всегда рациональны и не обязательно соответствуют их объективному политическому интересу¹.

Однако осознание своих интересов и консолидация ценностей политическими партиями и движениями приводит к созданию политических доктрин, идеологических конструкций, которые представляют собой систематизированные, относительно непротиворечивые наборы политических ценностей. Их главная цель — помочь каждому, кто разделяет эти ориентации, более полно отождествить себя со своей политической группой. Идеология призвана создать своего рода братство политических единомышленников.

Идеологий существует несметное множество. Любое политическое понятие, оканчивающееся на «изм», претендует на то, чтобы завоевать сторонников. От маоизма до консерватизма и от коммунизма до либерализма, все идеологии предлагают политическому рынку «готовые наборы» политических убеждений, подчеркивая при этом, чем они отличаются от иных политических партий.

Конечно, идеологические положения не могут существовать как стерильные догмы особенно в условиях российской политики переходного периода. Четких идеологических положений нет практически ни у одной современной российской партии. Дискуссии о политической ориентации «Единой России» в этом отношении весьма примечательны. Только в последнее время лидеры движения обеспокоились формулированием важнейших положений своей идеологии, да и то никакой четкой стратегии ими пока не выработано. Другие политические партии от крайне левых до крайне правых не более, чем ЕР, преуспели в выработке четких идейных ориентиров.

При этом, с одной стороны, граждане стали лучше понимать смысл тех или иных идеологических выводов. С другой — они стали более пристрасно спрашивать с политиков: куда они их ведут и что обещают.

Между тем политические партии пока не могут удовлетворить этой растущей потребности в политической определенности. Даже название партий, которые, как правило, должны отражать ведущую политическую ориентацию, редко соответствуют чистоте своей соб-

¹ Шестопал Е. Личность и политика. М., 1988. Гл. III. § 2.

ственной доктрины. Так, в одном из наших исследований из трех членов Либерально-демократической партии, являвшихся депутатами Думы, один назвал себя либералом, другой — консерватором, а третий — демократом. Если посмотреть на другие политические партии, то мы также найдем лишь весьма приблизительное соответствие названия, программы и общей идеологической линии. Трудности в политическом самоопределении испытывают и активисты, и рядовые граждане.

Политика как вид человеческой деятельности. Наконец, последнее, *пятое* понимание политики — это ее трактовка как *вида человеческой деятельности, как особый тип поведения*. Данная трактовка политики связана с представлением о том, что политику делают люди, а, следовательно, их поступки и есть главный объект изучения политической науки. Ясно, что при таком подходе необходимость привлечения психологических инструментов наиболее существенна.

Еще в начале нашего века немецкий психолог Э. Шпрангер выделял среди разных человеческих типов — тип человека политического¹. Действительно, политики-профессионалы обладают рядом психологических характеристик, предопределяющих притягательность для них этой сферы жизни. Однако в современном демократическом обществе не только профессионалы, но и все дееспособные граждане включены в политический процесс, являются его неотъемлемой частью. Отсюда и усилившийся интерес политологов к поведению и лидеров, и рядовых граждан, роль которых в политике неизмеримо возросла. Именно это пятое понимание напрямую попадает в сферу интереса политической психологии, хотя эта субдисциплина занимается и проблемами, которые входят в сферу четырех других подходов.

§ 2. «НОМО POLITICUS» КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Признание политики в качестве неотъемлемой части человеческой жизни — идея, уходящая своими корнями глубоко в историю.

Еще античные мыслители задавались вопросами о природе политической жизни. Так, Аристотель доказывал, что заниматься по-

¹ Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 55–60.

литикой человека побуждает его собственная природа. «Государство, — говорит он, — принадлежит тому, что существует по природе... и человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек»¹. Согласно античному мыслителю, государственная форма политики вырастает естественно: из объединения людей сначала в форме семьи, затем поселения. Потом объединение поселений превращаются в полис — государство.

Итак, заниматься политикой человека подталкивает его природный инстинкт. Поэтому логично, что Аристотель называет человека *политическим животным* — *Zoon politikon*, нисколько не придавая этому словосочетанию обидного смысла. Ведь в самой нашей психологии заложены такие естественные потребности, как потребность властвовать и подчиняться.

Последующая история политической мысли обогатила наши представления о политике как театре действия разнообразных человеческих потребностей: как приобретенных, так и врожденных. Среди них благородство и жадность, любовь и ненависть, стремление к доминированию и солидарность, потребность в свободе и желание быть частью группы.

Признание важности изучения психологии как движущей силы политического поведения в наши дни получило уже не только общеполитическую, но и конкретно-научную форму. Именно политическая психология во второй половине XX в. приступила к конкретно-научному исследованию тех психологических факторов, которые мотивируют включение человека в политику и участие в различных ее формах. Психологическая наука, используемая для понимания политических феноменов, диктует свой подход к исследованию и свой угол зрения на *человеческое измерение политики*.

Откроем свежую газету или включим программу телевизионных новостей. О чем в первую очередь сообщают нам информационные агентства? Об атаках террористов, о панике на валютных биржах, об очередных взрывах в Чечне, о принятых правительством решениях, о скандалах, затрагивающих ту или иную партию или конкретного политика. Что в этих текущих политических событиях определено

¹ Аристотель. Политика. 1253а.

объективными политическими или экономическими законами, а что — результат усилий конкретных людей или партий? Провести границу между этими двумя рядами факторов очень нелегко. Однако сегодня уже ни у кого из серьезных политологов и политиков не вызывает сомнения тот факт, что человеческий (или психологический) компонент происходящих событий необходимо специально выделять, изучать и учитывать при принятии решений.

Однако есть некоторые политические феномены, в которых присутствие психологических факторов выступает особенно рельефно.

Многие политологи считают главным объектом изучения политической психологии **политических лидеров**. Это несомненно одна из важнейших ее задач, хотя и не единственная. Изучая психологические особенности личности лидера, политический психолог реконструирует его личностные характеристики, мотивационно-потребностную сферу, стиль межличностного общения, модель принятия политических решений и другие характеристики, которые позволяют понять логику его политического поведения, включая неосознаваемую сферу.

Одним из важнейших феноменов, которые представляют интерес для политической психологии, является **национализм**.

Психология национализма изучается достаточно давно¹. Политические психологи, начиная с известной работы Т. Адорно и его соавторов, установили, что националистические установки входят в качестве составляющей в более общий психологический феномен, названный ими «**авторитарной личностью**». Они показали, что это явление не только имеет социальные корни, но и подчиняется определенным психологическим закономерностям, в частности установили зависимость между типом воспитания в семье и проявлениями авторитарности.

Интерес к проблеме авторитаризма в политической психологии пережил периоды подъемов и спадов. Так, в первые послевоенные годы он диктовался стремлением понять психологические истоки фашистского национал-социализма. Затем был период стабильного политического развития, по крайней мере в развитых странах Запада, который породил иллюзию, что авторитаризм для них ушел в прошлое.

¹ Adorno T et all The Authoritarian Personality. N Y, 1950.

Однако ни национализм, ни авторитаризм не относятся к числу феноменов, с которыми человечество простилось навсегда, в силу того что в их основе лежат некоторые фундаментальные психологические механизмы, которые вновь и вновь приводят к воспроизводству этих феноменов, как только политическая ситуация становится для этого благоприятной. Именно поэтому одно из годовичных собраний Международного общества политических психологов (ISPP) в 1994 г. выбрало для обсуждения тему авторитаризма и национализма уже применительно к современной политике. Одним из главных итогов этого обсуждения был вывод о том, что политики, стремящиеся найти выход из замкнутого круга этнических конфликтов, военных столкновений и нетерпимости в отношении другого народа, не могут оперировать только объективными политическими инструментами и не учитывать то, как один народ *в данный момент* воспринимает другой и как это сиюминутное восприятие накладывается на *традицию политической культуры*.

Другой проблемой, над которой работают современные политические психологи, является **насилие** и **агрессия** в политике. Появилась целая отрасль знаний, получившая название вайленсологии (от англ. *violence* — насилие), которая изучает природу человеческой агрессивности вообще и ее политические проявления в частности. Среди ученых нет единодушия в понимании природы насилия в человеческом обществе.

Одни авторы убеждены в том, что агрессия — это естественная реакция индивида на фрустрацию и природно необходима человеку. Следовательно, избежать ее нельзя, хотя можно найти безопасные для самого человека и его окружающих каналы отвода агрессии (например, спорт). Другие авторы делают акцент на роли воспитания в проявлении насилия и агрессии. Так, уже в 1970-е годы появились исследования, показавшие связь между увеличением сцен насилия в кино и на телевидении и ростом детско-юношеской преступности. Психологи и педагоги забили тревогу, доказывая, что увиденные на экране сцены агрессии действуют провоцирующе на формирующуюся личность, которая еще не обладает устойчивой системой жизненных ориентиров.

Насилие в политических процессах встречается в самых разных формах. Есть государственное насилие в отношении тех граждан, которые не выполняют правовых норм. Такое насилие узаконено, как и насилие в ответ на агрессию одного государства в адрес другого. Сей-

час после атак террористов на США никто не оспаривает права жертвы на нанесение ответного удара. Вопрос только в том, что трудно ожидать эффективности применения насилия как средства борьбы с насилием. Корни терроризма лежат глубоко в политических, религиозных и культурных проблемах, не разрешимых с помощью даже узаконенного насилия. Международное право признает правомерность использования силы, в том числе и военной, для защиты территориальной целостности страны. Закон признает и право индивида на применение насилия в рамках достаточной самообороны.

Однако следует со всей определенностью сказать о последствиях для человека, который применял даже узаконенное насилие, не говоря уже о тех, кто стал жертвой насилия во время войн, вооруженных конфликтов и периодов разгула криминала. С человеком происходят серьезные психологические трансформации, меняющие его отношение к самому себе и другим людям.

Американские солдаты, прошедшие через войну во Вьетнаме, как и советские солдаты, воевавшие в Афганистане, а затем и русские, воевавшие в Чечне, прошли через испытания жестокостью, не получившей достаточной нравственной легитимизации со стороны общества. Без специальной психологической реабилитации эти люди сами не могут адаптироваться к невоенной реальности: они нуждаются в помощи профессиональных психологов. Общество, не осознающее этого, рискует получить взрыв насилия, становящегося нормой повседневной жизни.

Политический конформизм — явление, заслужившее особое внимание со стороны политических психологов. Если человек идет голосовать на выборы не в силу собственной убежденности в достоинствах того или иного кандидата, а потому, что так проголосовал его знакомый или родственник, то он поступает как политический конформист. Конформизм определяется в социальной психологии как поведение индивида в ситуации давления на него группы. При этом не всегда такое психологическое давление осознается.

Исследования проблемы политического конформизма показали, что есть определенные объективные и субъективные условия, при которых конформизм расцветает. Например, если выборы проходят под дулами автоматов, то трудно рассчитывать на то, что волеизъявление будет свободным от давления. Однако хорошо известно, что участие в выборах в нашей стране в последний период существова-

ния СССР проходило не в условиях репрессий, но тем не менее в силу политического конформизма голосовали «за» практически безальтернативного кандидата свыше 90% избирателей.

Проявления политического конформизма встречаются в политической жизни партий и организаций, движений и групп, давление которых на своих членов осознается ими в той или иной степени. Авторитарный климат, несомненно, способствует развитию политического конформизма, между тем как демократический — способствует тому, что личность вырабатывает независимое мнение по политическим вопросам и не боится высказать свое несогласие с группой. Однако при всем различии стилей, климата, царящего в политической организации, необходимо иметь в виду, что конформизм встречается и в самых демократических и прогрессивных из них.

Остановимся еще на одном политико-психологическом феномене из области международной политики: **восприятию партнерами друг друга**. Американский политический психолог Роберт Джарвис показал в своих работах, что многие национальные лидеры не замечают угрозу своей стране на международной арене в силу того, что их внимание сфокусировано на проблемах внутривнутриполитической борьбы¹. Очень наглядно эту закономерность проиллюстрировали действия американских спецслужб, не заметивших информации о готовящихся терактах 11 сентября 2001 г.

Другой причиной неверного восприятия своих международных партнеров и последующих ошибок политиков является искажение их образа стереотипами, действие которых усиливается состоянием стресса. Руководители государства должны быстро отреагировать на ситуацию, в силу чего стресс усиливается. Одним из классических примеров является кубинский кризис, в ходе которого Кеннеди и Хрущев чуть не довели дело до мировой войны. Причиной прямой конфронтации были неверные представления о возможных действиях друг друга. Риск был усилен феноменом группового мышления. Советники каждого из вождей по отдельности давали более осторожные рекомендации. Собравшись в группу, они пришли к гораздо более рискованным выводам².

¹ *Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton; N.J., 1976.*

² *Фрейд Э., Буллит У. Томас Вудро Вильсон, 28-й президент США. Психологическое исследование М., 1992.*

Верно или неверно могут воспринимать друг друга не только профессиональные политики, но и политические блоки, регионы и даже целые народы. Они могут не видеть реальной международной опасности и, напротив, видеть ее там, где она не существует. Политические имиджи как государства, так его лидеров могут отвечать реальности или быть иллюзорными. Проблема заключается в том, что они серьезно влияют на политическое поведение и становятся неотъемлемой частью политического процесса в современном мире.

Описанные выше проблемы входят в предмет современной политической психологии наряду со многими другими, которые будут рассмотрены в данной книге.

§ 3. ДИСКУССИИ О ПРЕДМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Еще совсем недавно как в области политической науки, так и в психологии высказывались различные мнения относительно судьбы политической психологии как самостоятельной научной дисциплины. Политологи нередко подвергали сомнению сам подход к политике, который, по их мнению, страдал редуccionизмом, т.е. сводил собственно политические явления к психологическим. Так, американский политолог С. Хоффман возмущался исследователями, которые идеологию сводят к иррациональным конструктам, а национальную идентификацию трактуют как патологический призыв к базовым инстинктам агрессивного толка или примитивным защитным механизмам¹. Действительно, ряд ранних исследований в области политической психологии, особенно находящихся под влиянием психоанализа, давали основания для подобных упреков. Хоффман был прав, когда утверждал, что «враги не всегда являются лишь простыми проекциями негативного опыта личности. Иногда это вполне реальные существа»².

В отечественном обществоведении ситуация осложнялась к тому же еще и официальными идеологическими табу. Псевдомарксистский экономический детерминизм выносил за скобки любые факторы воздействия на политику, не вписывающиеся в традиционную схему ана-

¹ Hoffman S. On the Political Psychology of Peace and War: A Critique and an Agenda // Political Psychology. 1986. No 7(1).

² Ibid.

лиза. Психология была в числе «нежелательных» феноменов в анализе политики.

У психологов были свои недоумения по поводу предмета новой дисциплины. Если многие западные психологические школы в основном позитивистской ориентации рассматривали свой предмет на манер естественно-научных дисциплин, то в любом ценностно-окрашенном исследовании они видели отход от канонов подлинной научности. Понятно, что политика не может быть таким же предметом исследования, как минерал или лягушка, т.е. предметом ценностно-нейтральным. Любой исследователь привносит свое собственное видение политики и свои политические ориентации, очистить от которых политико-психологическое исследование, как и иные гуманитарные области, практически невозможно.

В дискуссиях по предмету политической психологии можно выделить несколько существенных моментов. Во-первых, понимание того, что психологические компоненты являются неотъемлемой частью политического процесса происходило постепенно и отягощалось методологическими крайностями пионерских исследователей. Так, работа З. Фрейда и У. Буллита об американском президенте Вудро Вильсоне, написанная еще в 30-х годах, не публиковалась до 1967 г. в связи с тем, что были живы некоторые описанные в ней персонажи¹. Когда эта книга все же вышла, даже психологи, принадлежащие к психоаналитическому направлению, нашли содержащиеся в ней методы анализа личности этого политика чрезвычайно упрощенными и устаревшими.

Во-вторых, работы современных психологов, избирающих своим предметом политическое поведение, политическое мышление или политическую культуру, нередко методологически недостаточно обеспечены и включают в качестве научного инструментария политологические и психологические, статистические и социологические категории и подходы без их должного перевода на язык своей науки.

В-третьих, политико-психологическая проблематика развивается не только в рамках самой этой науки, но и в работах по этнографии, страноведению, экономике, истории, социологии и др. В последние годы появилось немало интересных публикаций, имеющих

¹ White R. K. *Fearfull Warriors: A Psychological Profile of US-Soviet Relations*. N.Y., 1984.

междисциплинарный характер и раскрывающих закономерности формирования личности в политике, воздействие политической культуры на судьбы государства, влияние исторически сложившегося менталитета на развитие нации и т.д. Все эти проблемы входят в круг исследования психологии политики. Однако не получили пока в ней достаточного освещения и зачастую не осознаются специалистами из смежных дисциплин в их политико-психологическом звучании. Как известный герой Мольера, они говорят на политико-психологическом языке, не подозревая об этом.

Политическая психология находится на начальном этапе своего развития с характерными для этого этапа дискуссиями по ключевым вопросам. Даже название этой науки вызывает разночтения. Одни авторы предпочитают говорить о «политической психологии», другие — о «психологии политики», третьи используют название «социально-политическая психология» (Г. Г. Дилигенский)¹. Споры о названии не несут серьезной смысловой нагрузки, если не считать того, что разные авторы стоят на позициях той «материнской» науки, из которой они вышли. Соответственно они используют по преимуществу методологическое обеспечение, которое им более привычно. В одном случае психология политики рассматривается как раздел политологии, в другом — как психологическая субдисциплина.

Различны и точки зрения специалистов на объем изучаемых политико-психологических феноменов, включаемых в предмет. Так, Г. Г. Дилигенский вслед за рядом американских политических психологов (С. Varner-Barry, R. Rosenwein) полагает, что политическая психология не должна заниматься макрополитическими процессами. Ее предмет должен трактоваться как психология ПОЛИТИКОВ. Такая позиция сужает не только предметную область, но и предполагает пользование исключительно инструментарием индивидуальной психологии. Другой подход, которого придерживаются М. Херманн, Дж. Кнутсон, Х. Эйлау и другие не менее авторитетные политические психологи и который разделяет и автор, напротив, видит задачу политической психологии более широко. В предмет исследования включаются не только поведенческие и когнитивные аспекты психологии личности политиков-профессионалов, но и все многообразие групповых процессов, происходящих в политике. Интересы сообще-

¹ Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994.

ства политических психологов включают в себя все многообразие явлений. Изучение проблемы личности в политике является лишь одной из них.

Основные категории анализа. Как и любая наука, политическая психология использует свой научный язык, свой категориальный аппарат. В силу междисциплинарного характера исследований в них соседствуют категории, используемые и философами, и антропологами, и социологами, и политологами.

Так, **политическая философия** внесла свой вклад в становление политической психологии, снабдив ее наиболее общими теоретическими понятиями о соотношении личности и государства, о подчинении гражданина политике (Т. Гоббс) и интересе, который лучше любого насилия управляет политическим поведением личности (А. Смит). Такие философы, как А. Тойнби и П. Сорокин, Дж. Оруэлл, обогатили политическую психологию представлениями о психологических компонентах масштабных политических процессов. Общетеоретические идеи Т. Парсонса и Р. Мертона принесли новое понимание политики как системы, в которой индивид является одним из элементов. Нередко эти метатеоретические представления специально не обсуждаются, оставаясь имплицитными. Однако именно эти концепты подчиняют себе исследовательские процедуры.

Социология и социальная психология дали политической психологии основные методические приемы, методологию исследования. Эти дисциплины, как и политическая психология, не претендуют на широкомасштабные обобщения, оставаясь в рамках *теорий среднего уровня*. Такие категории, как роли, нормы, ценности, интересы, лидерство, конформизм, социализация и многие другие, описывающие внутри- и межгрупповое поведение человека, его становление в социальной среде как гражданина политические психологи заимствовали из названных дисциплин.

Психология личности, представленная самыми разными ориентациями (см. гл. 2), обогатила политическую психологию такими категориями, как поведение, мотивация, когнитивные структуры, стиль мышления, стиль принятия решений, стиль межличностных отношений и др. Те направления, которые базируются на психоаналитических подходах (например, психобиографическое), используют такие категории, как защитные механизмы, авторитарное подчинение, операциональный код. Исследователи, стоящие на позициях когнитивной парадигмы, предпочитают говорить о менталитете, о когнитив-

ных картах личности политиков и их стиле политического мышления, о семантическом пространстве. Последователи А. Маслоу и К. Роджерса в политической психологии оперируют понятиями мотивов, потребностей, ценностей. Приверженцы бихевиоризма рассматривают поведение человека в политике сквозь призму наказания, поощрения, цены, обмена, стимула и пр.

Политическая наука снабдила политическую психологию категориями политической системы, политического участия, конфликта и консенсуса, плюрализма, гегемонии, демократии и иными понятиями, описывающими политические феномены. В политической психологии они работают в том же значении, что и в политологии, наполняясь при этом собственно психологическим содержанием.

Какой бы вариант ни осуществлялся, политическая психология остается междисциплинарной областью, в развитие которой вносят вклад и политическая наука, и психология, и другие дисциплины (социология, география, лингвистика, этнология и др.), которые тесно соприкасаются с политической психологией в том, что касается исследования политических аспектов их предметов. В данной главе мы более подробно остановимся на связи политической психологии с материнскими дисциплинами, более бегло отметив вклад других наук в развитие политико-психологического знания.

§ 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РЯДУ ДРУГИХ НАУК

Политическая психология и другие политические науки

Исторический контекст. В последние годы профессиональное сообщество политологов все чаще обращается к размышлениям о состоянии своей науки, степени ее зрелости и вызовах, которые ей бросает реальная политика¹. Одним из наиболее серьезных из них стал распад бывшего СССР и трансформация политических систем в России и Восточной Европе. Попытки использовать уже имеющиеся

¹ См.: Политическая наука. Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клигеманна. М., 1999; Проблемы преподавания политических наук. Круглый стол в Новосибирске // Полис. 1997. № 6; Состояние отечественной политологии // Полис. 1997. № 6; Горшков М. Лицо отечественной политологии // Независимая газета. 1998. № 3. Приложение «НГ-сценарии»; Стюарт-Хилл Э. Вызовы российской политологии // Полис. 1997. № 6.

трактовки процессов становления и функционирования демократических систем наталкиваются на серьезные трудности, что весьма остро поставило проблему соотношения универсальности и национальной специфики в развитии политической науки¹.

Если эта проблема касается любой страны, то в современной России она приобрела особую остроту. Что касается профессиональных политологов, то в России они оказались в чрезвычайно сложной ситуации. Им пришлось на ходу перестраивать свои методологические и теоретические схемы, чтобы дать адекватную трактовку начавшихся изменений реальной политики. Многие трудности развития политологии в СССР, а затем и в России имеют свою национальную специфику, незнакомую другим национальным школам. Главное препятствие, безусловно, исходило от догматизированного марксистского учения, не дававшего политической науке выйти за рамки «единственно верного учения» столетней давности.

Однако наследство советского периода не было однозначным. С одной стороны, политология уже проделала немалый путь развития, проложенный патриархами отечественной политологии с начала 1960-х годов. Тот факт, что в Советском Союзе в этот период уже была основана Ассоциация политических наук, ставшая одной из первых крупных ассоциаций, участвовавшей в становлении мирового политологического сообщества в лице Международной ассоциации политических наук (IPSA), говорит о том, что накопление знаний в этой области началось достаточно давно. С другой стороны, даже само название дисциплины в перечне предметов, преподаваемых в высшей школе, отсутствовало. Политология развивалась в рамках истории, теории государства и права, философии и «научного коммунизма».

Серьезным толчком к утверждению политологии как самостоятельной науки стал Всемирный конгресс IPSA, проведенный в Москве в 1979 г. Этим событием отечественные политологи во многом обязаны Г. Х. Шахназарову, бывшему в тот момент президентом САПН и вице-президентом IPSA и добившемуся решения о проведения конгресса в Москве на высшем политическом уровне.

¹ См.: *Jean Leca*. The Enduring Dialogue of Conflict and Order in a Changing World: Political Science at the Turn of the Century // Presidential Address to the XVII-th World Congress of IPSA. Seoul, 1997.

Однако на пути развития политологии стояли и другие барьеры. Так, в советский период не только политология, но и социология и другие «новые» науки с трудом преодолевали сопротивление со стороны более старых дисциплин (прежде всего философии, права, истории), традиции которых отдавали приоритет теоретическим исследованиям, что тормозило изучение реальных процессов на эмпирическом материале.

Невозможность проводить исследование политических процессов и институтов в собственной стране обратила советских исследователей к изучению зарубежного опыта. Уже в 1960-е годы были созданы крупные исследовательские центры в рамках Академии наук и кафедры в университетах, задачей которых стало исследование международных, региональных и национальных моделей политического и социального развития. Большую роль в становлении политической науки сыграли Институт США и Канады, Институт Латинской Америки, Институт востоковедения, Институт Африки, Институт международного рабочего движения, ИМЭМО, Институт общественных наук при ЦК КПСС и др.¹ В 1960–1990-е годы были изданы сотни серьезных монографий, десятки тысяч журнальных статей, заложивших фундамент российской политической науки. В эти годы сформировался корпус исследователей и преподавателей, многие из которых активно работают в политической науке и по сей день.

Серьезный вклад в развитие российской политологии внесли исследователи, изучавшие (в пределах возможного) отечественные политические реалии в рамках философии, социологии, права, психологии, географии, экономики и других гуманитарных наук, избегая называть себя при этом политологами. Политическая наука, получившая формальное признание после проведения Всемирного конгресса в Москве, была в то же время лишена официального научного статуса вплоть до 1989 г., когда были созданы первые ученые советы, принимавшие к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора по политическим наукам².

¹ *Archie Brown*. Political Science in the USSR // *International Political Science Review* 1986. October. Vol. 7. No 4. P. 449.

² См. справочник персоналий политологов вообще и докторов политических наук в частности: *От политической мысли к политической науке* / Под ред. Я. А. Пляйса М., 1999.

Распад СССР и процессы трансформации политической системы в новой России застали политологов и в России, и в мире врасплох и привели к резко возросшему спросу на политические исследования. Политическая наука вошла в число обязательных предметов в высшей школе. Во весь рост встали проблемы переобучения старых преподавательских кадров, воспитанных в духе марксизма-ленинизма, и оснащения их современным научным и педагогическим инструментарием. Сразу заметим, что до сих пор эта задача полностью не решена. Преподавательский корпус в высших учебных заведениях составляют весьма немолодые (средний возраст около 60 лет) люди. Младшее поколение до последнего времени неохотно шло на эту работу в силу ее низкого статуса и мизерной оплаты труда.

Не менее сложные проблемы решают политологи, работающие в рамках исследовательских институтов Академии наук. Сегодня практически нет исследовательских учреждений, способных проводить крупномасштабные, а значит, и дорогостоящие исследования. Очень мала государственная поддержка издания научной литературы.

Одновременно в конце 1980-х — начале 1990-х годов политология пережила невероятный бум и стала одной из самых модных гуманитарных профессий¹. Это связано и с переосмыслением собственной политической истории, которую к настоящему моменту переписали не один раз и будут переписывать еще, и с бурным развитием эмпирической политической науки, прежде всего исследованиями электорального поведения и политических элит, и с развитием в этот период политической публицистики, когда каждый второй журналист гордо подписывал свои статьи, добавляя к фамилии титул политолога. Приход в политическую науку большого числа неофитов, не получивших никакого серьезного образования и подменяющих серьезные исследования банальными рассуждениями и фантастическими прогнозами, привели к быстрой дискредитации политологии в глазах общества. Среди политологов имеет хождение и такая точка зрения, что это неизбежные болезни роста и, переболев ими, политическая наука обретет свое нормальное место среди других наук.

¹ Интересный анализ развития советской политологии, в том числе и периода перестройки, дан в статье известного британского политолога Арчи Брауна: *Archie Brown*. Op. cit. P. 449.

Что и как изучают российские политологи? Предмет исследования. Начнем с проблем, которые стоят в центре внимания исследователей и преподавателей политологии, — с предмета политической науки. Дискуссии на эту тему идут в российской политологии очень активно. Так, один из ведущих политологов, в прошлом главный редактор журнала «Полис» И. Пантин выделяет четыре области политологического знания, наиболее активно осваивавшихся в постсоветский период, в частности, в публикациях этого ведущего профессионального издания: 1) исследования демократии и переходного периода, 2) динамика политических установок в современной России, 3) компаративные исследования и 4) философия политики¹.

Наряду с давней традицией российского обществоведения, где всегда доминировал философско-теоретический тип исследований, в современной политологии прокладывает себе дорогу и другой подход, направленный на изучение массовых политических настроений, политических ценностей и электоральных ожиданий. Мобилизация населения в начале 1990-х годов, проведение выборов на всех уровнях власти привела к росту числа работ, выполненных в рамках политической социологии и психологии, чаще не в академических институтах и университетах, а в частных исследовательских центрах политического консультирования и в различных центрах принятия решений.

Сегодня в российской политической науке ощущается большой (и пока неудовлетворенный) спрос на разработку *policy problems*, которые в отечественной терминологии относят к разряду прикладных областей политической науки². Это связано с запросами различных государственных и партийных органов и особенно с разработкой избирательных технологий, показавших свою эффективность в условиях российской политической практики. То же относится и к развитию таких прикладных субдисциплин, как политическое консультирование и политические коммуникации. Хотя имеются примеры привлечения зарубежных консультантов для проведения выборов³, большая

¹ Пантин И. К. Формирование политической науки в России и журнал «Полис» // Космополис. Альманах. М., 1997. С. 11.

² Амелин В. Н., Дегтярев А. А. Опыт развития прикладной политологии в России // Полис. 1998. № 3. С. 157–179.

³ Farrell D. M. Political Consultancy Overseas: The Internalization of Campaign Consultancy // PS: Political Science & Politics. 1998. June. Vol. XXXI. November 2. P. 171–179.

часть технологий была разработана на основе российского опыта, нередко методом проб и ошибок, а не путем применения заимствованного опыта и в отсутствие сколько-нибудь приемлемых теоретических моделей.

Если сравнивать понимание предмета политической науки российскими и западными политологами (при всем разнообразии подходов), то можно заметить отличия по некоторым существенным направлениям. Так, например, авторы «Новых направлений политической науки»¹ среди наиболее важных для политологии проблем выделяют:

- институционализм, как старый, так и новый;
- поведенческую революцию;
- сравнительную политологию;
- международные отношения;
- политическое управление;
- политическую экономию;
- методологию исследований.

Конечно, список крупных политологических проблем значительно шире и меняется в зависимости от видения того или иного автора. Однако бросается в глаза то, что эти темы укрупнены, предлагаются не только для исследования, но и для преподавания как квинтэссенция политологической премудрости.

Мне довелось в середине 1990-х годов опрашивать участников общероссийской конференции по преподаванию политологии. Наши респонденты — преподаватели политологии из самых разных вузов России предложили более дробный список проблем, входящих в предмет их научного интереса². Среди них были названы:

1. История политических учений
2. История международных отношений
3. Методология
4. Психология политики
5. Социология политики
6. Сравнительная политология
7. Теория политики
8. Философия политики

¹ Goodin R., Klingemann H.-D. *New Handbook of Political Science*. Oxford, 1996.

² Shestopal H. *Teaching Politics in Russian Universities // Participation*. 1997. Vol. 21. No 1. Spring. P. 4–8.

Как видим, проблематика, интересующая российских политологов, обуславливается большей привязкой к субдисциплинарным рамкам, более стандартизирована, особенно в учебных курсах. Название ряда разделов звучит похоже на приведенный выше список, но их содержимое весьма отличается от зарубежных аналогов.

Этот краткий обзор дает некоторое представление о том, на каком фоне и в каких условиях развивается одна из политологических субдисциплин — политическая психология.

На фоне довольно сложной картины развития политологии как науки особенно примечательно, что в последние десятилетия в ней быстро развиваются новые разделы, в том числе и политическая психология, которая почти сразу была признана как перспективная область исследования в мировой политической науке¹. Да и в отечественной литературе, несмотря на идеологические табу, первые разработки появились еще в годы хрущевской «оттепели», хотя лишь с перестройкой связано ее официальное признание как составной части политической науки.

Примечательно, что и в настоящее время разработки в области политической психологии идут в двух вариантах — в рамках политологии и в рамках психологии, что нашло отражение в ее институционализации — в создании соответствующих кафедр и курсов, в рамках отделений и факультетов политологии и психологии. Можно привести немало примеров интересных исследований в области политической психологии, которые шли от политической науки. Скажем, изучение политической культуры Э. Я. Баталовым, анализ политического сознания Н. И. Бирюковым и В. М. Сергеевым, анализ политического лидерства и элит Н. К. Ашиным и О. В. Гаман-Голутвиной и многие другие можно считать серьезным вкладом именно в политическую психологию, хотя эти исследования проводились в рамках общей политологии.

Политическая наука проявила всемерную заинтересованность прежде всего в разработке таких проблем, которые связаны с субъективной стороной политического процесса: ценности политических культур, настроения, ожидания и установки избирателей, психологические особенности политического лидерства и элит, особенности

¹ Исследовательский комитет по политической психологии, созданный в 1993 г., был сразу принят и Российской ассоциацией политической науки и Российским обществом психологов.

национального характера разных народов и этнических групп, психология возникновения и разрешения политических конфликтов, психология принятия политических решений, политическое восприятие, психологические особенности политической коммуникации, формирование имиджа политических деятелей и многие другие темы, имеющие прямое отношение к области политической психологии.

У политолога, занявшегося изучением психологических компонентов политического процесса, возникает немало проблем, связанных прежде всего с необходимостью адаптировать психологические инструменты для анализа политической сферы. Освоение психологических методик требует профессионального владения ими, что непросто для представителя иной специальности. Однако, как нам представляется, решение этой задачи вполне возможно в условиях специализации по соответствующей кафедре в рамках отделения политологии. Плюсом такой специализации для политолога является знание им своей предметной области и понимание специфики политического поля.

Как у всякой междисциплинарной области, у политической психологии есть серьезная методологическая проблема соединения методов и подходов двух материнских дисциплин и выбора теоретических приоритетов. Для меня и моих коллег, с которыми я сотрудничаю последние годы, эта проблема решается в пользу политической науки. Мы рассматриваем политическую психологию как неотъемлемую часть политической науки. При этом в отличие от других разделов политических наук для политической психологии более органичны не столько институциональный, сколько поведенческий подход к изучению политики с характерными для него качественными методами, связанными со спецификой изучаемого спектра проблем: личностей политиков и рядовых граждан, мотивов электорального выбора, принятия политических решений и других объектов, для анализа которых и требуются тонкие психологические методы.

Политическая психология и психология

В отличие от политологии в психологической науке отношение к политической психологии складывалось несколько иначе. На одном «круглом столе», проходившем в середине 1990-х годов и посвященном проблемам политической психологии, наши ведущие психологи сравнивали эту науку с ребенком. Может быть, такая ассоциация возникла

благодаря месту действия — «круглый стол» проходил в Российской академии образования. Не исключено, что причиной тому послужил действительно юный возраст самой науки. Любопытно, что одни ученые называли этого ребенка законнорожденным, но трудным, другие — поздним и переносным. Третьи утверждали, что и на свет-то он появился не сам, а в результате кесарева сечения и от неизвестного отца¹.

Такой насмешливо-покровительственный тон представителей второй материнской науки — психологии в отношении области, о появлении которой они узнали не столь давно, понятен: слишком много ожиданий, которые могут и не оправдаться. Добавим, что и социальная психология, и социология, и политология уже пережили эйфорию больших надежд со стороны общества, а затем заняли достаточно скромную нишу среди своих собратьев по цеху.

Тот факт, что один из родителей «не заметил» появления своего отпрыска, не вызывает удивления. Психологи и социологи в нашей стране традиционно не очень-то интересовались в советские времена политикой как объектом изучения. Точно так же отечественные историки не слышали до последнего времени о таком разделе политической психологии, как психоистория². Причиной такого дистанцирования от политики в нашей стране была... сама политика, а точнее страх перед официальной политической машиной, вполне понятный в недавнем историческом контексте.

При этом в недрах психологической науки также зрел интерес к политико-психологической проблематике. В нашей стране есть примеры развития политической психологии в лоне психологии. Так, например, есть старейшая кафедра политической психологии на психологическом факультете Санкт-Петербургского университета, есть группа специалистов под руководством А. Я. Гозмана на факультете психологии МГУ, кафедра политической психологии и акмеологии в Академии госслужбы при Президенте РФ. Психологическое «происхождение» наложило отпечаток и на тематику, и на методы исследования ученых этого направления, которые нередко весьма далеки от собственно политологической проблематики.

¹ Человек, политика, психология: Материалы круглого стола // Вопросы философии 1995. № 4. С. 3–23.

² См.: Шестопал Е. Психоаналитическое движение в исторической науке // История СССР 1991. № 5.

При этом психологи много сделали для развития данной дисциплины. Так, психологи, особенно социальные, не могли не заметить, что процесс социализации в современном обществе происходит под серьезным влиянием политических факторов. Это относится и к социальному взрослению в целом, и особенно к его политической разновидности — процессу политической социализации¹.

Исследователи структуры сознания (В. Ф. Петренко, О. В. Митина) показали специфику семантического пространства именно политического сознания².

Наиболее близкими социальной психологии оказались такие политико-психологические проблемы, как проблемы массового политического поведения и сознания. Так, среди знаковых работ отечественной политической психологии оказались труды ряда выходцев из психологической науки, посвященные методологии политической психологии (А. И. Юрьев), массовым политическим настроениям и чувствам (Д. В. Ольшанский), групповым и социетальным феноменам политического поведения (Г. Г. Дилигенский), психологии разрешения конфликтов и ведения переговоров (М. М. Лебедева).

Наряду с массовидными формами политического сознания внимание психологов, естественно, привлекли и индивидуальные политико-психологические феномены. Так, появились работы в области психологии политического лидерства (работы Е. В. Егоровой-Гантман). Психоанализ, приобретший чрезвычайную популярность в России в 1990-х годах был представлен не только переводными публикациями вроде классического труда З. Фрейда и У. Буллита о Вудро Вильсоне³, работой Т. Адорно⁴ и соавторов об авторитарной личности, работами Г. Лассвелла, но и отечественными исследованиями личностей политиков от Ленина и Сталина до Путина и Жириновского⁵. Эти ученые привнесли в политическую психологию тонкий

¹ *Щегорцов В.* Политическая социализация и политическая культура личности: Ежегодник САПН 1983 года. М., 1984. С. 25–37.

² *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997

³ *Фрейд З., Буллит У.* Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США Психологическое исследование М., 1992.

⁴ *Адорно Теодор.* Исследование авторитарной личности. М., 2001.

⁵ *Белкин А. И.* Судьба и власть. или В ожидании Моисея. М., 1996: *Он же.* Вожди или призраки. М., 2001

психологический инструментарий и внимание к человеческому компоненту сложных политических феноменов.

Следует особо отметить трудности, с которыми столкнулись профессиональные психологи, соприкоснувшиеся с политической реальностью в постсоветский период. Эти трудности, связанные прежде всего с прикладными проблемами, описаны Л. Я. Гозманом¹: характер работы психолога с политиками, отличающийся от консультативной работы с обычными гражданами, и невозможность использования им привычных психотерапевтических приемов, цейтнот и связанная с ним невозможность применения стандартных диагностических методов, трудности установления доверительных отношений с клиентом-политиком и его командой и многие другие. Добавим к этому и урон, нанесенный профессиональной политической психологии малограмотными имиджмейкерами и политтехнологами, которые «приватизировали» эту сферу деятельности и придали ей манипуляторский характер.

Что же касается других смежных дисциплин — политической социологии, политической географии, психолингвистики, то в них политическая психология также находит опору и в отношении методологии исследований, и в отношении открытых ими закономерностей в сходных объектах изучения.

Так, политические географы в последние годы много сделали для анализа пространственных измерений образа политических процессов². В действительности пространственное измерение наряду с временным и цветовым являются фундаментальными характеристиками любых образов человеческого сознания. В полной мере это относится и к образам политики, власти, лидеров³.

Психолингвистика, раскрывающая связь личностных особенностей говорящего (пишущего) и собственно текста, дает политическим психологам возможность применять различные психосемантические

¹ Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону. Заключение.

² См. работы Колосова В. А., Туровского Р. Ф., Замятина Д. Н., Замятиной Н. Ю. и других авторов, работающих в сфере когнитивной географии, напр.: Геополитическое положение России: Представления и реальность. М., 2000.

³ См.: Материалы секции политической психологии на II Всероссийском конгрессе политологов // Полис. 2000. № 4; Шестопал Е. Психологический портрет российской политики 1990-х. М., 2000.

методы для психологического анализа политических текстов. Так, анализ текстов политиков позволяет выявить не только осознаваемые автором интенции, но и бессознательные мотивы, потребности, взгляды. При этом объектом анализа становятся психологические закономерности функционирования политического дискурса как отдельного политика, так и больших групп граждан¹.

Граница между политической психологией и политической социологией в настоящее время становится все более размытой. В отличие от прежних десятилетий, когда в политической социологии доминировала тенденция опоры на «жесткие» количественные методы, в настоящее время все большей популярностью пользуются «мягкие» методы фокус-групп, фокусированных интервью, которые были разработаны и чаще применяются в психологических исследованиях. Таким образом, и по проблематике (объекту): изучение массовых представлений, установок и ценностей в политике, и по методам (интервью, фокус-группы) политическая социология и политическая психология пересекаются. Отличия можно увидеть прежде всего в ориентации политической психологии на психологические составляющие политических образов, их связь с личностными конструктами, хотя и массовые формы ее тоже интересуют.

¹ См.: Шестопал Е., Новикова-Грунд М. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5. С. 168–191; Новикова-Грунд М. В. «Свои» и «чужие»: Маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Полис. 2000. № 4.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

§ 1. ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Становление зарубежной политической психологии. Пока еще не написана подробная история политической психологии от Платона до наших дней: она довольно коротка. Но очевидно, что предыстория этой науки богата выдающимися именами политических мыслителей. Наиболее значительные идеи о соотношении личности и власти, о природе человека в политике, о воспитании хорошего гражданина, о том, каким надлежит быть правителю, — все эти размышления Аристотеля, Сенеки, Макиавелли, Руссо, Гоббса, Смита, Гегеля и множества других великих легли в основание новой политологической субдисциплины.

Однако все эти мыслители работали в иных теоретических рамках, которые не нуждались в специальном психологическом подходе к политике. Впрочем, психологии как науки в современном смысле во времена Руссо или Гоббса тоже не было. Только во второй половине XIX в. стали появляться концепции, которые можно было бы называть непосредственными предшественниками современных политико-психологических работ.

Массовая психология в политике. Историки и философы, социологи и политологи давно обратили внимание на то, что на определенном этапе (где-то в середине XIX в.) в самой политике появилось совершенно новое явление. Помимо вождей, королей, президентов и прочих представителей политической элиты в политике заметное место стали играть **массы**. Одним из первых уделил внимание этой теме француз Г. Лебон, написавший «Психологию народов и масс»,

«Психологию толпы» и «Психологию социализма». В этот же период появились «Преступная толпа» итальянца С. Сигеле, «Социальная логика» француза Г. Тарда и ряд других работ. В России в то же время эта тема была представлена книгой русского социолога Н. К. Михайловского «Герои и толпа»¹.

Появление на политической авансцене массы как нового субъекта было связано с развитием промышленности, ростом городов и сопровождалось серьезными социальными и политическими потрясениями, забастовками и революциями. По резко негативной оценке первых проявлений массовой политической активности можно представить себе, как напуганы были современники этих событий. И Лебон, и Михайловский увидели в массе угрозу индивидуальности, силу, нивелирующую личность. Среди различных видов массы они в первую очередь исследовали **толпу** как наиболее спонтанное проявление неорганизованной политической активности. Вполне справедливы и сегодня те психологические характеристики, которые они обнаружили у толпы: агрессивность, истеричность, безответственность, анархичность.

Однако если в работах конца XIX — начала XX в. была отмечена лишь негативная сторона массового поведения, то исследователи XX в., напротив, уделили внимание и позитивным аспектам массовых форм политического участия в развитии демократии. Так, в современной политической психологии выполнено множество исследований массовых движений.

Другими темами, вызывавшими интерес у ранних политических психологов, были **психология народов и рас, национальный характер**. Опираясь на идеи антропологической школы Ф. Боаса и Б. Малиновского, психологи искали подходы к соединению знаний о личности с анализом более широких социальных и культурных феноменов, в частности политики. При этом сама культура трактовалась как «спроецированная крупным планом на экран психология индивида, имеющая гигантское измерение и длительно существующая»². Таким экраном, на который отбрасывается слепок с психологии индивида, является прежде всего национальный характер.

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995; Сигеле С. Преступная толпа. СПб., 1986; Михайловский Н. К. Герои и толпа. СПб., 1882.

² Benedict R. Configurations of Culture in North America // American Anthropologist 1934. Vol. 34. P. 24.

Еще одним источником формирования современной зарубежной политической психологии стала **психология личности**, прежде всего в ее психоаналитической интерпретации. Знаменитая книга Г. Лассвелла «Психопатология и политика» открывается справедливым утверждением автора: «Политология без биографии подобна таксидермии — науке о набивании чучел»¹. Действительно, описание политического процесса без его творцов скучно, да и неверно. Жанр политического портрета использовали авторы самых разных ориентаций. Например, в России начала XX в. большой популярностью пользовалась книга психиатра П. И. Ковалевского «Психиатрические этюды из истории»², где представлена целая галерея портретов политических деятелей от царя Давида до Петра I, от Суворова до пророка Мохаммеда, от Жанны д'Арк до Наполеона.

Однако именно психоаналитическое движение придало политическому портретированию широкую известность. Выше упоминалось одно из первых исследований, принадлежащее перу психолога З. Фрейда и дипломата У. Буллита об американском Президенте Вудро Вильсоне. Большой вклад в создание таких портретов внес последователь Фрейда, чикагский политический психолог Г. Лассвелл. Так, в качестве материала для анализа личностей американских политиков он использовал их медицинские карточки. При этом он исходил не из того, что политики, как и другие люди, могут иметь те или иные отклонения, которые и представляют интерес для биографа. Лассвелл искал прежде всего скрытые бессознательные мотивы поступков политических деятелей и находил их в особенностях детского развития, в тех конфликтах, которые оставили в душе будущего политика шрамы психологических травм. Власть же, согласно Лассвеллу и его предшественнику А. Адлеру, является тем средством, которое компенсирует указанные травмы, что и объясняет ее притягательность.

Отечественная психология политики. Современная российская политическая психология также имеет замечательных предшественников. Особенно богато наследие конца XIX — начала XX в., когда интерес к личности, к психологическому компоненту социальных процессов был широко представлен и в политической мысли, и в философии, и в нарождавшейся социологии. Мы уже упоминали имя

¹ *Lasswell H. Psychopathology and Politics. Chicago, 1931.*

² *Ковалевский П. И. Психиатрические этюды из истории // Диалог. 1991–1993.*

народника Н. К. Михайловского. Развитие этих идей можно наблюдать и в полемике марксистов с народниками, в частности в работах Г. В. Плеханова и В. И. Ленина.

До сих пор представляют не только историческую ценность концепции целого ряда русских мыслителей того периода. Так, в «Очерках по истории русской культуры» П. Милюков прослеживает развитие российской политической культуры, в частности особенности русского политического сознания в его идеологической форме на протяжении всей русской истории¹. В свой русский период П. Сорокин размышлял над проблемой социального равенства, свободы и прав человека². Пережив ужасы Гражданской войны, он попытался их осмыслить не только как социолог, но и как тонкий психолог³. В начале века издаются пять маленьких томов «Психиатрических эскизов из истории» П. И. Ковалевского, представляющие собой вполне реальную альтернативу психоаналитическим подходам к анализу биографий политиков. Позже, уже в 1920-е годы вышла книга Г. Чулкова о русских императорах, где даны блестящие психологические портреты русских правителей⁴. Книга В. Чижа⁵ продолжает ряд психиатрических очерков о политиках.

Отдельная страница истории политической психологии связана с психоанализом. Это направление стало необычайно быстро распространяться в России особенно после революции 1917 г. О необычайной судьбе тех, кто увлекся ставшей модной теорией З. Фрейда, можно прочесть в книгах А. Эткинды «Эрос невозможного», «Содом и Психея»⁶. Пожалуй, самое поразительное в истории расцвета, запрета и вновь проявившегося интереса к психоанализу в России уже в наши дни это именно его связь с реальной политикой. Можно без всякого преувеличения сказать, что не будь среди увлеченных идеями психоанализа таких политиков, как Троцкий, Каменев, Радек, судьба этой психологической школы в России была бы иной.

¹ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1901.

² Сорокин П. А. О свободах. Неотъемлемые права человека и гражданина. Пг., 1917.

³ Сорокин П. А. Голод и идеология общества // Экономист. 1922. № 4–5.

⁴ Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. М., 1991.

⁵ Чиж В. Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. М., 2001.

⁶ Эткинды А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993; Он же. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996.

Еще предстоит осмыслить влияние марксизма на политическую психологию. Однако, очевидно, это можно будет сделать не раньше, чем осядет пыль после политических и идеологических баталий новейшего времени. Сейчас ясно лишь, что тот вариант марксизма, который развивался в Советском Союзе, не слишком способствовал проявлению интереса к этой проблематике. В нашем обществоведении преобладали тенденции, которые подчеркивали определяющую роль масс в политическом процессе и одновременно игнорировали значение личностного фактора, деятельность отдельных политических групп. При этом трактовка масс была весьма упрощенной. Они понимались как некая безликая сумма индивидов, приводимая в движение волей политического авангарда. Такие методологические посылки делали ненужным учет психологического фактора. Добавим к этому, что реального знания о политическом сознании и поведении отдельных представителей этой массы не было в силу отсутствия обратной связи между правящей элитой и населением.

В этом отношении политическая психология находилась еще в худшем положении, чем социальная психология и социология. Последние дважды за послевоенный период приступали к изучению человеческих компонентов общества в целом и политики в частности. Оба раза эти попытки были связаны с реформой системы: в годы хрущевской оттепели и в годы перестройки. Первый этап возникновения серии работ, касающихся политико-психологической проблематики, относится к началу—середине 1960-х годов. Работы Б. Ф. Поршнева, Ю. Н. Давыдова, В. Д. Парыгина, Ю. Ф. Замошкина и других социологов, историков и психологов ввели в научный оборот проблематику политической деятельности в ее человеческом измерении. В эти годы происходит первое знакомство с трудами западных ученых и их критическое переосмысление в отечественном контексте.

В 1970–1980-е годы эта проблематика перемещается на периферию научных дискуссий и общественного интереса. В то же время, оставаясь невостребованной политической практикой, она не перестает развиваться в рамках отдельных отраслей знания. Так, в рамках страноведения, под защитой рубрики «критика буржуазной социологии», политологии и иных теорий были опубликованы результаты отечественных исследований специалистов по развивающимся странам (Б. Ерасова, Б. Старостина, М. Чешкова, Г. Мирского и др.), американистов (Ю. Замошкина, В. Гантмана, Э. Баталова), европейцев (А. Галкина, Г. Дилигенского, И. Бунина, В. Иерусалимского).

Политологи-страноведы обсуждали такие проблемы, как политическое сознание и поведение, политическая культура, политическое участие и другие политико-психологические сюжеты, оставаясь в рамках зарубежного материала, так как проводить непосредственное исследование своей собственной политической жизни было невозможно. Книги А. Галкина, Ф. Бурлацкого, А. Федосеева, А. Дмитриева, Э. Кузьмина, Г. Шахназарова и других советских политологов заложили основу современной политологии в целом и политической психологии в частности. Создание Советской ассоциации политических наук способствовало поискам отечественных политологов в указанном направлении, помогало их приобщению к мировому опыту исследований.

Второй период обостренного общественного интереса к психологическим аспектам политики начался в середине 1980-х годов с началом процесса демократизации и гласности, получившем название «перестройки». Первыми на запрос реальной политической практики откликнулись те ученые, которые уже имели определенный исследовательский опыт и интерес к политико-психологической проблематике: А. Асмолов, Э. Баталов, Г. Дилигенский, Е. Егорова-Гантман, И. Кон, Д. Ольшанский, А. Петровский, С. Роцин, Ю. Шерковин, А. И. Юрьев и другие известные политологи, психологи, социологи. За ними последовали их ученики, исследователи более молодого поколения.

В 1990-е годы сама политика дала новый мощный толчок к развитию политической психологии. Начал формироваться социальный заказ на исследования по электоральному поведению, восприятию образов власти и политиков, лидерству, психологическим факторам становления многопартийности, политической социализации и многим другим.

Сейчас в стране работают десятки исследователей, ведущих как фундаментальные, так и прикладные исследования, занимающихся одновременно аналитической и консультативной работой. Особенно востребованы эти специалисты в период выборов, где они способны просчитать ситуацию не на глазок, а с использованием специального научного инструментария.

Созданы специальные научные подразделения в области политической психологии в Москве и Санкт-Петербурге. Кафедра политической психологии на психологическом факультете Санкт-Петер-

бургского университета отметила в 1999 г. свое десятилетие. В 2000 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова на отделении политологии открылась кафедра политической психологии. Курсы лекций по политической психологии читаются во многих отечественных университетах от Калининграда до Владивостока. В эти годы вышли первые учебные пособия по политической психологии¹. В 1993 г. была создана Российская ассоциация политических психологов, которая входит как секция и в Российское общество психологов и в Российскую ассоциацию политических наук и является коллективным членом Международного общества политических психологов (ISPP).

Политическая психология в настоящее время включена в государственный стандарт по подготовке политологов. По этой специальности ВАКом присваиваются ученые степени как по психологическим, так и политическим наукам. Таким образом, можно сказать, что данная дисциплина получила институциональное признание и постепенно завершает начальную стадию своего становления.

§ 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ОБЛАСТИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Политическая психология — относительно молодая научная дисциплина.

Состояние современной политической психологии и ее место среди других субдисциплин политологии определяются прежде всего тем, насколько эффективно она включается в решение тех проблем, которые ставит реальная политика. Предметное поле политической психологии можно было бы условно обозначить как изучение субъективной стороны политических процессов. Попробуем обратиться к наиболее актуальным проблемам и вызовам российской политики, в анализе которых вклад политической психологии может быть особенно значим. Среди наиболее острых из них можно отметить несколько:

- проблема утраты национальной идентичности;
- трудности в сохранении территориальной целостности;

¹ Шестопал Е. Очерки политической психологии. М., 1990; Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992; Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994.

- рост терроризма и насилия, порождающий негативный общественный климат;
- медленное формирование гражданского общества и становление нового типа гражданственности;
- идеологический, ценностный вакуум, который до сих пор не заполнен серьезными теоретическими наработками. В результате пропагандистские усилия власти малоэффективны, так как у нее нет четкого представления ни о своей собственной ценностной системе, ни о ценностях и установках населения, которым предлагается эта смутная и противоречивая информация;
- непонимание населением и политиками проводимой реформы системы власти;
- отчуждение граждан от власти и утрата ими доверия к власти, политический абсентеизм и цинизм;
- слабость и незрелость политической элиты (как на федеральном, так и на региональном уровнях) и снижение ее роли в ходе политических реформ;
- отсутствие адекватного и позитивного имиджа страны и ее политических лидеров во внешнем мире.

Выше перечислены лишь некоторые проблемы, с которыми сталкиваются власть, государство и общество и для решения которых необходимы разработки экспертов, фундаментальные исследования. Попробуем показать, как эти проблемы рассматриваются современной политической психологией и какие теоретические вопросы она ставит в этих условиях.

Начнем с проблемы **угрозы утраты национальной идентичности и территориальной целостности страны**. Сегодня власть осознает эту угрозу и пытается решить проблему, создавая новые механизмы управления, укрепляя властную вертикаль. Вызов целостности России сегодня идет не столько от слабости управленческих механизмов или внешних врагов. Не менее серьезной опасностью является утрата гражданами собственной национальной, государственной идентичности, которая была подорвана распадом СССР, но продолжала разрушаться и в постсоветский период.

Очевидно, что речь должна идти не только о создании безличных механизмов управления, но и о лучшем понимании политиками того, как люди воспринимают свою страну, свою большую и малую Родину, в какой мере отождествляют себя со своей страной, ее символами, историей. Без изучения психологической стороны проблемы

трудно найти правильное решение в отношении, например, выбора государственных символов (гимн, герб, национальные праздники). Не менее важен учет психологической составляющей национальной идентичности и в повседневной практике управления, которая в демократической стране не может быть эффективна без учета состояния массового сознания и восприятия людьми принимаемых властью решений.

Сам процесс принятия решений политиками, особенно решений внешнеполитических, как показывают исследования политических психологов¹, также весьма зависит от их представлений о своей собственной и других странах. Изучение этих составляющих политического сознания политиков является одним из приоритетов современной политической психологии.

Как показывают исследования восприятия гражданами образа своей страны, даже представления о ее географических границах претерпевают существенные изменения на протяжении последних лет². Нельзя сохранить территориальную целостность, если не учитывать, как относятся жители разных регионов к центру и каковы источники враждебности провинции к Москве³. Не менее важно представлять себе динамику отношения граждан к своей и чужой этническим группам. Исследование психологии национализма — тема, имеющая непреходящее значение⁴. Однако в многонациональной стране, да еще ведущей войну на своей территории, эта проблема приобретает весьма острый политический характер.

Отдельно стоит отметить те серьезные вызовы, с которыми сталкивается политическая власть в сегодняшней России. Среди них, пожалуй, одним из наиболее опасных является **терроризм**. Исследования в мировой политической психологии показывают, что для борьбы с этим явлением необходимо глубокое изучение как личностей потенциальных террористов, так и понимание той питательной среды,

¹ Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000. Гл. 4.

² Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Образ государства и принятие решений в международных отношениях. СПб., 2004.

³ Попытки ряда политиков вернуть столицу в Санкт-Петербург могут обернуться не только колоссальными финансовыми, но и психологическими издержками, так как усугубят проблему национальной идентичности.

⁴ См., напр., интересные публикации Г. Солдатовой, Т. Стефаненко по этнопсихологии, работы Л. Дробижевой, К. Касяновой по этносоциологии, имеющие важное значение для политической психологии.

складывающейся из комплекса этнических, религиозных и политических условий, которые порождают определенную общественную атмосферу, где психологические факторы занимают очень важное место. Эта тема должна стать объектом изучения в российской политической психологии. Пока она малоизучена применительно к российским условиям.

В современной России политики много обсуждают **проблему становления гражданского общества**. Властью уже в самое последнее время было сделано несколько попыток ускорить этот процесс. Определенную роль в этом процессе сыграло проведение Гражданского форума с целью создания некоей площадки для коммуникации между властью и неправительственными организациями. Идеи по формированию новой партийной системы вписываются в ту же тенденцию. Однако результаты этих усилий не удовлетворяют ни власть, ни общество.

Представляется, что такой итог закономерен, так как гражданское общество вряд ли сформируется, если нет полноценных граждан. Между тем формирование гражданского сознания или гражданской культуры — это часть процесса **политической социализации** и ресоциализации. Сегодня исследователи отмечают, что в нашем обществе наблюдается то, что в политической психологии получило название кризиса социализации.

Исследователи фиксировали подобные кризисы политической социализации не только в нашей стране. Это случалось, например, в конце 1960-х — начале 1970-х годов на Западе. Однако в России 1990-х — начала 2000-х годов эта проблема приобрела поистине глобальный смысл. Кризис охватил не только молодые поколения, которые не знают, во что верить, что дозволено и как отстаивать свои права в цивилизованных формах. Кризис затронул и старшие возрастные группы, которые утратили прежние политические ориентиры, не приобретя новых. Ценностный кризис нашего общества не менее опасен, чем кризис в экономике.

Исследователи политической социализации собрали большой материал, касающийся того, как воспринимают люди разных возрастных, профессиональных, социальных, гендерных групп те перемены, которые происходят в политике в последнее десятилетие. За полтора десятилетия, прошедших с времен перестройки, российские граждане пережили чрезвычайно сильный стресс, связанный с политической трансформацией общества. Можно даже говорить о всеобщем *психологическом шоке*, который испытало население не только в на-

чала 1990-х годов, но и продолжает жить в этом состоянии до сих пор. Только у молодежи до 25 лет и у высокообразованных граждан произошедшие перемены не вызывают негативных ощущений.

Исследование процессов политической социализации (см. гл. 9) предполагает предметный анализ таких вопросов, как влияние различных факторов и агентов социализации в лице семьи, школы (в частности, учителей, учебников и сверстников) и других образовательных институтов, различных СМИ и Интернета, политических и общественных организаций. Важным направлением исследований является анализ тех условий, под влиянием которых сегодня складывается в России гражданин. Бессмысленно как заклинание повторять тезис о построении гражданского общества, если не заниматься кропотливым строительством системы воспитания Гражданина, а решить эту проблему невозможно, не получив ответы на вопрос о тех сложностях становления политического сознания и поведения, с которыми сегодня сталкивается прежде всего молодое поколение. Поэтому мы считаем тему политической социализации одной из приоритетных для современной политической психологии.

Проблема **смены политических ценностей** включает целый комплекс политико-психологических аспектов, которые требуют исследования. Так, во-первых, это касается вопроса о том, какое место политические ценности занимают в структуре личности. Политическая психология исследует когнитивные механизмы, которые управляют формированием системы ценностей личности. Другой аспект этой проблемы связан с тем, как различные наборы политических ценностей функционируют в массовом сознании. Третий важный аспект касается политического менталитета лидеров и места в них политических ценностей. Одним словом, эта проблематика имеет в политической психологии множество фокусов и весьма востребована.

Моральный релятивизм, существовавший в стране на протяжении более чем полутора десятков лет постсоветского периода, привел к серьезным деформациям, к **утрате доверия к власти**. По сути, требование «порядка», звучащее в адрес политиков, означает в первую очередь потребность в восстановлении нравственных стандартов справедливости, порядочности и честности. Отсюда и голосование за тех политиков, которые хотя бы внешне кажутся более честными, чем другие.

В российской политике очень остро стоит вопрос о **взаимодействии власти и общества**. Не секрет, что сегодня уровень доверия к властям всех уровней снизился до опасных значений. Высокий рейтинг имеет один политик — действующий президент, но все остальные политические институты и действующие политики, власть в целом, серьезно отдалены от общества. Такая демобилизация населения ведет к отчуждению людей от политики, росту политического абсентеизма и цинизма и не способствует проводимым властью реформам. Для политической психологии чрезвычайно актуально исследование процессов восприятия власти, в ходе которого формируются образы власти в массовом и индивидуальном сознании. При этом, наряду с данными социологических опросов относительно уровня доверия к политикам, динамики рейтингов лидеров, необходимо изучать более глубокий уровень проблемы: как складывается отношение личности к власти, каковы психологические механизмы, определяющие не секундные реакции, а долгосрочные тенденции.

Чтобы прогнозировать развитие политических процессов в России, недостаточно знания одних институциональных основ власти. Личностный фактор в нашей политической культуре всегда имел первостепенное значение. Формирование новой политической элиты, приход новой генерации политических лидеров делает чрезвычайно важным психологический анализ личностей этих политиков.

Объектом этих исследований служат как наблюдение, так и тексты и видеозаписи политиков. Используются методы непосредственного и дистантного изучения речи политических лидеров, их поведения, стиля межличностного общения, политических взглядов, их представления о себе и других. Результатом такой работы становятся психологические портреты политиков, ряд которых опубликован как в зарубежной, так и отечественной литературе¹.

Кроме того, наши исследования последних лет были сфокусированы на том, как личность политика преломляется в публичном поле, какие препятствия возникают в процессе политической коммуникации, каким видят россияне ведущих российских политиков: Путина, Ельцина, Гайдара, Зюганова, Явлинского, Черномырдина, Лужкова,

¹ См.: Шестопал Е. Образы власти в постсоветской России. М., 2004. Ракитянский Н. М. Портретология власти. Теория и методология психологического портретирования личности политика. М., 2004.

Немцова, Миронова, Жириновского и других более или менее известных деятелей. На основании данных этих исследований анализируются такие проблемы, как динамика восприятия политических лидеров за последнее десятилетие, сравнительные характеристики образов политиков национального и регионального уровня, соотношение личностной и политической составляющих имиджа политика, идеальные прототипы власти в сознании граждан, образы политиков из исполнительной и законодательной власти, образы региональных и федеральных политиков и другие аспекты этой темы.

Помимо содержания политических процессов в их психологическом измерении, политическую психологию занимают и **методологические проблемы**. Проблема отбора и апробации специальных, прежде всего качественных методов — серьезная задача и для исследования, и для преподавания. При этом для серьезного продвижения в накоплении и анализе эмпирических данных политическая психология не может обойтись только мыслительным экспериментом или наблюдением. В современной политической психологии используются методы статистики, психологического тестирования, эксперимента, личностной коррекции, которые требуют соответствующего инструментального (прежде всего компьютерного) обеспечения, современной компьютерной техники, видео- и аудиоаппаратуры.

Суммируя сказанное об актуальных проблемах политической психологии, заметим, что, хотя эта наука достаточно молодая, она имеет уже немало серьезных наработок, которые вносят свой вклад в развитие политической науки, в наше понимание политики.

ГЛАВА 3

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Начиная со второй половины XX в. современная политология в мире все больше становилась *эмпирической* наукой. Это означает, что политолог должен не только быть вооружен общей теорией, но и владеть методами сбора и обработки эмпирических данных. Сегодня в необходимости развития политической психологии, социологии, географии, которые принадлежат к субдисциплинам, базирующимся прежде всего на эмпирических методах, похоже, уже мало кто сомневается¹.

Говоря о методологии, следует заметить, что у нее есть несколько уровней: уровень общей теории, или философско-доктринальный; концептуальные построения среднего уровня и конкретные методы сбора, обработки и анализа эмпирической информации.

Единой и общепринятой методологии, понимаемой как общая теория, нет ни на Западе, ни у нас, в России. Если западные исследователи, особенно позитивистски настроенные, осознанно ориентируются на эклектические идеи, то эклектизм отечественной методологической базы можно назвать скорее бессознательным. После того как марксизм перестал быть доминирующей теорией, выявить реальные методологические основания того или иного исследования бывает чрезвычайно непросто. Рефлексия в отношении методологии встречается редко, а те или иные взгляды проводятся с некой стыдливостью. Отсутствие методологической рефлексии и саморефлексии среди оте-

¹ Амелин В. Н., Дегтярев А. А. Социология политики в России. Становление и современное состояние // Мир России. Социология. Этнология. Культурология. 1997. № 1

чественных политологов вообще является достаточно распространенным явлением. К сожалению, и в политической психологии наблюдается такая же картина.

В данном разделе мы остановимся в первую очередь на первом и третьем уровнях: уровне общей теории и конкретных методах исследования. Что касается второго уровня — теорий среднего уровня, то мы обратимся к ним в тех разделах, которые будут посвящены отдельным проблемам.

§ 1. МЕТОДОЛОГИЯ КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ. ВЕДУЩИЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Современная политическая психология представлена большим числом теоретических моделей. Однако все это пестрое разнообразие подходов, исследовательских стратегий и методов вписывается в две ведущие тенденции. Первая из них основана на представлении о человеке как простом винтике политической машины. Отсюда и инженерный подход к налаживанию работы этой машины, сциентизм и технократизм как исследовательская философия этой группы политических психологов. Методологическим фундаментом этой группы концепций являются по большей части позитивистские теории, пришедшие как из психологии, так и из политологии.

Вторая группа исследователей исходит из иной теоретической установки. Для них человек является не только объектом политического воздействия, но и целью развития политической системы и ее активным субъектом. В рамках этой тенденции работают иные методологические подходы. В частности, для теоретиков этого направления характерно обращение к антипозитивистским моделям личности. Они также выбирают такие теоретические парадигмы, для которых менее свойственны манипуляторские тенденции.

Начнем знакомство с теоретическими представлениями политических психологов с первого, **позитивистского** типа моделей, среди которых остановимся на функционалистской теории политики и политическом бихевиоризме.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов, когда начинались первые политико-психологические исследования, у ученых практически не было выбора теоретических моделей: структурный функционализм

и его разновидность — системный анализ политики — были монополистами в области методологии. Политологи ставили перед собой задачу развить идеи основоположников этого метода — Т. Парсонса и Р. Мертона применительно к политической системе. К. Дойч, Г. Алмонд, Д. Истон, Дж. Деннис, Ф. Гринстайн, Дж. Торни, Р. Хесс и другие американские политологи стремились построить чисто научное, лишенное субъективизма и идеологической тенденциозности знание о политике.

Одной из наиболее известных политико-психологических концепций этого направления стала **теория «политической поддержки»**. Она была разработана американскими политологами Д. Истоном и Дж. Деннисом в 1960-х годах в русле общей теории системного анализа политики. Эта концепция базировалась на нескольких фундаментальных допущениях. Во-первых, она исходила из понимания политики как такой системы, где на «входе» граждане предъявляют властям определенные требования, но одновременно обязуются добровольно подчиняться правилам, предложенным им элитой. На «выходе» власти принимают решения, выполнять которые будут граждане. И на «входе», и на «выходе» политологи обнаружили, что им приходится иметь дело с психологическими реальностями: готовность граждан оказывать поддержку политикам и решения самих политиков подчиняются определенным психологическим закономерностям. Соответственно сбои в работе политической системы во многом объясняются этим человеческим фактором, учет которого поможет систему наладить.

Личность как таковая теоретиков «политической поддержки» не слишком интересовала. Их задача состояла в поиске источников сбоев в работе политической системы. Поскольку человек оказался в числе факторов, порождающих стресс системы, надлежало с ним разобраться. Найденный Истоном и Деннисом ответ заключался в том, что стресс системы уменьшается, если граждане принимают предложенные им системой правила игры без сопротивления и добровольно. Это более вероятно, если требования системы впитываются ими по мере социализации, с раннего возраста. Тогда сами запросы граждан становятся более предсказуемыми и менее разнообразными. Конечно, можно добиться того же эффекта и силой. Однако такой путь чреват ростом политической нестабильности и в современных обществах не выгоден экономически.

Во-вторых, психологические воззрения Денниса и Истона имеют своим источником определенную смесь психоаналитических и бихевиористских идей. Так, они исходят из того, что политические установки взрослых являются конечным продуктом предыдущего научения и, в свою очередь, определяют их поведение. При этом они исходят из того, что «базовые детские чувства труднее вытесняются и изменяются, чем те, что приобретены позже». «В моменты кризисов вероятно возвращение личности к своим базовым представлениям»¹. Теоретики «политической поддержки» также убеждены в том, что совокупность установок и активности граждан оказывает воздействие на правительство и политическую жизнь страны, определяя прежде всего ее стабильность.

Понятно, что не политика является центром детской психики. Истон и Деннис и не пытались вывести собственно политические феномены напрямую из детства. Они высказали плодотворную гипотезу о том, что основой наших более поздних политических убеждений являются общие, не собственно политические установки, корни которых можно найти в нашем детском опыте: в типе семьи, в опыте взаимодействия с властью отца или учителя. Теоретики «политической поддержки» выводили из этого опыта дальнейшие отношения гражданина к власти в государстве. Так, если ребенок вырос в семье с авторитарными родителями, то это может впоследствии сформировать его отношение к главе правительства или президенту, который занимает в сознании личности то место, которое когда-то занимал там его отец.

Центральная идея рассматриваемой нами концепции — идея психологической поддержки власти со стороны рядовых граждан — также выводится авторами концепции из психологических оснований. Человек будет оказывать политической системе поддержку в зрелом возрасте в том случае, если его отношение к системе было в детстве окрашено позитивно. Детская политическая картина мира, конечно, не совпадает в деталях с убеждениями взрослого человека, но базовые ценности поддержки остаются и проявляются в лояльности к власти, в доверии к государству, в симпатии к национальному флагу, в идентификации со своей страной.

¹ *Easton D., Dennis J. Children and the Political System. N.Y., 1969. P. 28.*

Мы видели, как проявляется политическая поддержка на уровне личности. С точки зрения системы, такая поддержка является необходимым стабилизирующим ее компонентом. Без нее система разлагается. При широком хождении негативного образа политики начинаются такие ее дисфункции, как движения протеста, экстремизм, терроризм, апатия и прочие малоприятные и опасные для устойчивости системы явления. Отсюда Истон, Деннис и их единомышленники сделали вывод: если система стремится себя сохранить, она должна предпринимать специальные усилия для того, чтобы с раннего детства новые поколения граждан получали позитивные впечатления от политики. При этом средства такого воспитания должны быть адекватными детскому восприятию: комиксы и мультфильмы, игры и детские книги, где различные представители власти — от полицейского до президента — вводили бы ребенка в устойчивый и «хороший» мир взрослых.

На следующем этапе развития политической психологии исследователи проверяли гипотезу Истона и Денниса и пришли к выводу, что в целом процесс был описан ими верно. Так, в одном из детских садов Нью-Йорка ученые опросили детей пятилетнего возраста. Их интересовало, что они знают о полицейском и президенте («голова» и «хвост» политической системы). Оказалось, что полицейского дети хорошо узнают и имеют достаточно детальное представление о его функциях. С президентом дело обстояло несколько хуже. Один мальчик сказал, что президент (это был Ричард Никсон) похож на его дедушку, другой — что это президент мира и свободы, третий — что президент делает войну. Только последний ответ принадлежал ребенку, который действительно интересовался политикой: его любимой телевизионной программой были новости. У других детей политические представления либо еще не сформировались (президент как дедушка), либо воспроизводилось идеологическое клише без их личностного осмысления¹.

Если процесс формирования политической поддержки выглядел так, как его описали Истон и Деннис у американских детей из среднего класса, белых и городских жителей, то иначе складываются отношения с властью у других социальных и этнических групп. Так, в одном из неблагополучных районов США (Аппалачи), где высок уро-

¹ New Directions in Political Socialization. N.Y., 1975. P. 232–236.

вень безработицы, масса социальных проблем, политическая картина мира у детей и подростков выглядит иначе. По сравнению со своими более благополучными сверстниками подростки 10–12 лет не осознавали себя американцами, не гордились своей страной, т.е. у них не сложилось даже национальной идентификации, не говоря о политической. Надо ли говорить, что фигура полицейского для них не выглядела дружелюбной, а о президенте и политиках они имели совсем смутное представление.

Политическая психология 1980–1990-х годов, опираясь на идеи теоретиков «политической поддержки», развила одни их положения и отказалась от других. Так, те молодые люди, которые были детьми, когда их изучали Истон и Деннис, оказались позднее в рядах бунтующего поколения конца 1960-х — начала 1970-х годов. Если даже эти благополучные дети, получившие, казалось бы, столь хорошую прививку, очутились потом в рядах хиппи и панков и отказались от политических взглядов своих родителей, то что-то должно было быть неверным в рассуждениях наших теоретиков. Сами они полагали, что виноваты не теоретические модели, а уникальная ситуация того периода, которая привела к перерыву постепенности в передаче политических ценностей от одного поколения к другому. Следующий виток политической истории вернул все на свои места.

Подвергся критике коллег и другой тезис Истона и Денниса о том, что в норме гражданин должен быть абсолютно лоялен системе, между тем как критичность ведет к ее дестабилизации. Все попытки найти описанный теоретиками «поддержки» идеальный тип человека с уловной моралью, высокой степенью доверия к правительству и политической активности встречается столь редко, что его можно назвать скорее исключением, чем нормой. Если такая ситуация складывается в стабильных политических системах, то что же говорить о странах, где идет быстрая смена режимов, лидеров и идеологий. Тут гипотезы Денниса и Истона тем более нуждаются в проверке.

Другой разновидностью функционалистской теории была **ролевая теория политики**. В центр объяснения политического процесса (как международного, так и внутреннего) она поставила понятие **роли**. Появление новой теоретической модели было вызвано самим политическим процессом. 1970–1980-е годы стали периодом модернизации политических систем многих стран (как развитых, так и развивающихся). Это потребовало мобилизации новых слоев населения,

ранее выключенных из политической активности. Необходимость рекрутирования новых членов в политические партии и организации, привлечения их к электоральному процессу потребовала и новых теоретических подходов. Ролевой подход к анализу политики был почерпнут функционалистами из социологии и социальной психологии.

Несмотря на то что введение в оборот политической теории психологической категории «роли» оказалось очень плодотворным, ее функционалистская трактовка породила и определенные возражения. Во-первых, ряд исследований показал, что роль участника политического процесса не сводится к тому, как это понимают функционалисты, к простой адаптации гражданина к политической системе, к пассивному усвоению им имеющихся образцов. Не срабатывают автоматически и нормативные ролевые предписания. Все чаще встречаются невозможные ранее политические движения и союзы: «Генералы за мир» в Европе, мятежные священники в Латинской Америке или союз предпринимателей и профсоюзов в России. В таких случаях исполнители политических ролей не вмещаются в предписываемые сами ролями образцы политического поведения.

Во-вторых, практика не подтверждает и другого тезиса ролевой теории политики о том, что эффективное включение человека в роль происходит через идентификацию личности с системой в целом и с отдельными политическими институтами (прежде всего с партиями и организациями) в частности. Если раньше партийная принадлежность или поддержка той или иной партии на выборах была семейной традицией из поколения в поколение, то в последние десятилетия даже в наиболее устойчивых политических системах такая идентификация является скорее исключением из правила.

В работах 1980 — начала 1990-х годов ролевая теория политики пошла по пути поиска тех ролевых рамок, за которые исполнитель не должен выходить. Это было связано с тем, что этап мобилизации закончился и правящие элиты искали инструменты для обеспечения политического участия «без эксцессов». Доминирующей идеей была идея консенсуса, мода на который в годы перестройки докатилась и до российской политики.

Однако новые политические реальности даже в относительно стабильных западных системах, не говоря о странах распавшегося Советского Союза, диктовали необходимость не только искать согласие (что необходимо, но весьма нереально), сколько учиться сосуществовать с конфликтом и, по возможности, управлять им. Ролевая теория

политики оказалась эффективной для решения этой задачи. Так, получила распространение идея разрешения международных конфликтов методом «переключения ролей», предложенная Б. Коэном и А. Раппапортом. Они полагали, что конфликт неизбежен в жизни общества. Надо лишь цивилизовать его, введя определенные правила игры, например мысленный обмен ролями.

Другим примером использования теории ролей стало его использование в совокупности с математической теорией игр. Например, мотивы поведения сторон в международном конфликте были смоделированы по аналогии с такими ролями, как шофер и грабитель машины, хозяин дома и вор-взломщик. С помощью этих моделей американские политические психологи еще совсем недавно просчитывали внешнеполитические ходы в отношении СССР, естественно приписывая своей стороне защитные роли, а своему оппоненту — агрессивные.

Функционалистские модели политики оказали немалое влияние на современное понимание поведения человека в политике. Они оперировали по большей части макрофакторами. Их методы исследования и практические рекомендации были не пригодны для решения более частных политических задач. Для этого понадобились более психологизированные теории политики, «достающие» до отдельного человека. Такой теоретической ориентацией стал **политический бихевиоризм**. Основной задачей этой теории стало изучение индивидуального поведения в политике с целью оптимизации управления этим поведением со стороны элиты. Для этой цели использовался широкий набор собственно психологических методов.

Основная идея классического бихевиоризма, прямо заимствованная политической наукой из психологии, это прямое влияние среды на поведение индивида. Политическое поведение подчиняется старой формуле бихевиористов: S—R (стимул—реакция). Например, желая понять феномен политического отчуждения, политические бихевиористы предлагают формулу: простые социальные условия — политическое поведение. Исследователям остается замерить первый и второй показатели и найти корреляцию между ними. При этом подходе значение ситуационных факторов явно превалирует над внутренней активностью индивида.

Радикальные разновидности бихевиоризма используют формулу «стимул—реакция» прежде всего для контроля над поведением ин-

дивида или, по их терминологии, для «модификации поведения». Ведущий теоретик этого направления американский психолог Б. Скиннер формулирует эту мысль с предельной ясностью: «Ошибочно полагать, что проблема заключается в том, как освободить людей. Она состоит в том, чтобы улучшить контроль над ними»¹. Аргументы Скиннера послужили «научной» основой, оправдывающей программы насильственного контроля над поведением граждан самыми варварскими средствами, включая генную инженерию, аверсивную терапию и электрошок.

Крайности радикального бихевиоризма как политического, так и методологического свойства не разделялись многими исследователями. Так, представители школы социального научения смягчили жесткую модель поведения, включив в нее ряд промежуточных переменных (установки, мнения и даже личность в целом). Шагом вперед было и включение в анализ политического поведения ценностей, которые усваивает индивид в процессе получения жизненного опыта.

Реакцией на игнорирование политическими бихевиористами и функционалистами внутреннего мира человека было выдвижение на первый план **концепций антипозитивистского толка**. В европейской политической психологии этот поворот шел под влиянием идей феноменологов, экзистенциалистов и других теоретических школ, поставивших под сомнение позитивистские трактовки проблемы личности. В США и Великобритании критика позитивистских концепций шла не столько от теоретиков, сколько от практиков, нуждавшихся в более эффективных моделях управления поведением человека. Будучи разочарованными методами воздействия непосредственно на поведение, эти специалисты обратились к изучению сознания (**когнитивизм и гуманистическая психология**) и бессознательных структур психики (**психоанализ**).

Когнитивистское направление политической психологии прежде всего исследует процесс *политического мышления*. Согласно общим взглядам психологов этой школы, выбор модели политического поведения опосредуется теми взглядами и ценностями, которые составляют содержание сознания человека. Одни исследователи при этом основное внимание уделяют процессу становления политического

¹ Skinner B. Beyond Freedom and Dignity N.Y., 1972. P. 37

сознания, других больше интересует его структура (см. гл. о политическом сознании).

В последние два десятилетия акцент в исследованиях был сделан не столько на динамике формирования политического мышления в детском возрасте, сколько на том, чем руководствуется взрослый человек, делая свой политический выбор. Так, английский политический психолог Х. Химмельвайт предложила «потребительскую модель», в которой она проводит аналогию между принятием политического решения и решением покупателя о выборе того или иного товара. «Избиратель, отдающий свой голос, ищет максимального соответствия или наименьшего несоответствия между набором установок и партийными программами. Привычка к голосованию за определенную партию сходна с привязанностью к определенному магазину или фирме, а воздействие референтных групп напоминает то, как образ жизни наших друзей или коллег направляет наши пристрастия»¹.

Работы когнитивистов показали, что в странах со стабильной политической системой, где у избирателей действительно есть привычка голосовать за ту или иную партию, политическое сознание граждан заполняется определенными «пакетами идей». На уровне индивидуальной психологии идеология, ставшая частью сознания человека, предстает в виде связки идей. Так, установки англичан по вопросам атомного оружия коррелировали с их отношением к национализации общественного транспорта и системы здравоохранения, иммиграции и смертной казни.

Два других английских политических психолога П. Данливи и П. Сондерс использовали «потребительскую модель» для описания нового общественного расслоения, которое возникает в современном постиндустриальном обществе не по линии производственных отношений, а по линии потребления товаров и услуг. Политическое сознание англичан, например, определяется сегодня не только и не столько размером их дохода, сколько тем, имеют ли они дом в собственности или снимают его, ездят на собственном автомобиле или пользуются городским транспортом, делают покупки в престижных магазинах или на толкучке. Эти субъективные линии являются не менее важными для политического выбора избирателя, чем объективная классовая принадлежность или уровень доходов.

¹ *Himmelfweit H* How Voters Decide? L, 1981 P 131

Среди антипозитивистских ориентаций важное место принадлежит представителям **гуманистической психологии**, выступающим за учет эмоционально-мотивационной сферы личности при анализе политики. Большое влияние на политических психологов данной школы оказали идеи А. Маслоу об иерархии потребностей и ненаправленная психотерапия К. Роджерса, которые были реакцией на бихевиористскую трактовку личности как пассивного объекта воздействия среды и подчеркивают самостоятельную ценность активности личности. Движущей силой личностного развития выступают потребности.

Политических психологов привлекла возможность проникнуть вглубь личностных механизмов формирования политического сознания и поведения через систему потребностей. Они исходили из того, что важнейшим мотивом политического участия является не простая выгода или политическая сделка, а глубинные потребности личности, образующие основу ее убеждений. Эти базовые потребности служат в свою очередь фундаментом собственно политических установок.

Американский политический психолог С. Реншон использовал теорию потребностей А. Маслоу для исследования проблемы демократии. Он исходил из того, что только та система, которая удовлетворяет базовые человеческие потребности, может эффективно вовлекать в политическую активность своих граждан и рассчитывать на их поддержку. Одной из таких потребностей, важных для становления демократии, является потребность человека в участии, которая на психологическом уровне выражается в установлении личного контроля над ситуацией. Реншон был одним из первых политических психологов, предложивших включить в исследование политических проблем, в частности демократии, психологические индикаторы¹.

Если представители гуманистической психологии и когнитивисты исследовали потребности, эмоции, мотивы, механизмы политического мышления, которые дают индивиду программу рациональных действий, то **политический психоанализ** основной акцент делает на бессознательных структурах психики. В настоящее время это направление является одним из наиболее распространенных, особенно среди американских исследователей. Свою задачу политический психоанализ видит в изучении политических структур личности, в классификации типов личности и в создании психобиографий политических деятелей.

¹ Renshon S Psychological Needs and Political Behavior N Y, 1974

Основой представлений о политическом поведении в этом направлении является фрейдовское учение о бессознательном. Личность в целом и особенно ее стремление к власти трактуются психоанализом как иррациональные, инстинктивные феномены. В политическую психологию эта школа внесла важную идею о том, что человек является не полностью сознательным существом и в своем поведении в не малой степени руководствуется инстинктивными импульсами. Последователи З. Фрейда и Г. Лассвелла руководствуются тем, что подлинные мотивы поступков обычно скрыты благопристойной «упаковкой». Скажем, борьба за справедливость или стремление помочь бедным на поверку могут оказаться продиктованы иными, чисто личными мотивами политика.

Проиллюстрируем методологию психоанализа в политических исследованиях на примере построения политических типов личности. Один из первых политических психоаналитиков, Г. Лассвелл исследовал различные стили политического поведения. Он высказал гипотезу, что стиль речи, стиль межличностных отношений и другие особенности лидеров связаны с общими личностными характеристиками. Так, он выделил три типа политиков: «агитатор», «администратор» и «теоретик» и описал конкретных носителей этих типических черт. Вот как выглядит, например, агитатор:

Это человек с неистребимой склонностью к публичным выступлениям. Он по убеждениям — социалист. Лассвелл выводит приверженность к данной идеологии у описываемого им политика из чисто семейного опыта. У этого человека был брат, которому наш герой завидовал, к которому ревновал. Такие чувства обычно тщательно скрываются, поскольку социально неприемлемы. Но и в скрытой форме зависть продолжала его мучить, он испытывал чувство вины, которое в дальнейшем трансформировалось в приверженность идеям равенства и братства в их социалистической интерпретации.

Другой пример, приводимый Лассвеллом, представлен сторонником антирасового движения в Америке, чьи политические взгляды он связывает с интимным опытом политика, которого в юности совратила чернокожая женщина. Конечно, столь прямолинейная интерпретация сегодня выглядит анахронизмом. Однако лассвелловская мысль о необходимости поиска неосознаваемых мотивов, питающих политическую деятельность, остается весьма привлекательной.

Политический психоанализ внес вклад и в исследование такой важнейшей проблемы, как проблема авторитарной личности. Еще в

1950 г. Т. Адорно вместе со своими соавторами провел исследование личности «фашистского» типа, для анализа которой была предложена специальная шкала F — шкала фашизма. Интерес к человеку такого склада диктовался опасениями повторения трагедии Второй мировой войны.

Исследование проводилось, однако, не на реальных фашистах из Германии. Объектом исследования стали обычные американцы из среднего класса, не бедные и белые. Результат исследования был неожиданным. Оказалось, что среди этих средних американцев авторитарный тип встречается и нередко. Авторитарная личность — это особый набор психологических характеристик, среди которых: стремление подавлять других, нетерпимость, этноцентризм (т.е. представление о превосходстве своей нации над другими) и ряд других. При этом такой человек, подавляя слабых, боится тех, кто сильнее его.

В настоящее время проведено немало исследований, посвященных психологии авторитаризма (гл. 5). Многие первоначальные положения политического психоанализа получили свое развитие, в частности, важнейшее положение, касающееся истоков происхождения авторитаризма, которые лежат в раннем семейном опыте в структуре семейной власти¹.

§ 2. МЕТОДЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В современной политической психологии царят методологическая терпимость и плюрализм. В конкретных исследованиях в равной степени представлены психологические тесты и социологические опросы, метод экспертной оценки и психолингвистический анализ. Это связано как с отсутствием общепризнанных теоретических схем, так и с междисциплинарным характером исследований, в которых приходится соединять подходы нескольких дисциплин, применяемых для анализа сложного и многоуровневого объекта — поведения человека в политике.

Многообразные методы, используемые в политической психологии, могут быть классифицированы по разным основаниям. Так, в основание классификации могут быть положены **объекты исследования, количественный или качественный характер исследования, цель исследования** (методы исследовательские и коррекционные) и пр.

¹ Адорно Т. Исследование авторитарной личности М., 2001

Остановимся в первую очередь на методах, адекватных тому или иному *объекту* изучения. Среди объектов обратим внимание прежде всего на массовые формы политического поведения, феномены политического мышления и сознания и на личность. Отдельно отметим такой объект изучения политических психологов, как политические образы (образы власти, образы политиков, образы институтов и государств и пр.), имеющие сложную психологическую природу, включающие наряду с осознаваемыми и неосознаваемыми компонентами и требующие применения специальных методов.

Именно объект исследования диктует конкретные методы, адекватные его изучению. Так, различные феномены **массового политического поведения** требуют таких методов, как **анализ статистических данных**, проведение массовых **опросов** с последующей математической обработкой больших массивов данных, проведения **фокусированных интервью**¹ и **фокус-групп**². Так, подготовка предвыборных кампаний в последние годы породила спрос на составление так называемого паспорта избирательного округа. Политические социологи и психологи проводят анализ статистических данных жителей конкретного избирательного округа с последующим описанием основных психологических и социальных типов избирателей. При наличии мониторинговых исследований в округе на протяжении нескольких лет такого рода работа дает очень хорошие результаты. Политик получает детальное представление как о глубинных и малоподвижных установках своих избирателей, так и о ситуативных изменениях в их настроениях.

В арсенале политических психологов сейчас появились специальные методики для исследования динамики массовых политических ориентаций и ценностей, основанные на применении компьютерных средств обработки больших массивов данных. Так, один из самых дорогостоящих проектов под руководством Р. Инглхарта и П. Абрамсона³ ставил своей задачей анализ динамики политических ценностей в 49 странах мира с разными типами политических систем.

Хотя исследование различных форм массового поведения по своей технике ближе к социологическим методам, но их содержание пре-

¹ Белановский С. А. Глубокое интервью. М., 2001.

² Белановский С. А. Метод фокус-групп. М., 2001.

³ Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, economic and political change in 43 countries. Princeton, 1997.

бует использования психологического инструментария для анализа полученных данных и интерпретации результатов. В политической психологии накоплен и опыт использования собственно психологических методов для исследования массовых настроений, представлений, ценностей. Это такие исследовательские процедуры, как **проективные техники** (например, метод неоконченных предложений, рисуночные тесты), **метод ассоциаций** и др. Так, в исследованиях восприятия политических лидеров мы использовали не классический метод свободных ассоциаций, который, например, эффективно использовали О. Здравомыслова и М. Арутюнян¹ при изучении образов права в России и Франции, а метод фиксированных ассоциаций политиков с животным, цветом, запахом, литературными героями, который позволил выявить бессознательный уровень восприятия, не подверженный стереотипам и дающий возможность более точно прогнозировать электоральное поведение избирателей².

Указанные подходы дают хорошие результаты при изучении электорального поведения, массовых политических ориентаций, ценностей политической культуры. Однако арсенал политико-психологических методов значительно шире. Например, **психобиографические**³ подходы позволяют не только выявить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и увидеть в отдельном политике проявление определенного типа политической культуры. Так, Б. Глэд в работе об американском политике Ч. Хьюзе показала, что он был лишь выразителем господствующего в американской элите после Первой мировой войны изоляционистского настроения⁴.

Изучение феноменов **политического мышления и политического сознания** ведется в политической психологии преимущественно методами социальной психологии, причем в основном ее когнитивистского направления. Прежде всего объектом исследования

¹ Здравомыслова О., Арутюнян М., Ожвэн-Курильски Ш. Образы права в России и Франции. М., 1996.

² См.: Шестопал Е., Новикова-Грунд М. В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5. С. 168–191; Шестопал Е. Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6. С. 57–72.

³ См.: Политическая психология: Хрестоматия. Ст. У. Фридмена о психобиографическом методе.

⁴ Glad B. Charles Evans Hughes and the Illusions of Innocence. Urbana, 1966.

становятся различные *тексты*, которые обрабатываются с помощью **контент-анализа** различных модификаций.

Так, в работе Д. Уинтера, М. Херманн и их соавторов¹ контент-анализу подверглись тексты выступлений Буша и Горбачева для выявления ряда когнитивных характеристик этих политиков.

Уинтер и его соавторы пишут: «Как могут психологи оценивать мотивы людей, с которыми они никогда не встречались и которых не могут изучать напрямую? В предшествующие годы было разработано множество объективных методов измерения мотивов и других личностных характеристик на дистанции с помощью систематического контент-анализа речей, интервью и прочих спонтанных вербальных материалов. Эти технологии часто использовались в собирательных исследованиях политического лидерства, например, в прогнозировании внешнеполитических ориентаций или склонности к насилию. Однако в отдельных случаях дистантные технологии использовались для создания систематических портретов отдельных лидеров: Херманн оценивала мотивы и другие личностные характеристики Рональда Рейгана и сирийского лидера Хафеза Аль-Ассада; Уокер анализировал операциональный код Вудро Вильсона; Уайнтрауб изучал вербальное поведение семи последних американских президентов; Уинтер и Карлсон использовали мотивационные показатели первого инаугурационного обращения Ричарда Никсона для разрешения ряда парадоксов, связанных с его карьерой, вместе с тем, стремясь к подтверждению этих показателей на основе систематического обзора публичной и частной жизни Никсона».

Политико-психологические методы оперируют целым рядом переменных, включая основные компоненты личности: мотивационные, когнитивные, стилевые, личностные качества и механизмы защиты, заимствованные из различных психологических теорий. Ниже в форме таблицы мы представляем каждую переменную через описание ее теоретических оснований и того, как она измеряется в вербальном поведении, разработанную Д. Уинтером и его соавторами (табл. 1)².

¹ Winter D., Hermann M., Vaintraub W., Walker S. The Leader as a projective scene // Political Psychology. 1991 Vol. 12. No 2. Перевод статьи см., Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е. Шестопал. М., 2002.

² Уинтер Д и др. Дистантное изучение личности Буша и Горбачева: Процедуры, портреты, политика. См.: Политическая психология: Хрестоматия / Пер. с англ.; под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2002.

**Основные переменные
в дистантной оценке политиков**

Переменная	Описание показателей и их предикаторы
Мотивы Достижения Аффилиации Власти	Нацеленность на превосходство, успех в соревновании или уникальное достижение Нацеленность на теплые, дружеские отношения; дружественное, благорасположенное поведение; плодотворную помощь Нацеленность на оказание воздействия на других, на престиж или репутацию
Убеждения и стили Убеждения: национализм контроль над событиями уверенность в себе Когнитивные, межличностные стили концептуальная сложность недоверие инструментальный акцент <i>(task emphasis)</i> Операциональный код Атрибуты личности <i>(self attributions):</i> дружелюбный / враждебный оптимистический / пессимистический высокий / низкий контроль всеобъемлящие / ограниченные цели	Идентификация или благосклонное отношение к одной нации; неидентификация или неблагосклонное отношение к другим Принятие ответственности за планирование или инициирование действий Восприятие себя в качестве инициатора действия, авторитетной фигуры или обладателя позитивной поддержки Отношение числа слов высокой сложности к числу слов низкой Сомнения, опасения или ожидание вреда от групп, с которыми нет самоидентификации Отношение числа слов-задач (<i>task words</i>) к числу слов-взаимодействий (<i>interpersonal words</i>) Политическая жизнь рассматривается как гармоничная / конфликтная; отношения с оппонентами как дружественные / враждебные Оптимизм / пессимизм в отношении осуществимости ценностей и стремлений История видится как определяемая людьми / случаем Провозглашает всеобъемлющие и длительные / постепенные и ограниченные цели

Переменная	Описание показателей и их предикаторы
<p>Личностные сценарии (<i>self scripts</i>): методы достижения целей</p>	<p>Вербальные (обещания, угрозы) / действия (награды, наказания); политические (награды, обещания) / конфликтные (наказания, угрозы); позитивные (призыв или оказание поддержки) / негативные (сопротивление, оппонирование)</p>
<p>Вербальный стиль (отражает личностные качества и механизмы защиты): отношение я / мы выражение чувств ценностные критерии прямое обращение к аудитории использование усилительных наречий риторические вопросы отречения отрицания объяснения смягчения творческие выражения</p>	<p>Отношение числа местоимений «я» к числу местоимений «мы» Описание себя как испытывающего какие-либо чувства Суждения о добре / зле, полезном / бесполезном, правильном / неправильном, корректном / некорректном, подходящем / неподходящем, приятном / неприятном и высказывание мнений Прямое обращение к аудитории, ситуации или физическому окружению Наречия, которые увеличивают силу утверждения Вопросы с целью пробудить и увлечь аудиторию Частичный или полный отказ от ближайших предшествующих утверждений Все отрицательные слова, такие как «нет», «не», «никогда», «никто», «ничего» и т.д. Причины или оправдания действий; причинные связи Выражение неуверенности, поправки, ослабляющие утверждение, и фразы, создающие неопределенность или неуверенность Неологизмы и метафоры</p>

Среди изучаемых компонентов политического мышления были убеждения, понятийная сложность, методы достижения целей и некоторые другие особенности прежде всего спонтанных (не написанных заранее) текстов, проанализированные через их сопоставление с аналогичными количественными характеристиками 148 высших политических руководителей из разных стран, культур и периодов. Та-

ким образом, наряду с чисто качественными особенностями метод контент-анализа позволяет использовать и количественные параметры, дающие более объективные результаты.

Другим методом, используемым для изучения политического менталитета тех групп, которые имеют артикулированные политические ценности, является **метод построения их семантического пространства**¹. Российский психолог В. Петренко проанализировал политические штампы и клише в лексике российских партий постсоветского периода. Материалом анализа послужили речи известных политиков, партийные документы. Данные этого исследования позволили построить многомерную типологию сознания политических активистов. Не менее интересно применение того же метода и при исследовании этнических стереотипов. Методика, используемая Петренко, восходит к методам семантического дифференциала Ч. Осгуда и теории личностных конструкторов Дж. Келли, но творчески переработана автором. Одна из типовых процедур использования инструментария психосемантики — оценка респондентами анализируемых объектов по градуальным шкалам с последующим уменьшением размерности исходного пространства описания с помощью факторного анализа, а затем представление выделенных структур в форме геометрического пространства. При этом количество выделенных факторов отражает когнитивную сложность респондентов в осознании данного смыслового поля; содержание и сложность выделяемых факторов отражают присущие респонденту формы категоризации и их субъективную значимость².

Исследование **личности** в политическом процессе начиналось еще в 1930-е годы в рамках преимущественно психоаналитической традиции. С этим связан и интерес исследователей к таким методикам, которые позволяли проникнуть в бессознательную, эмоциональную сферу личности, раскрыть глубинные мотивы политического поведения. В одной из первых политико-психологических работ Г. Лассвелла материалом для изучения политиков стали их медицин-

¹ Петренко В. Ф., Митина О. В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал. 1991. № 6; Они же. Анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997.

² Петренко В. Ф. и др. Психосемантический анализ этнических стереотипов: Лики толерантности и нетерпимости. М., 2000. С. 11.

ские карты в одном из элитарных санаториев, где их лечили от неврозов, алкоголизма и т.п.¹. Современные политические психологи продолжают традицию качественного изучения личности политика, создавая **психологические профили** представителей данной профессии².

Наряду с этим в политической психологии широко используются психологические **тесты** при непосредственном исследовании политиков, а также многочисленные **методы дистантного анализа** в случае, когда объект недоступен исследователю. В таких случаях изучаются не только тексты их выступлений, но и видеозаписи, мемуары о них и другие прямые и косвенные источники данных о личности в политике. Нередко используется и **метод экспертных оценок**, который позволяет оценить отдельные качества личности, дать прогноз ее поведения.

Примером использования метода экспертных оценок является исследование Пола Коурверта. При этом в основе этой работы лежит метод Q-сортировки (*Q-sorting*), который основывается на Q-методологии, разработанной Стефенсоном (1953) и, в совсем недавнем времени, Блоком для психологов (1978), а также Брауном для политологов (1980). Он позволяет исследователю компилировать экспертные оценки индивидуальности тех индивидов, которые непосредственным образом недоступны. Этот метод предлагает сравнительно богатый профиль президентской индивидуальности. И в то же время, Q-сортировка является строгим и объективным методом сравнения *субъективных* оценок индивидуальности.

Однако лучшие методы измерения бессмысленны, если они ведут к более точным оценкам только банальных характеристик индивидуальности политиков. Многие ученые стремятся выйти за рамки описания и попытаться прогнозировать политическое поведение. Поэтому далеко не любая типология или метод измерения годны к применению. Оценки индивидуальности лидера полезны, главным образом, когда они могут быть привязаны к его деятельности. Так же считает Гринстайн, утверждая, что при исследовании политической личности нужно уделять особое внимание обстоятельствам, в которых черты индивидуальности могут стать индикаторами деятельно-

¹ *Lasswell H* Psychopathology and Politics. Chicago, 1931.

² *Ракитянский Н. М.* Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М., 2001.

сти индивида¹. Лучшие описательные исследования индивидуальности руководителей — такие, как осуществленное Саймонтоном ранжирование 39 президентов по 14 чертам индивидуальности с использованием *Gough Adjective Check List*; исследование Уинтером (1980, 1987) мотивационных профилей руководства; произведенная Этериджем (1978) и Шепардом (1988) оценка президентов США по уровню экстраверсии и доминантности; а также дистантного исследования профилей национальных президентов (*personality-at-a-distance profiles*), произведенные Херманн и ее коллегами, — все эти исследования должны, следовательно, быть дополнены аргументами, которые свяжут эти особенности с поведением во время исполнения служебных обязанностей².

Чрезвычайно эффективно использование в политической психологии метода отдельных случаев (*case studies*) Например, «случай» может быть единичным явлением или источником данных, вроде объекта эксперимента, исследуемой зависимости или невозникновение войны между воюющими сторонами (Кинг, Кеохейн и Верба, 1994). С другой стороны, это могут быть уникальные в историческом или географическом смысле события типа мюнхенского дела, вторжение Советского Союза в Афганистан или бунта Ваттов. Действительно, термин «случай» может иметь различные значения. каждое из которых важно для эмпирического исследования.

Например, Орум и соавторы (1991) определили *case study* как глубокое, многомерное исследование отдельного социального явления, использующее качественные методы исследования. Лейпхарт (1971, 1975) видел *case study* как отдельный случай, который тесно связан со сравнительным методом, который он противопоставляет экспериментальным и статистическим методам. Джордж и Маккеон (1985) указали, что *case study* фокусируется на анализе «внутри случая», чтобы выяснить, что послужило его причиной. Наконец, Ян (1994) определил *case study* как «эмпирическое исследование, которое: исследует современное явление в контексте его реальной жизни, особенно, когда границы между явлением и контекстом не очевидны; и... которое полагается на многосторонние источники его информации. Понятно, что существуют различные определения случаев и *case*

¹ Greenstein F. *Personality and Politics*. Princeton, 1987.

² Paul A. Kowert. *Where Does the Buck stop?* // *Political Psychology*. 1996. Vol. 17 No 3.

study, и это создало трудности для систематического анализа значимости и направленности этой техники.

Для наших текущих целей предлагаем использовать рабочее определение нескольких терминов. Под «случаем» мы будем понимать явление, или источник данных, и в этом смысле мы не различаем ни то, как «случай» определяется в дальнейшем, ни то, как он был получен в исследовании. Случаями могут быть экспериментально полученные измерения, исследуемые характеристики или классификации исторических событий (типа «есть война / нет войны»). Мы определяем *case study* как метод получения «случая» или набора «случаев» через эмпирическую проверку реальных мировых событий в контексте их реального существования, без непосредственного управления как самим явлением, так и его контекстом. Сравнительное *case study* — систематическое сравнение двух или более источников данных («случаев»), полученное через использование метода *case study*¹.

В арсенале исследовательских процедур политической психологии постоянное место занимает и **метод эксперимента**. Чаще проводится лабораторный, но используется и естественный эксперимент. Так, в результате экспериментальной проверки получили подтверждения важные теоретические положения о закономерностях поведения человека в политике. Тверски и Канеман доказали, что человеку свойственно избегать высокой степени риска². Знаменитые опыты Милгрэма показали, что в случае, когда есть некий «научный» авторитет в лице экспериментатора, испытуемые готовы пойти даже на ненужную в условиях эксперимента жестокость, снимая с себя ответственность за результат своих поступков³. Недавние эксперименты Ласка и Джада выявили склонность экспертов давать более крайние оценки кандидатов, чем это делают непрофессионалы⁴. Обычные граждане, оценивая политиков, руководствуются не столько знания-

¹ См.: Каарбо Дж., Бизли Р. Практическое руководство по сравнительному методу *case study* // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е. Б. Шестопап. М., 2002.

² *Tversky A., and Kahneman*. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice // *Science*. 1981. 221 (January 31). P. 453–458.

³ *Milgram S.* Obedience to Authority: An Experimental View. N.Y., 1974.

⁴ *Lask C. M., Judd C. M.* Political Expertise and the Structural Mediators of Candidate Evaluations // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1988. No 24. P. 105–126.

ми о том, что и как те сделали в политике, а исключительно впечатлениями, полученными накануне выборов¹.

Изучение **образов** в процессе политического восприятия является важной задачей и в развитии теории политической психологии, и в прикладных исследованиях, востребованных политической практикой. Изучение, например, образов власти в массовом сознании российских граждан в постсоветский период потребовало разработки методологии, включающей ряд специальных психологических техник, которые позволили бы не только описать осознаваемые пласты этих образов, но и выявить их неосознаваемый уровень.

Приведем пример из нашего исследования образов власти, выполненного в 1993–2003 г.² В исследовании был использован целый набор разнообразных количественных и качественных методов.

Основу **количественной части** исследования составил опрос, который включал в себя две анкеты. Анкета 1 представляла собой оригинальный авторский опросник, специально созданный для данного исследования. Его главной целью было собрать информацию о наличных представлениях граждан о политической системе, лидерах, демократии, их политической идентификации, уровне авторитарности и других важнейших вопросах данного исследования.

Анкета 2 представляла собой стандартизированный тест на локус-контроль Джулиана Роттера³. Данные, полученные в результате тестирования (в частности, показатели общей интернальности, интернальности достижения и интернальности неудач), обрабатывались параллельно с данными по анкете 1, полученными по каждому респонденту, что позволило установить наличие корреляций между уровнем интернальности и другими вопросами исследования.

Выборка на разных этапах исследования была случайной. Выборка не имела репрезентативного для всей России характера, хотя и была уравновешена по полу, возрасту и образованию. Большая часть замеров проводилась в Москве. Однако в исследовании получены данные по ряду регионов, в которых исследователям удалось побы-

¹ Lodge et all. An Impression-driven Model of Candidate Evaluation // American Political Science Review. 1989. June.

² Шестопал Е. Образы власти в постсоветской России. М., 2004. Гл. 4.

³ См.: Лучшие психологические тесты. Петрозаводск, 1992.

вать за прошедшие годы. Так, у нас имелись выборки по Иркутску, Братску, Ангарску, по Смоленской области и по Владимиру. Хотя в количественном отношении эти выборки не равнозначны (так, в Смоленской области опрошено около 1000 респондентов, тогда как в Иркутской — только около 300). На отдельных этапах исследования решались разные задачи. Так, в середине 1990-х годов — в 1993, 1995, 1996, 1997 гг. — мы не только работали, используя анкетный опрос, включавший в себя тест Роттера на локус-контроль, но и проводили глубинные интервью с теми же респондентами. С этим связано и небольшое число опрошенных. В 2001 г. нам удалось включить в опрос не все вопросы, которые задавались нами раньше, и мы не проводили глубинных интервью. Однако в целом все этапы исследования проводились в общей логике и дают вполне сопоставимые данные.

Основным направлением исследования было выявление наиболее распространенных среди рядовых граждан нашей страны представлений о реальной и идеальной власти, о политиках, которые эту власть олицетворяют, о доверии и симпатии к власти, о готовности ей подчиняться, о мотивах, которые, по мнению респондентов, побуждают политиков стремиться к власти, ряд других связанных с этой темой вопросов.

При обработке результатов использовался статистический пакет программ SPSS 6.0.

Поиск различий в ответах респондентов осуществлялся с помощью кросс-таблиц, позволяющих рассматривать совместное распределение двух и более переменных. Вычисляемая статистика — стандартизованные остатки (RESIDUALs) — позволяет оценить равномерность взаимного распределения признаков: если ее величина в какой-либо клеточке таблицы превышает 1,67, то можно говорить о том, что наблюдаемая частота совместного появления двух признаков значимо превышает ожидаемую. Отрицательные значения интерпретируются не столь однозначно, но также полезны, поскольку позволяют отслеживать некоторые тенденции в распределении признаков в выборке.

В опроснике наряду с закрытыми вопросами, предполагающими готовые варианты ответа, были широко использованы открытые вопросы, позволяющие получить более богатую и непредвзятую информацию о политических предпочтениях респондентов. Ответы на открытые вопросы обрабатывались *методом шкалирования*. Каждому

ответу присваивалось определенное значение в соответствии с кодировочным листом, который использовался для занесения ответа в базу данных. Кодировка велась на основании схемы, разработанной авторами для обработки ответов на вопрос об образах реальной, идеальной и нормативной власти, а также о власти в советский период, в период правления Ельцина и в период правления Путина. Мы обрабатывали ответы респондентов для выявления таких параметров образов власти, как **эмоциональный знак, субъектность, четкость/размытость, когнитивная сложность/простота, а также потребности, стоящие за теми или иными образами власти**. После получения количественных данных их обработка велась стандартным образом с помощью пакета SPSS.

Таким же образом обрабатывались и ответы на вопросы о том, в каких границах видят респонденты нынешнюю Россию. Вопросы, содержавшие в качестве ответов имена политиков, которым респонденты доверяют, симпатизируют и считают влиятельными, анализировались качественным образом без кодирования в силу того, что число таких имен носило весьма ограниченный характер. Одновременно составление такого списка само по себе имело смысл, так как в отличие от принятых в современной социологии методов составления рейтингов политиков, используемых, например, группой социологов под руководством Б. А. Грушина, которые предлагают экспертам оценить степень влиятельности того или иного политика из числа полутора сотен имен, заранее выбранных социологами, мы не давали респондентам никаких подсказок. Этот список был составлен исключительно из числа тех имен, которых вспомнили сами опрошенные. Это говорит о том, что в сознании населения общее число тех политических деятелей, кого они знают, помнят, испытывают к ним определенные чувства и т.д., весьма невелико. Мир политических образов наших сограждан отнюдь не перенаселен. Особенно это верно в отношении самого последнего по времени периода.

Качественная часть исследования включала в себя проведение *глубинного интервью, рисуночного теста и историко-антропологического анализа интервью*.

Глубинные интервью (общим числом более 200) проводились в 1993, 1995, 1996, 1997 гг. по преимуществу в Москве с теми же респондентами, которые отвечали и на вопросы анкеты. Интервью имело полустандартизированный характер, т.е. порядок вопросов определялся интервьюером, но в целом каждый респондент отвечал на

20 основных вопросов, которые входили в гайд-интервью. Задача глубоких интервью в основном заключалась в том, чтобы получить дополнительную информацию о том, как формировались нынешние политические представления респондента, особенно его представления о власти, как они соотносятся с его биографией, типом семейной власти и типом политической социализации. В конце интервью каждый респондент пытался дать свое определение демократии.

Анализ интервью имел исключительно качественный характер и не подвергался количественной обработке.

Еще одним качественным методом исследования был избран метод «Психологического рисунка власти»¹.

Данный метод широко применяется в других областях психологии², но в политической психологии он до сих пор практически не применялся. Между тем именно с помощью данной проективной методики можно получить весьма богатый материал об образах власти, причем и в отличие от других, используемых нами методов, получить его не только в вербальной, но и визуальной форме, что для исследования образов имеет особое значение. Данная методика фиксирует два рода объектов: во-первых, личностные характеристики респондента, во-вторых, отношение респондента к исследуемым объектам действительности (в нашем случае — к власти). Если обычно в психологии проективные техники используются для анализа лишь первого типа объектов, т.е. личности выполняющего тест человека, то социальные психологи (О. Мельникова, Т. Фаломеева, О. Бартенева и др.) показали возможность изучения именно социальных объектов, т.е. их смыслов, находящихся в сознании человека с помощью таких тестов. Главная же проблема заключается в интерпретации полученных результатов и в их стандартизации. Данный тест наибольшим образом приспособлен для изучения образов, а именно их иррациональных составляющих.

¹ См.: Шестопал Е. Б. Новые тенденции восприятия власти в России // Полис. 2005. № 3; Шестопал Е. Б. Новый образ нового президента: Стратег, но не вождь // Политический класс. 2005. № 3.

² Мельникова О. Т. Качественные методы в решении практических социально-психологических задач // Введение в практическую социальную психологию. М., 1996; Фаломеева Т., Цехоня О. Проективные методы в исследовании потребительского поведения // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1996, Фаломеева Т. В., Бартенева О. М. Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании социальных объектов.

При этом Т. Фаломеева и О. Бартенева предложили технику стандартизации интерпретации рисунков, показав, что:

«1. Определенные характеристики рисунка специфичны для отражения индивидуальных особенностей субъекта восприятия, другие же — для отражения образа социального объекта.

2. Различные характеристики психологического рисунка отражают принципиально разные аспекты восприятия социального объекта (эмоциональную, когнитивную, мотивационную составляющие)¹. Они предложили особое внимание в анализе рисунка уделять:

— композиции, которая отражает свойства структуры объекта (сформированность, устойчивость, конфликтность или гармоничность);

— формам, используемым в рисунке, — отражают когнитивную составляющую образа, передают свойства самого объекта (активность, динамичность);

— присутствующим в рисунке предметным образам, раскрывающим личностные смыслы, которыми респонденты наделяют данный объект восприятия;

— категории «цвета», так как она является универсальной для выражения самых различных характеристик образа;

— «плотности», которая отражает мотивационный компонент образа и в наименьшей степени зависит от личностных особенностей респондентов².

Для решения политико-психологических задач данный тест был нами адаптирован. С его помощью мы прежде всего исследовали содержательные и, в частности, символические компоненты образов власти.

Еще одна часть работы была выполнена специально приглашенным в проект историком, использующим историко-антропологический подход в работе с собранными нами глубинными интервью. В силу их большого числа они требовали специальной обработки, выделения некоторых ключевых элементов анализа.

Таким образом, сочетание количественных и качественных методов позволило нам собрать и обработать большой массив инфор-

¹ Фаломеева Т. В, Бартенева О. М. Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании социальных объектов.

² Там же.

мации, характеризующий состояние массового сознания в постсоветской России в отношении видения гражданами власти в стране.

Анализ **образов конкретных политических лидеров**, выполненных нами в другом исследовании, потребовал использования иных методов, в частности метода фиксированных ассоциаций, который подробно описан в нашей работе «Образы власти в постсоветской России»¹.

Следует отметить, что, помимо собственно **исследовательских процедур**, в политической психологии используется и широкий набор **методов коррекционного воздействия** на политическое поведение, сознание и бессознательные структуры личности. Практика политического консультирования включает психодиагностику политического деятеля, анализ и коррекцию его публичного имиджа, разработку стратегии его взаимоотношений как с широкой публикой, так и с собственными единомышленниками и аппаратом. Такая работа политического психолога предполагает использование методов тренинга, участия в пиаровской работе, разработку рекомендаций по эффективной политической коммуникации.

Говоря об области деятельности профессионального политического психолога, следует отметить, что Международное общество политических психологов (ISPP) разработало и предложило своим индивидуальным членам специальный этический кодекс, регламентирующий ряд действий специалистов в этой области. Так же как психолог, врач или специалист по организации, политический психолог, занимающийся исследованиями или консультированием, имеет дело с достаточно взрывоопасной информацией. Так, политический консультант не вправе не только публично обсуждать данные, касающиеся своих клиентов, но даже не раскрывает его имени без разрешения последнего. Существует опасность нанести урон репутации того или иного человека, даже если обсуждение имеет профессиональный характер в научном журнале. Профессиональная община заинтересована, чтобы ее представители четко отделяли свою научную деятельность от участия в практической политике.

¹ Шестопал Е. Образы власти в постсоветской России. М., 2004. Гл. 6.

Часть II

**ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ФЕНОМЕНЫ В МАССОВОМ
СОЗНАНИИ**

ГЛАВА 4

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

§ 1. ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В РОССИИ

После распада СССР в 1991 г. угроза распада России возникала неоднократно. И до сих пор эта проблема является одним из вызовов, стоящих перед новой политической системой. Попытки отстранения вертикали власти, предпринятые командой Путина, являются реакцией на угрозу распада страны. Попытаемся посмотреть на эту проблему с точки зрения политической психологии.

В истории России можно найти немало примеров того, как проходила интеграция нашей страны из отдельных княжеств и территорий, ставших основой формирования единой империи. Но есть и примеры ее дезинтеграции (например, в годы Гражданской войны). Каждый из этих процессов имел свою цену, которую населению приходилось платить за эти этнополитические эксперименты. В случае интеграции новичкам приходилось затрачивать усилия на адаптацию и ценой интеграции нередко становилось их растворение в новой этнической среде. Все малые народы в ходе их интеграции в большие сообщества стоят перед угрозой утраты своей идентичности. Можно рассматривать сепаратистские настроения как психологическую реакцию этнической группы на страх потери своего национального «Я».

В случае дезинтеграции угроза распада введет к разрушению не только политической, но и социальной целостности. Один из российских социологов назвал это состояние «социотрясением». Здесь тоже происходит утрата идентичности, но в данном случае – идентичности большей группы (например, имперской идентичности или идентичности с советским народом). При этом энергия распада, высво-

бождаемая при таких процессах, трудно управляема и чрезвычайно опасна. Во всяком случае история знает немного примеров мирных «разводов» народов (чехи и словаки) и позже мирного сосуществования. Чаще мы становимся свидетелями и участниками этнических и религиозных конфликтов и войн, роста ксенофобии и этноцентризма как части более общего процесса подъема авторитаризма. Говорить о движении к демократии одновременно с процессами дезинтеграции — это обманывать самих себя. Распад бывшего СССР и Югославии — тому примеры.

Дезинтеграция бывшего СССР имеет свою специфику, корни которой уходят в период складывания как СССР, так и Российской империи. При этом стоит заметить, что линии разломов проявлялись в тех же самых географических пунктах на протяжении этих кризисов. Так, в годы Гражданской и Великой Отечественной войн эти разломы стали наиболее заметными. Видимы они и сейчас. После того как от России отделились бывшие союзные республики, изнутри угрозу целостности стали представлять Кавказ, Татарстан, Якутия и другие территории уже не только на окраинах страны.

Для процессов дезинтеграции России характерно наложение ряда факторов, которое лишь усиливает деструктивные тенденции. Прежде всего стоит отметить воздействие **экономических факторов**. Катастрофическое снижение производства и отсутствие видимого результата рыночных реформ усиливает тенденции дезинтеграции особенно в регионах, где экономический упадок ощущается в наибольшей степени (Дальний Восток, Урал, Сибирь). Сегодня угроза сепаратизма исходит от территорий, которые стремятся освободиться от контроля со стороны центра, и выражается в форме экономического эгоизма. При этом недовольны все: и регионы-доноры, переживающие процессы «кувейтизации», и регионы, получающие помощь. Региональные лидеры хотят по максимуму оставлять себе собираемые налоги, так как не видят особой помощи от федерального правительства в решении своих местных проблем.

В целом ряде регионов в 1990-е годы создавались и своего рода региональные союзы, направленные против Центра («Сибирское соглашение», объединение «Большая Волга» и др.). Пожалуй, наибольшее напряжение между центром и регионами проходит именно по территориальным и по собственно этническим линиям и имеет экономическую природу.

Следует отметить, что наряду с дезинтеграционными проявляют себя и интеграционные тенденции. До сих пор единые транспортные и энергетические системы являются своего рода «скрепами», стягивающими Россию воедино. Правда, эти скрепы не столь могущественны, как ранее. Так называемые «естественные монополии» функционируют не только как собственно экономические интеграторы, но они не позволяют распасться и многим социальным связям. Не случайно попытки разрушить естественные монополии приводили к серьезным политическим столкновениям. Однако для управляющих этими гигантами деятелей характерно скорее не государственное, а технократическое мышление. Далеко не всегда они размышляют о своих детищах в терминах политики. Те огромные финансовые потоки, которые контролируют естественные монополисты, уже сыграли и несомненно сыграют в будущем значительную роль в интеграции страны.

Политические факторы также играют существенную роль в дезинтеграции страны. Начнем не столько с наиболее существенных, сколько с символических моментов¹. В начале 1998 г. Дума обсуждала вопрос о государственной символике России и так и не смогла прийти к решению. Когда же в 2000 г. этот вопрос был решен Думой, это тут же вызвало недовольство правых фракций. Политическое противостояние по вопросу о флаге, гимне и гербе лишало российских граждан наиболее видимого выражения национального единства. С психологической точки зрения, это чрезвычайно деструктивно действует на формирование чувства «мы», без которого ни о какой политической интеграции говорить не приходится. То, что в конце концов было принято, хоть и спорное решение, есть факт позитивный с точки зрения политической психологии.

Конечно, есть и более существенные факторы политической дезинтеграции. Кажется, за годы правления I Президента постсоветской России в стране не осталось ни одного региона, местное законодательство которого не противоречило бы общероссийскому. Когда в

¹ Символические элементы, обеспечивающие национальное единство, — феномен интернациональный. Когда террористы разрушили здания Международного торгового центра в Нью-Йорке, политологи прежде всего обратили внимание на то, что эти здания являются символами могущества США. Очевидно, что их выбор в качестве цели террористами был направлен на то, чтобы разрушить символическую идентификацию американцев, привыкших считать себя самой могущественной страной в мире.

1991 г. Б. Ельцин пришел к власти, первое, что он предложил регионам, — брать власти (суверенитета) столько, сколько смогут. В этом смысле именно центр стал инициатором дезинтеграционных процессов. Но и провинции тоже приложили руку к расшатыванию Федерации. Сепаратистские настроения можно было наблюдать практически во всех субъектах Федерации. Так, Дальний Восток, чувствуя себя брошенным Москвой, ощущает сегодня большую близость к Японии, Китаю или Корее и прекрасно помнит о существовании Дальневосточной Республики, возникшей после революции. Неудивительно, что Центру никак не удавалось укротить губернатора Наздратенко. Не случайно и то, что лидеры сибирских регионов, не надеясь больше на Москву, объединились, чтобы решать свои проблемы. Был момент, когда губернатор Россель решил, что пора выпускать собственную валюту. Поэтому первая задача, поставленная Президентом Путиным своим полпредам в 7 округах, заключалась в приведении местных законодательств в соответствие с федеральным.

Перекосы во властных отношениях, однако, имеют место не только между Центром и отдаленными территориями. Конфликт между Центром и регионом можно наблюдать на примере Москвы. На протяжении этих лет такие конфликты возникали неоднократно. Достаточно напомнить о конфликте Лужкова и Чубайса по вопросу о приватизации. Накануне выборов 1999–2000 гг. этот конфликт приобрел явно политическую окраску. Не прекращается это противоборство и поныне.

Суть всех конфликтов этого рода состоит в неудовлетворенности региональных элит своим местом в политической структуре и выражается в требованиях перераспределения полномочий в пользу регионов. Тот факт, что уже в конце 1990-х годов более 15 субъектов Федерации сформировали собственные советы безопасности, говорит о многом и явно не сводится к амбициям политических элит в регионах. Ведь это свидетельство неспособности Центра поддерживать военных.

Еще один политический источник дезинтеграции исходит из системы выборов в стране. Практически по всей стране сейчас при попытках Центра перехватить контроль над ходом (и результатом) выборов находится в руках региональных лидеров. Они используют широкий набор инструментов контроля: от административных ресурсов до запугивания избирателей, от отбора кандидатов по этническо-

му признаку до поддержки харизматичных лидеров вроде Лужкова. При определенных условиях контроль Центра над выборами весьма проблематичен и у региональных руководителей возникает соблазн, используя демократические механизмы, перераспределить власть в свою пользу.

Наряду с негативными тенденциями, следует отметить и некоторые интегративные процессы. Они связаны с общностью интересов различных территорий. Те же самые губернаторы, а позже их представители в Совете Федерации (СФ), которые пекутся о своих местных интересах, в Совете Федерации вынуждены искать выход из кризиса совместными усилиями. Совет Федерации до последнего времени играл существенную роль в российской политике именно как фактор интеграции, а его первый председатель Е. Строев был одним из наиболее серьезных и влиятельных политиков последнего десятилетия. Президент Ельцин считался с СФ гораздо больше, чем с нижней палатой. Правда, Президент Путин пошел по пути снижения роли СФ, одновременно отстраивая новый институт — Государственный Совет, имеющий исключительно консультативные функции.

Третий фактор — это сложнейший этнический состав населения России. На территории страны живет 152 народа и народности, при этом этнические русские составляют более 80%. Эта рассыпающаяся мозаика веками скреплялась наднациональной идеей: вначале имперской, затем советской. Сейчас такой идеи нет. Попытки Администрации Президента вырастить национальную идею в пробирке оказались нерезультативными. Налицо явный рост этноцентризма и замена национальной идеи поисками «малой Родины» как ее эрзаца. Трудно себе представить, что в такой стране, как Россия, где большая часть населения была воспитана на «великих идеях», можно всерьез увлечь кого-то идеями рыночного рая.

Подталкивают процессы дезинтеграции и **демографические процессы**. Каждый год население страны убывает на 700 000 человек. Этот процесс происходит неравномерно: больше всего потерь среди русского населения. Это приводит к росту миграции и метисизации населения. Как это ни парадоксально, но метисизация может оказать интегрирующее воздействие: в стране, где население сильно смешано, подрываются позиции этноцентризма и национализма. Хотя события последнего времени свидетельствуют о том, что этот фактор действует меньше, чем раньше.

Следует подчеркнуть, что психологически процесс этнической идентификации легче происходит в малых группах, чем в больших. В России это осложняется еще и тем, что на этническую идентификацию накладывается территориальный компонент. Наша территория не только охватывает два континента, но и имеет сложные евроазиатские культурные традиции. Неудивительно, что наш менталитет имеет столь мозаичную структуру. Может быть, именно в силу этой особенности, несмотря на обвинения в «имперском» сознании и психологии «угнетателей», по-настоящему национализм в России за это десятилетие не расцвел, хотя его бытовые проявления весьма заметны.

Религиозный, а точнее этноконфессиональный фактор становится все более значимым в анализе процессов интеграции—дезинтеграции. Хотя в России представлены все мировые религии, большинство населения исповедует Православие. Наряду с этим, согласно данным ряда экспертов, от 12 до 15 млн россиян являются мусульманами. Москва — самая крупная в Европе мусульманская столица. Мусульмане живут не только компактными общинами (в Татарстане, Башкортостане, Дагестане), но и по всей стране. Модель столкновения цивилизаций, предложенная Хантингтоном, для России означала бы гражданскую войну на всей территории. Это стало особенно очевидно после террористических актов в США и обострения страхов перед исламским радикализмом.

На деле в нашей истории до сих пор не было серьезных этноконфессиональных конфликтов. Как правило, и сейчас за религиозными причинами на деле скрываются чисто политические. Психологически две конфессии — православие и ислам в России достаточно близки. Возможно среди других христианских конфессий православие ближе всего к исламу в таких вопросах, как отрицание крайнего индивидуализма, культ материальных благ и приоритета общинных интересов над личным. Ряд экспертов по вопросам исламской психологии придерживается мнения, что исламский мир не приемлет западных ценностей не столько по собственно религиозным причинам, сколько из-за неприятия западного «цивилизационного мессианизма». Это же относится и к позиции Православной церкви. Такая общность позиций может послужить на благо интеграции страны вопреки прогнозам С. Хантингтона.

§ 2. РУССКИЕ О СЕБЕ И О ДРУГИХ¹

В последнее десятилетие на территории бывшего СССР происходит не просто политическая трансформация, но одновременно имеют место несколько весьма сложных процессов: изменяются социальная и экономическая системы, идет складывание новой политической системы, меняются режимы и ведется поиск новой этнополитической и геополитической реальности. Для обычного гражданина все эти сложные процессы выглядят скорее как быстрая смена всех привычных форм жизни и зачастую ведут к утрате всех привычных ориентиров: ценностных, моральных, политических. При этом личность теряет и привычные ей системы привязок к социальным общностям, к системам ценностей. Одним словом, происходит потеря идентичностей, которые и помогают личности общаться с другими людьми.

До тех пор, пока он не найдет свою новую идентичность, говорить об успехах демократических преобразований преждевременно. Этническая идентичность как элемент более широкой гражданской идентичности нередко служит едва ли не последней опорой личности при потере многих других привычных ориентиров в обществе. Судить о степени сформированности этнической идентичности можно прежде всего по тому, как человек воспринимает свой собственный и другие народы, как эти ауто- и гетеростереотипы вписываются в его структуру личности.

Общетеоретические проблемы, связанные с пониманием процессов трансформации политической системы, политического поведения российских граждан, нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке.

В данном разделе мы, **во-первых**, попытаемся реконструировать пространственный образ своей страны у наших граждан, понять, как они воспринимают свой народ, другие народы, какие из этнических групп для них более близкие, а какие — более далекие.

Во-вторых, нам представляется необходимым проанализировать собственно *психологическое* содержание выявленных этнических стереотипов.

В-третьих, важно понять, как вписываются этнические ауто- и гетеростереотипы в *политическую картину мира* граждан.

¹ Данный раздел написан в соавторстве с Е. Брицким и М. Денисенко.

В-четвертых, необходимо понять, насколько *характер первичной политической социализации* сказывается на этнической идентификации в условиях изменения самой политической и географической реальности постсоветского пространства.

И, наконец, **в-пятых**, работая в рамках политико-психологического анализа указанной проблемы, мы предпримем анализ отдельных кейс-стадиэ, чтобы показать *индивидуальные различия* в становлении этнических стереотипов.

Ответы на эти вопросы были получены в ходе двух исследований, имеющих по преимуществу качественный характер¹.

¹ *Первое* из этих исследований, посвященное восприятию демократических ценностей, проводится нами ежегодно по квотной выборке, начиная с 1993 г. В данном разделе мы проанализируем данные опроса, проведенного в декабре 1997 г.

Выборка этого исследования составляет 61 респондента, среди которых было 8 государственных служащих из центральных органов исполнительной власти довольно высокого ранга. Остальные респонденты — обычные граждане, пропорционально отобранные по полу, возрасту, уровню образования, профессии. Наличие политиков в качестве контрольной группы позволяет сравнить ценности рядовых граждан и тех, кто принимает политические решения.

Инструментарий данного исследования включает в себя *анкету и глубинные интервью*. Анкета позволяет зафиксировать основные политические установки и ориентации респондентов. Среди вопросов, которые содержатся в анкете, нас в первую очередь будут интересовать ответы на 4 из них, описывающие восприятие российскими гражданами границ своей страны, их этнических этностереотипов и националистических установок как элементов авторитарной личности. Глубинные интервью позволили получить информацию о характере политической социализации респондентов и их ресоциализации в период смены политической системы, а также составить представление о психологической структуре личности каждого респондента, что было использовано, в частности, для анализа методом case-studies.

Второе исследование явилось продолжением и конкретизацией первого. Оно было проведено в марте 1998 г. и носило исключительно качественный характер. В каждом индивидуальном случае нами выявляются механизмы, условия социализации, которые повлияли на тип этнической идентичности данного респондента, описываются его основные характеристики. Это исследование было посвящено изучению формирования ауто- и гетеростереотипов у группы респондентов, составленной из одних только этнических русских.

Выборка состояла из 10 респондентов, принадлежащих к 7 различным возрастным группам от 13 до 75 лет, поровну мужчин и женщин, имеющих различный социально-профессиональный статус, род занятий, отличающихся по социальному происхождению, родившихся в городской или сельской местности. Все они — жители Москвы. 4 респондента представляют собой три поколения одной семьи, что дает

Мы предположили, что проявление национализма, этноцентрические установки опрошенных (там, где они зафиксированы) встроены в их политическую картину мира, являются проявлением феномена авторитарности, корни которого можно проследить в ходе политической социализации. Процессы дезинтеграции России, как до этого процесс дезинтеграции СССР, вызывают у граждан фрустрацию, растерянность и как следствие могут стимулировать имперские, националистические установки особенно у тех респондентов, которые в годы первичной политической социализации получили определенную «прививку» авторитарной психологии.

Гипотезой второй части исследования было предположение о том, что тип политической социализации респондентов является решающим фактором формирования различных моделей этнической идентификации, отразившихся в соответствующих этнических стереотипах. Этноцентризм, присущий ряду респондентов, имеет своими истоками как особенности семейных и других влияний на этапе первичной социализации, так и резко изменившиеся политические и идеологические условия современного периода, которые требуют включения личностью защитных механизмов для сохранения целостности личности, ее адаптации в процессе ресоциализации. Мы предположили, что различные компоненты этнических стереотипов (конативные, когнитивные и эмоциональные) могут быть не синхронизированы в ходе поиска новой идентичности в условиях политической трансформации России и сменой политической среды.

Восприятие русскими своей национальной идентичности и этнические стереотипы. Анализ данной проблемы начнем с *общей картины мира* наших респондентов, компонентами которой являются их представления о самих себе, их стране, их собственном этносе и других этнических группах (как ближних, так и дальних). Психоло-

возможность получить более полное представление о семье как агенте политической социализации.

Инструментарий данного исследования включает в себя *глубинные интервью*, в ходе которых получены данные о личностных особенностях респондентов, об их Я-концепции, самооценке, их представлениях о своей семье, детях, родителях, типе властных отношений в семье, прошлом и настоящем своей страны, о своей этнической группе и других национальностях, степени их близости-дальности, об их политических ориентациях и др. Для получения более детальных представлений о личности респондентов применялся цветоассоциативный тест Люшера. Для обработки ответов опрошенных использовался также метод построения семантического дифференциала.

гически эта картина может совпадать с политическими реалиями, а может быть достаточно искаженной. Особенно нас интересовало наличие в менталитете опрошенных нами российских граждан установок на этноцентризм, националистических стереотипов.

В нашем первом исследовании перед опрошенными было поставлено несколько вопросов, позволивших получить ответы о наличии этнических стереотипов на всей выборке. Так, респонденты определяли свое согласие или несогласие с утверждением «Нерусские имеют слишком большое влияние в России». Результаты (табл. 1) показывают, что число тех, кто согласен с этим утверждением, превосходит число несогласных, что можно проинтерпретировать как проявление страха перед нерусскими. Еще более опасной эта тенденция представляется в среде политиков (хотя число опрошенных незначительно: 6 : 2).

Таблица 1

Согласны ли вы с тем, что нерусские имеют слишком большое влияние в России? (в % к общему числу опрошенных)

	Да	Нет	Не ответили
Рядовые граждане	47,5	37,7	1,8
Политики	9,8	3,2	—
Всего	57,3	41,0	1,8

Вопрос был задан таким образом, что в нем не были дифференцированы этнически нерусские жители России и иностранцы. Наши респонденты по преимуществу имели в виду первую категорию, которую и обсуждали, давая свои комментарии. Суть же влияния нерусских опрошенные видели в доступе к рычагам политической власти и в экономическом влиянии. Тот факт, что в целом для более половины респондентов эта тема оказалась весьма значимой, говорит не столько о реальных возможностях нерусских граждан влиять на российскую политику, сколько о месте этой темы в их менталитете, о ее присутствии в их политическом дискурсе¹.

¹ Примечательно, что в апреле 1998 г., когда разразился правительственный кризис в связи с уходом правительства Черномырдина, национальная тема оказалась в центре политических дебатов при утверждении новой кандидатуры на пост премьер-министра. Лидер коммунистов Г. А. Зюганов прямо потребовал, чтобы национальная принадлежность кандидата учитывалась президентом при выдвижении его на этот пост.

Не случайно, что все без исключения респонденты, считающие, что в России нерусские пользуются слишком большим влиянием (заявляя таким образом, что хотели бы его ограничить), в ответе на другой вопрос анкеты о ранжировании политических ценностей предпочли бы «порядок» «свободе», что можно считать еще одним показателем авторитаризма. В данном случае следует говорить именно о той разновидности авторитаризма, которая во главу угла ставит традиционализм в противовес либерализму и модернизму.

Нас интересовало, в какой степени эта враждебность распространяется на неполитическую сферу (дружбу, соседство, супружество). В качестве этнических групп, вызывающих наибольшие эмоциональные отклики в России, были выбраны *еврей* (традиционный объект этноцентрических установок), *чеченец* — объект наиболее острых националистических чувств последнего времени и *негр* — как наиболее редко встречающийся и наиболее далекий по внешним признакам. Все три представителя расовых и этнических групп легко отличимы от русских внешне, что является обстоятельством, облегчающим формирование этнических стереотипов. Полученные ответы свидетельствуют о том, что в этой чисто гуманитарной области уровень этноцентризма значительно ниже (табл. 2).

Таблица 2

Считаете ли Вы, что чеченец, еврей, негр могут быть Вашим соседом, другом, супругом? (в % к общему числу опрошенных)

	Сосед	Друг	Супруг
Рядовые граждане	55,7	52,4	32,7
Политики	8,2	8,2	6,6
Всего	63,9	52,5	39,3

В этих данных обращает на себя внимание то, что как обычные граждане, так и политики весьма толерантны в отношении соседей, более избирательны в выборе друзей и довольно осторожны при выборе супруга. Для многонациональной страны, население которой весьма метисизировано, эти данные свидетельствуют об изрядной фрустрированности этнических русских в отношении иных национальных групп. Последний параметр (выбор супруга) является самым показательным, так как он отражает наиболее глубинные уровни этнического стереотипа. Тот факт, что менее 40% русских толерантны в от-

ношении иных национальных групп, говорит о серьезной опасности этноцентризма. Большая толерантность политиков в этом вопросе является скорее следствием их большей осторожности в отношении опроса и боязни обвинений в национализме, чем о действительной национальной толерантности.

В данном исследовании был задан также вопрос, касающийся фиксации этнической принадлежности в российских паспортах. В отличие от многих стран в советских, а затем и в российских паспортах фиксируется этническая принадлежность граждан. Эта статья, известная как пятый пункт, на протяжении многих лет была источником как явной, так и скрытой дискриминации при приеме на работу, продвижении по службе и т.д. Предложенный Президентом проект нового законодательства, отменяющего обязательное указание этнической принадлежности, вызвал серьезные политические дебаты. Многие лидеры автономий, русские национал-патриоты и коммунисты резко возразили против законопроекта, считая, что это нарушает права национальных меньшинств — с одной стороны, и дискриминирует доминирующий этнос — с другой. За законопроект выступили политики демократической ориентации и исполнительная власть.

Полученные нами данные показывают, что как у националистов из автономий, так и у русских национал-патриотов есть определенная социальная база. 59% опрошенных считают, что в паспортах следует оставить графу «национальность» и лишь 32,7% полагают, что ее следует отменить. Особенно любопытно, что наши респонденты — представители исполнительной власти, которая была инициатором нового законопроекта, — разделились пополам на сторонников и противников данного решения. Это означает, что сама власть не гомогенна, а ее представители в индивидуальном качестве не поддерживают это решение, проявляя национализм на бытовом уровне.

Наиболее интересные результаты были получены нами в ответах на открытый вопрос о субъективном восприятии границ России. Если в прежние годы (1994, 1995) «ностальгические» ответы встречались достаточно часто, то в декабре 1997 г. картина получилась очень пестрой.

Рассмотрим ответы на этот вопрос в двух ракурсах. Вначале сгруппируем их по *содержательным основаниям*. Так, лишь 18% ответов позволяет связать национальную идентичность респондента с

бывшим СССР. Добавим к этому 8,2% тех, кто видит связь нынешней России с Российской империей до 1913 г. Этот тип ответов, как ни странно, особенно часто попадает в анкетах политиков. В то же время восприятие России в ее нынешних границах отмечено примерно в 40% ответов. Это показывает, что массовое сознание не смотрит назад, а приспособилось к реальности и адекватно оценивает положение России в мире. Эти данные опровергают стереотип, имеющий хождение как на Западе, так и среди ряда левых политиков в России, о существовании широкой социальной базы для возвращения к коммунистическим временам.

Обобщая ответы респондентов по второму показателю — по *величине той территории, с которой они себя отождествляют субъективно*, можно выделить два полюса, к которым они стремятся. На одном — ответы тех, кто хотел бы видеть Россию в максимально широких границах. Эти люди ориентированы на традиции СССР и Российской империи. Среди этих респондентов есть и такие, кто живет прошлыми реалиями, но немало и тех, кто связывает будущее России с Европой, считая ее частью «европейского дома». В этой группе **«максималистов»** или «интеграторов», к которой относятся 36% опрошенных, — люди разных политических ориентаций, возрастов и пола. Пять из восьми политиков принадлежат к этой категории.

Другая группа — **«минималисты»**, считающие, что Россия должна оставить себе как можно меньше территории, отказаться от «лишнего» — сводит свою национальную идентичность вплоть до Москвы и Московской области. В этой группе ответов встречались и такие: «Россия для меня ограничивается моей семьей». «Минималисты» составляют 18% от общего числа опрошенных. Эта тенденция, несомненно, отражает фрустрированность той части общества, которая потеряла свою старую идентичность и не нашла новой. С одной стороны, эти люди стоят на позициях, противоположных имперским, но с другой — они чаще, чем две иные группы, высказываются в этноцентрическом духе. Дело в том, что «минималист» ограничивает свой образ России только этническими русскими, исключая «иностранное государства», «соседей», «Прибалтику», «Чечню», «бывшие союзные республики».

Кроме тех, кто определяет свою идентичность в терминах «макси» и «мини», есть большая группа **«реалистов»** (36%), чье восприятие России психологически и политически адекватно нынешним гра-

ницам России. Только каждый десятый из опрошенных **затрудняется** определить свою национальную идентичность в территориальном смысле.

§ 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

В обыденном сознании сегодняшних россиян (речь в исследовании пойдет только о русских) единый ауостереотип находится в процессе становления, заимствует многие свои черты из прошлого. Глубинные интервью, взятые в ходе второго исследования, дают представление о психологическом содержании этих стереотипов. Приведем некоторые особенности ауто- и гетеростереотипов у десяти наших респондентов в контексте их личностных и политических характеристик.

1. Сергей, 26 лет, неполное среднее образование, сторонник Жириновского. Этноцентричен, полагает, что русские выше других народов. Близкими русским считает итальянцев, далекими — англичан. Основанием для определения близости-дальности у него служит «характер».

2. Иван, 12 лет, школьник, политикой не интересуется. Считает, что у России нет врагов, отношение к ней у всех народов нейтральное. «Между всеми странами дружные отношения, потому что они в НАТО вступили».

3. Наташа, 22 года, студентка, политически нейтральна. Симпатии испытывает к славянским народам, отдельным европейским нациям (французам, например). Антипатии вызывают мусульмане, евреи. Считает, что к «России враждебно относятся развитые страны». Какие именно — назвать не смогла.

4. Мария, 25 лет, аспирантка, экономист, политически нейтральна. Считает возможной угрозу России со стороны мусульман-фундаменталистов. Оперирует религиозными, а не этническими аргументами.

5. Виктор, 62 года, инженер, сторонник Явлинского. Считает, что все беды России происходят от распада СССР, с Чечней можно было мирно договориться. Дружественные чувства испытывает к славянским народам, исключая Польшу. Чужими для русских считает румын, венгров, балтийские народы. Из более дальних стран называет Пакистан, Германию, Англию.

6. Георгий, 74 года, пенсионер, образование высшее, коммунист. Близкие для него по национальному признаку — сербы, словаки, по духу — индийцы, французы, финны. Враждебными к русским считает поляков и англичан. По сравнению с ними американцы ближе русским по характеру. Совсем чужих — так, чтобы был полный антагонизм, — просто нет. Близость или дальность народов объясняет экономической конкуренцией.

7. Лариса, 72 года, среднее образование, коммунистка. На вопрос о врагах ответила, что враги не те, кто ракетами забрасывает, а те, кто разлагает изнутри (порнография). Считает, что русских не любят нигде — ни в Европе, ни в Америке.

8. Татьяна, 51 год, образование высшее, придерживается демократических взглядов. Этнических предубеждений нет. Дружественными считает югославов, славян вообще и особенно украинцев и белорусов. Среди более далеких называет американцев. Мотив — психологический — близость характеров.

9. Алла, 63 года, образование высшее, политически нейтральна. Своими считает болгар, украинцев. Литовцы, эстонцы, чеченцы всегда были нам чужими. Ближе — грузины, армяне, казахи. Дальше — туркмены, узбеки. Помимо этнической близости, учитывает религиозные. Но и среди христиан воспринимает католиков как враждебную силу. Американцы, как она полагает, хотят поработить русских, так же как этого хотел Гитлер.

10. Михаил, 26 лет, студент, политически нейтрален, верующий. Настроен антизападно. Американцы — вроде друзья, а НАТО на Восток расширяют. Японцы — вроде друзья, а рыбу нашу ловят, лес вырубают. Нам проще со славянскими народами. Объясняет это общими чертами характера, традициями. Стал негативно относиться к Америке, так как нас она наводнила низкопробными фильмами. Считает это признаком явной колонизации.

Рассмотрим вначале особенности *аутостереотипов* русских. В обыденном сознании респондентов аутостереотип трансформируется вследствие кризиса национального самосознания, вызванного разрушением привычной системы ценностей после распада СССР. Осознанно или подсознательно респонденты черпают многие черты аутостереотипов из прошлого. Это прежде всего выражается в суждениях о принадлежности к великой, многочисленной нации, занимающей позицию сверхдержавы.

Следует отметить превалирование *положительных* оценок и их приоритетное положение в аутостереотипе над негативными, что говорит о позитивной идентификации респондентов с собственным этносом. Приведем лишь некоторые из них: доброта, щедрость, миролюбие, простота, прямотушие, духовность. Ответы респондентов на вопросы о своем народе, как правило, сопровождаются эмоциональным подъемом, гордостью за свой народ. Некоторые ответы отличаются ироничным контекстом. У большинства респондентов аутостереотип более конкретен, чем гетеростереотипы, в которых имеется порой лишь эмоциональный аспект.

Есть различия аутостереотипа у старшего и молодого поколений. У молодого поколения более выражен религиозный компонент — они чаще подчеркивают влияние православия на русскую культуру, духовность, государственность. Между тем старшее поколение больше внимания уделяет социально-политическим проблемам, оценивая численность русского народа, положение по сравнению с другими народами бывшего СССР.

Набор *негативных* аутостереотипов традиционен: бесшабашность, пьянство, безынициативность. К негативным аутостереотипам можно отнести суждения о несправедливом отношении русских к малочисленным народам в рамках бывшей о Советского Союза, которое проявлялось в политике русификации (Виктор Павлович, 62 года). Однако подобные суждения встречаются редко даже у людей старших возрастов. Их доля относительно положительных аутостереотипов незначительна.

Гетеростереотипы респондентов выявлены в отношении национальностей, традиционно значимых для русских. Среди славян — это соседние народы (украинцы, белорусы, словаки, чехи, сербы, болгары). Все они воспринимаются близкими русским в духовном и культурно-языковом плане. При этом нынешние отношения со своими бывшими соседями по СССР треть респондентов рассматривает в терминах «отдаляющихся, но зависимых от сильного соседа», имея в виду экономический аспект взаимоотношений России, Украины, Белоруссии. Респонденты оценивают народы Прибалтийских стран, татар, евреев, которые отличаются, по их мнению, по духу, по религиозной принадлежности, по национальному характеру и темпераменту от русских, подчеркивая дистанцию с ними. Антагонизма, страха, угрозы со стороны вышеперечисленных народов опрошенные не ис-

пытывают. Крайний отрицательный полюс гетеростереотипов занимают суждения в отношении мусульманских народов, а среди них прежде всего чеченцев. Однако сами респонденты признаются, что являются в этом случае жертвами пропаганды средств и не рассматривают войну в Чечне как чисто национальный конфликт.

Что касается соотношения различных компонентов в гетеростереотипах русских, то закономерно проявляется наибольшее эмоциональное переживание в связи с народами, вызывающими крайне отрицательное отношение (чеченцы, мусульмане). Положительные эмоции в отношении близких, соседних народов более сдержанны. Амбивалентные эмоции были выражены респондентами в отношении к евреям, американцам. Образы этих народов малоразвернуты, слабоаргументированы.

Когнитивный компонент установок в отношении своего и других народов серьезно отличается: свой этнос представляется менее однородным, некоторые респонденты затруднились составить типичный портрет русского — нашего современника. Это обстоятельство затрудняет их идентификацию со своим народом: «Русский народ слишком многочислен и разнолик, чтобы чувствовать, что ты кому-то земляк» (из интервью с Сергеем, 26 лет). В то же время другие народы представляются всем респондентам более монолитными и внутренне солидарными. Повышенное чувство солидарности в противовес разобщенности собственного народа респонденты обнаруживают у чеченцев, народов с Кавказа, евреев.

Большинство молодых респондентов и некоторые из старшего поколения указали на безразличное отношение к своей национальности: «Моя национальность меня никогда ни в чем не защищала» (интервью с Михаилом, 25 лет); «Сами русские люди не хотят, чтобы “русский” было громким словом» (Сергей, 26 лет). Люди старшего поколения указывают на ситуативность проявления своей этнической идентичности: Татьяна Георгиевна (50 лет) чувствует себя русской, когда выезжает за границу; Лариса Ивановна (ее мать, 74 года) считает, что национальный вопрос актуален для тех русских, которые оказались за границами России, теряя свой социальный статус и гражданские права.

Метод семантического дифференциала позволил определить дистанцию, которую ощущают респонденты между своей и другими национальностями. Наиболее далекими из предложенных для оцен-

ки национальностей (украинцы, американцы, чеченцы) респонденты считают чеченцев, что согласуется с данными, полученными в ходе глубинных интервью. Показатель дистанции D между понятиями «русский» и «чеченец» колеблется от 11,5 до 16,9. В отношении к украинцам опрашиваемая аудитория разделилась примерно поровну: 6 человек оценивают дистанцию между ними и русскими минимальной, по сравнению с другими национальностями ($5,0 < D < 8,5$), оставшиеся 4 человека оценивают дистанцию между американцами и русскими меньшей, чем русских к украинцам.

	Чеченец	Украинец	Американец
Георгий Г.	16,9	5,0	13,2
Лариса И.	16,5	13,1	10,8
Мария Н.	11,5	8,5	6,4
Татьяна Г.	11,7	8,8	7,6
Михаил Н.	11,4	6,6	9,6
Алла И.	16,3	6,4	12,4
Наталья В.	13,7	5,7	7,3
Иван П.	15,1	14,7	12,3
Сергей Н.	13,6	8,5	9,2
Виктор П.	11,6	5,1	9,6 ¹

§ 4. НАЦИОНАЛЬНАЯ ОКРАСКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Глубинные интервью, полученные в первом и втором исследовании, дополняют общую картину, описанную выше.

Прежде всего они выявляют *ведущие мотивы*, стоящие за этническими стереотипами вообще и этноцентризмом в частности. Мы полагаем, что такая реакция характерна для переходного периода и является проявлением *защитных механизмов* у потерявшей социальную опору личности. Мотив *защиты* проходит красной нитью через интервью самых разных по возрасту, полу, политическим ориентациям людей.

Почти у всех опрошенных образ идеального гражданина связан с патриотизмом. В одном из интервью раскрывается причина подоб-

¹ Рассчитано по: Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 191.

ной установки: *«Гражданин должен быть патриотом, это должно занимать центральное место. Человек должен знать, что Россия его будет защищать, поэтому он должен быть патриотом».*

Источник такого рода патриотизма — потребность в защите со стороны власти. Чтобы быть патриотом, человек должен чувствовать защиту со стороны России (кстати, из интервью неясно, идет ли речь об обществе или государстве). Впрочем, под Россией обычно понимается именно государство.

От чего необходимо защищать этих людей, что является той опасностью, которая их всех подстерегает? В первую очередь респонденты упоминают экономические угрозы. Парадоксально: практически все они удовлетворены своей жизнью, но никто из них не удовлетворен **материальным положением**.

Другой опасностью, от которой граждане ждут защиты со стороны государства, является утрата жизненных ориентиров вообще и национальной идеи в частности. У наших респондентов, людей с развитым образно-мифологическим мышлением, достаточно хорошо видны эти утраченные ориентиры, как и идеологические установки, мифологемы, присущие национальному менталитету в целом: *«Человеку на этом этапе не сказали главного. Куда мы идем, какое общество хотим построить. Паства есть, пастыря нет. Мы около пропасти. А собаки водят ее вокруг пропасти. Нам не сказали про время, чтобы он был к этому готов. Не сказали цену этого социального похода».*

В ответ на постоянный конфликт между народом и государством, в качестве психологической защиты у русского народа сложился образ царя как защитника, который он пронес через века. Царь (Генсек или Президент) виделся народом, как «свой». Вся же государственная администрация оказалась «неверными и лукавыми царскими слугами», мешающими непосредственной связи царя и народа. Примечателен и контекст восприятия нынешней политической ситуации, которую респондент описывает в терминах традиционного дискурса: в тексте интервью появляется духовный лидер — «пастырь», сподвижники которого — «собаки» и без него ни на что не способны. Люди описывают себя как пассивных участников политического действия: *«Нам не сказали про время», «Не сказали цену».*

Однако этот духовный, харизматический лидер, который должен защищать и направлять народ и с которым происходит отождествление, идентификация, в настоящий момент отсутствует. В наших предыдущих

исследованиях¹ мы уже фиксировали феномен все возрастающего отчуждения граждан от власти, от государства и соответствующие психологические потребности, которые эта власть (будь то государство в целом, отдельные институты или лидеры) не может или не хочет удовлетворить. Потребности в безопасности и в любви (заботе), стоящие за образом власти у рядовых российских граждан, выходят на первое место, опережая даже материальные потребности.

Отсутствие видимых политических сил, т.е. институтов, партий, лидеров, способных стать защитниками их интересов, является причиной обращения в поисках защиты к более крупному образованию — нации. Не случайно все наши респонденты-«националисты» относятся к политикам резко отрицательно.

«Что касается моего отношения к политике, то сначала было равнодушие, неприятие, которые потом переросли в гнев, ярость, а потом, когда понял, что изменений быть не может, пришла какая-то тоска, а сейчас отношение как к лимону».

«О политиках сейчас я думаю, что они все воры и идиоты. И то, что они намного хуже политиков других стран. И могу сказать, что они компетентны и честны на 0,0. И нет таких российских политиков, к которым я бы испытывала доверие и уважение».

«...они слишком заботятся только о себе и не делают ничего для простых граждан страны, хотя, может быть, они что-нибудь и делают, но пока результатов их деятельности не видно. Возможно, испытываю я уважение только к Лужкову, а что касается доверия к нему я не знаю, потому что все, что он делал, он делал только для Москвы, но не для отдельного человека».

«...они грубые, толстые, жадные, нехорошие, ну, может быть, за некоторым исключением. Они нисколько не заботятся о простых гражданах. Единственный, к кому я испытываю уважение, — это Лужков. Но я не могу судить, насколько политики лучше или хуже политиков других стран, потому что не знаю политиков других стран».

«Они нисколько не заботятся о благе простых граждан. И нет таких, к кому бы я испытывал доверие или уважение».

Таким образом, этнические стереотипы, будучи встроенными в более широкий контекст политической картины мира, которая оказалась сильно деформированной в результате изменения политической

¹ См.: Шестопал Е. Образ власти в России: желания и реальность (Политико-психологический анализ) // Полис. 1995. № 4. С. 86–97.

системы, выполняют функцию психологической защиты личности, оставаясь практически единственным механизмом, обеспечивающим личности возможность соотнесения себя с надындивидуальными структурами. В российской политической культуре, которая традиционно была государство-центричной, разрушение государства, дискредитация политической власти, партий и лидеров, по сути нет других объектов, кроме нации (в этническом смысле), которая выполняет эту функцию.

Агенты и факторы формирования этнических стереотипов.

В задачу исследования входило определить обстоятельства, формирующие те или иные этнические стереотипы, роль в этом процессе таких агентов социализации, как *семья, родители, школа, коллектив и общество в целом*. Кроме этого, сами респонденты указали, что на отношение к своей и другим национальностям повлияли личный опыт непосредственного общения, мнения других людей, средства массовой информации, неудовлетворенность нынешним социальным статусом и материальным положением.

Примером могут послужить запечатленные в памяти респондентов рассказы *родителей* о неадекватном поведении других национальностей по отношению к русским (рассказ Наташи, 22 года, об армянах со слов родителей); авторитетность мнения мужчины, старшего по возрасту в «еврейском вопросе» для Сергея, который воспитывался без отца и испытывал потребность в авторитете такого рода; воспитание в атмосфере жестких правил поведения, семейных традиций Ларисы Ивановны, которые определили ее собственное отношение к порядку как к началу всех начал и т.д.

Авторитарные методы воспитания, упомянутые всего в рассказах двух респондентов, определили ригидность собственных установок одного из них в вопросах воспитания и логически дополняют его авторитарный и автопортрет (Сергей описывает себя как сторонника жестких мер в воспитании, симпатизирующего Лебедю, Жириновскому. С легкостью делит людей на «своих» и «чужих», чей социально-экономический статус и культурный уровень ниже, чем у «своих»).

Любопытные закономерности были обнаружены у русских различных поколений в их отношении к *школе, учителям*. Единодушная положительная оценка школы и с точки зрения полученных знаний, и с точки зрения отношения к учителям присутствует у всех представителей старшего поколения (Георгий Георгиевич, 74 года, Лариса Ивановна, 72 года, Алла Ивановна, 64 года, Виктор Павлович, 63 года).

Прививаемые школой коллективизм, воспитание в духе интернационализма находили живой отклик в их детских сердцах (интервью с Георгием Георгиевичем, учителем с большим стажем). С другой стороны, у младших респондентов отношение к школе — негативное или нейтральное (Сергей, Мария, Михаил, Иван).

Отдельно следует отметить связь *образовательного статуса* респондентов с содержанием и направленностью этнических стереотипов. Тесную связь уровня образования и стереотипности мышления можно обнаружить, в частности, у Марии, 26 лет, которая считает, что люди с низким социально-экономическим статусом стремятся найти внешнего врага, подчас другой национальности, который бы был причиной их несчастий. Однако говорить о жесткой зависимости между этнической толерантностью и уровнем образования нельзя: нетолерантными оказались люди, как имеющее высшее образование, так и без него. Следует, однако, заметить, что респонденты со средним образованием продемонстрировали большую эмоциональность при проявлении этнических ауто- и гетеростереотипов по сравнению с имеющими высшее образование.

Личностные детерминанты этнической стереотипизации. Чтобы проанализировать личностные детерминанты формирования этнических стереотипов, обратимся к методу case study. Начнем с интервью с **Сергеем Н., 26 лет**, имеющим оконченное среднее образование, в настоящее время безработным. Его аутостереотип размыт и переживание им чувства сопричастности русскому народу неактуально. «Русский народ слишком многочислен и разнолик, чтобы чувствовать, что ты кому-то земляк. Общие черты у русских — это терпеливость, терпение. Мне кажется, что всех русских объединяет способность забыть обиду, простить». Это достаточно характерное переживание кризиса этнической идентичности, связанное с поиском приемлемого социально-экономического статуса и выражающееся в ощущении потерянности в современном обществе и переживания пессимизма в отношении будущего России. «Конечно, мне бы хотелось переживать за свою Родину, свой народ, но, честно скажу, мне все это по барабану. Русские люди сами не хотят, чтобы “русский” — было громкое слово», — считает Сергей.

В ситуациях личного межнационального общения, которые Сергей часто упоминал в своем рассказе, он, считающий себя независимым от чужих мнений и «единственным сам себе судьей», ориенти-

руется на мнения старших по возрасту мужчин, в чем реализуется неудовлетворенная в детстве потребность в аффилиативной поддержке со стороны родителей. (Сергей рос без отца, а воспитательные приемы матери воспринимаются им и по сей день как бремя.) «Я рос в отсутствии мужского авторитета со стороны отца. Я считаю, что женщина не может дать того, что может дать мужчина, конечно, за исключением сумасшедших алкоголиков каких-то. Я внимательно прислушивался к советам посторонних мужчин. Для меня они были, конечно, авторитетом». Его этнические установки формировались под влиянием потребности в авторитете, которым для Сергея стал старший по возрасту мужчина, «который не очень-то дружелюбно относится к евреям».

Привлекательные личностные черты, которые респондент обнаруживает среди представителей других национальностей, так или иначе связаны с проявлениями маскулинности, в чем просматривается ориентация на авторитет отца. Конечно, мне не нравится, что они (кавказцы) жестокие. Но они справедливые — раз, они могут мобилизоваться — два. Но оговорюсь, за исключением чеченцев. Мне кажется, они очень жестокие и брехуны. Такое представление сложилось, глядя на нынешнюю эту войну. Они там прикрываются высокими словами и идеалами — это все пыль, шелуха. Во-первых, они очень часто врут, это замечено было еще в армии. Они пытаются напустить на себя больше значимости, чем есть на самом деле, рассказать больше того, чего не было. Но, с другой стороны, как друг — он хороший. И поможет всегда, и придет».

Социализация респондента, проходившая под знаком отстаивания собственных убеждений, для чего надо было переубедить других и быть в оппозиции общепринятому мнению, а если надо, то и силу применить. По мнению самого респондента, разделение окружающего мира на «своих» и «чужих» произошло в армии. Это вполне объяснимо, так как в результате прямого контакта с представителями других национальностей взаимные национальные образы становятся четче, особенно если национальности занимают конкурирующие позиции или за ними закрепляются определенные роли. Помимо этого, в армии респондент испытал ужесточения условий существования, и сложившаяся своего рода стрессовая ситуация вызвала эмоциональную мобилизацию, разделившую мир на «своих» и «чужих». «Это сейчас я могу сказать, например, это — дагестанец, этот — грузин, я беру пример Кавказа. Раньше мы всех называли “грузинами”. Стал разделять в армии, потому что

там все равно узнаешь национальность своего товарища. Они там стараются держаться вместе: аварцы с аварцами, лакцы с лакцами. ...В армии всегда будут землячества и всегда будет «дедовщина»».

Отпечаток ригидности несут на себе высказывания относительно политических симпатий, это прежде всего люди, занимающие однозначную позицию, имеющие свое кредо, что согласуется с собственной жизненной позицией респондента быть в оппозиции к общепринятым ценностям, нормам поведения. «Жириновский, Владимир Вольфович, это же еврей чистой воды. Откуда такая защита русского? Может быть, это ширма? Может быть, это прикрытие? Почему человек так печется о русских? Но, это похвально, потому что никто еще так за русских людей не выступал. Хотя, конечно, у него много всяких перегибов, но это я отношу к его характеру. Политики, которым я бы мог поверить? В свое время это был Лебедь. Я его не знал. Почему ему поверил? Потому, что воздух ладонью он рубил решительно и... Молодец! Но потом, глядя на эту политическую проституцию, глядя, как он начал стелиться, начал менять свое мнение. Я понял, что политик он никудашный». В целом современных политических деятелей и то, что происходит в стране, Сергей оценивает резко отрицательно, а акцент на привилегированный статус власть придержащих и их несправедливое отношение к остальному населению связан с неудовлетворенностью респондентом своим социально-экономическим положением и нынешним статусом.

Отмеченные особенности этноидентичности позволяют причислить Сергея к такому типу людей, которые, говоря о незначимости для них их этнического происхождения, все же оперируют жесткими этностереотипами, прежде всего в отношении других национальностей. Это можно расценивать как проявление этноцентричности, иногда носящей агрессивный характер, в зависимости от характера межнационального общения (конкуренция со стороны другого этноса) или от ситуативной удовлетворенности собственным статусом (социально-экономическим положением, гражданским статусом).

Существенной детерминантой этнических стереотипов является религиозность, применительно к нашему исследованию, православие, как частное проявление ригидности установок в отношении к значимым «другим». В качестве примера влияния православия на систему жизненных ценностей, мировоззрения, определяющего жизненную позицию, восприятие других людей и отношения с ними хотелось бы

привести пример Натальи В. Ей 21 год, она студентка экономического факультета, человек глубоко верующий. По ее собственному определению, воспитывали ее достаточно демократично, но родители были требовательны, особенно в вопросах успеваемости в школе, так что иногда, получив плохую оценку, она не хотела идти домой. Профессия отца (в настоящее время полковник в отставке) вынуждала семью к частым переменам места жительства, и с детства респондентке представлялась возможность общения с другими национальностями. Однако более четкими остались в памяти рассказы родителей, в частности, о неадекватном отношении армян к русским. Однако предрасположенности самой респондентки к этой национальности не сформировалось. Граница разделения на «своих» и «чужих» проходит прежде всего по линии религиозности.

Содержательная сторона аутостереотипов интервьюируемой имеет общие черты, характерные для ее стереотипов в целом: доминирующая религиозная компонента, поиски независимых аргументов в пользу своей точки зрения, неагрессивность. Аутостереотип русских складывается, по ее мнению, из «генетических», передаваемых из поколения в поколение черт национального характера и динамических, которые зависят от осознания этносом своего единства. Эмоциональность, с которой респондентка отнеслась к данному вопросу, говорит о высокой мере солидарности, чувстве причастности к проблемам возрождения русского этнического самосознания, которое для респондентки означает прежде всего духовное возрождение народа. Она считает, что «русские генетически благородны и мужественны, особенно это проявляется в критические моменты, достаточно вспомнить Великую Отечественную войну, независимо от того, какая власть. Сюда же можно отнести исключительную любовь к родной земле. Такие проявления <русского национального характера>... несознательные, это, я думаю, генетически передается, какие-то особенности характера каждого народа. В двух-трех словах можно охарактеризовать нацию. А то, что утеряно... Утерян, наверное, вот этот православный дух, которым жила Россия до революции, что ее в конечном итоге привело к процветанию».

Ностальгия по утерянному духовному единству, осознанию собственного величия, духовности позволяет говорить о потребности респондентки в сопричастности коллективному этническому самосознанию, склонности к этноцентризму в форме поиска этнической

солидарности, преодолении кризиса идентичности. Осознание собственной русскости связывается с архетипом «русского человека» дореволюционного периода, в оппозиции к советской идеологической доктрине, современной политике и идеологии. Аутостереотип русского человека дополняют такие душевные качества, как миролюбие, терпимость, дружелюбие, которые исходят от мироощущения респондентки как человека православного. «В принципе, трудно себе представить агрессию со стороны русского человека, направленную на кого-то по национальному признаку». Отношение Натальи к официальной регистрации национальности в паспорте позитивное. Однако, по ее мнению, это более актуально для малочисленных народов, чтобы поддержать свою этническую солидарность и сохранить культурную специфичность, которая может раствориться в общей массе. Фиксирование национальности в паспорте является как бы подспорьем в идентификации человека с собственным этносом. «Можно было бы по всей земле написать “гражданин земли”, но от этого внешние признаки людей не изменятся. Иначе говоря, люди будут все равно отличаться внешне, и тогда придется придумать что-то другое, что будет человека идентифицировать. А потом тут нечего скрывать».

Религиозный компонент почти неизменно присутствует в гетеростереотипе другой, особенно «значимой» для респондентки национальности. Ее полно проиллюстрирует рассказ о знакомом респондентки, чеченце по национальности. «Был хорошо знакомый чеченец. До того как он ударился в мусульманство <...> он никем и ничем не был, будучи в Москве, имею в виду, “национальное” не ощущал. После того, как он начал изучать мусульманство, принял его, появились отличия. Явно человек изменился. <Его> доброта сменилась холодностью. С теми, к кому он хорошо относился, тепло, отношения просто застухли». Из сказанного видно, что респондентка связывает национальное происхождение прежде всего с верой, а потом уже с характерологическими личностными особенностями человека, его культурным уровнем, происхождением. Причем, чем ближе знаком оцениваемый представитель другой национальности респондентке, чем лучше она его знает, чем он значимее для нее, тем отчетливее проявляется характеристика его вероисповедания в общем гетеростереотипе, особенно, если он мусульманин. Наиболее развернутыми, детальными представляются эмоционально положительно окрашенные образы относительно «даль-

них других»: арабов, индусов, негров. Этнические гетеростереотипы в отношении их более распространенные, многосторонние, избылируют примерами личного опыта общения, отражают интерес респондентки к их национальной культуре и традициям.

Условно разделяя мир на «своих» и «чужих», респондентка руководствуется критерием «духовной близости» русским и России. В категорию «своих» попадают сербы, а «чужих» респондентка затрудняется назвать, обобщая их категорией тех, кто «навязывал, т.е. не давал свободного развития России. В любом отношении — в экономическом, духовном, политическом, т.е. изменял бы ее исторический ход насильственно, не учитывая национальные особенности». В целом, восприятие мира, окружающего Россию, не имеет четкого позитивного или негативного знака, не вызывает особенных эмоций.

Обобщая картину этнических стереотипов респондентки, можно выявить такие черты, которые характеризуют этноакцентированный тип людей, для которых одинаково важна как своя национальность, так и национальность значимых «других». Значительную роль в становлении этноидентичности играет православие, характеризующее традиционное русское национальное самосознание. Вместе с наследуемым архетипом русского национального характера именно это помогает осознанию респонденткой своего национального происхождения, духовных истоков. «Чужие» национальности представляются значимыми для нее, если они мусульмане по вере, отношение к ним однозначно негативное, логика «их» рассуждений не поддается здравому смыслу, по ее мнению. Обнаруженные черты позволяют сделать вывод об этноцентризме респондентки, который не носит агрессивного характера по отношению к значимым «другим», а проявляется скорее в мере нетерпимости к другим в силу их религиозной принадлежности, чувстве соперничества русским, сопричастности им.

Важной чертой этнического самосознания русских является социальность, которая тесно связана с традиционным «общинным» самосознанием и означает потребность в социальном оценивании, одобрении, в соответствии с общепринятыми образцами поведения. Эта черта самосознания свойственна старшему поколению и выражается в ностальгии по коллективизму, общегосударственной идеологии, социальной справедливости. Молодое поколение респондентов в связи с этим переживает утраченную «социальность, коллективизм советского времени» как чувство потерянности русского человека в совре-

менной действительности (из интервью с Марией, 26 лет). Анализируя поколенческие различия в качестве детерминанты этностереотипизации, более подробно рассмотрим фактор общественного воспитания в духе коллективизма, который в значительной мере повлиял на этностереотипы старшего поколения.

Из интервью с респондентами старше 50 лет была выявлена единоклюнная и однозначно положительная роль школы, коллективного воспитания на формирование личности. Так, например, Георгий Георгиевич, 74 года, имеющий высшее образование, по профессии учитель: «Воспоминания о школе необыкновенно теплые, ясные и чистые. Я хорошо помню, как мы шли в школу, — мы всегда радовались», «мы были сильнее идеологически и это позволило нам выиграть войну». Он считает, что прививаемые советской школой коллективизм, воспитание в духе интернационализма находили живой отклик в детских сердцах. В аутостереотипе респондента как русского прежде всего присутствуют отголоски черт советской национально-государственной идентичности: это принадлежность к гражданскому коллективу многонациональной страны, переживание национального обособления субъектов Федерации как разрушение этого единства. Как он считает, национальный вопрос в России сегодня состоит в отсутствии единой идеологии, основными принципами которой респондент видит «патриотизм и возвеличивание собственной страны в пределах своего государства, невзирая ни на религиозные убеждения, ни на национальные убеждения. Это России беда, это не русских. Но какая-то доля есть, потому что в России основное население русские, и они должны начать поднимать ее».

Аутостереотип респондента исчерпывается положительными характеристиками русского народа, негативные же остаются в тени эмоциональной оценки респондента — его отношение к ним не высказано. В гетеростереотипах респондента просматривается его ущемленное национальное достоинство как русского и как россиянина. Неприятие жителей Кавказа (перечисляет азербайджанцев, грузин, осетин, чеченцев), скупивших все магазины и расцениваемых как нежелательные пришельцы, мешающие развитию собственно русского купечества, сопровождается высокой оценкой их этнической солидарности в противовес разобщенности современных русских, отсутствием у них единой национально-государственной идеи, потерей Россией статуса мировой сверхдержавы.

Его дочь, Татьяна Георгиевна, 51 год, тоже учитель, считает, что первоочередной задачей, которую должна решить Россия, — это воспитание подрастающего поколения в красоте, преодоление той бездуховности, наркомании, разбоя, которые, по ее мнению, характеризуют поколение «наших бедных детей помоек» в противовес общественному воспитанию, которое давала советская школа, комсомол, идеология социалистического государства.

Ссылка на влияние средств массовой информации и политиков по формированию этнических симпатий и предубеждений в той или иной форме присутствует в интервью всех респондентов. Например: «Образ врага специально придумывается политиками, которые всю нашу историю заменяют столкновением народов» (Татьяна Георгиевна), «мы все привыкли верить массовой информации, приучены к этому» (Алла Ивановна).

Статусная неудовлетворенность — одна из причин национальной напряженности сегодня, — таково мнение нескольких респондентов (Мария, Татьяна Георгиевна и др.). «Когда все живут хорошо, то все равно, кто там с тобой рядом, и ты рад всем. А когда ты живешь плохо, то начинаешь искать врагов и находишь их в лице, может быть, других национальностей» (Мария).

Подводя итог анализу ауто- и гетеростереотипов в ходе исследования, хотелось бы сделать несколько замечаний относительно специфики проявления этноцентричности у русских. Из нескольких уровней этноцентризма в данном случае мы исследуем этноцентризм в его «наивной форме». Вслед за Р. Левайном и Д. Кэмпбеллом исследователи «этноцентризм» стали понимать по аналогии с «эгоцентризмом», чаще всего как отношение или взгляд, при котором ценности, приобретенные из собственной культуры, переносятся на контекст других культур, где действуют совсем другие ценности. Наиболее наивная форма этноцентризма предполагает, что «индивид некритично принимает ценности собственной культуры и автоматически использует их для суждений о менее знакомых объектах и событиях... На более зрелой стадии этноцентричная установка принимает во внимание и другие точки зрения, но при этом рассматривает нормы других культур как неправильные, низшие или аморальные»¹.

¹ *Le Vine R. A., Campbell D. T. Ethnocentrism... P 1.*

Мы считаем данную дефиницию полезной для понимания этнических стереотипов русских. Представления современных русских отражают реальную сложность идентификации этнических русских (не говоря о представителях других этнических групп), живущих в России. А в их определениях «своих» и «чужих» смешаны исторические, психологические, чисто политические, экономические и религиозные мотивировки.

Степень выраженности этноцентризма определяется в российском политическом контексте рядом обстоятельств, среди которых следует особо упомянуть глобальные трансформационные процессы в экономической, политической, социальной и культурной сферах, повлекшими за собой кризис этно-социальной идентичности. Эти процессы определяют российскую специфику проявления этноцентризма.

1. Так, первая особенность — это слабая связь политической ориентации (демократической, коммунистической и нейтральной) с проявлениями этноцентрических стереотипов. Наши предыдущие исследования подтверждают эту тенденцию на статистически значимом материале¹.

2. Более явная связь прослеживается между уровнем образования и наличием или отсутствием этноцентризма.

3. Этнические стереотипы, как ауто-, так и гетеро-, выражены достаточно спокойно, не окрашены яркими эмоциональными реакциями. Этноцентризм не выступает как доминанта размышлений или эмоций личности, не говоря уже о поведенческих реакциях. Даже тема возможного распада России не воспринимается как катастрофа. Реакции опрошенных отличает скорее апатия. Они явно не осознают свою гражданскую роль. Это относится и к политически нейтральным, и пассивным, и к более ангажированным гражданам.

4. В ответах респондентов положительные оценки превалируют над негативными, что говорит о позитивной идентификации респондентов с собственным этносом. У большинства респондентов этнический аутостереотип более конкретен с содержательной точки зрения по сравнению с гетеростереотипами, в которых выделяется преимущественно эмоциональный аспект. Набор негативных аутостереотипов традиционен. Их доля меньше в сравнении с положительными аутостереотипами. Как правило, негативные стереотипы употребля-

¹ См. *Шестона Г. Е.* Перспективы демократии в сознании россиян // ОНС 1996 № 2

ются респондентами в конце списка перечисляемых качеств русского человека или народа.

5. Есть существенные отличия в этностереотипах разных поколений опрошенных. Так, у молодого поколения в большей степени выявляется религиозный компонент этнического самосознания, они чаще подчеркивают влияние православия на русскую культуру, духовность, государственность. Старшее поколение больше внимания уделяет социально-политическим проблемам, оценивая численность русского народа, его положение по сравнению с другими народами в СССР, его культуру.

6. Свой этнос представляется опрошенным менее однородным: некоторые респонденты затруднились составить типичный портрет русского — нашего современника. У наших респондентов наблюдается стертая форма этнических стереотипов, в которых значительное место уделено традиционным архетипическим чертам русских независимо от времени, политического строя и т.д. Чем ближе к современности, тем более размытым, сильно дифференцированным представляется респондентам как образ русского человека, так и представления о других национальностях.

7. Содержание этнических стереотипов во многом определяется «культурными» детерминантами. Быть русским для многих означает быть воспитанным в традициях русской культуры, которая определяет степень близости с другими нациями. Одновременно существенное значение по-прежнему имеет социальная и идеологическая составляющая. Негативно воспринимается «чуждый нам образ жизни, порнография, разбой и т.д.», однако с конкретными народами или государствами это не связывается, за исключением США.

8. Потеря «советской» гражданской идентичности и незаконченный процесс идентификации с российской государственностью дает основание респондентам считать возможным дальнейший распад России на независимые государства. Такую возможность считают вероятной 90% опрошенных. С другой стороны, столь же значительное число респондентов рассматривают совместное будущее России и бывших республик СССР с большой долей уверенности, либо в форме торгово-экономического, либо военно-политического союза, ссылаясь на опыт западноевропейской интеграции. Однако такое допущение взаимоисключающих, на первый взгляд, перспектив развития российской государственности говорит, с одной стороны, о по-

верхностной эмоциональной вовлеченности респондентов в проблемы государственного реформирования. С другой стороны, большая вероятность союза Украины, Белоруссии, Казахстана и России в будущем ассоциируется у респондентов с преодолением социально-экономического кризиса этих государств и в связи с этим кризиса национальной государственности. В настоящий момент респонденты не видят в России какой бы то ни было объединяющей силы или общенациональной идеи: за редким исключением, никто из них не отметил каких-либо политических партий или движений, вызывающих симпатию или доверие, не сформулировал русской или российской национальной идеи, если не считать желание видеть Россию сильной державой, которое свойственно старшей возрастной группе респондентов и связано с ностальгией по СССР. Следует отметить тот факт, что у младших возрастов (до 26 лет) распад СССР не оставил сколько-нибудь заметного следа в сознании.

9. Исследование подтвердило тесную связь этнического самосознания русских с православием. Доказательством этому могут послужить отмеченные в аутостереотипе духовность, религиозность. Однако связывать это напрямую с возрождением православия в обществе было бы преждевременно, ибо даже те респонденты, которые сами себя характеризовали как истинно верующих, считают себя исключением из числа их сверстников.

10. Личностный уровень исследования этнического самосознания выявляет такие детерминанты идентичности, которые ускользают от исследователей массового сознания. Исследование показало, что русские переживают кризис идентичности, что выражается в ощущении потерянности, аполитичности. Партикуляризация массового сознания русских, пришедшая на смену «имперскому» духу, привела к перемене приоритетных ценностей в пользу индивидуальных, прагматических ценностей семейного благополучия, покоя и порядка, которые вытеснили на периферию сознания ценности общенациональные, гуманистические, связанные как с проблемой выживания собственного народа, так и всего человечества в целом.

ГЛАВА 5

ПСИХОЛОГИЯ АВТОРИТАРИЗМА И ДЕМОКРАТИИ

За последние десятилетия ни одна из проблем не обсуждалась в политической науке в целом, и в политической психологии в том числе, столь бурно и заинтересованно, как проблема авторитаризма и демократии. Ей посвящены тысячи работ, многочисленные конференции и конгрессы как за рубежом, так и в России. Для нас эта тема в постсоветский период приобрела особую актуальность. Куда идет Россия? Стало ли за эти годы наше общество менее авторитарным? Развитие политического процесса пока не позволяет ответить на целый ряд ключевых вопросов, связанных и с теорией демократии, и с судьбой политических преобразований у нас в стране.

Проблема авторитаризма и демократии в политической науке обсуждается уже почти полвека. За это время накоплен большой теоретический материал, выработаны методологические подходы к анализу этих феноменов. Однако в теоретических моделях, приобретших статус классических¹, остается немало белых пятен в понимании природы демократии и авторитаризма как политических феноменов и еще больше неясности в определении их психологических составляющих. Обобщая имеющиеся в литературе подходы и дискуссии по огромному массиву опубликованных в литературе эмпирических данных, обозначим некоторые исходные положения, касающиеся понятий, используемых в этой главе, учитывая, что в литературе нет даже рабочих определений авторитаризма и демократии, с которыми были бы согласны все исследователи.

Не претендуя на то, чтобы дать ответы на эти фундаментальные проблемы, попытаемся выделить круг тех из них, которые входят в компетенцию политического психолога. Прежде всего рассмотрим психологические измерения авторитарных режимов. Затем — как

¹ См. работы: Э. Фромма, В. Райха, Т. Адорно, Р. Альтемейера, Р. Кристи и др.

понятия авторитаризма и демократии трактуются политологами. И наконец, остановимся на проблеме психологии демократии.

§ 1. АВТОРИТАРИЗМ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Начнем с психологических подходов к этому феномену. Не случайно первыми работами на эту тему были работы по авторитарному характеру, выполненные как психологические исследования, причем учеными, работавшими в русле психоанализа.

Одним из первых исследователей авторитаризма был психоаналитик, сторонник телесно-ориентированного психоанализа В. Райх, который еще в начале 1930-х годов предпринял специальное исследование авторитарности в его связи с фашизмом. В работе «Психология масс и фашизм» Райх высказал гипотезу о том, что фашистской идеологии оказываются подвержены личности, имеющие определенную психологическую структуру, которую он назвал «механистически-мистическим характером». Эти люди получили, согласно Райху, «неестественное воспитание, подавляющее в личности сексуальность, что ведет к преобладанию в обществе авторитарных отношений».

Ученый полагает, что одним из основных факторов, способствующих становлению фашистской ментальности, является сексуальное торможение, т.е. система запретов, налагаемая на ребенка в семье. В результате такого подавления возникает бессознательная тревога, служащая источником патологических процессов в организме и социальной иррациональности. При этом важной чертой авторитарного сознания Райх считает стремление личности к самоидентификации с государственной властью или иным авторитетом, что позволяет ей избавиться от бессознательной тревоги.

Вслед за В. Райхом к проблеме авторитарного характера обратился Э. Фромм. В известной работе «Бегство от свободы», впервые изданной в 1941 г., он анализирует такой феномен, как стремление отказываться от независимости своей личности и слить свое «я» с кем-то или с чем-то, чтобы обрести силу, недостающую индивиду. Индивидов, обладающих такой склонностью, Фромм описывает как людей с авторитарным характером. В качестве признаков авторитарного характера Фромм выделяет:

— отношение к власти и силе. Последняя бывает внешней (властные институты и их представители) и внутренней или интериоризованной (долг, совесть, супер-эго, принятые в обществе нормы и условности). Для личности с авторитарным характером характерна двухполярная система взаимоотношений с миром. Фромм утверждает даже, что для такого человека существует два пола: но не мужской и женский, а имеющий власть и не имеющий ее. Соответственно он делит всех людей на сильных и слабых. В отношении сильных у такой личности возникает любовь и уважение, а в отношении слабых — агрессия и презрение. Категория равенства в картине мира авторитарного характера отсутствует;

— для авторитарного характера особое значение имеет *понятие «судьбы» как внешней силы*, от которой зависит его жизненный путь. Преклонение перед ней и следование этой внешней силе для него является очевидным и необходимым. В целом для авторитарного мышления свойственно убеждение, что «жизнь определяется силами, лежащими вне человека, вне его интересов и желаний». Эту особенность современная психология определяет как экстернальность, она измеряется с помощью теста Дж. Роттера на локус-контроль. С. Реншон показал связь высоких значений экстернальности с отсутствием демократических убеждений¹;

— для человека с авторитарным характером характерно *неосознанное стремление примкнуть или подчиниться* более высокоорганизованному, чем он, существу или силе.

Фромм показал, что авторитарный характер обладает одновременно садистскими и мазохистскими чертами. Первые проявляются в желании иметь неограниченную власть над другими и в агрессии в отношении к подчинившимся им людям. Последние проявляются в готовности подчиниться и следовать указаниям внутренней или внешней власти.

Говоря о механизмах бегства от свободы, наряду с авторитарным характером, Фромм выделил такие психологические механизмы, как *деструктивность*, проявляющуюся в тревоге, скованности и чувстве бессилия, и *автоматизирующий конформизм*. Оба эти свойства психики способствуют усилению авторитаризма, так как приводят в свою

¹ Renshon S. Psychological Needs and Political Behavior. A Theory of Personality and Political Efficiency. N.Y., 1974

очередь к готовности подчиниться власти, предлагающей личности избавиться от сомнений.

В 1943 г. появляется работа А. Маслоу «Структура авторитарного характера», который в отличие от двух предшествующих авторов показал, что в становлении авторитарных структур личности большую роль играют не только внутренние психологические факторы, но и ситуация, или «поле», в котором происходит становление индивида. Согласно Маслоу, авторитарный человек, как и все психологически незащищенные люди, воспринимает мир как опасные джунгли, несущие в себе потенциальную угрозу. Этот мир населен людьми, подобными животным, которые либо едят, либо будут съедены и соответственно их надо либо бояться, либо презирать. Маслоу указывает на такие типичные черты авторитарного характера, как:

– *иерархичность сознания* (тенденция рассматривать всех остальных людей как соперников, которые либо превосходят, либо занимают более низкое положение по сравнению с самым авторитетным человеком. При этом значение имеют не внутренние характеристики, а внешние атрибуты власти);

– *склонность обобщать характеристики превосходства* или неполноценности;

– *стремление к внешним атрибутам престижа* – власти, деньгам, статусу и т.д.;

– *наличие в характере враждебности, ненависти, предрассудков;*

– *идентификация доброты со слабостью* и стремление использовать ее в своих целях;

– *садо-мазохистские тенденции;*

– *постоянная неудовлетворенность* и неспособность достичь удовлетворения в жизни;

– *внутрипсихологический конфликт;*

– *чувство вины*, которое в свою очередь порождает чувство враждебности.

Помимо этих главных составляющих, авторитарный характер склонен также к таким более частным проявлениям, как

– *ущемление личности женщин и деление всех женщин на мадонн и проституток;*

– *развитие гомосексуальности;*

– *стремление к милитаризованному (сверхорганизованному) и упорядоченному идеалу, стремление к унижению других для подтверждения своего статуса;*

– неприятие образования;
– тенденция избегать ответственности за свою судьбу. Эстетизация подчинения и отказ от своей независимости в обмен на покровительство.

Маслоу призывает быть осторожным, чтобы не спутать всех незащищенных и зависимых индивидов с авторитарными личностями. Однако при этом подчеркивает, что покорные и пассивные граждане составляют значительную часть населения как в демократических, так и в авторитарных или фашистских странах.

Описанные выше работы Райха, Фромма и Маслоу представляют собой первый этап изучения феномена авторитарности. Следующий этап открывается знаменитым исследованием Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсона и Н. Сэнфорда «Авторитарная личность», опубликованным в 1950 г. в Нью-Йорке и переведенным на русский язык в 2001 г.¹

Авторы этого исследования исходили из того, что в основе авторитарного менталитета лежит особый склад характера, т.е. «более или менее устойчивая организация сил индивида, которая определяет его реакции в различных ситуациях и тем самым его устойчивое поведение, будь то в вербальной или физической форме»². Следуя за основоположником психоанализа, авторы полагают, что движущей силой личности являются ее потребности – стремление избежать наказания, желание поддерживать позитивное мнение окружающих о себе и гармоничность своего внутреннего мира.

Хотя работа была написана полвека назад и в последующие годы неоднократно подвергалась критике методологического характера, этот проект продолжает оказывать влияние на современных исследователей. Прежде всего заслуживает внимания теоретическая проработка самого понятия «авторитарный синдром», дающего инструмент для выявления и микроанализа макрополитических объектов. Эта задача остается для политической психологии чрезвычайно актуальной и в наше время.

После работы Адорно и его соавторов, понятие авторитарной личности получило развитие в трудах Г. Айзенка, М. Рокича, Ф. Тэтлока, Р. Кристи, Х. Гибениша, Б. Альтемейера. С. Мак Фарленда, В. Агеева

¹ Адорно Т. Исследование авторитарной личности М, 2001

² Там же. С. 19.

и других политических психологов, подтверждающих, что авторитарность — это особый синдром или связка качеств, которые возникают у личности в ходе ее социализации, преимущественно первичной.

Эти личностные качества проявляются:

— в форме **когнитивных** особенностей, в частности в форме догматизма, стереотипности мышления, нетерпимости к инакомыслию, ригидности, и

— в **потребностно-эмоциональных характеристиках личности**: в авторитарном подчинении (потребности в подчинении властям), в авторитарной агрессии, направленной против тех, кто нарушает общепринятые нормы, и

— **на уровне системы ценностей** в виде конвенционализма или высокой степени приверженности общераспространенным нормам и ценностям, которые воспринимаются как одобренные властью и обществом¹.

Современные исследователи психологии авторитарности пришли к выводу не только о том, что авторитарность отражается на всех уровнях проявления личности, но и о том, что на ее основе складывается особый манипулятивный тип в политике, получивший название «макиавеллиевского»². Исследования также показали, что авторитарность представляет собой своего рода линзу, сквозь которую личность воспринимает власть и политиков³. При этом образы власти таких индивидов рассогласованы и противоречивы, носят патерналистский характер.

Интерес к проблеме авторитаризма в политической психологии пережил периоды подъемов и спадов. Так, в первые послевоенные годы он диктовался стремлением понять психологические истоки фашистского национал-социализма. Затем был период стабильного политического развития, по крайней мере в развитых странах Запада, который породил иллюзию, что авторитаризм для них ушел в прошлое. Однако ни национализм, ни авторитаризм не относятся к числу феноменов, с которыми человечество простилось навсегда, в силу того, что в их основе лежат некоторые фундаментальные пси-

¹ См.: Дьконова Н. А. Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом-контроля у российских и американских студентов. М., 2001.

² Christie R., Geis F. Studies in Machiavellianism. N.Y., 1970.

³ См. диссертацию: Преснякова Л. А. Влияние авторитарного синдрома на индивидуальное восприятие политической власти в России (1990-е годы). М., 2001.

хологические механизмы, которые вновь и вновь приводят к возникновению этих феноменов, как только политическая ситуация становится для этого благоприятной. Однако это явление имеет не только социальные корни, но и подчиняется определенным психологическим закономерностям. В частности, была установлена зависимость между типом семейного воспитания и проявлениями авторитарности.

Признание безусловного превосходства своего народа над другими невозможно обосновать никакими рациональными мотивами. Когда распался Советский Союз, одним из первых вооруженных конфликтов, вспыхнувших на его территории и до сих пор не нашедших своего разрешения, стали конфликты между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха, между Грузией и Абхазией, Грузией и Северной Осетией. Каждая из конфликтующих сторон дает свое обоснование того, почему именно она должна владеть данной территорией. В ход идут и исторические аргументы, и апелляция к справедливости, и призывы к международному общественному мнению. Однако все рациональные аргументы сторон не могут скрыть главного: психологической почвой возникновения конфликта были националистические чувства, подогреты определенные политическими силами, которые использовали их для разжигания конфликта. Даже если объективно никто из его участников уже не будет заинтересован в продолжении военных действий, «выключить» националистические установки автоматически невозможно.

Изучая этноцентризм как частное проявление авторитарности уже в постперестроечные годы, российский политический психолог В. Агеев и американский С. Макфарлэнд пришли к выводу, что этноцентризм у русских и американцев одинаково укоренены в авторитарной личности. И у них, и у нас национальные предрассудки направлены против всех видов культурных чужаков (будь это негры, мексиканцы в Америке или лица кавказской национальности или евреи в России)¹.

Национализм и этноцентризм выражается прежде всего в форме предрассудков в отношении представителей иной этнической группы. В книге «Природа предрассудков» Г. Оллпорт рассматривал предрассудок как социальную установку, приобретенную под влиянием

¹ *McFarland S., Ageev V., Abalkina M. The Authoritarian Personality in the USA and USSR. Comparative Studies // Strengths and Weaknesses: the Authoritarian Personality Today / Ed. by W. Stone, G. Lederer. N.Y., 1994.*

внешних факторов и личностной структуры и выполняющую обычную психологическую функцию. Так, например, неприязнь к неграм и другим меньшинствам описывается им как иррациональное, извращенное и длительное чувство. Дискриминационное поведение в отношении меньшинств нередко является результатом приспособления индивида к определенным социальным привычкам и ситуационным требованиям, а не выражением впитанной с детства враждебности или глубоким убеждением¹.

Проявления нетерпимости к чужакам, людям из другой группы коренятся еще в одном политико-психологическом феномене — **политическом конформизме**.

Существует связь между авторитаризмом и конформизмом. Так, западные исследования показали, что конвенционализм, т.е. жесткое следование определенным культурным нормам, является центральной чертой авторитаризма. Коммунистические взгляды в бывшем СССР были такой же конвенциональной нормой, как теперь в России — демократия. Агеев и Макфарленд показали, что в перестроечный и постперестроечный периоды авторитаризм привязан именно к конвенционализму. При этом смена политических ориентиров с коммунистических на либеральные не приводит к уменьшению конвенциональности, хотя эта конвенциональность и не лишена содержательной окраски. Авторитаризм проявляется как лояльность разным культурным нормам, даже когда они друг другу противоречат.

Консерватизм. Еще в тридцатые годы были проведены первые психологические исследования консерватизма. Так, Лентц² предложил и апробировал шкалу консерватизма-радикализма, включавшую опросник из 60 пунктов. Он обнаружил, что по этой шкале женщины более консервативны, чем мужчины. Консервативно настроенные респонденты чаще являются выходцами из слоев с невысоким образовательным и экономическим уровнем. Они менее либеральны в своих политических и религиозных предпочтениях. Их отличает меньшая активность в научных и прочих спорах. Лентц предложил респондентам выбрать наиболее близкие им по духу имена из списка 156 известных людей. Консерваторы поставили в начало списка религиозных, военных лидеров, звезд шоу-бизнеса и спортсменов. В то же

¹ Allport G. The Nature of Prejudice. Addison-Wesley, 1988.

² См.: Eckhardt W. Authoritarianism // Political Psychology. 1991. Vol.12. № 1. P. 100.

время радикалы поставили в начало списка ученых, изобретателей, писателей (особенно поэтов) и исполнителей классической музыки.

Лентц так суммирует свое исследование: «Работа в целом показывает, что в отличие от радикалов консерваторы:

- больше сопротивляются изменениям;
- больше предпочитают все условное, традиционное и рутинное;
- больше предпочитают церковь (не говоря о религии);
- больше отвергают науку, особенно ее будущие открытия;
- более щепетильны в вопросах секса;
- больше склонны к морализированию;
- в целом более застенчивы;
- чаще стремятся сгладить конфликты, как в личных, так и в публичных отношениях и не любят споров;
- менее терпимы к побежденной стороне и не склонны ей симпатизировать;
- больше поддерживают капитализм, хотя их экономический статус ниже, чем у радикалов;
- больше милитаристы и националисты;
- чаще склонны разделять расовые предрассудки;
- больше интересуются спортом;
- больше подвержены предрассудкам;
- меньше интересуются эстетическими темами и обладают меньшим воображением;
- реже разделяют идеи феминизма».

Таким образом, еще до Второй мировой войны Лентц дал определение консерватизма, которое предваряет понятие авторитарной личности и сводится к таким ее проявлениям, как конвенциональность, религиозность, морализм, капитализм, милитаризм, национализм, расовые предрассудки и сексизм.

Позже эту линию продолжил Айзенк, чье определение консерватизма включало «предпочтение патриотизма, посещение воскресных церковных служб, признание необходимости смертной казни, суровое наказание преступников, веру в неизбежность новой войны и в реальность Бога»¹. Позже (1978) Айзенк доработал свою двухфакторную шкалу социальных установок, в которой представлены два измерения: консерватизм—радикализм и жесткость—мягкость мышления.

¹ *Eysenck H. J. The Psychology of Politics. Praeger. N.Y., 1955. P. 118–119.*

Другой известный психолог, занимавшийся проблемой нетерпимости, Милтон Рокич показал, что консерваторы существенно больше, чем радикалы, склонны к авторитарности, этноцентризму и ригидности. Он ввел еще одно измерение авторитарности, названное им **догматизмом**. Рокич считает, что нельзя путать авторитаризм, замешанный на правой идеологии, с обычной закрытостью мышления. Он предложил шкалу догматизма, которая призвана измерять «закрытость психической организации, веру в абсолютную власть... и проявления нетерпимости»¹. Так, английские консерваторы и коммунисты имеют одинаково высокие показатели по этому показателю. Позже оказалось, что левые менее догматичны, чем правые, и не более догматичны, чем центристы.

Вообще вопрос о том, связаны ли идеологические предпочтения с определенной психологической структурой личности, не получил достаточно достоверного ответа. С. Липсет проводил различие между политически и экономически левыми взглядами, показав, что если рабочий класс экономически высказывается в пользу левых взглядов, то средний класс является политически более левым в вопросе гражданских прав и демонстрирует большую толерантность². Чуть позже Томкинс высказал предположение о связи между идеологическими предпочтениями и эмоциональным настроением респондентов. Так, радикалы чаще верят в изначальную доброту человека. Это убеждение коррелирует (0,30 и больше) с предпочтением демократического правительства, эмпатией, нежесткой дисциплиной, верой в чувства и разнообразие. Консерваторы считают, что человек изначально плох. Это убеждение коррелирует с предпочтением правительства, которое может наказывать, с отсутствием эмпатии, обязательностью дисциплины, страхом перед чувствами и иерархической избирательностью. Таким образом, «то, как человек научается ощущать самого себя и других людей, определяет и его общий идеологический выбор»³.

Таким образом, как идеологические, так и собственно психологические составляющие авторитарной личности оказываются связанными с проявлением нетерпимости к инакомыслию и непринятием плюрализма. Совершенно очевидно, что эти качества противополож-

¹ *Rokeach M* The Open and the Closed Mind. N.Y., 1960. P. 3

² *Lipset S* Political Man. The Social Basis of Politics. N.Y., 1960 P. 102.

³ *Tomkins S and Izard C.* Affect, Cognition and Personality. Springer, N.Y., 1965. P. 97.

ны тем, которые необходимы для того, чтобы человек принял и следовал в своем поведении тому, что принято называть демократическими ценностями. Между тем понятие «демократической личности» в отличие от авторитарной не получило широкого распространения и встречается в единичных работах по политической психологии. Так, можно встретить в литературе гипотезу, предполагающую, что для установления демократии необходимо, чтобы определенный «демократический» тип личности приобрел достаточно широкое распространение, хотя о пропорциях «демократов» и «автократов» в разных политических системах нет никаких достоверных сведений. Этот тип личности отличается открытостью мышления и терпимостью к инакомыслию, способностью к компромиссам и свободой от бессознательной тревожности, приоритетом рационального начала в выборе политической позиции и отсутствием стремления к подавлению других, признание людей равными и активной жизненной позицией.

Очевидно, терпимость вообще и ее политическая разновидность являются неким желательным, идеальным качеством, стремление к которому декларируется как моральная норма, но выполняется в реальности достаточно редко. Особенно затрудняется достижение политической толерантности в ситуациях противостояния, раскола общества на враждующие партии и группы, каждая из которых добивается единства прежде всего за счет противопоставления своих членов противникам. Лозунг «Если враг не сдается — его уничтожают» мог появиться как раз в такие сложные времена.

И все же библейская максима, требующая от христианина подставить левую щеку, если тебя ударили по правой, тоже была высказана не в идиллически мирные дни. В ней содержится не просто призыв к терпению и прощению своих врагов, но еще более трудновыполнимое требование: возлюбить своего врага. Это парадоксальное, не соответствующее здравому смыслу моральное требование никогда не было простым и естественным. Для его осуществления нужно преодолеть инстинктивное стремление к отмщению за причиненный ущерб, за обиду. Однако великая религиозная доктрина две тысячи лет назад нашла в терпимости инструмент подлинного решения конфликтов через любовь, смирение, прощение и отказ от насилия. Все эти качества не появляются сами собой. Они являются плодом воспитания через осознанное преодоление нашей животной природы. Таким образом, проявления терпимости являются признаком моральной и социальной зрелости личности, до которой, увы, достигают не все.

§ 2. АВТОРИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ В ИХ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Итак, если принять за исходное положение, что Россия и другие восточноевропейские страны, как и многие другие страны до них, находятся сейчас в переходном периоде от авторитаризма к демократии, то следует в первую очередь определиться с тем, *откуда* они отправляются в этот путь. Именно это исходное положение вызывает немало вопросов и нуждается в критическом осмыслении. Одним из широко распространенных стереотипов последнего десятилетия, который в равной степени имел хождение и в России (особенно среди российских «демократов»), и за рубежом, является представление о том, что Советский Союз и другие социалистические страны являются типичным примером авторитарных и даже тоталитарных режимов.

Если для периода сталинизма такое определение представляется вполне оправданным, то для более поздних периодов оно вряд ли подходит. Во-первых, даже в годы наиболее жестоких репрессий и политической несвободы эти режимы не были монолитными и отличались друг от друга в соответствии с тем, на фундаменте каких политических культур они насаждались и укоренялись. С этой точки зрения нельзя сравнивать Германию с Казахстаном, Албанию с Белоруссией, как это нередко делается в политологической литературе институционалистского толка. Коммунистические режимы сильно отличались и по тому, какие факторы оказывали на них определяющее воздействие в каждом конкретном случае.

Прежде всего авторитаризм в этих странах отличался по тому, на какой *ступени экономического развития* она находилась в момент установления политической системы советского типа. В странах с более развитой экономикой авторитарность режима переживалась гражданами в другой форме, чем там, где экономика была на грани краха. При этом примечательно, что в экономически развитых странах сопротивление авторитаризму сохранялось в более выраженной форме, чем в бедных странах.

Другим важнейшим фактором, влияющим на формы авторитарности, является *национально-этническая* структура населения. Федерации (СССР, Югославия) получали дополнительный источник напряжений в обществе по сравнению с мононациональными странами, что в свою очередь приводило лидеров этих стран к соблазну «раз и навсегда» решить не только экономический, политический, но и национальный вопрос авторитарными способами.

Третий фактор, влияющий на формирование авторитарных режимов, — это фактор *географический*, или *геополитический*. Размер территории, ее статус как империи или колонии, несомненно, окрашивал авторитарные режимы в определенные цвета. Здесь же следует упомянуть и историческую судьбу нации. Например, тот факт, что Россия на протяжении всей своей истории была объектом завоеваний со стороны агрессоров, сформировал определенную настороженность, готовность отражать агрессию, которые были использованы сталинским режимом, насаждавшим ксенофобию, закрытость, которые были приняты населением, так как опирались на историческую память народа.

И наконец, следует отметить то влияние, которое оказывает на формы авторитаризма *культурно-психологический фактор*. Национальный характер, национальная психология каждого из народов, переживавших авторитаризм, придавал этим режимам весьма специфические особенности. Так, русская бесшабашность, украинская меланхолия или германский педантизм делали авторитарные формы правления весьма различными и по тому, как вели себя правители, и по тому, как воспринимали эти режимы рядовые граждане.

Общий вывод, который напрашивается из приведенных аргументов, заключается в том, что, во-первых, единой формы авторитаризма не было в странах, принявших коммунистическую идеологию и построивших более или менее сходные политические системы. Во-вторых, психологически этот авторитаризм также был весьма различен, как были различны и пути выхода из него. «Бархатная революция» в Чехословакии мало напоминает жесткие формы перехода к демократии в Румынии. Да и в рамках бывшего Советского Союза трудно сопоставлять даже психологически и культурно близкие Россию и Белоруссию, не говоря уже о Прибалтике и Средней Азии.

Все это означает, что само понятие авторитаризма как в политическом, так и в политико-психологическом смысле сильно диверсифицировано, оно рассыпается и пользоваться им довольно затруднительно. Примем рабочее понимание **авторитаризма** как **политическая система или режим, при которых власть сосредоточена в руках одного человека или в одном ее органе и снижена роль других, прежде всего представительных институтов, а рядовые граждане лишены всей полноты прав.**

Считается, что для авторитаризма как политического понятия характерны три основных признака: **централизация власти, беспартий-**

ционно командный метод руководства и безусловное повиновение и подавление воли и свободы подчиненных лиц и общества в целом.

Многие исследователи авторитаризма как **политико-психологического феномена** исходят из того, что такой режим влияет на отдельного индивида, у которого под воздействием авторитарной среды складывается определенный комплекс личностных качеств, который получил название «авторитарной личности». Этому типу личности присущ целый набор характеристик, среди которых следует выделить, во-первых, содержательную сторону, т.е. **политико-идеологические представления: национализм** (этноцентризм), т.е. установки, направленные против чужаков, **политический конформизм** как установка в отношении своей группы, **консерватизм** как характеристика не только политическая, но и психологическая, **конвенционализм, милитаризм и религиозность**.

Во-вторых, в авторитарной личности необходимо выделить психологические формы выражения. **Психологически** эти идейно-политические установки проявляются в **нетерпимости по отношению к инакомыслию, нетерпимости к неопределенности и беспорядку**. Для авторитарной личности типичны особые способы мышления: **ригидность, стереотипность, закрытость, склонность все видеть в черно-белых цветах**.

Указанные характеристики авторитаризма как политического и психологического феномена позволяют использовать определенные эмпирические индикаторы, которые позволяют провести эмпирическое исследование конкретных форм авторитарности, помня при этом о неоднозначности самого этого феномена, о чем мы упоминали выше. Переход к демократии, по-видимому, должен осуществляться не только на поле институциональных реформ, но и через изменение психологии в ходе длительного и весьма непростого процесса политической ресоциализации.

Теперь посмотрим на то, к чему должен привести этот процесс, т.е. **куда** движется трансформация: на демократию. Понятие **демократии** даже в теории столь же расплывчато, как и понятие авторитаризма. Когда речь идет о современной демократии как о форме правления, то кроме того, что это некая форма народовластия, согласия между исследователями больше ни в чем нет. Говоря о конкретных признаках демократии, исследователи указывают прежде всего на необходимые институциональные признаки. Так, среди них называют следующие.

1. Высший политический законодательный орган должен быть избран народом.

2. Наряду с ним должны существовать избираемые органы власти и управления менее высоких уровней вплоть до самоуправления.

3. Избиратели должны быть равны в правах, а избирательное право — всеобщим.

4. Все избиратели должны иметь равное право голоса.

5. Голосование должно быть свободным.

6. Выбор из ряда альтернатив должен исключать голосование списком.

7. Выборы должны совершаться на всех уровнях большинством голосов, хотя значение этого большинства может определяться различным способом.

8. Решение большинства ограничивает права меньшинства.

9. Орган власти должен пользоваться доверием других, прежде всего важных по отношению к нему и сотрудничающих с ним органов власти.

10. Отношения общества и избираемых им органов власти должны быть взаимными и симметричными с гарантированными законом и реакцией избирателей ответственностью делегированных им носителей власти.

11. Демократия существует под непрерывным и пристальным общественным контролем.

12. Государство и общество вырабатывают действенные механизмы предотвращения и изживания конфликтов между большинством и меньшинством, социальными группами, нациями, городом и деревней и т.д.

Политический контекст проблемы. Как видим, демократия — это более сложная, чем авторитаризм, форма не только институтов, но и процедур правления, т.е. правил политической игры. Если попытаться вывести некие общие правила демократического правления, то скорее всего нас постигнет разочарование, так как мы сталкиваемся с невозможностью отвлечься как от культурно-исторического своеобразия каждой нации или региона, в которые эти правила вписываются с учетом региональных, национальных и локальных особенностей, так и от множественности самих моделей демократии. Так, представления о демократии даже в одной стране, скажем в Германии, будут резко отличаться у «зеленых», сторонников социал-демократов или сторон-

ников консерваторов. В качестве модели для подражания российские и многие восточноевропейские реформаторы избрали лишь одну из форм демократии: либеральную. За десять лет реформ стало совершенно очевидно, что она в наименьшей степени соответствует нашим национальным особенностям.

Проблематика перехода от авторитаризма к демократии (а было как минимум три такие волны) поставила в полный рост вопрос о соотношении ценностей демократии (ценностей либеральных и партиципаторных) и национальных институтов и политических культур. Исследователи ценностной динамики как в обществах стабильной демократии, так и в переходных обществах (Х. Линц, Р. Инглхарт, Х.-Д. Клингеманн¹) приходят к выводу о том, что для понимания обеих форм правления недостаточно ограничиваться анализом институциональных факторов. Необходимо учитывать *поведенческие* и *социокультурные* компоненты политических систем.

Таким образом, среди акторов можно выделить:

- собственно политические институты (см. выше);
- политические элиты;
- рядовых граждан.

Практика демократизации в России выявила ряд факторов, как препятствующих, так и способствующих укоренению демократических ценностей. Среди первых следует отметить, например, то, что сами эти ценности в нашей стране насаждались извне (с Запада) и сверху (со стороны элит). При этом российские политические элиты за десять лет так и не сумели консолидироваться. Старая система рекрутирования элит разрушена, а новая складывается медленно и стихийно. Гражданское общество в России, как и до того в СССР, находится на низкой ступени организации. Этим Россия отличается от ряда восточноевропейских стран.

Одновременно с препятствием демократическим преобразованиям следует отметить и те факторы, которые, напротив, им способствуют. Так, к моменту начала преобразований экономический и образо-

¹ *Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996; Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Changing Relationship? // Studies of Democratic Government, Berlin, 1998. P. 3–29; Inglehart R. Modernization and Postmodernization, Princeton, 1997.*

вательный уровень был достаточно высоким (особенно если сравнить со странами Латинской Америки или Азии). Несомненно, и наличие в начале процесса готовности населения к этим реформам и его активная политическая поддержка, которая в России быстро была растрачена политическими элитами. Представляется, что последний фактор может рассматриваться как наиболее важный. В конечном счете демократизм преобразований определяется именно тем, как они проводятся: с участием граждан или без них.

Возникает здесь и серьезный теоретический вопрос, касающийся того, как на личностном уровне происходит преобразование политических ценностей и формирование того, что могло бы быть аналогом «авторитарной личности» только с противоположным политическим знаком, т.е. личности демократического типа. Много неясного пока с тем, какими должны быть доминирующие политические установки и ценности, составляющие ядро *«демократической личности»*. Можно высказать предположение, что психологически такой тип личности отличается терпимостью, незаинтересованностью в вопросах власти, гибкостью и нюансировкой мышления, высоким уровнем локуса контроля и неконвенциональностью. По существу это описание подходит к масловской самоактуализирующейся личности. Р. Инглхарт примерно так же описывает тенденции постматериализма, которые он попытался разглядеть в 43 странах мира.

Так же, как в случае с авторитарной личностью, следует выяснить и степень распространенности демократических ценностей в массовом сознании, что должно обеспечить поддержку демократических реформ в обществе. Трудно себе представить успешное становление демократических институтов в среде, где доминируют авторитарные модели поведения и демократические ценности выглядят как чужеродные заимствования.

Именно акцент на сознании и поведении рядовых граждан отличает подход к исследованию демократии и авторитаризма, который утвердился в политической науке в результате «поведенческой революции»¹. Для него характерно, во-первых, изучение ценностей, установок, мотивов граждан в отношении власти; во-вторых, анализ поведенческих элементов, таких как политическое участие, особенности электорального поведения; и в-третьих, постановка вопроса о поиске

¹ Eckhardt W. Authoritarianism // Political Psychology. 1991. Vol. 12. № 1. P. 100.

личностью своей демократической идентичности. Последнее особенно характерно для политико-психологических работ, где понятие авторитарности и демократичности переводится на уровень поведения и сознания конкретных индивидов, которые делают выбор, осваивая различные наборы политических ценностей.

§ 3. ПСИХОЛОГИЯ ДЕМОКРАТИИ

Если в психологии авторитарности исследователи, похоже, разобрались и нашли ответы на многие вопросы о ее истоках и формах, то с психологией демократии дело обстоит гораздо сложнее. Так, феномен «демократической личности» намного менее распространен и гораздо хуже разработан теоретически и никак не поддается эмпирической проверке. Отчасти это связано с тем, что сама природа демократии — феномен гораздо более сложный и многомерный. Не стремясь дать готовые теоретические схемы, попытаемся все же приблизиться к пониманию связи психологии и демократии, а точнее демократизации, так как нас будет в первую очередь интересовать то, как происходит этот процесс в России и какие психологические закономерности ему способствуют или мешают.

Прежде всего многочисленные исследования психологических аспектов демократизации свидетельствуют о том, что начиная с конца 1990-х годов в России происходит определенный сдвиг в восприятии политической и социальной реальности со стороны ее граждан. Так, если в 1991–1995 гг. большинство из них опасались гражданской войны, экономического краха и этнических конфликтов, во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов они сменились страхом перед безработицей, неспособностью оплатить образование детей и опасением стать жертвой нападения¹. Эти страхи служат показателями не столько изменения глубинных уровней ментальности, сколько изменения той среды, которая формирует эту ментальность и требует от личности быстрого приспособления.

Второй момент касается эмоциональной стороны демократических перемен. Есть эмпирические свидетельства того, что на эмоциональном уровне граждане к началу XXI в. практически приспособи-

¹ Петулов В., Бызов П. Политические изменения в России // Независимая газета. НГ-Сценарии. 10 июня 1998 С 1–3.

лись к экономическим и политическим условиям жизни. Так, уже к концу 1990-х годов социологи фиксировали снижение чувства катастрофизма: 16% опрошенных признали существующую ситуацию в стране нормальной. Это максимальное значение за 8 предшествующих лет.

Таков фон политического развития. Этот фон отличался непостоянством и изменчивостью. Однако можно увидеть, что если старые (социалистические) политические ценности оказались разрушенными, то новые (демократические) ценности, а значит, и личностные идентичности, пока не сформированы. Новые ценностные кластеры выглядят размытыми, несвязными и противоречивыми. Примером тому может служить тот факт, что около 70% опрошенных в нашем исследовании верят в необходимость демократических институтов и примерно те же 70% хотят «сильной руки».

Полученная картина мало отличается у разных исследователей. Однако в ее интерпретации наблюдаются существенные различия. Так, одна группа исследователей полагает, что демократические (и особенно либеральные) ценности уже пустили корни в постсоветской ментальности. Другие, напротив, считают их нерелевантными национальным традициям (коммунитарным по преимуществу) и предсказывают возврат к авторитарным привычкам. При этом предполагается, что коммуитаризм (в нашей старой терминологии чаще пишут о коллективизме) близок к авторитаризму.

Нередко исследователи электорального поведения используют методологию, которая не позволяет за еженедельными или ежемесячными изменениями установок проследить логику более глубоких сдвигов сознания. Даже когда сдвиги фиксируются, для их объяснения нет общепринятых концептуальных моделей. Во всех случаях, фиксируемые сдвиги общественного сознания оставляют открытыми несколько вопросов.

1. В каком соотношении находятся прежние советские и новые демократические ценности в сознании российских граждан?

2. Каков демократический потенциал на личностном уровне?

3. Укоренилась ли демократическая модель (в частности, либеральная) в российской ментальности или демократические институты противостоят традиционной политической культуре, которая характеризуется доминированием коллективистских (коммунитаристских) и авторитарных форм?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует в первую очередь установить, что в России понимают под демократией, что чувствуют в отношении этой формы правления и какие поведенческие реакции характерны в отношении нее. В психологии принято выделять эти три уровня установки: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Установки на демократию стоит рассмотреть в таком же ключе.

Итак, чтобы описать **когнитивный уровень** представлений о демократии, следует выяснить, что индивид *знает* о ней, *правильно ли определяет* ее важнейшие составляющие, а также имеет ли *интерес* к этому явлению. Что касается первого из названных аспектов, то за постсоветские годы подавляющее большинство наших граждан более или менее разобрались в том, что такое демократия. Другое дело, что конкретно они вкладывают в это понятие. Разброс значений этого понятия в определениях, данных нашими респондентами, достаточно велик:

«Демократия — это гласность... и все остальное. Мы в школе учили, только я забыл»;

«Демократия — Свобода там... свободно жить» (звучит, как заученный урок отвечает);

«Демократия — это когда все равны; у каждого есть “мерседес” и три раба»,

«Демократия — неизвестное для меня слово»;

«Я не знаю, что такое демократия, никогда не думал и меня это не интересует»¹.

Обращает на себя внимание ряд моментов, характеризующих когнитивные составляющие установок наших сограждан на демократию. Во-первых, это понятие не отличается особой когнитивной сложностью. Демократия, как и другие политические понятия, достаточно далека от повседневного опыта опрошенных, а следовательно, их ответы мало детализированы. Во-вторых, когда респонденты все же пытаются разобраться в его значении, то либо дают весьма размытое определение, либо вовсе не могут этого сделать:

«Да и вообще этот термин используют сейчас все, так что я уже толком не знаю»;

«Демократия — даже не знаю, что это. Хрен их знает. Раньше этого не было. Даже слова такого не было».

¹ См.: Шестопал Е. Образы власти в постсоветской России. С. 39–60.

Примечательно, что помимо неопределенности и размытости, понятие демократии воспринимается как нечто совершенно нереальное, далекое от нашей действительности:

«Демократия — это хорошо, это прекрасно, но не применимо, к сожалению. Для этого надо, чтобы каждый был умным и активным, а так, к сожалению, не бывает»;

«“Власть народа”, недостижимая на практике»;

«Демократия это вроде бы как свобода, а ведь на самом деле ничего нет».

В открытых вопросах, когда мы просили объяснить респондентов, что они понимают под демократией, они называли несколько ключевых ассоциаций. Прежде всего это **свобода**.

Свобода понимается как набор «политических, гражданских и социальных свобод: печати, совести, слова, взглядов, вероисповедания, мысли, мнения, передвижения, действия, личности, предпринимательства. Свобода понимается, как **«свободный выбор»: свобода в выборе путей, целей, «личная ответственность за выбор».**

Свобода связана с **законом**: **«закон определяет степень свободы»; «свобода, которая не выходит за рамки закона»; «свобода при строгом соблюдении законов»; «свобода, помноженная на законы, нормы, правила», «ограничения», «контроль за соблюдением закона», «в демократии действуют законы».** Демократия, как полагают наши респонденты, есть там, где есть **«свобода от коррупции», «не ущемляются интересы», есть «порядок на основании согласия во взглядах»; «безопасность»; «справедливость, стабильность, уверенность в завтрашнем дне».**

Третье важно понятие, соотнесенное с демократией, — **власть**. Демократия — это власть народа. Правда, представления о власти в демократии намного шире. В демократии **«есть обратная связь: правительство — общество»; «учет интересов людей»; «максимальный учет интересов минимальных групп общества»; «те, кто управляет государством, учитывают мнение в распределении благ, управлении государством»; «парламент общается с населением».** В ответах преобладает представление о том, что демократическая власть должна быть подотчетной народу. **«Правительство, избранное большинством, отчитывается перед народом»; «отчитываются друг перед другом»; «власть отвечает... народ может переизбрать власть».**

В рамках демократии власть имеет особые моральные характеристики: «глава государства — не единоличный правитель, а правительство людей, ратующих за Россию»; «справедливое правительство». «Управляют государством люди, имеющие высшее политическое, экономическое образование, честные, порядочные», «компетентные, умные, порядочные люди»; «достойны должны быть»; «если узурпируют для себя и для окружения — недостойны»; «порядочное, ответственное отношение к власти у тех, кто у власти».

Как мы видим, понятие власти прямо связано с понятием «государство»: «государство, власть обеспечивают счастливую, свободную жизнь». Государство связано с равенством и законом. У государства только одна функция — разрешено то, что не запрещено. Государство должно следить, чтобы запрет действовал на всех, поскольку всегда бывает так, что все равны, но одни равнее других».

В понимании демократии особое место занимает силовое измерение, т.е. представление о ней как о «сильном государстве, за которое не стыдно». «Демократия — это сильная власть, основанная на согласии во взглядах»; «демократия — это сильная власть, единая и согласованная, забота о рядовых гражданах, малоимущих и среднем классе».

Во многих ответах прослеживается связь понятия демократии с человеком в противоположность государству. «Давить не надо простого человека; человек ради себя, а не ради государства». «На первом месте человек. Чтобы наладить связи между правительством и обществом». В демократии «человек имеет все необходимое, каждый должен быть умным и активным».

Очень часты упоминания о правах человека, однако их список невелик. Права связаны со свободами. «Право выбирать» и «право на собственное мнение», «возможность осуществлять права, определенные законом», «право участвовать в общественной жизни».

Среди прочих понятий, которые реже, чем перечисленные выше, встречаются в сочетании с демократией. Следует отметить равенство («Равенство в правах»; «равенство и обеспеченная жизнь»), мир («Миролюбивое отношение друг к другу»; «мирное сосуществование»; «прекратить войну в Чечне. Это первое, если у нас в стране демократия»).

Среди семейства значений демократии необходимо отметить те, которые отсутствуют среди необходимых по мнению наших респон-

дентов, в России не случайно, очевидно, они определяют демократию, как то, чего у нас нет, но есть на Западе: «Нет у нас демократии. Америка — это демократическая страна, но опять же... Там не демократия, там страх перед законом». «На Западе другой народ... У нас народ привык жить так, что ему еще и на следующую зиму выжить надо... Какая тут демократия?» «Демократия... соблюдение Закона. Как в Америке!» «Демократия — это такой строй, который существует во всех странах на Западе ...а у нас — нет».

Если проследить изменение когнитивных элементов восприятия демократии, то следует отметить, что, несмотря на указанные дефекты, эти массовые представления о демократии становятся с годами более определенными и внятыми. Если сравнить наши данные 1998 г. с данными 1993 г., то становится очевидным, что респонденты легче определяют это понятие, так же как и легче определяют, кого из политиков они могли бы назвать демократом. Если в начале 1990-х годов демократом для них был тот, к кому они испытывали симпатию и доверие (от Явлинского до Лебеда и от Ельцина до Зюганова), то в 1998 г. демократом для них были только политики, принадлежащие на деле к либеральному спектру. Можно расценивать это как признак определенной когнитивной «зрелости» граждан.

В нашем исследовании мы просили респондентов также проранжировать различные ценности демократии. Среди них были:

- свобода;
- равенство;
- права человека;
- индивидуальная автономия;
- ответственность;
- подчинение закону;
- активное участие в управлении;
- сильное государство.

Если в 1993–1995 гг. эти ценности «рассыпались» и составляли весьма противоречивые наборы, то в 1996–1998 гг. они уже составлялись в некие кластеры понятий, которые гораздо меньше противоречили друг другу. Факторный анализ выявил два таких кластера ценностей. Первый в основном включал **свободу, равенство и индивидуальную автономию**, которым респонденты выставляли первые ранги в своей трактовке демократии. Условно можно назвать это либеральным определением демократии. Хотя в российском варианте в него входит и такая коммунитарная ценность, как **равенство**.

Второй набор приписывает демократии такие ценности, как *сильное государство, ответственность и подчинение закону*. В этом варианте мы явно имеем этатистское представление о демократии. Респонденты, выбравшие данную модель, далеки от либеральных взглядов и склонны к более жестким авторитарным моделям поведения, хотя на вербальном уровне они признают демократию в силу того, что она является официальной политической ценностью. Во всяком случае именно так они расшифровывают понятие демократии.

Все значения демократии, данные более чем 200 респондентами, распределяются между этими двумя полюсами: *либеральным* (фактор 1) и *авторитарным* (фактор 2). Факторные счета для каждого респондента были рассчитаны в пространстве двух выделенных факторов¹ (рис. 1).

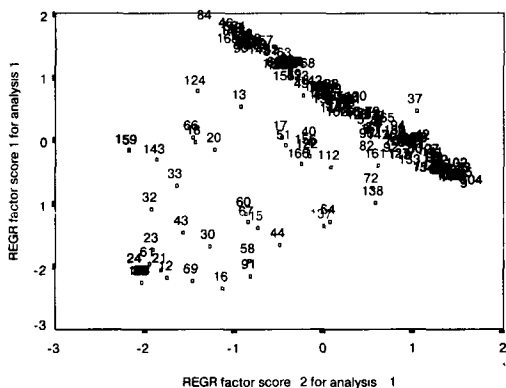

Рис. 1. Распределение ценностей демократии между фактором 1 и 2

¹ Исследование естественной группировки респондентов в пространстве двух факторов показывает, что имеется обратная пропорциональная зависимость между выделенными факторами: чем больше факторная нагрузка по одному фактору, тем меньше она по другому. Другими словами, респонденты довольно равномерно распределяются от группы, отдающей предпочтение таким ценностям, как сильное государство и соблюдение законов, и ставящей на последнее место свободу, равенство и личную независимость, до противоположной группы, ценящей свободу, равенство, права человека и личную независимость и приписывающей последние ранги сильному государству и соблюдению законов.

Важно отметить, что в конце 1990-х годов «либералы» и «авторитаристы» или «коммунитаристы» не противостоят друг другу в виде компактных кластеров, как это было в начале 1990-х. Они постепенно перетекают друг в друга, что может рассматриваться как отсутствие противостояния, которому мы были свидетелями на ранних этапах трансформации.

Более детальный анализ когнитивных картинок демократии выявляет существенные различия между разными группами населения. Так, восприятие демократии **женщинами** отличается от восприятия ее **мужчинами**.

Женщины чаще отдают более высокие ранги:

- равенству;
- активному участию в управлении государством;
- сильному государству.

Легко приписать это большей авторитарности российских женщин. Однако следует оговориться, что ключевой среди отмеченных ценностей демократии является активизм. Поэтому либералы вряд ли могут особо рассчитывать на массовую поддержку женщин в силу того, что ценности индивидуальной автономии и свободы значимы в их представлениях о демократии.

Мужчины чаще рассматривают демократию сквозь призму индивидуальной автономии и свободы и гораздо реже ассоциируют ее с сильным государством. Подчеркнем, что либерально-анархистский оттенок их понимания свободы носит достаточно спекулятивный характер: мужчины не горят желанием лично участвовать в политике и их интерес к ней носит весьма пассивный характер. Однако русские мужчины достаточно амбициозны. Если они решают участвовать в политике, то хотят занимать в ней высокие позиции, например стать депутатом Думы. К этому портрету надо добавить мужскую доверчивость: они доверяют политическим партиям чаще, чем женщины.

Когнитивные элементы установок на демократию отличаются и в зависимости от **возраста**. Так, в нашем исследовании самые младшие респонденты (от 13 до 25 лет) намного чаще приписывают активному участию в политике 4-й ранг, а ответственности — последний 8-й. Такая комбинация пассивности и безответственности весьма опасна тем, что она серьезно снижает значимость либеральных ценностей, которые эта возрастная группа хорошо усвоила на вербальном уровне.

Примечательно, что больше всего «либералов» мы обнаружили не среди тех, чья первичная социализация пришлось на конец 1980-х — начало 1990-х годов, а среди 45–55-летних. Эта группа ставит на первое место подчинение закону, на второе — права человека, на третье — ответственность.

Было бы естественно искать сосредоточие тех, кто исповедует авторитарно-коммунитарные ценности среди людей старшего возраста. Однако этот распространенный стереотип не нашел своего эмпирического подтверждения. Люди 55–85 лет на первое место ставят ответственность, в то время как сильное государство стоит лишь на 4-м месте. Старшие из опрошенных доверяют политическим партиям и официальным властям. Они больших других возрастных групп интересуются политикой.

Образование также коррелирует с некоторыми демократическими ценностями. Оказалось, что люди с неоконченным средним и неоконченным высшим образованием чаще других ставят на последнее место такую ценность, как ответственность. Этот парадокс имеет скорее психологическое, чем политическое объяснение: очевидно, те, кто не сумел завершить свое образование, имеют более низкий уровень самоконтроля и не находят удовольствия от переживания чувства ответственности.

Обнаружилась и еще одна корреляция: между образованием и отношением к сильному государству. Респонденты со средним образованием значимо чаще ставят эту ценность на первое место, в то время как лица с высшим образованием — на второе место. Эти данные были для нас неожиданностью, так как во многих исследованиях по авторитаризму¹ можно найти данные, свидетельствующие о связи между авторитаризмом и низким образовательным уровнем. В литературе обсуждается (хотя и весьма критично) понятие «рабочего авторитаризма», в котором этот тезис выступает уже как аксиома. В нашем исследовании мы столкнулись с гораздо менее однозначной ситуацией. В России, очевидно, люди с высоким уровнем образова-

¹ Barber B. R. *Strong Democracy. Participatory Politics for a New Age*. Berkeley, Los Angeles, London, 1984; Almond G., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, 1963; Altemeyer B. *Right-wing Authoritarianism*. Winnipeg, 1981; Greenstein F. *Personality and Politics*, Princeton, 1987; Lipset S. M. *Political Man: The Social Basis of Politics*. Baltimore, 1981.

ния стали первыми жертвами демократических реформ. Не исключено, что по этой причине их установка на либерализм, которая изначально была весьма позитивной, сменила свой знак на противоположный.

Эмоциональный уровень установки на демократию проявляется в таких чувствах, как доверие к демократическим институтам, симпатия к демократическим лидерам. Прежде всего эмоциональная оценка содержится уже в самом отношении к демократии. Здесь встречаются и позитивно, и негативно окрашенные оценки. Так, большинством наших респондентов само понятие демократии в отрыве от его российских политических значений воспринимается весьма положительно («**Демократия — это что-то такое приятное, из-за чего хочется утром просыпаться**»).

Гораздо чаще конкретные ассоциации связаны у опрошенных с той демократией, которую они могут наблюдать в своей собственной жизни, и это восприятие окрашено в иные тона:

«Если это то, что у нас, — то бардак. У нас, по-моему, лишь игра в демократию»;

«Я сейчас, кроме хаоса, ничего не вижу, если брать наше государство. Может, это, конечно, не та демократия. Я на своем опыте не знаю, что это такое. Я не могу себе представить, как может называться наш режим»;

«Ну, понятно, я не верю ни в какие там “демократии”, о которых так модно на каждом углу болтают».

Помимо направленности или знака эмоциональной оценки демократии, есть смысл проанализировать и ее соотношение с когнитивными аспектами. Так, оказалось, что есть определенная зависимость между отношением к демократии и интересом к политике. В нашем исследовании было установлено, что 15% тех, кто интересуется политикой, имеют к ней позитивно окрашенное отношение и 17% — негативное отношение. При этом 34% незаинтересованных имеет положительное и столько же незаинтересованных — индифферентное отношение к политике вообще и демократии в частности.

Эти данные свидетельствуют о двух тенденциях. Первая характеризует меньшинство населения — людей, интересующихся политикой (это те, кто к политике относится со знаком плюс). Вторая тенденция касается большинства — людей политически апатичных.

Именно для них характерно негативное восприятие политики во всех ее видах, включая демократию. Сомнительно, что эта вторая группа может рассматриваться как социальная база либеральных реформ. Не следует недооценивать и потенциал протеста, который формируется именно среди этих граждан. До сих пор этот протест принимал форму пассивного сопротивления реформам и мотивировался чаще на эмоциональном уровне. Около 59% опрошенных просто констатировали, что реформы им не нравятся, не приводя никаких особых причин для этого. Однако следует подчеркнуть, что в психологии давно известно, что путь от эмоций до поступков гораздо короче, чем от когнитивных представлений.

Поведенческий уровень. Намерения личности действовать базируются как на осознанных, так и на неосознаваемых ценностях и установках. Оба уровня важны для понимания поведения. Рациональный уровень установок на демократию в конце 1990-х годов стал более явно выражен и играет заметную роль в поведении граждан, чем в начале десятилетия. Если в 1991–1993 гг. российские избиратели доверяли одному политику, симпатизировали другому, а голосовали за третьего, то в 1995–1998 гг. их поведение стало больше соответствовать их взглядам, и они уже не приклеивали Зюганову ярлык «демократа», но зато Явлинского определяли как «либерала». Однако по-прежнему бессознательный уровень восприятия демократии дает более аутентичную картину их поведения, чем рациональный уровень.

Какие выводы следуют из приведенных данных?

1. Прежде всего следует отметить отсутствие жесткой дихотомии ценностей в политическом сознании российских граждан: либерализм не противостоит жестко коллективистским и коммунитаристским ценностям. Эти два полюса существуют, но не в оппозиции друг другу.

При этом российские **либералы** воспитаны в коллективистской политической культуре, благодаря чему в их сознании коммунитаристские ценности можно найти в скрытой форме. Собственно либеральные взгляды формируются чаще под влиянием культурной среды, семейной социализации и образования, чем являются результатом «рационального выбора». **Авторитарные коммунитаристы**, напротив, на вербальном уровне вполне лояльны официальным либеральным ценностям.

2. У наших демократов, как и у автократов, есть общие проблемы. Прежде всего и у одних, и у других политические взгляды непоследовательны и размыты. Чтобы прояснить и артикулировать их, индивид должен опираться на идеологию, вырабатываемую политическими партиями. У нас партийная система формируется медленно, оставляя личность перед необходимостью в одиночку делать то, над чем должны работать партийные структуры.

Еще одна общая проблема у противоположных политических типов в России — это упадок таких ценностей, как ответственность и активизм, среди молодых когорт в сравнении с более старшими.

3. Когда речь идет об индивидуальном сознании, ни авторитарные, ни демократические ценности не встречаются там в чистом виде. Структура личности вообще и структура политических взглядов в частности выглядит намного сложнее и многомернее, чем это деление. Сам континуум авторитарность—демократизм является явным упрощением. В анализе политических ценностей в структуре личности можно выделить по крайней мере три измерения.

Первое — это шкала **этатизм—антиэтатизм**. Российская политическая культура всегда была государственно-центричной. По нашим данным, более 80% респондентов верят в то, что государство должно заботиться о больных, стариках и детях, а также обеспечивать гражданам безопасность. Либеральная модель государства как «ночного сторожа» не соответствует ожиданиям большинства российских граждан. Их взгляды носят определенно **этатистскую** окраску.

Одновременно в России можно найти и **антиэтатистов**. Они не составляют некой однородной группы, но делятся на «либералов» и «анархистов». Вместе эти две группы не превышают 10% от числа опрошенных. При этом отметим, что это деление, проведенное нами на основании анализа их ценностных предпочтений, не соответствует самоидентификации респондентов, среди которых определили себя как анархисты 9% и как либералы 12%.

Вторая шкала делит опрошенных на сторонников **свободы** и сторонников **равенства**. Наши данные не подтверждают гипотезы об их противостоянии в России. Опрошенные скорее склонны противопоставлять свободу сильному государству, выражая таким образом оппозицию демократии и авторитаризму. Наши авторитаристы весьма специфичны в своих предпочтениях. Этот авторитаризм базируется не столько на авторитарной агрессии, сколько на авторитарном под-

чинении, конвенционализме и традиционализме. Об этом свидетельствует, к примеру, такой факт, что среди сторонников сильного государства (авторитарных «ястребов») не было ни одного человека, готового участвовать в забастовках. В то же время среди сторонников свободы (демократических «голубей») более половины опрошенных доверяют армии, милиции и другим силовым инструментам государства больше, чем иным институтам.

Третья шкала — **этноцентризм—космополитизм**. Этноцентризм является важной частью российского авторитаризма и чаще наблюдается среди сторонников авторитарно-коммунитарных взглядов, чем среди либералов. И опять же это какой-то нетипичный авторитаризм. Прежде всего между политическими ориентациями (демократ, коммунист, аполитичный) и этноцентрическими стереотипами нет явного соответствия. Наши предыдущие исследования показывают это на эмпирическом материале¹. Более четкая корреляция прослеживается между высоким уровнем образования и отсутствием этноцентризма.

Таким образом, современный российский авторитаризм выглядит скорее как своего рода психологическая защита, призванная компенсировать утрату политической и национальной идентичности. Парадоксальным образом сегодня для судеб российской демократии скорее следует говорить о возврате некоторых коммунитарных ценностей, приведшей к утрате чувства «мы», чем о насаждении либерального индивидуализма.

¹ См. *Шестопал Е.* Перспективы демократии в сознании россиян // ОНС 1996 № 2

ГЛАВА 6

ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ ВЛАСТИ

В современной политологической литературе понятие власти относится к числу основополагающих и одновременно «сущностно оспариваемых»¹ Само это понятие имеет сложное и не всегда очевидное содержание Как справедливо замечает английский политолог Стивен Льюкс, «часто думают, что ответ на вопрос (о власти) прост и самоочевиден Но как только начинаешь его искать, выявляются скрытые смыслы и вопросы, не имеющие ответов»² Проблеме власти посвящены многочисленные исследования Некоторые авторы даже выделяют отдельный раздел политической науки, посвященный изучению власти, — кратологию³ Нас в данной главе будет интересовать только один аспект исследования власти — аспект психологический

Политическую психологию в отношении власти интересуют несколько вопросов, существенных, впрочем, и для политической науки в целом Во-первых, это вопрос о психологической природе власти и подчинения почему одни люди могут оказывать влияние на других, которые в свою очередь готовы влияние принимать и ему подчиняться? Во-вторых, это вопрос о психологии властителей, о тех способах и методах, которыми они пользуются для того, чтобы держать в повиновении своих последователей Эта тематика рассматривается нами преимущественно в концепциях политического лидерства И, в-третьих, особенно в условиях современной медиатизированной

¹ *Gallie W B* Essentially Contested Concept // *Proceedings of the Aristotelian Society* 1956 No 56 P 167–198

² *Lukes S* Introduction to «Power» // *Readings in Social and Political Theory* Oxford 1987 P 1

³ *Халинов В Ф* Кратология — наука о власти М 2002

политики, важен вопрос о том, каков образ власти в глазах граждан, которые ее либо поддерживают, либо отказывают ей в поддержке. Это — проблема восприятия власти.

§ 1. ВЛАСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ В РОССИИ

В своей книге «Кризисы республики» Ханна Арендт пишет: «Я считаю довольно грустным отражением состояния политической науки тот факт, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как власть, мощь, сила, авторитет и, наконец, насилие. Все они относятся к ...различным феноменам... Использование их в качестве синонимов не только указывает на определенную глухоту к лингвистическому значению, что само по себе весьма серьезно, но также указывает на некое слепое восприятие реальностей, которым они соответствуют¹.

Ханна Арендт точно определяет состояние дел в политической науке. Политологи и сегодня не договорились об употреблении такой основополагающей категории, как «власть». Не ставя своей задачей специальный теоретический анализ категории власти², примем как исходные два довольно распространенных положения. Первое было сформулировано Р. Далем и определяло сущность власти как возможность одного человека заставить другого делать то, что тот по своей воле не сделал бы³. Другое акцентирует коммуникативный аспект властных отношений, определяя власть в терминах взаимодействия, предполагающего, что подчиняющийся власти признает приказ⁴.

Оба определения включают в себя признание того, что власть вообще, и не только политическая, — это разновидность психологиче-

¹ *Arendt H.* Crises of the Republic; lying in politics, civil disobedience on violence, thoughts on politics, and revolution. 1st ed., N.Y., 1972.

² С властью связана целая смысловая группа парных сопоставлений. Так, в учебнике под ред. А. Мельвиля «Категории политической науки» власть определяется через понятия — мощь (могущество), и влияние, и господство, и авторитет, и убеждение, и принуждение (насилие). И не только. Джованни Сартори утверждает: власть — это семантическая головоломка. <http://www/mpsf/org/dlw>.

³ *Dahl R.* The Concept of Power // Behavioral Sciences. 1957. No 2. P 201–215.

⁴ *Simon H.* Models of Man. 1957. P. 7.

ского воздействия, средства которого варьируются от мягкого утешения до открытого насилия. Но, помимо *воздействия* одного человека на другого, *между ними* происходит и *взаимодействие*, обе стороны которого способны влиять на партнера, хотя эти влияния и не равнозначны. Эти процессы осуществимы только при условии, что властвующие имеют с управляемыми *общий язык*, на котором можно договариваться, приходиться к соглашениям¹.

В том же ключе трактует власть и концепция политической поддержки, согласно которой политическая система функционирует эффективно только тогда, когда граждане позитивно воспринимают власть и оказывают ей психологическое содействие, идентифицируют себя с этой властью². Резервуар же положительных образов властей предрержащих формируется в детстве под влиянием особенностей властных отношений прежде всего в семье. Политическая поддержка может быть измерена и с помощью таких психологических индикаторов, как:

- доверие;
- симпатия;
- готовность выступить в защиту того или иного лидера, института власти и т.д.;
- маркирование гражданами тех политиков, которые оказывают существенное влияние на политический процесс (персонификация власти);
- различение границ власти и того, что властью не является, включая оппозицию этой власти и т.д.³

Особенно важно в контексте политико-психологического анализа власти именно наличие или отсутствие у народа и власти общего лексикона, что является если и не достаточным, то необходимым условием создания устойчивой, эффективной политической системы. Это положение подтверждается самим фактом функционирования стабильных режимов с развитыми традициями демократии.

В быстро изменяющейся российской политической жизни нет надежных свидетельств о *психологической подоплеке* той поддержки,

¹ Болл Т. Власть // Полис. 1993. № 5. С. 39.

² Easton D., Dennis J. Children and Political System. N.Y., 1969.

³ В нашем исследовании мы задавали респондентам соответствующие вопросы, позволяющие определить эти и другие параметры образов власти.

которую граждане до сих пор оказывали (с теми или иными оговорками) новой системе власти. Думается, что для того, чтобы понять, как складываются отношения граждан с властью в условиях российской политики, следует прежде всего выяснить, что в этих отношениях уникально и сформировано контекстом нашей специфической политической культуры, а что подчиняется общим законам развития политической системы.

Опросы общественного мнения в российских условиях дают картину поверхностных установок, даже не мнений, а настроений, фиксация которых слабо отражает глубинные причины отношений, складывающихся между властью и гражданами и, на первый взгляд, производящих впечатление хаотичности и иррациональности. Может быть, прав был К. Аксаков, полагавший, что русский народ — в принципе народ неполитический. Он добровольно призывает внешнюю власть, и с властью в лице «царя он связан любовью и взаимной верностью, а не законом»¹. Или сегодня, в отличие от того времени, когда писал Аксаков, народ и власть психологически связаны чем-то иным?

Примечательно, что теоретическая непроработанность категории власти не мешает не только политологам и политикам, но и обычным гражданам широко пользоваться этим понятием применительно к миру политики. Более того, сегодня не только собственно институты власти или властный статус являются необходимыми условиями для реализации власти. В современной политике таким же ресурсом власти является ее образ, который складывается в массовом политическом сознании. Большинство отечественных и зарубежных исследований акцентируют проблему образов отдельных политиков. Мы же, изучая эту проблему, пришли к выводу, что *наряду и помимо* образов отдельных политических деятелей в массовом сознании отдельно существует и образ власти в целом, который не получил пока должного внимания со стороны политических психологов.

То, какими видят власть и ее представителей рядовые граждане, влияет на их электоральный выбор, на поддержку власти между выборами и на тот диапазон возможностей, которые открываются перед политическими лидерами в ходе исполнения ими своих властных

¹ См. Белый царь С. 553

функций. Образы власти отличает, с одной стороны, существенная *изменчивость*, связанная и с индивидуальными действиями политиков, и с колебаниями общественного мнения, подверженного различным воздействиям, как целенаправленного свойства, так и случайных событий, политических кризисов и массовых настроений. С другой стороны, более глубинные пласты образов отличает известная *устойчивость*, так как эти пласты, как правило, неосознаваемые людьми, питаются из резервуара коллективных представлений, уходящих своими корнями в глубокие традиции национальной политической культуры.

Вначале обозначим важнейшие теоретические и методологические вопросы, встающие перед исследователями этого политико-психологического феномена.

Изменения в институтах политической системы 1990-х годов, сам ход политических трансформаций были главным фактором, повлиявшим на восприятие гражданами власти и политиков. Очевидно, что произошедшие институциональные изменения политической системы, политического режима и собственно политические события являются важнейшими факторами, под влиянием которых формировались те образы власти, которые стали объектом нашего исследования. Другим фактором, влияющим на формирование образов власти, является традиция нашей национальной политической культуры. Как соотносятся эти два ряда факторов между собой, нам предстояло выяснить в ходе исследования.

Образы власти в массовом сознании имеют свою динамику. Они претерпевают определенные изменения, и в этих изменениях меняется как содержание образов, оценка носителей власти, так и сама оптика, определяющая характер восприятия. Так, в общественном сознании в начале десятилетия (в 1991 г.) произошла смена вех, когда в один день мы все оказались гражданами новой страны. Еще один серьезный сдвиг пришелся на 1993 г. после того, как действующий президент Ельцин решил применить танки против своих политических противников. Менее значительные повороты в общественном мнении фиксировались в 1996 г. — в год президентских выборов. Осенью 1999 г., что совпало с назначением В. В. Путина председателем правительства, массовое сознание преодолело еще один серьезный рубеж, который если и не сопоставим с извержением 1991 г., то также сильно поменял видение гражданами политики, лидеров, отношение к государству, законам и другим важнейшим политическим явлениям. От-

сюда важная задача: изучить динамику изменения образов власти и политиков и попытаться объяснить психологические механизмы, определяющие эти изменения.

Существует серьезная теоретическая проблема, связанная с определением веса краткосрочных, контекстных факторов и долгосрочных политико-культурных трендов, их влияния на становление образов власти. Не ясно, например, как краткосрочные факторы, скажем, пожар на Останкинской телебашне, повлиявший на оценку мэра Лужкова или гибель подлодки «Курск», снизившая рейтинг Президента Путина, соотносятся с долгосрочными факторами, такими как архетипы нашей политической культуры. *Отсюда задача понять, в каких характеристиках власти будут зафиксированы существенные изменения восприятия, а какие останутся неизменными с течением времени. Нас также интересовало, как меняются оценки власти предшествующих периодов (власти советской) и власти эпохи Ельцина, а также власти эпохи Ельцина в сравнении с оценками власти периода Путина.*

Поскольку образы власти складываются под воздействием традиций национальной политической культуры, тех архетипов, которые длительное время существуют в массовом сознании, то имеет смысл обратить внимание не только на **образы существующей власти**, но и на **образы идеальной власти**. Как показали, например, психологические исследования Д. Леонтьева¹, образы в психике человека формируются не только под влиянием личного опыта, но и под воздействием существующих в массовом сознании (в данном случае в национальной политической культуре) *эталонных представлений* об идеальном президенте, идеальном кандидате, идеальном товаре и т.д. При оценке реальных представителей власти происходит сопоставление их с *эталонными образами*, которые обладают высокой степенью согласованности и цельности у разных людей. Наша гипотеза заключалась в том, что образы существующей власти отличаются от ее эталонных представлений. Исследовательская задача состояла в том, чтобы определить пределы этих несоответствий и выявить, в чем именно они заключаются.

¹ Леонтьев Д. А. Эталонный образ в контексте психосемантического брендинга // Реклама и жизнь. 2000. № 1.

Сам образ власти является сложным психологическим феноменом. В нем можно выделить несколько уровней или аспектов: образ власти, существующей в данный момент, образ власти идеальной, нормативный образ власти (власть какой она может быть).

Для построения теоретической модели восприятия власти необходимо иметь достаточно ясное представление о том, под влиянием каких факторов складываются эти образы. Так, мы предположили, что такими детерминантами могут быть как психологические особенности и **характеристики самой власти**, которые ей приписывают воспринимающие (как то: сила, аттрактивность, активность, идеологическая цельность и др.), так и **личностные особенности тех, кто воспринимает власть** (потребности граждан, которые власть призвана удовлетворять, и будучи не удовлетворенными они могут формировать не только отношение к власти, но и образ самой власти; **ценностно-нормативные представления** индивидов, определяющие их восприятие, **личностные особенности** воспринимающих, включая их социально-демографические особенности, биографические, семейные, поколенческие обстоятельства формирования личности; **их политическая идентификация** на момент исследования).

Изучая восприятие существующей власти, наличные политические убеждения респондентов, касающиеся власти, мы пытались установить их связь с идеальными представлениями о том, какой власть должна быть, т.е. мы искали ценностно-нормативные измерения образов власти, которые напрямую связаны с доминирующими в обществе ценностями политической культуры. К тому же власть является сама по себе одним из центральных архетипов российской политической культуры, одним из тех стержней, на котором держатся многие другие архетипы¹.

Когда мы изучаем образы власти на личностном уровне, то важным фактором, детерминирующим не столько даже содержание, сколько психологические особенности процесса восприятия власти, является **характер первичной политической социализации респондента**, т.е. те конфигурации неполитической власти, которые закладываются в детстве, а затем уже во взрослом возрасте серьезно воздействуют на образы политических процессов вообще и на восприятие индивидом

¹ См.: Белый царь: Метафизика власти в русской мысли: Хрестоматия. М., 2001. Комментарий.

власти в частности! Наряду с прямыми вопросами о том, как респонденты оценивают власть прежнюю и нынешнюю, мы анализировали их глубинные интервью, в которых они рассказывали о своей семье, о том, что они помнят о политике времен своего детства и юности, о том, какой опыт властных отношений у них сложился в школьные годы, кто оказал влияние на их политические взгляды и т.д.

Образы власти у лиц с авторитарным синдромом формируются по иным психологическим законам, нежели у индивидов с «демократическим» типом личности. Это связано с тем, что образы власти политической имеют в качестве своей психологической основы опыт неполитический, полученный в семье и в общении со сверстниками и старшими в школе и через другие институты политической социализации.

Отсюда задача — выявить те модели политической социализации, которые лежали в основе формирования определенных представлений о власти, о политике в целом, наиболее существенные ценностные ориентации респондентов, например их представления о справедливости, демократии, уровень их интереса к политике, понимание того, как устроена современная политика, их принятие или непринятие существующей власти, ее оценки и т.д. Этой цели служили глубинные интервью, которые наряду с анкетным опросом позволили нам более глубоко изучить связь наличных политических представлений и взглядов опрошенных на власть с тем опытом социализации, который они приобрели в детстве.

Таким образом, мы можем реконструировать процесс их первичной и вторичной политической социализации и ресоциализации и установить зависимость между нынешними политическими взглядами и ценностями и типом социализации. В данном вопросе мы следуем за теми учеными (в частности, за Д. Истоном и Дж. Деннисом), которые полагают, что политические установки, политические взгляды и ценности возникают из неполитических оснований: знакомство с отношениями власти в семье, в иных социальных группах предшествует знакомству с миром политики. Вырастая, индивид производит перенос известных ему феноменов на новую для него сферу политики. Как бы ни относиться к психоаналитическим концепциям политической социализации, никаких других теоретических идей, удовлетворительно объясняющих формирование образов власти в литературе, не предложено.

Образы власти и политиков, ее олицетворяющих и символизирующих, — это особая психологическая реальность, имеющая свою структуру. Анализ этой структуры является первостепенной задачей политико-психологического исследования. В этой структуре мы выделяем два измерения: **содержательные** и **собственно психологические** компоненты.

Следует отметить, что образы в политической картине мира имеют свою специфику, отличную от образов товаров в рекламе или от образов искусства. Отличия касаются прежде всего **содержательных** аспектов (политических, идеологических, моральных и т.д.). Нам важно понять, с какими политическими и идеологическими моделями власти граждане готовы себя *идентифицировать*. Это также один из важных компонентов позиционирования власти и граждан в отношении друг друга.

Хотя власть и является весьма абстрактной категорией в сознании граждан, но она раскрывается через образы конкретных ее носителей: личности и институты, обладающие определенным политическим влиянием. В качестве эмпирического индикатора, определяющего потенциал образа власти, может служить уровень доверия и симпатии тому или иному институту или лидеру, его олицетворяющему.

Для понимания природы образов власти необходимо определить границы «пространства власти» не столько в ее институциональном, сколько в психологическом измерении.

Поиск закономерностей формирования образов власти не мог обойти и вопрос о таких факторах, которые их определяют: пол, возраст, образование, профессия, место жительства и пр. Образы власти у женщин отличаются от образов власти у мужчин. В социально-психологической литературе приводятся данные исследований, свидетельствующих о том, что женщины более конформны, чем мужчины. В какой мере это относится к власти? Готовы ли женщины в большей степени доверять власти и подчиняться ей или это не так.

Наши предыдущие исследования показали, что восприятие власти людьми разных поколений серьезно отличается¹. В данной работе мы ставим перед собой задачу выяснить, сохранились ли те закономерности, которые определяли отличия в восприятии власти у

¹ См.: Шестонал Е. Психологический профиль российской власти 1990-х. Гл. 13.

разных возрастных когорт в начале — середине 1990-х годов. Особенно важно знать, как воспринимают власть люди младших возрастных групп, так как именно с ними связаны перспективы формирования демократических институтов власти.

§ 2. СТРУКТУРА ОБРАЗОВ ВЛАСТИ И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Помимо содержательных моментов в анализе образов власти, необходимо учитывать и их **собственно психологические измерения**. Таким образом, политический психолог, изучающий образы власти в сознании граждан, исследует не только то, *что* отражалось в сознании респондентов, но и то, *как* происходит это отражение, его характер, т.е. политическая оптика, преломляющая реальную власть. Для того чтобы уловить эти психологические измерения, нами была использована стандартная для психологических исследований схема анализа: в образах власти мы выделили эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты, которые и подверглись специальному изучению. Мы использовали для этих целей качественные методы, прежде всего анализ открытых вопросов, касающихся того, как респонденты оценивают реальную и идеальную власть. Ответы кодировались, а затем оценивались по нескольким психологическим параметрам.

Так, нам было важно понять, каковы **эмоциональные** составляющие этих образов. Сюда входят прежде всего знаки отношения к власти в массовом и индивидуальном сознании (отношения к идеальной власти и власти реальной, к власти нынешней и к власти недавнего прошлого, отношения со знаком плюс или со знаком минус). Мы предположили, что эмоциональный знак в отношении власти времен молодости респондентов будет позитивным, чем в настоящем, так как люди обычно идеализируют свое прошлое. Гипотеза эта подтвердилась лишь частично. Реальность оказалась намного сложнее, чем можно было представить себе в начале исследования. Эмоциональные составляющие особенно ярко проявлялись в образах власти в глубинных интервью, которые были проведены нами в середине 1990-х годов. Их анализ и обработка дали богатый материал как об осознваемом, так и о бессознательном уровне установок на власть.

Второй важной составляющей является **когнитивный** срез образов власти, который мы операционализировали через такие индикаторы, как:

- *интерес к теме власти;*
- *самостоятельность или стереотипность¹ суждений о власти;*
- *уровень их когнитивной сложности/простоты;*
- *степень ясности/размытости образов;*
- *субъектность власти.*

Так, в литературе есть данные², свидетельствующие о том, что политическая активность граждан психологически связана с наличием определенного уровня *интереса* к политике. И напротив, политический абсентеизм и цинизм сопровождаются полным или практически полным отсутствием интереса к политике, которая не находится в поле зрения граждан. Гражданская зрелость в свою очередь предполагает способность отдельного индивида самостоятельно выносить суждения о власти и принимать осознанные решения в ходе выборов, неподвластные политическим стереотипам.

Когнитивная или, как ее еще называют, интегративная сложность/ простота — это важный срез сознания при оценке образов власти. Люди с выраженной когнитивной сложностью дают более зрелые оценки власти, чувствуют нюансы. Они не склонны к стереотипным оценкам, что часто связано с уровнем авторитарности личности. Когнитивная простота, напротив, характерна для лиц с черно-белым, закрытым мышлением, ригидной психикой, что сказывается и на их политических оценках.

Можно высказать предположение, что поддержка власти со стороны граждан соотносится с указанными характеристиками тех образов власти, которые есть в сознании граждан. Так, если власть непонятна гражданам и посылает им невнятные сигналы в силу того, что образы власти *размыты и нечетки*, то это, возможно, и поможет привлечь на время выборов достаточно пестрый состав сторонников, но вряд ли поможет их удержать, не вызвав внутренних конфликтов и внутри элиты, и в обществе.

¹ См. схему *Б. Грушина* в книге «Четыре жизни России». Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах: Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. М., 2001. Т. 1.

² *Kavanagh D.* Political Science and Political Behaviour. L., 1983. P. 183.

Не менее важно определить *субъектность* этих образов. Наши данные показывают, что нередко власть воспринимается гражданами как безличная сила, не имеющая «лица». За этим стоит определенный комплекс отчужденности власти от граждан, когда власть не просто «далека от народа», но вообще не понятно, где она. Власть выступает как некий неодушевленный объект, вызывающий тревогу, страх, другие негативные эмоции. Однако власть может ассоциироваться с партиями и институтами, с государством или с конкретными персонами. Нам представляется важным выяснить, *кто или что подразумевается гражданами, когда они говорят о власти*. Предварительные наблюдения показывают, что российские граждане в понятие власти включают не только представителей исполнительной или законодательной власти. Они не различают власть и оппозицию. Для них власть — это все, кто там, «наверху».

И, наконец, **поведенческий** аспект образов власти проявляется не просто в оценках режима или системы, но в готовности делом поддерживать эту власть, участвовать в управлении государством, принимать участие в различных формах политической деятельности. Вопросы об этой готовности содержались в инструментарии нашего исследования. Мы предприняли специальный анализ образов власти у пассивных и активных граждан, у тех, кто готов участвовать в политике только в роли избирателя, и у тех, кто пойдет на забастовку или будет принимать участие в выборах как кандидат. Гипотеза, которой мы руководствовались, состоит в том, что образ власти у тех, кто хочет играть в политике более активную роль, должен быть позитивным. Среди наших респондентов есть небольшая группа действующих политиков как из исполнительной, так и из законодательной власти. Мы считали необходимым проанализировать, чем отличаются их представления о власти от представлений рядовых граждан.

Кроме того, в исследовании по власти нами были использованы открытые вопросы для выявления того, кто именно из представителей власти вызывает у граждан доверие и симпатию, оказывает реальное влияние на политический процесс, за кого они готовы отдать свой голос. Анализ ответов на эти открытые вопросы позволяет проанализировать конкретное наполнение образов власти в ее персонафицированном виде. Списки этих политиков на разных этапах исследования предстоит проанализировать. Нас в первую очередь будет интересовать, насколько власть ассоциируется с публичными поли-

тиками или в ней преобладают «теневые» компоненты, порождающие образ власти-марионетки, за которой скрываются неизвестные публике, а потому особенно опасные «кукловоды».

Работая с помощью разных методов, мы получили различные, подчас несовпадающие срезы образов власти — **рациональный и бессознательный, вербальный и визуальный**. В силу того что в современном мире население, как правило, получает информацию о власти посредством электронных СМИ, визуальные характеристики образов власти приобретают особое значение, так как они дают важную информацию о бессознательных характеристиках восприятия власти.

Визуальные компоненты образов власти¹

Вопрос о том, кто является субъектом власти, представляет сложность не только для политологов, но и для простых граждан. Отсюда определенные колебания при ответе на этот вопрос. Мы предположили, что неуверенность и колебания в данном случае свидетельствуют не только о недостаточной информированности граждан, но и о расхождении рационального и бессознательного уровней оценки. Поэтому этот вопрос мы исследовали также и с помощью проективного теста².

Выборка по этому методу составила около 300 человек, которые прошли тестирование в 2002–2004 гг

Субъект власти обозначен практически в каждом втором рисунке. Однако не во всех случаях изображенный субъект был центром рисунка и не всегда ассоциировался с властью как таковой. Среди субъектов, наделенных властью, а таких менее 30%, есть различные политики (наиболее часто упоминается Президент Путин, партии, мафия, олигархи и банкиры) и неразличимые (таких субъектов большинство). К числу последних относятся обезличенные субъекты, олицетворяющие собой власть.

Другая половина рисунков (51%) в принципе не содержит субъекта либо он оказался «за кадром» (кукловод и марионетка) (рис. 1).

Этот рисунок наглядно демонстрирует теневой и закрытый характер власти. Другой смысловой оттенок образа власти проявляет-

¹ В эмпирической части исследования принимала участие аспирантка кафедры политической психологии Оксана Бражник.

² Респонденту ставилась задача изобразить «власть в России». При этом никаких конкретных инструкций не давалось. Такое задание позволяло выявить не только рационально осознаваемый, но и бессознательный уровень восприятия власти.

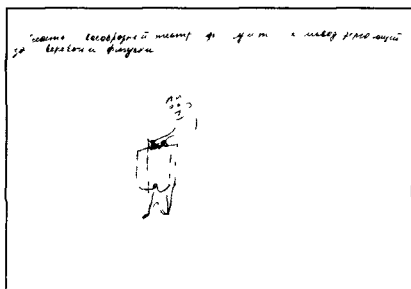

Рис. 1

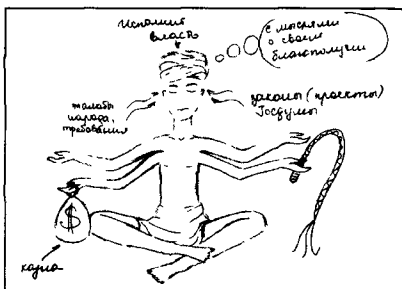

Рис. 2

ся в рисунке, где власть изображена в виде факира, заговаривающего змею (рис. 2). Здесь лидер должен проявить способности фокусника, чтобы и народ успокоить, и с чиновниками договориться.

Изучение визуальных компонентов образа власти показало, что на бессознательном уровне восприятия в сознании опрошенных нашли отражение лишь две ветви власти — законодательная и исполнительная. Парадоксальным может показаться вывод о том, что образ законодательной власти в массовом сознании выглядит более ярким, чем исполнительной, хотя последняя и признается на рациональном уровне более важной. Не менее значимо и то, что в проективном тесте напрочь отсутствует «четвертая власть» — власть СМИ. Судебная власть тоже стремится к значениям, близким к нулю. Эти данные говорят о том, что репрезентация образа власти в сознании выглядит весьма отлично на рациональном и бессознательном уровнях. Такое расхождение визуального и вербального, рационального и бессознательного компонентов в образах власти ставит вопрос о том, что (кто) стоит за этими образами (табл. 1).

Таблица 1

**Ветви власти в проективном тесте
(доли в % ко всем рисункам)**

Законодательная	8,8
Исполнительная	1,8
Судебная	0,9
СМИ	—
Президент	9,8

«Народ». В представлении наших респондентов «народ» не играет большой роли в системе властных отношений и имеет весьма низкий ранг в системе отношений (рис. 3). Об этом свидетельствует 35% полученных рисунков. Народ всегда изображен в виде мелких по масштабу фигур. Так, нередко «народ» изображается в униженном положении (люди на коленях перед властью, просящие милостыню), он страдает (есть даже рисунки, в которых людям из народа наносят физические увечья).

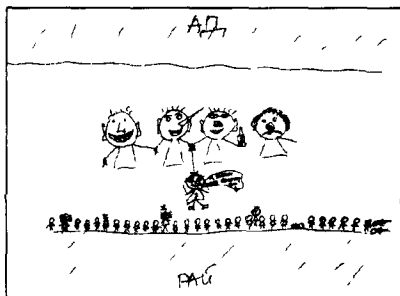

Рис. 3

На многих рисунках между властью и народом изображены какие-либо преграды, т.е., находясь в рамках одного изобразительного пространства, они практически не взаимодействуют либо взаимодействие их затруднено. Если же взаимодействие между властью и народом присутствует, то зачастую оно перерастает в конфликт, в ином случае роль народа сводится лишь к роли массовки, которая поддерживает или не поддерживает политика, слушает его речь или избирает его. Никаких существенных ролей народу не приписывается, простые люди не способны влиять на решения, принимаемые представителями власти. Более 60% респондентов вовсе исключают «народ» из своих представлений о власти. Это говорит о том, что респонденты воспринимают власть и народ как имеющие разный социальный статус.

В общей сложности в 22,7% рисунков встречаются схематичные изображения **людей**. Причем здесь выделяются схематично изображенные фигуры, представляющие власть (11,8%), а также фигуры, представляющие народ (10,9%). Власть отличается от народа в большинстве случаев своим «размером»: человек, представляющий власть, всегда больше, выше, сильнее, богаче, чем простые люди, и находится в более комфортных условиях. Они же в свою очередь часто находятся уровнем ниже. Людей обычно больше, чем представителей власти, и они подчиняются ей.

11,6% респондентов связывают свои представления о власти с категорией силы. Это выражается в изображении разнообразного **оружия** (7,8%), **спецслужб** (2,9%) и др.

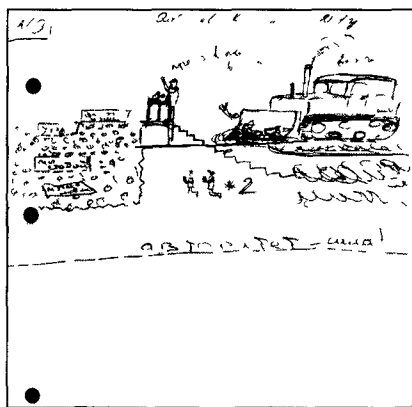

Рис. 4

Спецслужбы (КГБ и ФСБ), по мнению респондентов, являются субъектами, обладающими властью.

Оружие символизирует угрозу и агрессию. В рисунках агрессия направлена в основном против личности, против народа (рис. 4). Простые люди — маленькие по размеру и не могут защитить себя. Власть пугает респондентов. На одной из картинок мы видим трактор, загребаящий людей ковшом. Трактор — это власть, которая страшна: она губительна для людей.

Другое понимание силы связано у респондентов со способностью удерживать власть в «кулаке». Однако кулак на рис. 5 выглядит настолько угрожающе, что становится понятно: ничего хорошего от него ждать не приходится.

Таким образом, представления российских респондентов о власти основываются в основном на эмоциях, которые испытывают граждане по отношению к представителям власти и тем действиям, которые

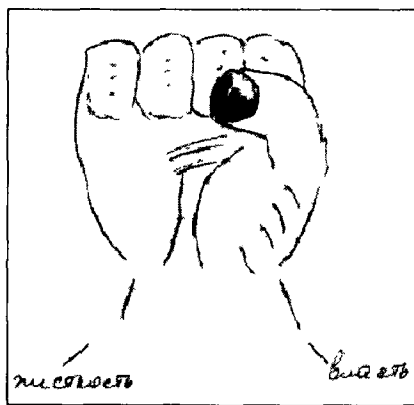

Рис. 5

они совершают. Рациональные оценки встречаются довольно редко. Власть представляется в образах респондентов когнитивно сложной, богатой, насыщенной деталями. Это, безусловно, делает ее более зримой и понятной, более психологически близкой и менее отчужденной. Однако образ власти в сознании российских респондентов нельзя назвать сформированным и устойчивым, так как многие рисунки были незавершенными либо была нарушена симметрия и целостность изображения.

Образ В. В. Путина

Образ Путина исследовался нами как методом проективного теста, так и методом фокусированных интервью. Начнем с визуального компонента этого образа.

Около 10% респондентов ассоциируют власть с **президентом**, причем в большинстве случаев с В. В. Путиным.

Многие изображения носят когнитивно сложный характер: они встроены в многофигурные композиции и отражают достаточно детализированное представление о личности и функциях Президента Путина (рис. 6).

Нужно отметить, что институт президентства является самым распространенным и наиболее важным для респондентов элементом структуры государственной власти (см. табл. 1).

Однако, глядя на рисунки наших респондентов, можно сделать вывод о том, что наш Президент не работает: он либо просто присутствует и ничем не занимается, либо призывает «мочить» кого следует. Мы не обнаружили ни одного рисунка, где глава государства был бы занят работой. Он нигде ни подписывает указов, не встречается с людьми. Только в одном случае мы обнаружили указание на его международную деятельность в рисунке, где он нарисован вместе с хихикающим Дж. Бушем. На рис. 7 Президент изображен в виде иконы, которой губернаторы и чиновники запугивают и народ, и олигархов. Автор рисунка указывает на убегающих от Путина несогласных с ним политиков.

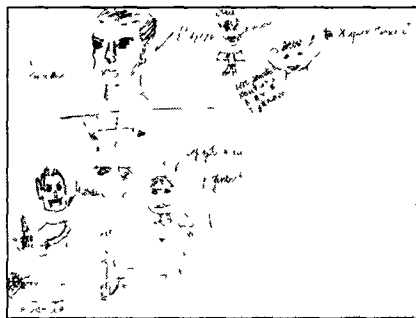

Рис. 6

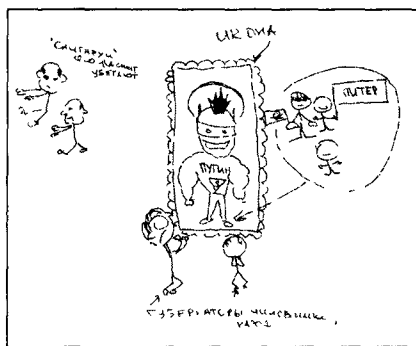

Рис. 7

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы о характере персонификации власти современными российскими гражданами.

— Наиболее существенными факторами персонификации оказались: влияние личности политического лидера, который символизирует власть, а также ряд ситуативных факторов (особенности политической культуры, воздействие СМИ и др.).

— Наше исследование показало, что наряду с субъектной персонификацией имеет место бессубъектная или анонимная персонификация, когда образ власти ассоциируется не с тем или иным политическим лидером, а с некой элитной группой, партией, мафией.

— Персонификация имеет как позитивный, так и негативный психологический смысл. При этом исследование показало, что негативные оценки в персонифицированных образах встречаются чаще позитивных. Примечательно, что негативные оценки власти связаны с приписыванием ответственности субъекту персонификации. Как отмечает А. Г. Здравомыслов, для российского массового сознания вообще характерно восприятие власти как инстанции субъектности и ответственности. «Она как бы изобретена для того, чтобы отвечать на вопрос “Кто виноват?”. Именно “власть” во всем виновата. Власть — это “Они”, которые стоят над “Нами” с пряником и кнутом (на разных этапах в разной пропорции) и вынуждают “Нас” делать то, что “Им” хочется. А “Мы” — это общество, которое всегда право по отношению к власти, ибо общество — это всегда почва, на которой произрастает власть»¹. Возможно, эта особенность современного российского массового сознания и является проявлением незрелости демократической культуры, но нельзя не заметить, что вина и ответственность действительно во многом лежит не на населении, а на власти.

— Персонифицированные образы позволяют человеку, потерявшему привычные политические ориентиры, адаптироваться к изменчивой и непонятной политической среде. Наши данные показывают, что персонифицированные образы власти играют роль защитных механизмов, упрощающих политическую картину мира.

¹ *Здравомыслов А. Г. Власть и общество в России: кризис 90-х годов // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 25.*

§ 3. ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ВЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Одним из ключевых для успеха демократического транзита в России является вопрос о том, сохранится ли традиционная для России персонализация власти, или в массовом сознании произойдет перелом, и им будут приняты новые демократические ценности, которые предполагают отказ от выстраивания политической системы «под личность» лидера, и соответственно будет достигнуто господство формального права над правом «телефонным».

Персонализация или персонификация власти? Представляется в связи с этим, что прежде всего требуют уточнения термины «персонализации» и «персонификации» власти. Первый из них получил широкое распространение в политологической и политической литературе, которое, как правило, связано с ассоциацией массовым сознанием власти с ее конкретным носителем, как правило, первым лицом или лицами. Отсюда наиболее частое использование этого термина как прямого индикатора авторитарных тенденций, выражающихся в сосредоточении всей власти в руках одного правителя или правящей группы.² По существу персонализация власти понимается в такой интерпретации просто как режим личной власти. При этом, например, известный российский социолог Юрий Левада, использующий термин персонализация в указанном выше смысле, не может не признать, что «сопоставление суждений о типах руководства приоткрывает весьма существенную грань сегодняшней персонализации власти — ее неразрывную связь с тенденцией к обезличиванию, деперсонализации самих носителей этой власти». Тогда возникает вопрос: а насколько корректен этот столь противоречивый термин? Если такая его интерпретация и имеет право на существование, но вряд ли ее можно считать исчерпывающей.

Между тем в политико-психологической литературе чаще используется иной, хотя и близкий термин **«персонификация власти»**. Наличие этого феномена в массовом сознании неоднократно отмечалось различными исследователями². Этот феномен описывается, как

¹ Эмпирическая часть работы выполнена аспиранткой кафедры политической психологии И. Моисеевой.

² См., например: Преснякова Л. А. Структура личностного восприятия политической власти // Полис. 2000. № 4. С. 136; Лейенс Ж.-Ф., Дарден Б. Основные концепции и подходы в социальном познании // Перспективы социальной психологии. М.,

склонность граждан приписывать процесс и результат функционирования властных институтов деятельности одного или группы политических акторов, наделяя при этом сам властный процесс человеческими качествами и характеристиками. Очевидно, что понимаемая таким образом персонификация обязательно связана не только с авторитарными тенденциями и может иметь совершенно иные объяснительные механизмы. Так, психоаналитическая традиция уже давно исследует психологические механизмы персонификации власти и подчеркивает, что последняя имеет широкий психологический смысл, связанный с действием защитных механизмов личности, которые позволяют гражданам упрощать непонятный им механизм власти и тем самым избавляться от тревожности. В психологических¹ работах когнитивного направления (в частности, Ж. Пиаже, Л. Кольберга, Дж. Адельсона), персонификация вообще рассматривается как необходимый этап в формировании личности, независимо от типа политической системы.

В литературе по политической культуре России подчеркивается, что для нее всегда была характерна персонифицированная власть. А если это так, то для понимания современных политических реалий и перспектив утверждения демократических ценностей в массовом сознании необходимо проанализировать, как подобный исторический фон соотносится с традиционными ценностями.

Очевидно, что использование того или иного термина (персонификация или персонализация) соотносится с выбором теоретического контекста и с определенными исследовательскими задачами. В своих исследованиях образов власти в постсоветской России мы исходим из того, что в каждый конкретный исторический момент следует установить, как и чем психологически связаны граждане и власть.

2001. С. 140–141; *Башкирова Е., Лайдинен Н.* Имидж политика: особенности восприятия // *Власть*. 2000. № 8. С. 65; *Kinder D. R., Fiske S. T.* Presidents in the Public Mind // *Political Psychology: Contemporary Problems and Issues* / Ed. by M. Hermann. San Francisco, 1986. С. 193–210; *Зелетдинова Э.* Региональная власть: как далека она от народа? // *Власть*. 1999. № 11. С. 25–27; *Афанасьев М.* От вольных орд до Ханской ставки // *Pro et contra*. Лето 1998. Т. 3. С. 5–20; *Грежейщак С. Е.* Региональное политическое лидерство в современной России: институциональный аспект // *ОНС*. 2000. № 1. С. 36–45.

¹ *Пиаже Ж.* Генетическая эпистемология. СПб., 2004; *Он же.* Психология интеллекта. СПб., 2003; *Rosenberg S. W., Ward D., Chilton S.* Political Reasoning and Cognition: A Piagetian View. Durham, 1988.

Персонификация власти в современной России. В своем исследовании восприятия власти в России мы попытались описать те тенденции в политической жизни страны, которые связаны с персонифицированными образами власти в целом и в образе В. В. Путина в частности. В основе предлагаемой ниже интерпретации происходящих в России изменений восприятия власти и ее носителей лежат данные, полученные нами в политико-психологическом исследовании, которое проводилось с 2000 по 2004 г. на кафедре политической психологии отделения политологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова¹.

Далее мы приведем некоторые **результаты** исследования.

Анализ вербальных образов власти (по данным опроса 2000–2004 гг.)

Для рассмотрения персонифицированных образов мы проанализировали ответы на открытые вопросы «Как вы могли бы охарактеризовать власть в сегодняшней России?», «Как вы могли бы охарактеризовать власть в вашем регионе?».

Прежде всего, как показал наш анализ, в процессе восприятия власти у ряда граждан безличный политический процесс нередко сводится до образа одного или нескольких политиков. Так, отвечая на вышеперечисленные открытые вопросы, в качестве характеристики власти респонденты называли имя политического лидера и перечисляли его положительные или отрицательные личностные или профессиональные качества. Такой тип персонификации мы назвали **субъектной персонификацией**. В качестве субъектов могут выступать не только отдельные политические лидеры, но и группы: «*правительственные чиновники*», «*мафия*». Однако в результате нашего исследования был зафиксирован еще один феномен — **бессубъектная персонификация**, который подразумевает атрибуцию человеческих характеристик власти политическому процессу. Так, например, говоря о власти, респонденты использовали выражения: «*думают*», «*воруют*». Последняя характеристика была также зафиксирована в

¹ Данное исследование включало в себя **опрос, фокусированные интервью и проективный тест**. Выборка в **опросах** 2000–2002 гг. была уравновешена по полу, возрасту и образованию. В 2003 г. исследование прошло в Москве и еще 6 регионах. Выборка составила 2283 человека и была репрезентативна для тех регионов, где проходило исследование.

исследовании «Обыденный язык» Фонда «Общественное мнение» (2000–2001), где в том числе тестировались понятия «власть» и «государство»: «Для восприятия власти сегодняшними россиянами характерна особенность, которую можно было бы назвать принципом анонимной персонификации: власть ассоциируется с неким специфическим слоем людей, объединенных собственными интересами и в силу этого чуждых основной массе населения»¹.

Учитывая описанное выше понимание персонификации, мы использовали соответствующую методологию: ответы на открытые вопросы нашего исследования были закодированы по следующему основанию: наличие/отсутствие субъектной/бессубъектной персонификации в ответе.

В нашем исследовании треть респондентов, ответивших на вопрос о характеристиках федеральной власти в России, склонны ее персонифицировать. Региональную власть персонифицируют примерно половина опрошенных (табл. 2).

Таблица 2

**Персонифицированный образ власти
(в % от ответивших на вопрос)**

	Персонифицированный образ власти			
	2003 г.		2004 г.	
	в России	в регионе	в России	в регионе
Нет персонификации	75,2	66,3	64,3	47
Бессубъектная персонификация	11,1	17,8	18,5	30,8
Субъектная персонификация	13,7	15,8	16,7	22,3

При этом, как показывают приведенные выше данные, на региональном уровне персонификация власти усиливается. На федеральном уровне эта тенденция выглядит более сложно. Обнаружена определенная зависимость между ответами на оба вопроса. Люди, воспринимающие федеральную власть как персонифицированную, чаще таким же образом воспринимают и региональную власть.

Причем уровень персонификации региональной власти в разных регионах также различается. Наиболее высокий уровень персо-

¹ http://bd.fom.ru/report/map/projects/lang/186_12871/pa0011; http://bd.fom.ru/report/map/projects/lang/187_12863/pa0013

нификации наблюдается в Кемеровской области (8,4% — бессубъектной персонификации и 27,4% — субъектной в 2003 г.), Самаре (15,5 и 48,3% в 2003 г.), Башкортостане (20 и 9,2%) и Москве (15,8 и 11,2% в 2003 г. и 31,9 и 22% в 2004 г.). Очевидно, что уровень персонификации региональной власти отчасти зависит от активности и публичности «первых лиц» региона, так как наиболее активные региональные лидеры, региональные «тяжеловесы» А. Г. Тулеев, К. А. Титов, М. Г. Рахимов и Ю. М. Лужков чаще присутствовали в ответах респондентов, чем их коллеги из других регионов. Определенное влияние оказала и персонифицированная политическая реклама, так как большинство из вышеперечисленных губернаторов в 2003 г. находились в ожидании выборов.

Даже учитывая тот факт, что личности лидеров оказывают влияние на формирование персонифицированных образов власти, остается большой пласт бессубъектной персонификации, также в категории субъектной персонификации губернаторы не были единственными представителями политической власти.

Содержание персонифицированных образов. На федеральном уровне в образах власти можно выделить четыре основных субъекта:

- президент В. В. Путин;
- чиновники (обычно в значении «*коррупционеры*», «*воры*»);
- олигархи, семья, мафия;
- силовики.

Необходимо отметить, что наибольшее число респондентов ассоциируют политический процесс все же с фигурой Президента. При этом эмоциональное отношение к нему может быть как положительным, так и отрицательным:

«Все зависит от личности Президента»;

«К Путину отношусь с уважением, ему тяжело, его надо поддерживать»;

«Путин пытается улучшить жизнь в России и позиции на мировом рынке»;

«Путин старается что-то делать»;

«Путин должен навести порядок, хотя в последнее время как-то сдает»;

«Путин — это “путы”».

В бессубъектной персонификации можно выделить три группы ответов. Первая описывает власть как слабый и несамостоятельный

субъект: «пугливая и зависимая», «нерешительная», «вялая, беззубая и безответственная», «много говорят, мало делают». Вторая группа ответов близка к характеристикам идеальной власти и оценивается со знаком «плюс»: «думающая», «чувствуется крепкая рука в управлении государством», «Молодцы! Пытаются поднять государство». Третья группа близка к субъекту «чиновники»: «коррупцированная», «для себя — польза, для народа — ничего», «сейчас самовластие, что хотят, то и делают, не считаются с народом», «варвары под маской римлян».

В восприятии региональной власти присутствуют образы как руководителей региона (губернаторов, президентов), так и руководителей областных центров (мэры), руководителей районных администраций. При этом каждый из регионов уникален и имеет «свое лицо».

В **Московской области** положительное отношение к губернатору Б. Громову («Громов что-то делает», «Громов лучше справляется со своими обязанностями») компенсируется резко отрицательным отношением к районным администрациям («В районе все передрались, всех удавили квартплатой», «Скандалят только между собой и ничего не делают для района», «Они жулики, строят себе по 10 домов, а люди в бедности живут»).

В **Кемеровской области** в персонифицированных образах власти центральное место занимает губернатор А. Тулеев. Социально-ориентированная политика А. Тулеева по-разному оценивается местным населением. Положительно более старшим поколением: «о нас заботится, Тулеев помогает», «Тулеев — молодец, пенсию повышает», «Тулеев борется за людей, за бедных», «Тулеев — хороший человек». Отрицательно более молодым поколением: «демагог Тулеев, много говорит для популизма», «Тулееву верят только старики, он только болтает, а заводы развалились при его попустительстве», «Тулеев вешает лапшу бабушкам, а они на него молятся».

В **Самарской области** два очевидных субъекта в персонифицированных образах: губернатор области — К. А. Титов и мэр Самары — Г. С. Лиманский. Как отмечает А. В. Дука в исследовании политических элит, стремление региональных элит сконцентрировать в своих руках всю полноту власти провоцирует конфликты в плоскости «областная администрация — муниципалитет», практически повсеместно конфликты подобного рода персонифицируются¹.

¹ Региональные политические элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А. В. Дуки. СПб., 2001. С. 34–35.

Именно конфликт между мэром и губернатором находит свое отражение в персонифицированных образах самарской власти, причем конфликт воспринимается негативно: *«о людях никто не думает, Титов и Лиманский грызутся между собой», «борьба и разборки между Титовым и Лиманским».*

В **Краснодарском крае** в образах власти присутствуют и губернатор А. Н. Ткачев (преимущественно положительный образ), и мэры городов (в нейтральных характеристиках), но тем не менее большинство ответов носят безличный характер: *«стараяются поддержать людей», «наводят порядок», «мы сами, а они сами», «ничего они не решают», «думают только о своем материальном положении».*

В **Пермской области**, помимо тогдашнего губернатора Ю. П. Трутнева, особенно подчеркивается роль «команды»: *«нормальная власть, особенно губернатор области Трутнев», «у власти люди-патриоты, болеющие за область», «хорошая команда у губернатора», «сложившаяся команда дает положительные результаты»,* однако несколько респондентов посетовали, что *«губернатор у нас неяркий».*

Наиболее противоречиво власть воспринимается в Башкортостане. С одной стороны, гражданам нравится авторитетная власть президента республики М. Рахимова (*«сильная власть президента, она достаточно справедлива», «полная власть Рахимова, в ней много хорошего и прогрессивного»*), с другой — негативно оцениваются *«семейственность»* и *«коррупция»* (*«произвол со стороны Рахимова», «блат и родство, некомпетентная», «коррупция, байские замашки»*).

Эмоциональная направленность персонифицированных образов власти выявляется прежде всего через усиление оценочных высказываний. Привязка к субъекту связана с проявлением положительных, а чаще отрицательных эмоций, чем образы власти, описывающие абстрактный политический процесс.

В персонифицированных образах власти уровень негативных высказываний выше, чем в абстрактных образах власти. Это коррелирует с общей тенденцией усиления негативных эмоций в отношении политиков. Зелетдинова в своем исследовании астраханской власти отмечает, что своеобразие сложившейся в настоящее время ситуации в том, что недовольство народа положением в стране переведено в субъектно-персонифицированную плоскость. Главной причиной социально-экономических проблем граждане считают деятельность людей, руководящих

страной¹. Эта позиция справедлива и в отношении региональной власти. Именно персонифицированным образам власти, федеральным или региональным, респондентами приписывается основная ответственность за положение дел в стране (рис. 8).

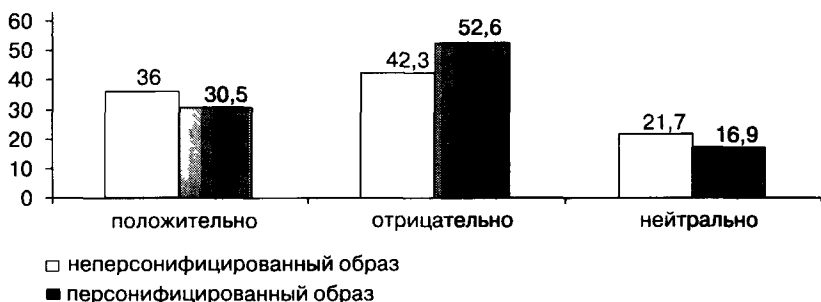

Рис. 8. Эмоциональная направленность образов региональной власти (данные 2003 г.)

Когнитивный уровень восприятия персонифицированных образов власти характеризуется такими параметрами, как уровень когнитивной сложности/простоты высказываний, четкость/размытость образов.

По параметру **когнитивной сложности/простоты** были получены следующие результаты: персонифицированные образы власти, как федеральной, так и региональной, оказались когнитивно сложнее, чем образы власти в целом. Персонифицированные образы богаче деталями, что делает власть более зримой и понятной, психологически близкой. Таким образом, отчасти подтверждается гипотеза, что персонификация власти рождается на фоне недостаточной информированности граждан в области политики и является в определенной степени механизмом, защищающим человека от сложности политической среды. Определяющей в процессе восприятия становится не просто политическое незнание, но и нежелание вникать в сложные политические процессы. Таким образом, персонификация власти выполняет функцию упрощения политической ситуации: процесс персонификации власти становится определенным видом стереотипизации сферы

¹ Зелетдинова Э Региональная власть как далека она от народа? // Власть 1999 № 11 С 25–27.

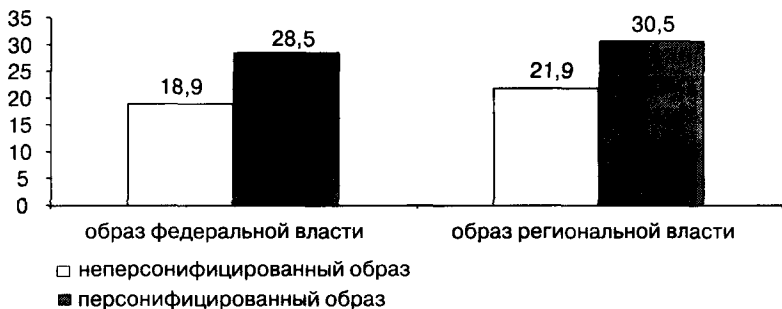

Рис. 9. Когнитивная сложность в образах власти
(данные 2003 г.)

политики. Мы можем говорить о персонификации власти как о когнитивном процессе, который определенным образом характеризует мышление респондентов (рис. 9).

Тенденции в соотношении персонифицированных и неперсонифицированных образов власти сохраняются и по параметру **четкости/размытости** образа власти. Обозначенные образы власти являются преимущественно размытыми и непонятными простым гражданам. Персонифицированные же образы являются более четкими и детализированными, особенно субъектно-персонифицированные образы власти, где присутствуют субъект, его характеристики и их анализ и эмоциональная оценка. Это может быть интерпретировано следующим образом: недостаток политического опыта, нежелание вникать в сложные политические процессы определяет размытость образов в российском массовом сознании. В таком случае персонификация власти позволяет респонденту занять определенную позицию в политическом пространстве, выработать свое отношение к политическому процессу.

Нами были выявлены некоторые факторы, влияющие на формирование персонифицированных образов власти.

Среди **психологических факторов**, оказывающих влияние на формирование персонифицированных образов власти, выделим зависимость восприятия власти от неудовлетворенных потребностей респондентов. Открытые вопросы исследования кодировались по наличию/отсутствию словесных маркеров — показателей неудовлетворенных потребностей. За основу была взята иерархия потребностей,

предложенная А. Маслоу. Если на образы власти в целом определяющее влияние оказывает потребность в безопасности, то на формирование персонифицированного образа — потребность в самореализации, которая отражает необходимость ощущать собственную компетентность, независимость и стремление к завоеванию высокого социального статуса. В образах власти потребность в самореализации выражается в разнообразных устремлениях к действию и демонстрации собственной активной позиции. В персонифицированных образах как федеральной, так и региональной власти потребность в самореализации значительно выше, чем в неперсонифицированных.

Рассмотрим эту тенденцию подробнее на примере образов московской власти. Выявлена четкая зависимость от неудовлетворенных потребностей, мотивирующих восприятие московской власти. Если у большинства респондентов мотивирующей оказывается потребность в безопасности, то у респондентов, для которых характерно персонифицированное восприятие власти, не удовлетворена потребность в самореализации. Причем особенно эта особенность заметна в московской выборке. Очевидно, что персонифицированное восприятие власти можно связать именно с психологическими характеристиками респондентов.

Удовлетворенная потребность в самореализации формирует чувство собственной значимости, высокую самооценку, уверенность в себе, чувство собственной компетентности, готовность взять на себя ответственность и чувство независимости. Эта потребность влияет на стремление человека добиться более высокого социального статуса, признания в обществе. В образах власти это проявилось как разнообразные устремления к делу, действию, участию. В советское время она представляется как *«жестко централизованная, которая насаждает политику партии»*, где *«все подчинено генсеку ЦК, горкомам и райкомам»*, но при этом *«малодейственная и бесполезная»*. Власть в период правления Ельцина *«что-то делала, но реформы ни к чему не привели»*. Многие респонденты отмечают несамостоятельность московской власти, ее зависимость от федерального центра. В сегодняшней России московскую власть москвичи оценивают как более самостоятельную. По их мнению, намного весомее стала позиция мэра и его команды (*«Мэр управляет ситуацией, работает, много делает для города»*).

Неудовлетворенная потребность в самореализации порождает чувство собственного социального бессилия, незащищенности от

«сильных мира сего» и слабости, люди стремятся найти компенсацию в могуществе известных личностей, в нашем случае политических лидеров. Политические лидеры становятся объектом идентификации, которым хочется подражать. Они, политические лидеры, смогли реализовать собственные властные амбиции. Граждане ищут в них поддержки и помощи в самореализации. Так же, как в детстве дети ищут помощи от своих родителей, взрослые граждане ждут поддержки от власти. Модель персонифицированного восприятия власти формируется в процессе социализации и выражается в переносе идентификации с родительской инстанцией (персонифицированный образ власти) на область политики.

Показательно, что среди респондентов, у которых мотивирующее влияние на восприятие московской власти оказывает неудовлетворенная потребность в самореализации, образ власти представлен именно фигурой московского мэра Ю. М. Лужкова (88% — в современной России и 56,2% — в период правления Б. Н. Ельцина). У меньшинства из них образ власти связан с криминалитетом (1,2 и 7,1% соответственно). Это подтверждается ответами на вопрос «Москва — это для вас прежде всего», где у респондентов с неудовлетворенной потребностью в самореализации и персонифицированным образом власти преобладают ответы Лужков (58,2%), тогда как в общей выборке преобладает ответ — Путин (53%). Очевидно, это связано с личностными характеристиками московского мэра Ю. М. Лужкова, активного и добивающегося поставленных целей, согласно представлениям респондентов (подробнее о соотношении образов московской власти и образов московского мэра в третьей части второй главы).

Если принять гипотезу, распространенную в исследованиях политической социализации и социально-культурной трансформации России, о том, что период 1990-х годов можно рассматривать как переходный этап не только в государственном строительстве, но и в социально-культурном и психологическом развитии, то нельзя не отметить феномен персонификации власти как показатель определенной степени когнитивного развития российского общества. Вслед за Ж. Пиаже, феномен персонификации власти можно сравнить с переходом от ступени «реализма» в интеллектуальном развитии ребенка, для которой характерно непосредственное восприятие вещей без проникновения в их внутренние связи и отношения, неразличение субъективного и внешнего мира к объективности. В переходном периоде

Пиаже видел этап всеобщего одушевления и понимания природных явлений по аналогии с деятельностью человека. Похожий механизм соответствует современному состоянию российского массового сознания, для которого пока не характерно различие абстрактного понятия «власть» и образа политического лидера, т.е. имеет место **персонификация власти**.

В целом, персонификация власти является значимой характеристикой массового сознания, персонифицированные образы власти более эмоционально насыщены, когнитивно сложны и четки, чем образы власти, описывающие абстрактный политический процесс.

На региональном уровне персонификация власти усиливается, при этом в каждом из регионов персонифицированные образы власти имеют «собственное лицо». Уровень персонификации выше в тех регионах, руководителями которых являются публично активные политические лидеры.

Наличие персонифицированных образов власти определяется психологическими (потребности и уровень когнитивного развития) и ситуационными факторами (социально-культурная трансформация, насыщенная политическая реклама и публичность политических лидеров).

ГЛАВА 7

ПСИХОЛОГИЯ МАССОВОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

§ 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВЫБОРОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

За годы постсоветской истории России прошло несколько электоральных циклов. В этом историческом процессе уже просматриваются некоторые этапы, связанные с наиболее крупными событиями в российской политической истории и соответственно с существенными сдвигами в массовых электоральных установках граждан. Представляется, что наиболее серьезные вехи, отметившие смену политических настроений избирателей и политической элиты, стали выборы 1993 г., выборы 1995–1996 гг. и кризис 17 августа 1998 г. Последний, не будучи напрямую связанным собственно с избирательным процессом, повлиял на психологический фон, на котором прошли выборы 1999–2000 гг.

1. **Выборы 1993 г.**, прошедшие в обстановки серьезного политического кризиса, были экстраординарными. Неожиданно для Кремля, который рассчитывал на победу сторонников Гайдара, на политическую сцену мощно вырвалась Либерально-демократическая партия во главе с В. В. Жириновским, выражавшая настроения быстро маргинализировавшегося сектора электората. Другим неожиданным для власти событием тех выборов стал успех коммунистов. По сути, именно выборы 1993 г. вывели на сцену в качестве главной оппозиционной силы КПРФ. Примечательно, что даже не участие в кровавых событиях октября 1993 г., а именно электоральный успех КПРФ сделал ее системной оппозицией. Во всяком случае выборы 1993 г. открыли для коммунистов именно эту возможность. Оценивая политико-психологический контекст выборов 1993 г., следует отметить как его главную особенность острый конфликт между властью и оппози-

цией. Прямое столкновение, которое предшествовало выборам, открытое насилие с применением военной силы не могли не привести к нарастанию идеологической нетерпимости, расколовшей электорат в этот период. Все опросы общественного мнения, проведенные в 1993–1994 гг., фиксировали явное противостояние в установках сторонников власти и сторонников коммунистов-жириновцев. Их соотношение говорило о том, что у власти оставался определенный резерв сторонников, но он быстро был растрочен в последующие после выборов годы.

¹ 2. *Выборы в Думу в декабре 1995 г. и выборы Президента в июне 1996 г.* стали второй серьезной ступенью в развитии электорального процесса в России. В итоге страна получила гражданский мир. Этот мир, пусть и непрочный, пришел тогда в Чечню. Этот мир отразился в постепенном ослаблении противостояния власти и оппозиции и в фактическом признании результатов выборов последней.¹ Конечно, нельзя сказать, что с окончанием этих выборов наступили стабильность и всеобщее братание. Тот факт, что в стране, где население расколото в своем отношении к власти, где большая часть граждан этой властью недовольна, борьба велась если не в цивилизованных, то хотя бы в относительно легальных формах, вполне может рассматриваться как успех. Плюрализм политических пристрастий постепенно стал приживаться на российской политической почве. Больше трудностей было с тем, чтобы научиться терпимо относиться к оппонентам.

Важный момент, высвеченный этими выборами, касается линий водораздела между участниками электорального процесса. Прежде всего линии, отделяющие кандидатов оппозиции от ставленников действующей власти, стали утрачивать свое идеологическое содержание. То противостояние, которое сложилось в период выборов 1993 г., фактически исчерпало себя. Антикоммунизм команды Ельцина столь же мало сработал, как и коммунистические лозунги команды Зюганова. Если парламентские и президентские выборы еще могли оставить впечатление идейного противоборства, то уже осенью 1996 г. результаты наших исследований показали, чтобы привлечь избирателей, политики должны были продемонстрировать совершенно иные достоинства: организационные, финансовые, хозяйственные, но не идеологические. Идеологические лозунги если и работали, то только на внутригрупповую консолидацию в каждой политической команде. Наиболее показательными стали губернаторские выборы:

избиратели не только в Москве и Питере, но и в других городах России голосовали не за «идеи», а за дела, за людей, добившихся конкретных результатов.

Отношение разных политических группировок к идеологическим вопросам особенно ярко проявилось в поиске неуловимой «третьей силы». О ней говорили больше всего накануне и в ходе президентских выборов 1996 г. На самом деле такой третьей силой, которая устроила большую часть избирателей, стал сам Ельцин, когда он в ходе избирательной кампании сумел объединиться с Лебедем и отказаться от радикальных элементов в своей программе. Тот факт, что его главный соперник Зюганов не сделал того же самого и не сумел вовремя отмежеваться от наиболее радикальных и одиозных своих союзников, привел его к поражению. Это наблюдение подтверждается и тем, что ставшая парламентской силой оппозиция вполне вписалась во власть и во многом утратила свой боевой настрой в отношении правительства.

И, наконец, последний вывод касается избирателей. Весь этот год, особенно до завершения президентских выборов, они испытывали состояние неопределенности и тревоги. Как показывают наши исследования психологии избирателей, после выборов это напряжение значительно ослабело, несмотря на то, что экономическая ситуация вовсе не улучшилась. Установки в отношении отдельных политиков, конечно, весьма различны. Скажем, Лебедь и отчасти Зюганов по-прежнему оставались источниками тревоги для наших граждан. Однако власть в целом и обновленный правящий режим в частности перестали вызывать бессознательный страх, как это было до и во время парламентских и президентских выборов.

Граждане сильно изменились в их отношении к власти за *годы, прошедшие после выборов 1995–1996 гг.* Их выбор стал более зрелым и рациональным. Об этом свидетельствует прежде всего отказ в доверии разного рода радикалам, экстремистам и просто экстравагантным личностям. Можно говорить об этой тенденции применительно ко всем частям политического спектра: отодвинуты с политической авансены не только Баркашов и Анпилов, но и Гайдар, Новодворская, Собчак.

Однако, говоря о более рациональном поведении российских избирателей, следует подчеркнуть, что эта рациональность:

— иного рода, чем рациональность политиков, она основана на иных целях, которые, увы, не совпадают с целями последних;

— отличается от рационального выбора американцев и немцев, японцев или французов. Наши избиратели по-прежнему голосовали в эти годы за президентов, губернаторов или членов Думы «сердцем», а не только по расчету. Правда, самые «чистые» и «светлые» политики (в нашем исследовании этими словами опрошенные характеризовали, например, С. Федорова и Г. Явлинского) получили голосов меньше, чем «темный» Зюганов с его 32% голосов. При этом расхождение между эмоциональными бессознательными элементами политических установок и рациональным выбором хотя и продолжает сохраняться, но намного меньше того, которое отличало поведение избирателей в 1993 г., когда им нравился один политик, доверяли другому, а голосовали за третьего;

— не основана на примитивном прагматизме граждан, которые голосовали за действующего Президента не потому, что он перед выборами выплатил зарплату и пенсии. Эти выплаты восприняты были как должное, а их задержка — как несправедливость. Вообще попытки прямого подкупа, как и более изощренные средства психологического воздействия, показали свою малую эффективность в ходе тех выборов. Не с этим ли связано стремление ряда политиков, не испытывающих дефицита финансовых средств, напрямую войти в исполнительную власть, не обременяя себя участием в выборах? Чубайс, Березовский, Потанин — лишь несколько примеров политиков, которые предпочли прямое вхождение во власть, не опосредованное электоральной легитимизацией.

Отмеченные выше особенности электоральной психологии российских граждан позволяют усомниться в действенности манипулятивных избирательных технологий, о которых так много говорится политологами. Думается, что не следует списывать на промывание мозгов решение избирателей голосовать за больного Ельцина: никто из опрошенных нами и до выборов не воспринимал его как молодого и здорового. Так что решение выбрать именно его было результатом не «обмана зрения» в результате массивной психологической обработки в ходе избирательной кампании, а трезвого расчета на то, что старый и больной Ельцин все же предпочтительнее более молодого и здорового Зюганова для большинства избирателей. Наши исследования уже после выборов 1996 г. подтвердили, что, несмотря на предстоящую операцию, Президент осенью воспринимался как политически более сильный, чем до выборов. Нет никаких оснований относить этот эффект за счет усилий пропагандистских служб

Следующим этапом стал период **1996–1999/2000** гг. Начавшись президентскими выборами и завершившийся назначением нового премьера В. В. Путина, а затем и его досрочным избранием Президентом. Годы, прошедшие после выборов 1996 г., стали не просто листочками в политическом календаре. У граждан все чаще возникало ощущение конца столетия и тысячелетия. Тревоги и страхи этих лет, несомненно, были окрашены характерными для таких периодов эсхатологическими тонами. Но, даже не задаваясь высокими целями историко-философского анализа и оставаясь в рамках прагматичного политологического знания, нельзя не увидеть, что за эти годы наметился качественный рубеж в российской политической жизни. Из всего многообразия политических изменений хотелось бы затронуть только одно — это изменение политической стилистики.

Весь указанный период прошел под знаком выборов. Выборы повлияли на стиль поведения лидеров и рядовых граждан.

Анализируя политический стиль, выделим несколько важных измерений. Во-первых, чисто *внешний рисунок поведения*. За эти годы лидеры всех уровней власти — от президента до губернатора и глав местной администрации — прошли через мясорубку выборов. Надо сказать, что выборы очень сильно изменили их поведение. Кроме ветеранов политической сцены, которые уже до этого набрали богатый опыт публичных выступлений на предыдущих этапах, в российском политическом театре выступили и многие новые актеры. Общероссийский зритель познакомился с многими региональными лидерами, среди которых ему, несомненно, запомнились президенты Татарстана Шаймиев и Башкортостана Рахимов, дальневосточники Ноздратенко и Черепков, питерский Яковлев, саратовский Аяцков, самарский Титов, ингушский президент Аушев и многие другие.

Вообще региональные политики после окончания президентских выборов сильно потеснили московский политический бомонд не только на экранах телевизоров, но, что гораздо важнее, в коридорах власти. Все эти годы удельный вес региональной политики в общероссийской политической жизни стал значительно выше, чем раньше. Характерные для провинциальной политической элиты привычки, поведенческие особенности (от местных акцентов до неброской одежды) уже потеснили московскую политическую моду в коридорах Совета Федерации и стали диктовать правила в куда более серьезных вопросах.

Вторая особенность — это смена ставшего неактуальным жанра *политической буффонады*, широко представленного в репертуарах Жириновского, Брынцалова и Анпилова, Новодворской, Баркашова, чьи спектакли в целом «сошли со сцены». Им на смену пришли более серьезные постановки. В моду, похоже, вернулась фигура солидного, может быть, даже немного скучного ответственного работника. Приход в политику Примакова или Маслюкова лишнее тому подтверждение. Стилистика советской эпохи в эти годы начала проглядывать сквозь современные публичные маски. Не случайно эти ностальгические мотивы были уловлены и использованы еще в предвыборной кампании Ельцина 1996 г. Но особо эти стилистические особенности сработали в первой кампании Путина и в годы его первого президентского срока. Простота, характерная для времени бедной, но вполне достойной молодости нынешних зрелых поколений, выросших при советской власти, вызывает ностальгию прежде всего по честности и относительной справедливости нашей прошлой жизни. Они особенно близки людям, живущим за пределами Московской кольцевой дороги.

Важной характеристикой политического стиля является *политическая идеология и риторика*. Что касается речи наших политиков, то в этот период мы услышали немало ярких ораторов: образный солдатский фольклор Лебеда (одно его «упал — отжался» чего стоит), московский говорок Лужкова, афористичный язык Черномырдина («убью любого, кто посягнет на мои прерогативы», «хотели как лучше, а вышло как всегда»). Публике запомнились яркие выступления Г. Явлинского, С. Федорова, И. Хакамады — всех не перечислишь. Правда, у всех наших политиков была и остается одна трудность: у всех неважно обстоит дело с тем, о чем они говорят, — с идеями. Не ясно, от чьего имени они выступают, кто за ними стоит, что за партии они создали.

Одним из самых серьезных изменений в стиле российской политики между выборами стало размывание старых *идеологических клише*, просуществовавших почти целое десятилетие. В чистом виде почти невозможно встретить ни «коммунистов-патриотов», ни «демократов». Коммунисты во многом отказались от традиционной риторики и в целом перестали пугать население возвратом к очередям и цензуре. В третьем электоральном цикле их социалистические идеи не находили серьезной поддержки особенно у молодых и начали всерьез уступать социализму, представленному партиями М. Шаккума, С. Федорова и других «новых» или «хороших» левых.

Поиск в эти годы одним из наиболее сильных политических игроков — Ю. Лужковым своего места в центре выглядит вполне закономерным в контексте сказанного. Создание накануне выборов 1999 г. целого спектра центристских партий, движений и объединений, наиболее мощным из которых была «Отечество — Вся Россия», а затем и «Единой России» показывает, что поиски «третьей силы» были продолжены и, похоже, к настоящему времени завершены. В свою очередь партия власти на всем этом промежутке времени старательно стремилась дистанцироваться от своего демократического прошлого в его наиболее радикальных вариантах и выглядеть респектабельно и аполитично. Ясно, что старое противостояние, где на одном конце были «демократы», а на другом «коммунисты», перестало соответствовать действительности. Новые же разделительные линии пока еще не сложились. Скорее можно говорить о «партии власти» и тех, кто туда не допущен и мечтает о переделе пирога.

Ничего страшного в такой идеологической размытости может быть и не было бы, если бы не одно «но». Перестановки фигур на политической сцене не привели к решению ключевых задач развития страны: ни к выходу из экономического кризиса, ни к технологической и политической модернизации, ни к национальному и территориальному единству страны. Самое печальное заключается в том, что хотя и наступила определенная стабилизация, связанная с тем, что выборы расставили фигуры на поле, но политическая элита не спешила выполнять данные ею избирателям обещания, расценив свое избрание как индульгенцию от старых и новых грехов. Между тем проблемы в повседневной жизни граждан накапливались, а их интересы стали все больше расходиться с интересами «политического класса».

Самые главные стилевые особенности можно заметить в **собственном поведении** политиков и граждан. Что касается **политиков**, то «новый стиль» выявляется в первую очередь не в мобильных телефонах и «Мерседесах», по которым мы можем отличить их от простых смертных, а в монополизации власти первыми лицами. Время, видимо, диктует большую жесткость и централизацию принятия решений. Особенно это заметно на периферии, где местную власть все меньше уравнивает Центр.

Что касается **граждан**, то весь этот период они испытывали состояние неопределенности и тревоги. Как показывают наши исследова-

дования психологии избирателей¹, после выборов 1996 г. это напряжение значительно ослабело, несмотря на то, что объективно экономическая ситуация вовсе не улучшилась.

3. Российский политический кризис 17 августа 1998 г. Политологи в России и за рубежом еще долго будут дискутировать по поводу того, что же произошло в России 17 августа 1998 г. Самое простое объяснение: страна обанкротилась. Существовала система так называемых ГКО, по которым 17 августа правительство заявило, что оно более не может выплачивать деньги.¹

Примечательно, что будучи достаточно хорошими профессионалами в области экономики, Киреенко и Чубайс оказались не очень хорошими политиками. Не проинформировав Президента, они поставили вопрос: кто управляет страной? Президент, роль которого во всей постсоветской истории была чрезвычайно велика, или группа политиков, которая действует за его спиной, не всегда его при этом полностью информируя?

Могло ли так случиться, что заявление о фактическом банкротстве страны было сделано без ведома Президента, — можно только догадываться. Существует определенная логика в том, что когда Президент много болеет, то его функции вынужденно берет на себя его окружение. Наша власть в последние годы, после избрания Ельцина на второй срок, становилась все менее и менее «прозрачной», что заставляло гадать, кто на самом деле принимал решение. Уже после отставки Чубайса было опубликовано его большое интервью, где он говорит о том, что на самом деле все они делали правильно, но допустили «маленькую ошибку» — они недооценили психологический фактор.

Представляется, что говорить об «ошибке», допущенной Чубайсом, Киреенко и другими руководителями российской экономики, по меньшей мере странно. Эти политики действовали вполне рационально. Они пошли на это не потому, что допустили некую ошибку, что они чего-то недоучли. Они вполне осознанно вышли из политики, дав узкому кругу осведомленных о реальной ситуации лиц заработать большие деньги на изменении соотношения курса доллара к рублю. Это не более чем гипотеза, так как фактов, подтверждающих ее, естественно, никто не спешит обнаруживать.

¹ См.: Шестопал Е. Б., Новикова-Грунд М. В. Восприятие образов двенадцати ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5. С. 168–192.

Примечательно, что смена правительства «молодых реформаторов» политиками более старшего поколения вовсе не привела к возврату страны на прежние позиции, 10-, 20-летней давности. Ни правительство Примакова, ни последующие правительства Степашина или Путина к смене политики не привели. Думается, что такой возврат, даже если бы его кто-то и хотел произвести, был уже невозможен. Более того, он был для власти и нежелателен.

Внимания политического психолога заслуживает тот факт, что так много политиков отказались войти в правительство после ухода молодых реформаторов. Объяснить это можно только, если понять, что на что они меняют. Ведь это некий политический торг, в котором, скажем, взгляды меняются на политическую власть или деньги меняются на власть, или политическая власть меняется на деньги. Возникает вопрос, почему, например, лидер фракции НДР Шохин идет в правительство, а потом отказывается от власти? Почему молодой перспективный политик из НДР В. Рыжков не хочет войти в исполнительную власть, хотя, например, за полгода до этого, когда формировалось правительство Киреенко, это делать стоило, потому что это — некий опыт, некая строчка в биографии, которую политик позже сможет предьявить и сказать: у меня есть опыт работы в исполнительной власти.

Так что же произошло за это время? Почему люди, вполне ответственные, вполне достойные занять эти посты, не захотели взять власть? При этом от власти отказывались не только политики либерального спектра или центристы, но и коммунисты. Ведь, по существу, ни один коммунист из фракции КПРФ, кроме Маслюкова, тогда не вошел в правительство. И фракция не была по этому поводу в набат, не кричала, что ее обманули. На самом деле, представляется, что в тот момент политики оказались не готовы взять власть. Более того, если бы им даже ее не просто предлагали, а навязывали, они бы от нее всячески постарались отказаться точно так же, как это сделали другие фракции.

4. **Выборы 1999 и 2000 гг.** Президентские выборы 2000 г., в отличие от предшествовавших им парламентских, не вызвали ни массового энтузиазма, ни видимой борьбы разных политических сил. По стилистике они кажутся довольно скучными и вялыми. Однако, если отвлечься от поверхностных деталей предвыборной кампании, то следует признать, что эти выборы сыграли в политической истории России особую роль. Они зримо подводят черту ее предшествовавшего развития и открывают новую страницу, выводя с политической сце-

ны целое поколение политиков, находившихся в последнее десятилетие в центре принятия решений.

Но дело даже не в смене состава истеблишмента. Главное — назрела смена политических приоритетов, а вернее, пришла пора определиться с ними.

Сдвиги в политическом сознании происходят и в том, какие политики обращают на себя внимание граждан, признаются ими влиятельными. Если в середине — конце 1990-х годов это были публичные политики — лидеры фракций, лидеры партий, публичные политики преимущественно федерального уровня, известные имена, то в исследовании осени 2000 г. мы обнаружили, что из политического поля исчезли практически все известные публичные политики, кроме Президента, который заменил для респондентов всех остальных. В ответах на открытый вопрос о том, кто сейчас оказывает влияние в российской политике, кроме Президента, опрошенные назвали лишь Лужкова, Зюганова и Явлинского. Последний при этом выглядел бледно, как никогда.

Зато место публичных политиков в когнитивном поле электората заняли либо люди из исполнительной власти (Волошин, Сурков, Касьянов), из так называемой «семьи», либо олигархи — Березовский, Чубайс, Вяхирев, Абрамович, Гусинский, затем Мордашев, Дерипаска, Вексельберг и т.д. Дополняет эту картину политического процесса еще одна особенность восприятия политиков массовым сознанием. Среди мотивов власти, которые респонденты приписывают политикам, все более солидное место занимает такой: «Власть ему не нужна, он марионетка». Это говорит о том, что власть вообще и образы политиков в частности становятся все менее прозрачными и более неясными. Людям не понятно, кто те люди, которые находятся у власти.

Такое состояние общества, с одной стороны, делает возможным легкое манипулирование избирателями, о чем говорит широкое распространение разного рода «грязных технологий». С другой стороны, ценностная «невыстроенность», неструктурированность массового сознания — признак аномии, грозящей подорвать духовное здоровье нации на долгие годы. Она проявляется в политической апатии, уходе от политической активности большинства населения. Высокие проценты явки на выборы федерального уровня не могут заслонить того факта, что власть в целом, правящие группы и конкретные политики рассматриваются населением как не заслуживающие не только доверия или симпатии, но и чуждые, противостоящие обществу.

Выборы 2003–2004 гг. не привнесли качественных сдвигов в массовое политическое сознание. По существу, та модель отношения между властью и гражданами, которая сложилась в первый срок президентства Путина, сохраняется и до сих пор. И сейчас, накануне нового электорального цикла 2007–2008 гг., который, несомненно, принесет не только новый расклад политических сил, но и новое состояние общества, складываются новые тренды в массовом сознании, изучение которых является важной задачей политической психологии.

Подводя итог анализу того психологического фона, на котором проходили предыдущие выборы в России, отметим, что они характеризуют прежде всего сдвиги в общественном сознании, которое реагирует на поведение политических деятелей, меняя оценки как на рациональном уровне, которое, собственно, и является тем, что принято называть «общественным мнением», так и на чисто эмоциональном уровне. Эти эмоциональные оценки оказывают самое непосредственное влияние на поведение избирателей, которые не проголосуют за политика, который только «хорош», т.е. предьявляет разумную программу действий. Сегодня лидеры вынуждены соответствовать возросшим стандартам публичного поведения и стремятся завоевать симпатии избирателей.

В свою очередь на изменяющийся стиль поведения политиков граждане также находят «симметричный» ответ: если власть в них перестает нуждаться, они также теряют к ней интерес. Но если проблемы страны не находят разрешения, ответом может стать тот самый русский бунт, которого пока России удавалось избежать. Остается надеяться на то, что политическая элита сумеет пойти на известное самоограничение и найдет такие решения, которые примут во внимание не узкокорпоративный интерес, но и интерес подлинно национальный.

§ 2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ «ЧЕРНЫЙ ПИАР?»

Последние десятилетия в российской политике можно смело называть десятилетием пиар-технологий. Увлечение ими в начале 1990-х годов было уделом немногих продвинутых политиков. В конце 1990-х годов эта идея уже овладела массами политиков всех уровней от Москвы до самых до окраин. Профессия политтехнолога стала столь же популярной, как в свое время профессия юриста или экономиста. Злые

языки утверждают, что по доходности она может уже поспорить с рэкетом.

Хотя политическая история 1990-х еще ждет своих исследователей, но уже сейчас можно утверждать, что роль «промывания мозгов» и других манипулятивных приемов (от простой скупки голосов за бутылку водки до «клонирования» депутатов-двойников), неуклонно росла. Пиком применения черных технологий стала парламентская кампания 1999 г. Избиратели понимали, что ужасные рассказы о Лужкове и Примакове — ложь, однако и голосовать за ОВР не стали.

Фокус с «промывкой мозгов» удался, однако отвращение, испытанное людьми, оказалось столь сильно, что вновь провести себя на той же мякине они не дадут. Сегодня вряд ли удастся снова легко манипулировать общественным сознанием с помощью телевидения и других СМИ. Это затруднительно технологически и невыгодно для новой правящей элиты политически, так как роднит ее с предшественниками. Правда, власть, похоже, не до конца осознает это и рефлекторно пытается прибрать к рукам телекнопки. С другой стороны, и в Кремле знают, что ресурс телекиллеров ограничен — это одноразовый продукт. Выход один — для своего самосохранения власти придется заняться созданием более сложных идеологических конструкций, например национальной идеи.

Напомним, к сентябрю 1999 г. негативные настроения в обществе достигли пика. Речь уже не шла о доверии или недоверии к власти, люди потеряли всякую мотивацию, чтобы хоть в чем-то ее поддерживать. Появление Владимира Путина позволило радикально изменить ситуацию. Он понял, что эту огромную махину под названием Россия нельзя дальше удерживать ни страхом, ни силой. Поэтому на первом этапе была использована грамотная информационная политика, позволившая создать в головах людей некий положительный образ.

Хочу оговориться: нельзя не признавать роль грамотной информационной политики и ставить под сомнение необходимость профессионального пиаровского сопровождения политических решений. Но мне представляется, что одним пиаром обойтись власти уже невозможно. Пришло время всерьез проработать политическую стратегию и затем уже искать у населения поддержки этой стратегии.¹

Возникает вопрос о том, что может стать содержанием такой национальной идеи, а точнее, идеологии, и откуда она может появиться.

Начнем со второго вопроса: кто может стать инициатором этой работы? Пока надо сказать, что задача создания идеологии не так уж занимает умы отечественной элиты. Нельзя сказать и то, что политики-практики так уж ясно осознают потребность в теоретической проработке своих решений. Экономическая программа правительства обошлась без такого «декоративного элемента», как глава о целях и ценностях. Да и не дело экономистов обсуждать столь далекий от экономической реальности вопрос. Это дело политиков-практиков и политологов, гуманитариев-теоретиков. На мой взгляд, можно было бы активнее привлечь интеллектуальные ресурсы, существующие в стране. Они «бродят» неприкаянно от одной партии к другой, но наверху пока не осознали необходимость теоретической работы. Опыт работы Центра стратегических разработок показал, что такие интеллектуальные ресурсы в России есть.

Последний всплеск интереса к этой теме был вызван, как ни парадоксально, вовсе не политиками, а российскими спортсменами, участвовавшими в Олимпийских играх. На встрече с президентом Путиным олимпийцы завели разговор о том, что Россия до сих пор не имеет текста государственного гимна — атрибута, совершенно необходимого для национального самосознания. Надо сказать, власть удачно отреагировала на этот заказ. В результате мы вступили в новый век и с официальной символикой, хотя и без детально проработанной политики в отношении ключевых целей и ценностей развития страны.

Сейчас задача эта созрела со всех точек зрения. Команда следующего за Путиным президента не сможет обойтись без новой стратегии. Дело здесь не только в том, что всякая власть что-то должна обещать народу. Речь идет о выборе направления движения, а значит, и о выборе определенных ценностных ориентиров, которые должны по основным своим параметрам соответствовать ожиданиям людей.

В роли инициаторов поиска могут выступить лидеры ряда общественных организаций. Скорее всего у нас появится социал-демократический или даже коммунистический вариант. Может возникнуть и либеральная идея¹.

Однако главным инициатором должна стать исполнительная власть, а точнее, сам Президент и его команда. Хорошо, если его поддерживает «партия власти». Ведь многие россияне по привычке ищут

¹ События последнего времени подтверждают потребность в партиях «левее» «Единой России» и новой партии «Справедливая Россия».

некий перст, указывающий, что им делать, когда и как. На эту аудиторию большинства ориентировался Путин в 2000 и 2004 гг., подавал сигналы и тем, кто правее центра, и тем, кто левее. Сигналы были намеренно слегка приглушены и размыты, в итоге услышали многие. Сказанное вовсе не означает, что именно «Единство» выступит в качестве исполнителя данного заказа. Все зависит от того, достаточно ли у этой партии теоретических кадров. По существу, речь идет не о партийном строительстве. Сегодня нужна не столько массовая партия, сколько идеология, способная объединить жаждущих покоя, защиты, гарантированного завтра. Люди ищут, к чему бы прислониться, у кого бы получить поддержку.

Нужно, наконец, разобраться в понятиях. Сегодня даже профессиональные политологи не смогут ответить, в чем состоят официальные политические ценности России. Если судить по Конституции, то мы либералы, а если смотреть на практику, то картина складывается совсем иная.

Пока у Президента достаточно широкий коридор возможностей. О крайних радикалах говорить нет смысла, поскольку их потенциал очевиден. Левый электорат стабилен, но серьезно уменьшается. Правые, к сожалению, не демонстрируют тех идей, которые могли бы привлечь под их знамена новые силы. Им остается опираться на тех, кто уже принял утрированный западнический вариант либеральных реформ. Что имеем в итоге? Центр. Тех, кто устал от любых перемен, — консерваторов, традиционалистов. Чтобы эти люди пошли за Президентом, Путин должен олицетворять собою стабильность, незыблемость неких устоев. Он человек системы, играет по правилам, а народ это любит. Конечно, населением будет принято не все. Скажем, диктатура сегодня не найдет поддержки в обществе, и Президент это понимает. Однако и от демократии без границ, которой нет ни в одной стране мира, народ утомился донельзя. Нужно что-то третье, срединное. А раз так, то именно в этом направлении и нужно искать почву для формулирования будущей национальной идеологии.

Нет ничего страшного в том, чтобы позаимствовать опыт других стран. Консерваторы — будь то английские тори, христианские демократы из Германии или республиканцы в США — объединяют в своих рядах людей, которые не только довольствуются соблюдением заветов предков, но и следят за современными процессами. Иначе говоря, это союз традиционализма и модерна. Для России этот синтез подходит идеально. С одной стороны, нам нельзя разрушать то,

что было построено прежними поколениями, с другой — необходимо двигаться вперед, модернизировать все стороны жизни.!

Перед строителями национальной идеологии стоит задача учесть те ценности, которые есть в массовом сознании. В принципе, эти тезисы находят место в программах многих партий: уважение к закону, укрепление семьи, соблюдение гражданских свобод... Но одно дело — декларировать и другое — выполнять. Нужны определенные гарантии. Первый толчок может и должна дать действующая власть. Власть в конце концов должна определиться. Пока у нее есть шанс повести народ за собой, но времени остается не так уж много. Если его упустить, то не останется ничего другого, кроме «черных» PR-технологий, или, того хуже, закручивания гаек, ужесточения режима! Все это мы уже проходили и не стоит испытывать судьбу, повторно наступая на знакомые грабли.

§ 3. ЗНАЧЕНИЕ ИЗМЕРЕНИЯ РЕЙТИНГОВ ПОЛИТИКОВ

! Изучение психологии электорального процесса предполагает анализ смены предпочтений, происходящих в массовом сознании избирателей. Объекты этих предпочтений — политики, особенно те, кто стремится занять место в законодательной ветви власти! Кандидаты в депутаты по-разному воспринимаются избирателями на различных этапах избирательного процесса. В начале кампании многие из них (за исключением наиболее «раскрученных») едва узнаваемы. К концу кампании их образы входят в наше сознание столь же прочно, как кофе «Чибо». Телевидение, визуальная и аудиальная реклама делает кандидатов если не популярными, то значительно более узнаваемыми к моменту, когда нам предстоит выбрать среди претендентов того, кто будет представлять наши интересы.

Одной из наиболее распространенных процедур контроля за процессами, происходящими в общественном мнении, является измерение рейтингов политиков или их места среди политических приоритетов в сознании избирателей! С точки зрения *политика*, замер его рейтинга на каждом этапе кампании — это инструмент, с которым он может сверять свои действия, с оценками избирателей. Для *избирателя* рейтинги также являются неким мерилom относительного успеха одного политика в сравнении с другим. С точки зрения *политического аналитика*, эти рейтинги могут рассматриваться как один из

инструментов прогноза. Вот с прогнозами, построенными на основании измерения рейтингов, дело обстоит весьма не просто. }

Попробуем разобраться в том, почему высокий рейтинг политика в ходе избирательной кампании отнюдь не всегда гарантирует ему избрание. Это вопрос важен и практически: многим политическим консультантам приходится после выборов объясняться со своими клиентами, проигравшими гонку, вопреки прогнозам, полученным в ходе опросов общественного мнения, и теоретически: до сих пор нет ясности в том, почему и когда установка на политика, его рейтинг среди других претендентов соответствуют или не соответствуют поведению избирателей в момент голосования.

В ходе политической социализации формируется весь набор установок, который становится для личности источником последующего поведения. Чем интенсивнее, стабильнее и информативнее установка, тем вероятнее, что личность будет действовать в соответствии с ней. Однако прогнозы, основанные на анализе установок, мнений, далеко не всегда совпадают с реальным политическим поведением. Довольно точными получаются предсказания о простых и рутинных формах политического поведения особенно в условиях стального политического процесса. Например, в Великобритании выборка из 1500 человек дает прогноз голосования на выборах с ошибкой, не превышающей 3%.

Однако объяснительная способность исследований такого рода также ограничена. Так, в США опрос общественного мнения в округе Нью-Гемпшир в 1966 г. показал, что сенатор Юджин Маккарти идет впереди Линдона Джонсона. Было известно, что Маккарти является главной фигурой оппозиции вьетнамской войне. Многие наблюдатели интерпретировали его первенство в глазах общественного мнения как торжество левых убеждений. Однако дальнейшие события показали, что большая часть его сторонников состояла из «ястребов», разочарованных в Л. Джонсоне и желавших более энергичных военных действий¹.

В российской политике точность предсказаний относительно электорального поведения, основанная на измерении политических установок в форме мнений, оказалась весьма низкой. Так, не оправдались прогнозы выборов 1993 г. Политологи жаловались, что замeры установок в день выборов не совпадали с данными голосования: в

¹ *Convers P., Mille W., Rysk I., Wolf. F. Continuity and Change in American Politics. APSR. Vol. 63. No 4. P. 1083-1105.*

опросе респонденты говорили, что им нравятся демократы, а голосовали за Жириновского.

Это явление связано с рядом причин. Во-первых, с внутренним противоречием между разными компонентами установки: между эмоциональным и когнитивным, когнитивным и поведенческим. Так, опрошенные могли критически отозваться о том или ином политике и одновременно симпатизировать ему. Поведенческие реакции при этом оказались ближе бессознательно-эмоциональным компонентам установки, чем к рационально-когнитивным.

Второй причиной неэффективности прогнозов является так называемая «спираль умолчания» — термин, введенный известной исследовательницей общественного мнения Э. Ноэль-Науманн¹. Ее работы показали, что если мнение респондента отличается от мнений людей его социального круга, то он старается не высказывать публично свои взгляды. Более того, когда дело дойдет до реального поведения, он вполне может поступить не в соответствии не со своими установками, а в соответствии с мнением большинства, как он себе его представляет. Поэтому столь важно учитывать разницу между ожиданиями респондентов в отношении той или иной партии или лидера и их собственным намерением за них голосовать. Так, согласно опросам, проведенным перед выборами 1995 г., успеха коммунистической партии РФ ожидали 30%, что на 5% больше, чем собирались голосовать за нее. 19% считают, что может победить партия Жириновского, что на 8% больше, чем те, кто сам за нее хочет проголосовать².

Третьей причиной, объясняющей сложные отношения между установкой и поведением, является сам тип политического поведения. Известно, что формы политического поведения, имеющие более сильную эмоциональную окраску (террористические, экстремистские, расовые, националистические выступления, бунты и т.п.), плохо поддаются прогнозированию с помощью исследования установок. По данным С. Макфейла, в исследовании расовых беспорядков соответствие между установками и реальным поведением составляло всего 8–9% выборки³.

¹ Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence: Public Opinion — Our Social Skin. Chicago, 1994.

² Shlapentokh, V. The 1993 Russian Election Polls // Public Opinion Quarterly. 1994. Vol. 58. P. 579–602.

³ McFail C. Civil Disorder Participation // American Sociological Review. 1971. No 36. P. 105.

Политологи и социологи постоянно ищут инструменты для более адекватного диагноза и прогноза политического поведения российских избирателей особенно в момент предвыборной гонки. До сих пор измерения политических установок на партии, лидеров, политические события и т.п. давали весьма приблизительный результат в предсказании того, как эти установки воплотятся в собственно поведение, т.е. выбор избирателя. Жесткие социологические методы замера мнений с прямыми вопросами к респондентам, как правило, дают хороший результат лишь в случае наличия достаточно устоявшегося мнения, рационального осознания респондентами своих политических интересов и устойчивого расклада политических сил, который позволяет гражданину идентифицировать себя с той или иной партией, движением, лидером.

Все эти условия не соблюдаются в нынешнем политическом процессе. Устойчивых предпочтений пока практически не встретишь у избирателей: они только складываются и за последние несколько лет многократно менялись. Политическая идентификация с партиями и движениями не складывается в силу неразвитости самих партий и их полной неспособности быть каналом выражения рациональных интересов граждан. Мелькание лиц лидеров на национальной политической сцене также не позволяет говорить об устойчивости политического процесса. Исследования многих политологов последнего времени свидетельствуют о падении интереса к политике и росте негативных оценок всех политических деятелей. Правда и то, что компетентность наших граждан не всегда высока.

В этой ситуации следует прежде всего задаться вопросом: на основании чего делают избиратели свой политический выбор? В какой мере их решение является результатом скорее веры, а в какой — диктуется рациональным выбором? Каковы пределы доверчивости избирателей в отношении политической рекламы, которой манипулируют кандидаты во время выборов? Сохранилась ли та открытость наших граждан для политической манипуляции, которая досталась в наследство от старой политической системы в виде привычки верить тому, что транслируют радио и телевидение, газеты и авторитетные государственные деятели?

Вопрос о том, соответствуют ли публикуемые рейтинги, полученные в результате опросов общественного мнения, действительному месту претендентов в соревновании, должен волновать не столько избира-

телей, сколько самих политиков. Это инструмент, предназначенный для контроля кандидатов и их штабов за эффективностью своей работы.

Тут вопрос о правдивости рейтингов зависит от того, проводят ли их независимые исследовательские центры или «свои», нередко зависящие от реакции «хозяина» специалисты. Умышленный обман и подтасовка встречаются, о чем свидетельствует опыт предыдущих кампаний. Один из кандидатов в президенты как-то во всеуслышание заявлял, что, согласно его тайным рейтингам, он имеет 20%. Неоднократно сомневался в достоверности опросов и М. С. Горбачев.

Искажение реальной расстановки сил возможно как в результате недобросовестности или некомпетентности социологов, так и в результате своего рода самообмана и самих политиков, и работающих с ними специалистов. Поражает упорное желание многих политиков не видеть очевидного. На парламентских выборах 1995 и 1999 гг. многие до последней минуты верили прогнозам своих штабов о том, что они перешагнут 5% барьер.

Еще одна проблема — ангажированность некоторых социологов, путающих две разные роли: независимых экспертов и членов той или иной команды. Мы уже видели весьма тенденциозные комментарии рейтингов претендентов, данные их политическими консультантами. Это уже настоящая манипуляция общественным мнением. Надо сказать, что и социологи могут стать жертвами собственной ангажированности. Так, во время выборов 1995 г. ВЦИОМ — одна из наиболее авторитетных организаций, проводящая опросы, потеряла в своей выборке избирателей, голосовавших за Анпилова. Это почти 5% электората. Произошло это не по технической небрежности, а в силу политической установки проводивших опрос: они были сторонниками демократов.

Накануне нового электорального цикла в октябре 2006 г. Левада-Центр обнародовал результаты опроса, по которому один из возможных кандидатов на президентских выборах начал существенно опережать других кандидатов. При этом ни сам этот политик не совершил ничего, что могло бы обосновать такой отрыв, ни его соперники не сделали никаких серьезных ошибок, чтобы объяснить такой резкий скачок общественного мнения. Интересно, как подали СМИ этот материал. В подборке мнений «экспертов» не было приведено мнение ни одного профессионального политолога или социолога, а уважаемые политики, которые профессионально не могут прокомментировать эти данные, использовали аргумент типа: «Я Леваде верю»

или «Я Леваде не верю». В результате заведомо странные данные получили «легитимацию»¹.

Этот пример хорошо иллюстрирует, как в политической борьбе рейтинги используются как инструмент воздействия на общественное мнение, а не как инструмент его измерения.

¹ Думается, что общественность сейчас нуждается не столько в рейтингах, сколько в толковой просветительной работе о политических и правовых аспектах выборов.

Другой вопрос: что отражают рейтинги, как их «читать»? Действительно ли в 2006 г. поднимался рейтинг Д. Медведева и снижался рейтинг С. Иванова? Что будет с рейтингом происходить в оставшееся до выборов время? И главное, означает ли это возможность того, что те, кто сегодня имеет позитивную установку, в день выборов проголосуют за данного политика?

Во-первых, опросы фиксируют ситуацию на данный момент и не могут быть единственным инструментом прогноза. Они зацепляют наиболее поверхностный слой установок. К тому же когда мы принимаем решение о том, за кого будем голосовать, оно основано на двух «китах»: на наших осознанных интересах и на чувствах. Надо сказать, что последнее — область не столько социологии, сколько политической психологии. Опросы — слишком грубый инструмент для определения подлинных мотивов голосования. Во всяком случае, они недостаточны для получения объемного среза общественного сознания.

Так, оказалось, что за последние годы вопреки всем разговорам о деполитизации наши избиратели стали более зрелыми и компетентными в оценке своих избранников. Они очень квалифицированно судят об их моральных и психологических качествах, политических взглядах и внешности. В отличие от 1990-х годов их выбор в 2000-е годы делается на более рациональной основе: избиратели склонны реагировать не столько на внешность, знакомое лицо или риторику, а на позицию и дела претендента, на тот или иной политический пост. Конечно, разрыв между осознанным интересом и бессознательными эмоциями сохраняется, но качество «политического зрения» повысилась.

¹ Рейтинги как инструмент выяснения отношений // Независимая газета. 2006. 9 октября.

§ 4. ВЫБОРЫ КАК ПРОФЕССИЯ

История демократических выборов в современной России дает основание утверждать, что именно этот институт оказал решающее воздействие на трансформацию политической системы и формирование гражданского общества. Гарантия проведения законных выборов органов власти — это политический фактор, от которого будет зависеть и ее стабильность, и само ее существование. '

Практика проведения выборов, однако, показывает, что возможность граждан воздействовать на механизм избрания власти связан не только с формальным правом избирать и быть избранным в соответствии с законом, но и с рядом других важных факторов, в частности с уровнем профессионализма тех, кто участвует в них: самих политиков, аналитических структур, консультантов, журналистов и, конечно, избирателей, способных сделать свой гражданский выбор осознанно и со знанием дела.

Попробуем оценить степень профессиональной зрелости всех участников избирательного процесса, достигнутой за последние десятилетия.

▲ **Политика** за этот период стала профессией для целого слоя людей, ставших по существу новым политическим классом. Среди них есть и новое поколение представителей исполнительной власти, научившихся действовать в новых политических условиях, и несколько «поколений» законодателей, получивших немалый опыт парламентской деятельности, прошедших сквозь выборы разного уровня. Последних можно условно разбить на две группы. Первая — это **политики-одиночки**, не связанные с партийной машиной или имеющие от нее минимальную поддержку и действующие на свой страх и риск. Если на выборах 1993–1995 гг. они составляли большинство, так как партийные или групповые механизмы поддержки были неразвиты, то начиная с конца 1990-х годов их шансы становились все меньше, а в соответствии с новым Законом о выборах их роль сведена к нулю, хотя среди них есть весьма опытные люди, прибегающие к услугам технологов и научившиеся использовать профессиональную помощь на выборах весьма успешно. Следует отметить, что за годы работы в Думе они, как правило, приобрели профессиональный опыт, в частности опыт законотворчества и опыт публичных выступлений. Они научились разговаривать со своими избирателями и пытались что-то делать для них.

Другая группа политиков предпочитает групповую игру, в которой **вхождение в партийный список** не требует особых личных качеств или заслуг, кроме умения договариваться с партийным руководством. Не случайно широкая публика не знает большинства депутатов Думы ни в лицо, ни по предложенным ими законам. Степень профессионализма этих политиков хотя и повысилась, но для большинства из них политика оказалась лишь синекурой, а отнюдь не профессией. Кого-то место в Думе устраивает, как гарантия неприкосновенности, кого-то — как доходное место или средство удовлетворения амбиций. Именно ради этого они избирались. Исключения составляют лишь руководители фракций и несколько наиболее ярких депутатов, которые лишь подчеркивают это исключение из правила.

¹ **Аналитики.** Этим термином могут обозначаться совершенно различные профессиональные группы. Так, есть такие политические партии, движения и отдельные команды, где в аналитическую группу включаются **спичрайтеры**,¹ на долю которых приходится составление речей и текстов для размещения в СМИ. В других командах аналитика строится на данных **социологов**, которых, как правило, привлекают на этапе непосредственной подготовки к выборам. Реже в аналитическую группу входят **политологи-теоретики**, способные создать политическую программу и дать систематический анализ политического процесса. В тех политических командах, где в роли аналитиков выступают **пиарщики**, эта часть команды занимается креативной работой, связанной с придумыванием интриги кампании, слоганов и других технологических этапов. Нередко к числу аналитиков относят и **психологов**, обеспечивающих психологическое сопровождение политика в ходе кампании, и **консультантов по имиджу**. Тот факт, что в большинстве политических организаций одни и те же люди выполняют все эти функции, говорит о том, что профессиональное разделение труда пока не достигло высокого уровня.

Очевидно, что каждая из вышеперечисленных профессиональных групп необходима для обеспечения нормальной работы кандидата, но степень эффективности этих специалистов зависит не только от их опыта и знаний, но и от степени их востребованности политиком, от умения менеджера кампании организовать их совместную работу. Как показывает опыт, за единичными исключениями, политики (не говоря об их спонсорах) не осознают степени важности

каждой из функций и их сочетания в ходе кампании, а нередко и просто не знают о том, что необходимо делать для привлечения внимания избирателей. Этим нередко пользуются недобросовестные консультанты, предлагая кампанию «под ключ», но реально обеспечивая лишь самый примитивный набор услуг.

Если говорить об аналитической работе в узком смысле слова как об отслеживании тенденций политического развития и прогнозе поведения различных участников политического (в том числе и избирательного) процесса, то здесь за последнее десятилетие прогресс не замечен. Прежде всего каждая партия и движение, каждый крупный политик стремятся обзавестись собственной аналитической службой. Такие службы сегодня есть у крупных газет, государственных структур, финансовых магнатов и крупных организаций (Сбербанк, Газпром и др.). Это связано с желанием иметь собственные и желательно дешевые источники информации.

Понятно их стремление обезопасить себя и сэкономить при этом. Все ведомственные аналитические структуры страдают одним и тем же недугом: они стремятся угодить начальству и вольно или невольно искажают информацию. Известно, что, например, Ельцину не докладывали неприятную информацию. К тому же нередко аналитические записки нужны не столько для того, чтобы лица, принимающие решения, действительно могли опереться на серьезные разработки исследователей, сколько для того, чтобы оправдать то или иное уже принятое решение. Востребованность независимой аналитической экспертизы как была, так и остается в России чрезвычайно низкой.

Возникшие в последние годы частные аналитические центры, будучи по началу независимыми, очень скоро стали обслуживать те или иные крупные политические группы. Выступая в СМИ в роли независимых экспертов, сотрудники этих центров на самом деле возвращаются к старой советской практике пропаганды в ее самых примитивных образцах, давая весьма пристрастные оценки политической ситуации и все больше подрывая доверие к профессии политолога.

Между тем в обществе существует настоятельная потребность не только в получении точной и достоверной информации о подготовке к выборам и расстановке политических сил, но и в том, чтобы понять значение и смысл происходящего. Эта потребность удовлетворяется не полностью, что тормозит гражданскую активность и препятствует «профессионализации» еще одного участника избирательного про-

цесса — собственно *граждан*. Правда, следует подчеркнуть, что участие в выборах на протяжении последнего десятилетия лишило наших избирателей политической невинности и укрепило рациональность их выбора. За последние годы они стали меньше поддаваться на макиавеллиевские приемы черного пиара, стали точнее определять соответствие политических ярлыков предлагаемому товару.

Одновременно с позитивными процессами гражданского созреваания и более точного «считывания» политической информации нарастают и негативные тенденции. Непрозрачность российской политики, отсутствие заинтересованности власти в реальном волеизъявлении народа, грязные выборные технологии — все это резко снизило политический интерес и гражданскую активность. Результатом непосредственного знакомства с политикой оказалось катастрофическое падение доверия к власти и ее представителям, разочарование в политиках всех цветов политического спектра, пассивность избирателей. Мелькание одной и той же небольшой группы лидеров (по нашим данным, в массовом сознании число политиков, известных избирателям, не превышает четырех десятков) вызывало психологическую усталость и ощущение отсутствия реального выбора. Отсюда потребность в новых именах и свежих политических идеях, которую пока известные политические деятели и партии удовлетворить не могут.

Если подвести итог развития политики как все более профессионализирующейся сферы деятельности, то следует отметить, что все три группы акторов избирательного процесса прошли немалый путь развития за эти годы. **Политики**, без сомнения, стали превращаться в особую страту, обретающую все черты профессии, хотя по-прежнему плохо осознающую общность своих групповых интересов. Политологи-аналитики, по крайней мере та часть их, которая занимается прикладными проблемами, быстро оформляется в профессиональный клан, в котором ценятся не столько профессиональные знания, сколько практический опыт участия в кампаниях и деловая хватка. По существу, у нас на глазах происходит становление новой профессии — **политических технологов**, спрос на услуги которых постоянно растет, так как в стране регулярно один раз в 4 года, проводятся выборы в органы власти различного уровня, в которых участвует по разным оценкам от 17 000 до 200 000 специалистов. По неофициальным данным, объем рынка услуг в конце 1990-х годов оценивался в объеме

порядка 1 млрд долл. Правда, в связи с введением нового закона о выборах потребность в технологах намного снижается.

И, наконец, третья сторона — **избиратели** быстро освоили свою роль в новой политической системе, несмотря на известное разочарование в результатах своего участия в выборах. Как показывают опросы, российские избиратели не готовы полностью устраниваться из этого процесса и предоставить решать свою судьбу «начальству». Выборы стали не формальной, а действительно существенной демократической процедурой, угроза отмены которой вызывает протест;

Часть III
ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ

ГЛАВА 8

ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ

Проблема личности в политике относится к числу вечных. Она вызывает неизменный интерес у философов и историков, писателей и моралистов, религиозных мыслителей и психологов.¹ В политической науке между тем эта проблема является наименее исследованной. В профессиональных политологических изданиях число публикаций на эту тему минимально¹, что связано со стремлением многих политологов создать объективную науку, где действие субъективного фактора сведено к минимуму. Личность они выносят за скобки либо потому, что считают ее влияние на политические события незначительным, либо потому, что не владеют качественными методами исследования, позволяющими учитывать уникальные, неповторимые свойства тех, кто делает политику.

В современной политической науке ситуация медленно меняется. Большинство политологов сейчас признают необходимость исследования личностного фактора в ходе политического процесса, и одной из причин этого стала неспособность институционального политического подхода предсказать кардинальные перемены, произошедшие в мире после начала перестройки в СССР. Многие тогда задавались вопросом: как развивалась бы политика в мире, если бы генеральным секретарем КПСС был избран не Горбачев, а Громыко или Гришин. Вес личностных качеств советского лидера в происшедших переменах был столь значителен, что это во многом заставило пересмотреть традиционные подходы к изучению политики.

Для большинства непрофессионалов в области политической науки основной интерес к политике сосредоточен именно вокруг лич-

¹ *Greenstem F* Personality and Politics Princeton, 1985 P 4

ностей, делающих политику! Читающая публика хочет знать биографии тех, кто изменил лицо эпохи. Ее интересуют их стиль и вкусы, семейное окружение и спортивные увлечения, их страхи и болезни. Нам не случайно кажется: пойдем политика как человека — и перед нами откроются скрытые пружины его политического поведения.)

Чтобы понять, кто прав: профессионалы или любители, — попробуем проанализировать, что даст нам понимание личности для проникновения в политические механизмы.

§ 1. РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИКЕ

В политической мысли сложились две традиции в трактовке проблемы личности. Первая из них придает личности решающее значение в определении направления политического процесса. Зачастую сторонники такой позиции просто сводят политику к личности лидеров, вождей, авторитетов. Еще Паскаль выразил эту позицию, сказав, что если бы нос Клеопатры был чуточку короче или чуточку длиннее, то история человечества выглядела бы совершенно иначе.

В русле этой традиции велись дискуссии конца XIX — начала XX в. о роли личности в истории, которые хорошо известны благодаря идеям Толстого, Карлейля, Джеймса, Плеханова и Троцкого. Пожалуй, наиболее известная книга по этой тематике — работа Сиднея Хука «Герой в истории»¹. Роль личности в истории вообще и в политике в особенности обосновывается сторонникам данного подхода личными достоинствами вождей: политическим талантом, способностями, знаниями, навыками, авторитетом. Как видим, речь идет о том, что личностным качествам придается большее значение, чем собственно политическим позициям и убеждениям того или иного персонажа. В этом же ключе работают и политические психологи, рассматривающие не столько достоинства политиков, сколько их комплексы в качестве побудительной силы для занятий политикой. Так, американский исследователь Дж. Барбер, следуя за А. Адлером, предлагает компенсаторную концепцию власти. Он полагает, что именно комплекс неполноценности, вызванный детскими травмами, пережитыми политиком на ранних стадиях становления его личности, мобили-

¹ Hook S. The Hero in History. N.Y., 1943.

зует его на достижения, не сравнимые с достижениями его более удачливых сверстников.

Второй подход, напротив, скорее принижает роль личности в политике. Среди сторонников этой точки зрения есть различия. Так, политологи позитивистского толка, особенно бихевиористски ориентированные, не возражая против исследования отдельных компонентов личности в политике, не видят смысла в анализе целостной личности как фактора, влияющего на процесс и систему. Так, А. Инкелес, выражая точку зрения многих политических социологов, считает, что индивидуальные особенности «гасят» друг друга в масштабных политических процессах. Поэтому есть смысл изучать не индивидуальные, а массовые закономерности, например распределение политических ролей. Личностью же политолог может пренебречь¹.

Иную по замыслу, но сходную по сути позицию занимают политологи, считающие личностный фактор в принципе незначимым по сравнению с факторами социального воздействия на политику. Теоретики, принадлежащие к марксистской традиции, выделяют экономические факторы, детерминирующие политику. Политологи, стоящие на позициях функционализма, фокусируют исследование на системообразующих составляющих политических партий, организаций, движений. Общее между ними то, что они выводят личность за рамки факторов, среди которых следует искать причинное объяснение макрополитических процессов.

Политическая практика авторитарных и тоталитарных режимов дает дополнительные аргументы тем политологам, которые стремятся ограничить значение личностных детерминант политики. Они полагают, что если авторитарная политика рассматривает человека как материал для своих политических экспериментов, то зрелая демократическая система должна быть безличным механизмом, который бы обеспечивал человеку его права и свободы независимо от того, какой лидер стоит сегодня во главе государства. Крайним выражением этой позиции являются леворадикальные, анархистские концепции, которые отрицают не только авторитет вождей, но и вообще необходимость любой организованной политической деятельности, сводя тем самым на нет значение разумной личности в политике. На

¹ Inkeles A. *Sociology and Psychology // Psychology: A Study of a Science* / Ed. by S. Koch. N.Y., 1963. P. 354.

место воли и сознания личности, планирующей и организующей политический процесс, приходят массовые инстинкты.

Однако линия водораздела между приведенными выше точками зрения в прошлом проходила по вопросу о личности не рядовой. Основные дискуссии велись вокруг роли политического лидера. Личность рядового гражданина обозначалась, так сказать, во множественном числе, как часть массы. Хотя и сейчас литература по проблеме личности в политике содержит по-прежнему большое число работ о личностях политиков, их во многом подвинула проблематика, связанная с обычными гражданами. Вовлечение в политику ранее пассивных слоев населения со всей остротой поставила перед политической психологией и политологией в целом вопрос о влиянии личностных особенностей на участие человека в политике.

Помимо выявления «веса» категории личности в анализе политического процесса, в политической психологии ставится и другая важная задача: понять содержание этого взаимодействия, и тенденции, прослеживающиеся в разных типах политических систем. В истории политической мысли сложились довольно устойчивые комплексы представлений, получившие свою классическую форму в трудах Т. Гоббса, Г. Спенсера, А. де Токвиля, Ж.-Ж. Руссо и др. Одна из моделей взаимоотношения между личностью и политикой описывается в терминах **«подчинения»** личности государству. Мотивируется необходимость такого подчинения личности ее природой, неразумной, эгоистической и потому нуждающейся в контроле. Такую точку зрения имеет Т. Гоббс. Современные политологи вводят новые мотивы, объясняющие необходимость подчиненного положения личности, мотивируя его управленческими задачами (Д. Белл, С. Липсет, У. Мур), обеспечением устойчивой демократии (Р. Даль, У. Корнхаузер), достижением большего равенства (Дж. Роулз, Г. Гэнс). Однако общим для всех приверженцев данной модели является представление о политическом регулировании как подчинении личности государству, организации, элите, ограничивающем участие рядового гражданина и его роль в политике. При этом сама личность выступает в роли пассивного ОБЪЕКТА управления, нуждающегося в надличностных механизмах, способных обуздать ее несовершенную природу.

Иным представляется характер взаимодействия личности с системой тем политическим психологам, которые следуют за А. Смитом, Г. Спенсером, У. Годвиным, рассматривающих в личном интересе ме-

ханизм, который приводит в движение и самое политику! Модель «интереса» предполагает, что социальный и политический порядок возникает как естественный результат сочетания интересов разных людей. Следовательно, нужна не сила подавления, а рациональное осознание индивидом своих выгод от общих усилий. Важнейшим постулатом в этой традиции является рассмотрение личности как СУБЪЕКТА политической деятельности. Те либеральные и неоконсервативные современные теоретики, которые используют эту модель, негативно относятся к любым формам коллективности, централизации власти и подчинению ей индивида. Проблемы политического строя, власти и свободы они рассматривают в индивидуалистической перспективе.

«Поведенческая революция» в политологии привела к выделению проблемы личности в специальную область в рамках политической психологии. Есть несколько типов исследований, представляющих эту область. Во-первых, это так называемые *case studies* или качественные исследования отдельных конкретных случаев, в фокусе которых находятся неповторимые индивидуальности, будь то политик или просто гражданин. Хотя методы, используемые для создания индивидуальных политических портретов, нацелены на раскрытие их уникальных личностных качеств, они отвечают общенаучным критериям. Для этого используются стандартизированные процедуры обработки материалов¹.

Многие из работ этого типа представляют собой психобиографии политических деятелей. Среди них выделяются труды Э. Эриксона о Лютере, Гитлере и Элеоноре Рузвельт, А. Джорджа об американском президенте Вудро Вильсоне, Е. Вольфенштейна о Ганди, Ленине и Троцком. Создана целая галерея портретов, среди которых можно найти практически всех известных мировых политиков: вплоть до Ельцина, Саддама Хусейна и Клинтона. Основная задача *case studies* — дать представление о личности политика, исходя из опыта его первичной социализации и выводя из него внутренние мотивы политических поступков. При этом описывая жизненный опыт политика, они, как правило, отвлекаются от общей политической ситуации.

Другое направление изучения личности в политике — агрегативное, напротив, встраивает факты личной биографии политика в ис-

¹ Карбо Дж., Бизли Р. К. Практическое руководство по применению сравнительного метода *case studies* в политической психологии; Шестопал Е. Хрестоматия по политической психологии. М., 2002. С. 23–53.

торический контекст самого политического процесса. Такие авторы, как Дж. Кокс, С. Хьюз, М. Блох, Б. Броди, А. Я. Гуревич, и другие историки и политологи видят свою задачу не в редукции политических событий к действиям отдельных личностей, но в привнесении личностного компонента как фактора в объяснение исторических событий в политике. Это направление исследует влияние личностных факторов на такие процессы, как войны, революции, национальный характер, политическая культура.

Третье крупное направление представлено *типологическими* исследованиями. В них предпринимаются попытки «классифицировать политических деятелей в психологических терминах от самых примитивных до сложнейших»¹. Основаниями для классификации служат отдельные психологические особенности политиков, свойства их поведения, мышления, стиля межличностных отношений, принятия решения и т.д. Одной из наиболее известных классификаций является схема Т. Адорно, основанная на понятии авторитарности². М. Роккич предложил в качестве основания для типологии политиков такое качество, как догматизм. Д. Рисман избрал две базовые личностные ориентации: на традицию и внутренние цели. Г. Лассвелл и Дж. Барбер выделяют политические роли. Лассвелл предлагает типологию, выделяющую роли «агитатора», «администратора» и «теоретика», а Барбер — «зрителя», «рекламирующего», «сопротивляющегося» и «законодателя».

Обобщая развитие проблематики личности в политике, американский политический психолог Ф. Гринстайн предложил концепцию, определяющую значение личностного фактора в политическом процессе. Его роль становится особенно важной, во-первых, когда появляются абсолютно новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом. Во-вторых, в сложной и противоречивой ситуации с большим числом неопределенностей. В-третьих, в ситуации, когда есть выбор между разными силами, предлагающими различные политические решения. По мнению Ф. Гринстайна, роль личности в политическом процессе тем больше, чем более среда восприимчива к тому, что личность ей предлагает, чем выше позиция человека в политической системе и чем ярче сила. Это того или иного политика.

¹ Greenstein F. Op.cit. P. 120.

² Adorno T. et al. The Authoritarian Personality, N.Y., 1950.

Заметим, что сегодня уже не дискутируется вопрос о необходимости исследования личности в политике. Вульгарный психологический редукционизм ранних работ уступил место сбалансированному учету как личностных, так и ситуационных переменных, представленных в мультивариативном подходе.

§ 2. СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА

Политическое сознание и поведение личности складываются в ходе интериоризации внешних для нее целей и ценностей политической системы, семьи, ближайшего окружения. Эти идеи, цели и убеждения могут определять поведение личности, только став ее собственными составляющими. Чтобы выработать у личности глубокие убеждения, которые «как закон» определяли бы ее поведение в политике, необходимо включить все «этажи» личности, все уровни ее сознания и деятельности. В современной психологической литературе выделяются три ведущих уровня структуры личности: биологический, психологический и социальный. Начиная с биологических элементов мы поднимаемся к психологическим, а затем к социальным, имея в виду, что высший уровень личности интегрирует свойства низших, управляет их функционированием. Свойства человека как индивида входят в структуру личности, подвергаясь при этом социализации.

Биологический уровень личности. Вопрос о том, влияет ли на политическое поведение личности ее биология, занимает ученых давно. В современной литературе существует специальный раздел — **био-политика**. В ней исследуются проявления альтруизма, насилия, агрессии, защитных реакций, доминирования и других фундаментальных свойств природы *Homo sapiens* в политике¹. В не меньшей степени важно понимать, какое место в политике могут занимать такие биологические компоненты личности, как наследственность, темперамент, пол и возраст, состояние здоровья и телесная конституция. Понятно, что в данном случае они интересны как детерминанты политического поведения. Не будучи самостоятельными, они определяют те аспекты политического поведения, в которых личность имеет существенное значение. Прежде всего по этим факторам идет отбор тех, кто займет в политике активную, ведущую роль.

¹ *Somit A., Peterson S. A. Biological Correlates of political Behavior // Political Psychology. Contemporary Problems and Issues San Francisco, 1986.*

Так, например, **возраст** политического деятеля имеет существенное значение для его выдвижения. Известно, что в переломные эпохи, в периоды кризисов на руководящие посты нередко выдвигаются более молодые, а иногда и просто юные лидеры. Это связано с необходимостью полной или значительной смены всей прежней политической элиты и выдвижения поколения, не связанного с прежним правящим слоем в силу своего возраста.

Вспомним хотя бы 16-летних командиров времен Гражданской войны. В постсоветской России уже никого не удивлял возраст нижегородского губернатора Немцова или президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова, премьера Кириенко. В российском правительстве есть немало министров в возрасте до 40 лет, что служит изрядным контрастом нашим вождям брежневской эпохи, которых под руки выводили на трибуну и которые могли по забывчивости прочитать три экземпляра своего выступления. Но люди постарше еще помнят, как молодые политики-реформаторы носили малоприятную для них кличку «мальчиков в розовых штанишках», которой их наградили политические оппоненты.

Одновременно следует иметь в виду, что в периоды стабильного развития политического процесса на верхние этажи политической системы выходят политики, которые занимают свои позиции длительный срок, порой достаточный, чтобы состариться. Почтенный возраст играет особую роль в традиционных политических культурах, где он символизирует житейскую мудрость. Примером может служить иранский религиозный лидер Хомейни, престарелые лидеры Китая Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, корейский вождь Ким Ир Сэн и др. В то же время в российской политике возраст и связанная с этим болезненность были важным фактором, влияющим на негативное восприятие президента Ельцина в последние годы его пребывания на посту, как, впрочем, до него это было и с Брежневым. Избрание Путина определялось во многом именно его молодостью и здоровьем на фоне его предшественника.

Возраст — характеристика чисто биологическая, не имеющая политического значения. Однако возрастные данные приобретают то или иное политическое значение под влиянием традиций, общественных потребностей и складывающейся в данный момент ситуации. При этом биологические характеристики играют роль «ограничителя» в процессе рекрутирования на ту или иную политическую роль, а воз-

раст имеет чисто психологические следствия, такие как ригидность мышления, приверженность привычкам и стереотипам и пр.

Пол (гендер) также играет немаловажную роль в исполнении политических функций. Женщины всегда имели в политике определенное значение, но чаще не на официальных постах (особенно на высших постах в государстве), а «за кулисами». Такое ограничение, нередко выливавшееся в прямую или скрытую дискриминацию, вызвали волну феминистского движения. Радикальные феминистки утверждают, что произошла смена основного движущего противоречия политического процесса: на место борьбы классов или борьбы наций пришла, по их мнению, борьба полов.

Если вынести за скобки радикальные перехлесты, следует признать, что феминистское движение сумело добиться немалых завоеваний в сфере выравнивания возможностей мужчин и женщин. Завоевания отечественного женского движения прежних лет послужили стимулом для многих стран в прежние годы, хотя следует отметить и неравномерность этого процесса. Так, на смену формальному представительству женщин в наших органах власти прежних лет пришло вымывание их сегодня. В Совете Федерации в нынешнее время представлена только одна женщина, что явно говорит не в пользу демократической тенденции современного политического развития. Немного женщин и среди депутатов.

Более того, чтобы добиться признания, женщине-политику, как правило, необходимо обладать отнюдь не женскими качествами. Политологи отмечали, что для получения поста премьер-министра Маргарет Тэтчер продемонстрировала жесткость, резкость и бескомпромиссность. О ней говорили, что она обладает мужским характером и манерами уличной торговки. У российских женщин-политиков также на первый план выходят бойцовские качества, проявляющиеся в том, что даже в стенах парламента они могут оказаться участниками драки.

Темперамент, свойства нервной системы придают индивидуальное своеобразие политическому поведению не только отдельной личности, но и масс. Бурный темперамент южан определяет стиль выступлений лидеров и накал политических выступлений рядовых граждан. У политических деятелей темперамент придает форму их поступкам и сказывается на способности зажечь своих последователей эмоциональными переживаниями политических событий, передать им свое видение последних.

Темперамент входит как составная часть в личный стиль исполнения политической роли. Так, бурный темперамент может стать причиной несдержанности, ведущей к просчетам в политике. В историю вошел малоприятный эпизод в ООН, где Никита Хрущев стучал по трибуне ботинком, требуя внимания от аудитории. Вялость темперамента также может сослужить плохую службу политику, которого сторонники упрекают за безынициативность и медленную реакцию на ситуацию. Так, спикеру Российской Думы долго припоминали отсутствие реакции на драку в зале, которую он «не заметил». Более темпераментный политик, видимо, среагировал бы быстрее.

Как отмечают многие наблюдатели, для Президента Путина во многих критических ситуациях характерно некоторое запаздывание реакции. Если для обычного человека это так и осталось бы его личным делом, то для политика оно оборачивается падением рейтинга, как это было в связи с гибелью подлодки «Курск». Поскольку такие эпизоды повторяются на протяжении всего его президентства, то их причину можно связать с особенностями темперамента Президента.

Из общей психологии известно, что темперамент является наследственной характеристикой. Однако его поведенческие проявления могут меняться под влиянием социальной среды, принимая те формы, которые данная культура считает приемлемыми.

Среди биологических характеристик в политике учитываются и **физические данные**, такие как выносливость, сила, работоспособность, способность преодолевать стрессы и др. Эти биологические параметры хотя и заложены на генетическом уровне, но являются в то же время и плодом собственных усилий человека, тренировки и воли к преодолению недугов и физических недостатков. Один американский президент (Рузвельт) оказался прикованным к инвалидному креслу, другой (Джон Кеннеди) носил жесткий корсет из-за болезни позвоночника. Однако эти два политика запомнились американцам отнюдь не физической ущербностью. Напротив, оба заслужили признательность своих сограждан как волевые и дальновидные политики, имидж которых вопреки биологической предопределенности не был подпорчен.

Следует сделать одну оговорку: то, что удалось Кеннеди и Рузвельту, не обязательно должно получиться у других политиков. Внешние данные служат основой восприятия политика со стороны публики и встраиваются в те представления об идеальном политике,

которые существуют в массовом сознании. Наличие толстых очков, рыхлой фигуры или высокие каблуки, призванные скрыть низкий рост мужчины-политика, могут поставить крест на его карьере, несмотря на определенные заслуженные достоинства.

В психологический уровень личности включаются такие элементы, как эмоции, воля, память, способности, мышление, характер в целом. Каждый из них в отдельности и все они вместе могут оказать воздействие на политическое поведение. Так, трудно переоценить роль **эмоций** в политике: страх и радость, удивление и ненависть, зависть и корысть, солидарность и соперничество — все эти и многие другие эмоции не просто сопровождают политику, но нередко становятся ее движущими силами.¹ Будучи проявлением потребностей, эмоции входят в важнейшие механизмы мотивации политических действий. Так, политические психологи, изучающие проблему лидерства, отмечают огромную роль эмоциональной сферы политиков в их стремлении сделать карьеру. Мотивами являются и чувство долга, и стремление к власти, и желание быть признанным и чувство неполноценности, которое может быть компенсировано высоким социальным статусом¹.

Современный российский политический процесс изобилует примерами воздействий эмоций на политику. Достаточно вспомнить такие эпизоды, как схватки союзного и российского руководства в 1990 г. и поведение членов ГКЧП перед телекамерами в августе 1991 г., заседание парламента, амнистировавшего участников августовского путча и переговоры премьер-министра Черномырдина с чеченскими террористами. Были и примеры странных эмоций. Многие политологи не могли объяснить странное поведение толпы перед зданием Белого дома в Москве в тот момент, когда по нему начали стрелять танки: люди не расхотелись, как будто не понимали серьезности происходящего и присутствовали на спектакле. Такая утрата чувства риска свидетельствует об эмоциональной патологии, ставшей результатом воздействия сильных политических стимулов.

Воля, пожалуй, наиболее осозанный психологический элемент личности. Без нее невозможно добиться цели в любой сфере деятельности. В политике же воля не просто упорство в достижении поставленных задач, а предполагает способность встать над мелкими личными и групповыми интересами во имя интересов национальных. Без

¹ *Burns J. M. The power to Lead: The Crisis of American Presidency. N.Y., 1984.*

политической воли нельзя выйти за пределы устаревших политических стереотипов и преодолеть инерцию мышления. Несомненно, что одной из причин развала КПСС, а затем и СССР стало отсутствие политической воли к реформам у бывшего руководства страны. Они поразительно легко, практически без сопротивления сошли с политической сцены, как, впрочем, и их исторические предшественники в царской России в 1917 г. Никакие объективные причины не в состоянии объяснить такое странное поведение элиты, кроме того, что им овладел некий паралич воли.

Такой психологический феномен, как **память**, имеет в политике весьма существенное значение. Во-первых, несомненно хорошая память является необходимым личностным качеством лидера, которому приходится пропускать через свое сознание огромное количество информации. Речь здесь идет не просто о запоминании, а способности отбирать и хранить определенные блоки этой информации, имеющей непосредственное отношение к характеру деятельности. Известно, что для политика особое значение имеет память на людей, на лица, на проявления их лояльности, которые на интуитивном уровне позволяют им вырабатывать отношение к коллегам и оппонентам.

Во-вторых, политическую психологию интересует феномен исторической памяти народа, отдельных групп людей. Если в советский период отечественной политической истории нередко люди скрывали даже от самых близких свое дворянское происхождение, то в последние годы потомков дворянских родов можно встретить столь часто, что закрадывается подозрение: остались ли представители иных сословий в России? Историческая память играет нами, выбрасывая на поверхность то одни, то другие политические сюжеты. Интересно сравнить, как воспринимали наши сограждане исторически значимые события с совсем небольшим историческим интервалом (табл. 1)¹.

Таблица 1

Самые значительные события XX в. (% от числа опрошенных¹)

Событие	1989 г.	1994 г.	1999 г.	2003 г.
Первая мировая война	8	19	18	14
Октябрь 1917 г.	65	49	49	40

¹ Левада Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М., 2006. С. 65.

Продолжение

Событие	1989 г.	1994 г.	1999 г.	2003 г.
Коллективизация	10	8	6	6
Репрессии 30-х годов	31	18	11	17
Победа в Великой отечественной войне (1945)	75	73	85	78
Создание социалистического лагеря в Европе	—	4	5	3
Смерть Сталина (1953)	—	—	14	13
XX съезд КПСС (1956)	—	5	4	4
Полет Ю. Гагарина (1961)	33	32	54	51
Война в Афганистане (1978–1989)	11	24	21	23
Перестройка	24	16	16	21
Чернобыльская катастрофа	36	34	32	35
Падение Берлинской стены, крах социалистического лагеря	—	6	5	3
«Путч» (август 1991 г.)	—	7	6	7
Распад СССР	—	40	47	42
Реформы Е. Гайдара	—	6	2	4
События октября 1993 г.	—	7	3	4
Первые многопартийные выборы (1993)	—	3	1	2
Война в Чечне	—	—	24	31
Дефолт (1998)	—	—	18	8
Избрание В. Путина президентом (2000)	—	—	—	11

Одни события (смерть Сталина, дефолт 1998 г.) со временем меркнут, в то время как другие не теряют своей политической актуальности (победа в Великой Отечественной войне, чернобыльская катастрофа, распад СССР), или даже растут в цене (полет Ю. Гагарина). При этом следует отметить, что дело здесь не в абсолютной временной дистанции, а в политической актуальности того или иного события для исторической памяти народа в каждый данный момент времени.

Социальный уровень личности представлен наиболее сложными личностными структурами: установками, ценностями, целями, ми-

ровозрением. В процессе политической социализации индивид интериоризует цели и ценности своей культуры. Анализ политической структуры личности невозможен без выявления интересов, потребностей и мотивов, которые являются частью именно социальной структуры личности. Однако наиболее изученным является ролевой компонент политической структуры личности.

Как показывает анализ, взаимодействие личности и политики подчиняется закономерностям разного уровня, которые, накладываясь друг на друга, с одной стороны, образуют определенную ситуацию развития личности, а с другой — воздействуют на ход политических событий. Сегодня личность развивается в сильно политизированной среде. Одновременно политика нуждается в личности нового типа: активного гражданина, способного к самостоятельному принятию решений и ответственности. Такой тип личности рождается в борьбе противоречивых тенденций в современной политике: с одной стороны, активизация личности в политике становится общественной потребностью в современном мире, с другой — налицо процессы политического отчуждения, связанные с ростом неверия в политику как средство разрешения важных человеческих проблем. Политические философы усматривают в борьбе этих тенденций общую закономерность новейшего времени: происходящую смену регуляторов поведения человека. На место жесткого внешнего контроля государства и его институтов приходят внутриличностные регуляторы: совесть, убеждения, ценности.

ГЛАВА 9

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДА

§ 1. АГЕНТЫ, СТАДИИ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В отличие от животных человек приходит в этот мир, не будучи оснащенный специфическим набором инстинктов, позволяющим ему выжить в обществе. Навыками социального поведения он обзаводится в процессе вхождения в общество. Это в полной мере относится и к политическому поведению, и к сознанию, которое мы усваиваем в ходе становления личности. Этот процесс в психологии и социологии принято обозначать как процесс **социализации**. В случае, когда в течение жизни личности приходится переучиваться, обзаводясь новыми ценностями и установками, принято говорить о **ресоциализации**.¹

В психологии и социологии **процесс социализации** (от лат. *socialis* — общественный) описывается как **включение индивида в общество через оснащение его опытом предыдущих поколений, закрепленным в культуре**. Этот процесс, с одной стороны, решает проблемы индивида, помогая ему стать полноправным членом своей группы, с другой — обеспечивает жизнедеятельность общества и преемственность самой культурной традиции.

Что происходит с личностью в ходе социализации? Прежде всего социализация может пониматься как ее *социальное созревание*, что предполагает перевод требований общества внутрь самой личности или интериоризацию. По мере того как человек научается действовать в соответствии с социальными нормами, влияние внешних побудительных причин уменьшается, а значение его внутренних убеждений, потребностей и интересов возрастает. Используя фрейдовскую терминологию, можно говорить о становлении супер-эго. Эрик Берн

называл этот компонент личности «Родителем»¹. Как бы ни называлась эта инстанция, речь идет о том, что внутри личности появляется относительно независимая «общественная инспекция», не позволяющая человеку преступить усвоенные им табу. Если же он это делает, то самым страшным наказанием ему становятся не осуждение окружающих, а его собственные стыд и муки совести. Адаптацию и развитие личности обеспечивают такие психологические механизмы, как интериоризация опыта общества и экстериоризация опыта индивида.

Процесс социализации имеет **стадиальный** характер. Среди ученых нет единства в представлении о длительности каждого этапа и всего процесса в целом. Так, одни авторы считают, что социализация ограничена детским и юношеским возрастом, после чего можно говорить о ресоциализации. Другие считают, что социализация длится всю жизнь, а стадии ее соответствуют не только этапам взросления организма, но и вхождению человека в новые социальные группы. Поэтому, скажем, освоение пенсионером своей новой социальной роли также отмечает новую стадию социализации, требующую от личности получения новой информации, нового стиля отношений с людьми и новых навыков поведения в этой роли. **Ресоциализация** же предполагает не просто освоение новых социальных ниш, а переучивание, замену того, что было прочно усвоено в детстве и юности и что составляло фундамент данной личности.

Очевидно, что усвоение правил хорошего тона и модных идей происходит не автоматически. Общество не пускает это дело на самотек. В любом человеческом сообществе есть специальные **институты**, отвечающие за вовлечение в ту или иную группу новых членов и их обучению. Под институтами социализации принято понимать элементы социальной структуры, призванные передавать индивиду образцы поведения, нормы, ценности. Эти институты включают как специально организованные механизмы целенаправленного воздействия на личность (школа, пропаганда и пр.), так и стихийные, не поддающиеся общественному контролю (неформальные группы сверстников). Кроме институтов можно говорить о более широком понятии — **факторах** социализации, под которыми понимаются условия, определяющие этот процесс: микро- и макросреда, образ жизни, уровень

¹ См.: Берн Э. И. Люди, которые играют в игры. М., 2004.

развития общественного сознания и т.п. Эти обобщенные социальные факторы действуют на нас и непосредственно. Так, скажем, коснувшаяся человека безработица, кризис или война быстро меняет многие его представления о жизни, иногда весьма глубинные. Чаще всего факторы выступают в виде персонифицированных носителей общественного влияния, которые получили название **агентов** социализации. К их числу относятся родители и члены семьи, сверстники и учителя, священник и начальник на работе, молодежный кумир и другие, значение которых не равнозначно для личности, но каждый из которых по-своему вводит ее в социум. †

Среди социологов и психологов можно встретить различные трактовки процесса социализации. Одни видят его смысл в обуздании природных инстинктов, другие рассматривают его как результат межличностного общения, третьи считают главным тренировку в исполнении социальных ролей и научение нормам культуры.

{ **Политическая социализация** рассматривается по аналогии с общим процессом социализации, как процесс включения человека в политическую систему. С точки зрения системы в процессе политической социализации происходит воспроизводство ее институтов, осуществляется преемственность важнейших политических ценностей. Необходимость этого процесса для сохранения системы связана прежде всего с приходом в политику новых поколений. Со сменой политического ландшафта даже в рамках одного жизненного цикла возникает необходимость рекрутировать новых участников, снабдить их официальными ценностями и тем самым укрепить систему. Эта задача стоит и перед отдельными политическими организациями и партиями применительно к своим членам и сторонникам.

Человеку для его становления в качестве гражданина необходимо получить систему политических ценностей, идей, в которые он может верить, и ориентаций в политической среде, которые позволят ему адаптироваться к ней. Политическая социализация на уровне индивида представляет собой перевод требований системы в структуру личности, интериоризацию ее ключевых политико-культурных элементов.

В современных обществах актуальны две проблемы. Первая — как происходит включение личности в политику в рамках всей политической системы, т.е. на макроуровне. Анализ политической социализации, очевидно, следует начинать с того, чтобы представить себе,

под влиянием каких социальных условий происходит становление типичных форм политического поведения и сознания, как разные политические партии и организации мобилизуют новых членов, какие идеологические веяния определяют политический климат в данный момент. Каждое поколение несет на себе отпечаток специфических исторических условий, в которых происходило их становление.

Вторая – какие особенности политической социализации на микроуровне – уровне малых групп и личности. Здесь нельзя не учитывать локальные условия созревания человеческой личности в конкретной семье, ближайшем окружении. Именно через них происходит процесс усвоения политических ролей, образцов поведения.

Политическая социализация, как и общий процесс социализации, проходит поэтапно, по **стадиям**, что обусловлено возрастными изменениями личности. В современном обществе он начинается буквально с рождения. Речь, конечно, не идет об освоении политических понятий или ролей. Однако уже в первые годы жизни ребенок знакомится с конфигурацией властных отношений в семье, что впоследствии скажется на восприятии этим человеком власти в государстве. К 3–4 годам ребенок приобретает первые сведения о политике через семью, ближайших родственников и средства массовой информации. Позже, если он идет в детский сад, происходит его знакомство с официальными политическими ценностями, транслируемыми через детскую литературу, песни, праздники и т.д.

С началом школьного обучения начинается новая стадия политической социализации. В любой политической системе (авторитарной или демократической) школа является одним из важнейших институтов политического воздействия на будущих граждан. Через учителей и учебники, детские и юношеские политические организации, через неформальные объединения ребенок приобщается как к официальным, так и к оппозиционным политическим идеям.

Юношеский этап политической социализации характеризуется включением новых агентов. На этой стадии усиливается влияние неформальных групп, молодежной субкультуры в целом с ее особым языком, символами, ценностями, нередко противоречащими ценностям «взрослой» политики. Молодежный культурный андеграунд в нашей стране в 1960–1990-е годы, как до этого в Европе и Америке, дал не только новое движение в музыке и живописи, театре и литературе, но и послужил каналом проникновения других политических

ценностей, оппозиционных официальным. Университеты всегда служили не только образовательным целям, но и были территорией неформальной молодежной культуры.

Политические психологи традиционно подчеркивают важность раннего семейного этапа для становления политического профиля личности. Ряд исследователей вслед за Э. Эриксоном дополняют эту концепцию, указывая на особое значение юношеского этапа как времени политического самоопределения, которое происходит уже не как пассивное впитывание семейных ценностей, а как самостоятельный выбор позиции, своего рода второе рождение. Многие политики обрели свою судьбу не под влиянием первичной политической социализации, а именно в юности (Э. Рузвельт, Б. Шоу, М. Лютер и А. Гитлер).

Политическая социализация не завершается с получением паспорта, она продолжается всю жизнь. Этапы и стадии дальнейшего политического развития определяются не только собственно возрастными изменениями, но освоением новых политических ролей, опытом личного участия. Базовые представления человека о политике, его политическая картина мира могут меняться, корректироваться, но ее основные параметры фиксируются в структуре личности. В случаях дисфункций системы, затрудняющих передачу политических ценностей (прежде всего официальных) новым поколениям, у последних происходит возврат к ранним базовым представлениям, полученным на этапе первичной социализации¹.

Данная концептуальная модель сложилась в процессе анализа политической социализации в развитых демократических культурах Запада. Свою эффективность она доказала, поставив серьезный социальный диагноз во время кризиса 1960–1970-х годов. При этом исследователи больше внимания уделяли детям, подросткам и молодежи, чем взрослым. Это было оправдано тем, что именно первые были больше задеты кризисом. Применима ли эта схема анализа для описания происходящего в постсоциалистических обществах, и если да, то в какой степени? Очевидно, если и применима, то частично.

Кризис политической социализации, сложившийся в России, не имеет прямых западных аналогов. Во-первых, хотя этот кризис наблюдается во всех возрастных группах, он затрагивает не столько

¹ *Easton D., Dennis J.* Children in the Political System. N.Y., 1969; *Handbook of Political Socialization. Theory and Research* / Ed. by D. Schwartz. N.Y., 1977.

младшие, сколько старшие возрастные когорты, которые значительно хуже адаптируются в новых политических условиях. Во-вторых, у нас в последние годы можно говорить скорее о ресоциализации, так как происходит смена знака политических ценностей на уровне общества в целом и отдельных политических групп. Ресоциализация затруднена идеологическими причинами: новые демократические ценности, приобретая официальный статус, не получили адекватной систематизации, что препятствует их трансляции от политической системы к личности. В-третьих, в силу специфики поколенческого опыта у каждой возрастной группы ресоциализация происходит как многослойный процесс, в котором детский опыт нередко преломляется и даже не один раз.

Становление личности в ее гражданском статусе происходит под влиянием политической среды, куда входит весь набор **институтов, факторов и агентов**. При этом на личность воздействуют не только собственно политические факторы, имеющие первостепенное значение, но и неполитические условия, в которых происходит созревание человека. Так, к числу **неполитических факторов**, играющих заметную роль в передаче политических идей, взглядов и ценностей, относятся семья, группы сверстников, школа, работа, церковь, искусство, культура, средства массовой информации. Их значение определяется тем, что в непрямой форме они канализируют базовые личностные ориентации на власть, конфликт и порядок, насилие и терпимость, свободу и дисциплину, которые в политике оформляются в ее специфическом контексте.

Попробуем посмотреть, как, например, в политической социализации участвуют такие институты, как *детский сад* или *школа*. До самого последнего времени сама организация жизни детей в этих учреждениях была обусловлена тем, что они являлись государственными учреждениями. Программа воспитательной работы была единой для всех. Содержание игровых занятий с детьми определялось тщательным идеологическим контролем официальной идеологии. Дети учили песни и стихи с дозированным политическим наполнением. Результатом такой социализации были более или менее однородные политические представления всей массы населения, обеспечивающие политическое единство системы и ее контроль над гражданами. Можно спорить, хорошо или плохо эти социальные институты выполняли возложенные на них функции, но результатом была позитивная и

непротиворечивая картина политического мира, усваиваемая ребенком с детства.

За последние годы ситуация драматически изменилась. Как свидетельствуют психологи, среди этих изменений в процессе социализации через детские учреждения ребенок получает, во-первых, противоречивые, во-вторых, неустойчивые и разнонаправленные представления о мире в целом и о политическом мире в частности.

Оказалось, что в процессе перестройки были не только приобретения, но и потери, коснувшиеся младших членов общества. Они входят в мир, лишенный не только стабильности, которая им необходима для правильного формирования, но и идеалов, воплощенных в героических образах. Самопожертвование стало немодным. Нашим детям дома и в школе внушают, что любить надо прежде всего себя, а коллективизм должен уйти в прошлое. Природа детства оказалась «консервативной» в неполитическом смысле этого слова. Она сопротивляется изменениям. Школа и другие образовательные институты испытывают растерянность, не понимая, как они могут выполнять свою воспитательную миссию. *Учителя*, как и большая часть нашего населения, потеряв прежнюю систему политических ценностей, не получили взамен новой. Выработать же ее в одиночку каждый из нас не в состоянии.

Отражением той же тенденции служат и современные *учебники*, содержащие невероятный разноречивый набор политических ценностей, транслируемых учебниками, но жестко догматизированную систему. Она давала искаженный идеологическими клише образ мира, где все советское было великим и прекрасным, а все западное — прогнившим и реакционным. Одна опрошенная нами женщина средних лет так вспоминает политический мир своего детства:

«В детстве я считала, что у нас самая сильная страна, все остальные живут очень плохо, я же была начитана этими книгами. Все ужасно живут, там роются в помойках, негры вообще спят на улицах штабелями. Конечно, я в это верила. Я жила в большой, прекрасной стране, а Москва — самая лучшая».

С началом политических реформ у наших младших сограждан создавался прямо противоположный образ своей страны: все отечественное — плохое, все зарубежное — замечательное. Эти новые политические стереотипы преимущественно транслировались через

средства массовой информации и приходили в противоречие с тем, что дети читали в школьных учебниках, наспех переписанных и не дающих авторитетного видения политической реальности. Можно легко представить результат такого воздействия: будущие граждане получили мощную прививку политического цинизма и безверия. Следовательно, став взрослыми, они навряд ли будут активными и самостоятельно мыслящими людьми.

Ученики — от первоклашек до выпускников вузов — нашли свой способ справиться с проблемой: они ориентируются на то, чего от них ожидает конкретный учитель. В педагогической практике складываются весьма драматичные коллизии между учителями и их учениками. С одной стороны, учитель не может опереться на официальные требования, например, в трактовке того или иного исторического события: ученик может возразить, сказав, что у него иное мнение. В этой ситуации он может уповать только на свой личный авторитет в глазах детей. С другой стороны, ученик стал еще более беззащитен перед субъективизмом учителя, школы.

Политические факторы социализации организуются в систему, куда входят характер и тип государственного устройства, режим, политические институты, партии и организации. Посредством специальных механизмов эти факторы корректируют и контролируют политическое поведение индивида. В реальной жизни политические и неполитические факторы политической социализации переплетены. Политическое значение для индивида могут приобрести далекие от политики явления: работа, характер отношений с природой, неравенство полов и т.п. Так, оказалось сильно политизированным движение защитников окружающей среды. В политической жизни последнего времени можно встретить даже такое экзотическое основание для объединения, как любовь к пиву, а американское общество оказалось расколотым в связи с разным отношением граждан к запрещению аборт.

Результатом этого процесса становится, *во-первых*, бесперебойное функционирование политической системы при смене поколений в политике. При этом взаимодействие политики и человека имеет конкретно-исторический характер. Каждая политическая система вырабатывает свои специфические механизмы вовлечения личности в политику. Так, в примитивных обществах, где не было политики в современном смысле слова, можно говорить лишь о зачаточных фор-

мах адаптации индивида к наличным формам власти. В родоплеменном обществе механизм социализации совпадал с фактом рождения в том или ином социальном слое. Определенные ограничения на активное участие в политике известны практически во всех политических системах. Однако в древнем Риме или Греции из этого процесса были исключены не только рабы, но и многие свободные граждане. В феодальную эпоху целые сословия не входили в число принимающих решения. Это, правда, не означает, что рабы или ремесленники не проходили политической социализации. Они, как и активные в политическом отношении граждане, должны были усвоить официальные правила игры, свои права и их границы. Следует подчеркнуть, что эти правила жестко закрепляли политические функции за представителями определенных классов и сословий.

На стадии раннебуржуазного развития государства такая жесткая закреплённость политической роли за тем или иным социальным положением личности еще сохранялась. По мере того как осознавалось его тормозящее значение для развития системы, менялись механизмы политического регулирования, а следовательно, и политической социализации. Новое и особенно новейшее время привносит расширение гражданских прав и свобод, а также рост числа участников политического процесса. В него вовлекаются все новые слои населения, ранее пассивные в политике. Вслед за социальными классами на политическую арену приходят такие группы, как представители «третьего мира», женщины, молодежь, этнические меньшинства. Их политическая социализация требует формирования новых убеждений и ценностей, прежде всего ценностей активизма, прав личности и равенства возможностей в политике.

Исторический характер политической социализации сказывается в том, что, во-первых, каждая система имеет свои культурные особенности, свой набор важнейших целей и ценностей, которыми она снабжает своих политических новобранцев. Во-вторых, не только политическая система, но и режим, экономический строй, особенности государственно-правового контекста определяют, как граждане будут воспринимать власть, каков будет психологический климат в политике. В-третьих, каждому типу политического устройства соответствует определенный идеал «политического человека», гражданина. То, каково будет политическое сознание и поведение, вовлеченность и степень активности, идентификация с теми или иными

политическими партиями и группами отдельных граждан, во многом зависит именно от этого эталона, транслируемого институтами и агентами политической социализации.

Во-вторых, результатом политической социализации становится **зрелый гражданин**, который не подвержен колебаниям политической конъюнктуры, а способен без посторонней подсказки принять решение по важнейшим вопросам. Стержнем его личности станут выработанные в ходе первичной политической социализации базовые убеждения и принципы, позволяющие сохранить личностную устойчивость. После определенного возраста личность, ее активность сами становятся важнейшим «ситом», просеивающим внешние влияния и позволяющим сделать свой выбор. Если мы признаем себя зрелыми гражданами, то не должны ссылаться на то, что «нас так воспитали», «нам приказали», «мы люди маленькие». В отличие от ребенка взрослый несет ответственность за свое поведение, в том числе и в сфере политики, руководствуется собственными представлениями об обязанностях и правах человека и гражданина.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Если в 1990-е годы процесс политической социализации и ресоциализации был затруднен кризисными явлениями в политике, то начиная с 2000 г. наблюдалась относительная стабильность. Это, безусловно, повлияло на процессы социализации новых поколений граждан и на восприятие политики у старшего и среднего поколения. Здесь мы приведем данные, полученные нами в исследовании последних двух лет (2005–2006).

С целью анализа эмпирических данных мы ушли от слишком дробного поколенческого деления: различные возрастные когорты были объединены в три группы: младшие (**группа до 30 лет**), средние (**30–60 лет**) и старшие (**старше 60 лет**). Наша задача при изучении старшей и средней возрастных когорт состояла в том, чтобы выявить следы воздействий политической системы на личность опрошенных, закрепленные в их памяти, и удостовериться, что люди старшего и среднего поколений сохранили те ценности, которые были заложены политической системой в период их первичной и вторичной политической социализации.

При анализе политической социализации каждой из указанных трех групп мы учитывали прежде всего важнейшие события, институты, агенты и факторы, влияющие на становление политических взглядов личности.

Если говорить о процессе политической социализации, имеющего место в Советском Союзе, то общепринята его трактовка как процесса массированной индокринации граждан со стороны развитой системы политической пропаганды и агитации, которая должна была оставить какой-то след в памяти старшего и среднего поколений. Насколько верно это положение и в какой мере в сознании разных поколений, проходивших первичную социализацию в различные годы, воздействие системы оказалось наиболее существенным, мы пытались выявить прежде всего с помощью глубинных интервью, проведенных в 2005–2006 гг. во разных регионах России.

В политической науке пока нет достаточно надежных данных о том, что происходит с целями и ценностями, усвоенными с детства, когда на смену им приходят новые, усваиваемые по мере изменения общественного климата. Мы не знаем, действительно ли демократические ценности вытеснили или вытесняют авторитарные, хотя большинство современных политологов именно в этих терминах описывают процесс трансформации постсоциалистических обществ; существует ли связь между степенью поддержки демократических реформ и типом личности, ее базовыми ценностями, полученными в процессе первичной политической социализации; влияет ли и как поколенческий опыт на политические убеждения и поведение людей.

Первой задачей исследования было выявление нынешних политических взглядов и убеждений респондентов разных возрастных групп и то, как они соотносятся с типом их первичной политической социализации. Второй задачей был анализ влияния различных институтов, факторов и агентов социализации на процесс их оснащения новыми политическими ценностями. Третьей задачей было выявление того, в какой степени полученные нами данные согласуются с описанными выше теоретическими концепциями.

Гипотезы исследования были основаны на предыдущих исследованиях, проведенных в начале—середине 1990-х годов. Прежде всего мы предположили, что с приходом во власть В. В. Путина, «Единой России» меняется набор политических ценностей, усваиваемых молодым поколением, к которому адаптируется все остальное население страны.

Другое наше предположение было связано с ростом влияния СМИ в современном мире, играющих важную роль в социализации как старших и средних поколений, так и особенно в социализации молодого поколения российских граждан. Мы также предположили, исходя из имеющихся в литературе данных, что важную роль в политической социализации в современной ситуации должны играть различные образовательные факторы (учителя, учебники, сверстники).

В своем исследовании мы также исходили из того, что слом советской политической системы и достаточно длительная трансформация постсоветского политического ландшафта должны были привести к пересмотру прежних политических ценностей и адаптации старшего и среднего поколений к новым условиям жизни. В то же время молодое поколение, выросшее уже при новом режиме, вряд ли будет оценивать советскую систему со знаком плюс. Нам также хотелось проверить распространенное представление о молодежи как о возрастной группе, критически настроенной в отношении власти.

Анализ полученных данных

Старшее поколение

В число данной группы опрошенных были включены лица от 60 до 84 лет.

1. Первичная политическая социализация. Одним из самых важных для данного исследования был вопрос о характере первичной политической социализации и наиболее важных ее факторах и агентах.

Детство всех опрошенных этой возрастной группы проходило в сходных политических и социальных условиях. Многие подчеркивали, что взгляды на политику в годы их детства были одинаковыми (это относится и к их сверстникам, и к друзьям, и к членам семей). Сами семьи почти у всех опрошенных, за редким исключением, были традиционными, и главой семьи, как правило, являлся отец. У нескольких респондентов главной была мать или бабушка, что не меняет сути *иерархических отношений между старшими и младшими*. У родителей и детей было мало общих тем для обсуждения. В первую очередь это относилось к политике. Как правило, в самых разных семьях о политике дома не говорили не только потому, что она не была центром семейных интересов, но и потому, что в сталинские времена это было просто опасно.

Сами семьи, конечно же, весьма разные, как и принятые в них стратегии воспитания. Были такие интервью, где атмосфера в семье описана как дружелюбная, любящая и о наказаниях не было и речи. Однако встречались респонденты, родители которых применяли суровые телесные наказания и дети испытывали перед ними трепет. Независимо от строгости или мягкости родителей многие респонденты особо подчеркивали *дух почитания старших и уважения к начальству* как общераспространенный в то время. Что касается отношения родителей к политике, то только в одном-двух интервью указывалось на отличие взглядов их родителей от общераспространенных. Так, у одной из опрошенных был отец, которого она описывает как *«сильного человека, лувившего ее брата смертным боем»*, не приветствовавшего советскую власть, но при этом она сама в те годы одобряла официальные советские лозунги. Другой респондент в качестве человека, оказавшего на его взгляды существенное влияние, вспоминал свою тетку, которая работала в МГК КПСС. В его памяти она оставила след не столько политический, сколько эстетический. Приобщая его к искусству, она доставала билеты в Большой театр, и респондент регулярно посещал его с 12 лет. За исключением этих двух человек, все остальные респонденты никаких ярко выраженных политических позиций своих близких не отмечают.

Исходная гипотеза о том, что школа, учителя и учебники выступают как важнейший агент политической социализации в годы становления политических взглядов старшего поколения, не получила подтверждения. Только в 2–3 интервью из 30 упоминается хоть какое-то влияние школы и учителей на становление политических убеждений респондентов. Все опрошенные были октябрятами, пионерами, комсомольцами. Однако этот опыт не оставил в их памяти сколько-нибудь лично окрашенных политических следов. Скорее всего, это была достаточно формальная и общеобязательная политическая практика, и в зрелом возрасте им о ней и вспомнить-то нечего.

2. Вторичная социализация у опрошенных проходила также достаточно рутинно. Правда, некоторые воспоминания носят более осознанный характер. Так, у одного респондента первые политические впечатления связаны с политзанятиями в годы обучения в техникуме, у другого — с армией, где он начал интересоваться происходящими в стране политическими событиями. Поскольку он служил в Латвии, то знакомство с иной социальной действительностью заставило

его впервые усомниться в правильности официальной доктрины. Третий респондент вспоминает, что его политические взгляды изменились после смерти Сталина.

Некоторые из опрошенных были членами партии. Многие упомянули период оттепели и Хрущева, который запомнился им как своей внешнеполитической, так и хозяйственной экстравагантностью. Удивительно, но никто из наших респондентов не упомянул XX съезд, разоблачение культа личности. Зато они помнят самого Сталина и оценивают его достаточно позитивно, особенно в период войны.

Воздействие СМИ также было достаточно ограниченным. Так, один из респондентов, вспоминая свое детство, проведенное в сельской местности, отмечает, что у них не было не только газет, но и радио. Поэтому политическая социализация проходила в весьма узком информационном поле.

3. Ресоциализация. Перестройка, распад СССР и становление нового российского государства оказали сильное воздействие на респондентов старшей группы. Их сознание буквально перевернулось в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Интересно проследить самое начало процесса ресоциализации, пришедшееся на годы перестройки. Вопреки распространенной в левых кругах весьма негативной оценке М. С. Горбачева, наши респонденты, часть которых поддерживают на выборах КПРФ, несколько иначе относятся к этому политическому деятелю. Практически все отметили, что приход Горбачева они встретили с большим энтузиазмом. Хотя ряд респондентов и признают, что позже их отношение к нему изменилось, но они, тем не менее, высоко оценивают его роль в реформировании страны, а сами реформы — как необходимые. Эти данные сильно отличаются от того, что мы фиксировали еще несколько лет назад, когда опрошенные нами видели в Горбачеве только предателя, развалившего страну. За прошедшие 3–5 лет фигура Президента СССР стала оцениваться старшим поколением намного объективнее. Возможно, таково влияние увеличившейся исторической дистанции.

Совершенно иными оказались оценки деятельности первого российского Президента. Из 30 интервью ни в одном не было хоть сколько-нибудь положительной детали, касавшейся Б. Н. Ельцина. Его роль оценивают как роль разрушителя страны. Одна из опрошенных признается, что после событий 1993 г. она просто возненавидела Ельцина. Другая вспоминает дефолт 1998 г. и считает, что именно Ельцин

за него в ответе. Примечательно, что восприятие Б. Н. Ельцина до сих пор весьма эмоционально. С ним связано прежде всего чувство стыда за лидера, который дирижировал в Германии оркестром, и стыд за страну, руководство которой довело страну до невероятной коррупции.

Неприятие политических перемен первых постсоветских лет при всем различии индивидуальных судеб опрошенных вызвано не только ошибкой идеологических, ценностных параметров новой и старой систем или простой ригидностью респондентов, имеющей возрастную природу. Речь скорее следует вести о политической и идеологической дезориентации, об утрате государственной идентичности, о психологическом дискомфорте людей, потерявших в одночасье все привычные, в том числе и моральные, и экономические, и политические ориентиры. Однако за прошедшие с начала перестройки два десятилетия лет одни лучше, другие хуже, но к настоящему времени все так или иначе адаптировались к новой жизни. Наиболее сложный период для многих уже позади.

4. Нынешние политические взгляды. Первое, на что обращаешь внимание, знакомясь с интервью старших респондентов, это неоднородность их современных политических установок. Общим местом в публикациях о современной российской политике стало представление об этой категории граждан как о ретроградах, привязанных к старым советским ценностям и идеалам и в силу этого по инерции поддерживающих нынешних коммунистов. Наши исследования, как нынешнее, так и прежние¹, не подтверждают этого стереотипа. Опрошенные нами в 2005–2006 гг. респонденты придерживаются самых разных политических позиций.

Независимо от политической идентичности респондента большинство из них являются сторонниками демократического устройства для России. Есть среди опрошенных и противники демократии, но их критика относится не столько к самой идее и принципам демократии, сколько к тому, какая демократия сложилась в России. Их основной упрек состоит в том, что это *«купленная демократия (Новодворская, Ковалев)»*, *«вседозволенность»*, что власть *«не слышит общественного мнения»*. Среди них есть и левые, и правые. Но

¹ Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х М., 2000

главное, их политическая картина мира намного сложнее, чем стереотип, описанный выше. Среди них есть и те, кто настаивает, что их взгляды с советских времен не менялись. Есть и те, кто активно поддерживает нынешнюю КПРФ как наследницу КПСС. Правда их политическая картина мира не сводится к простому стариковскому брюзжанию на современную молодежь и ностальгии по ушедшему прошлому.

Их представления о демократии включают в себя и *«свободу личности»*, *«свободу слова»*, и одновременно *«сильное государство»*, которое эту свободу должно гарантировать: *Демократия — это когда человек свободен и его интересы поддерживаются сильным государством.*

В высказываниях респондентов этой группы обращают на себя внимание два момента, касающихся оценки нынешней политической ситуации в стране. Во-первых, даже активные сторонники КПРФ не хотят возврата в советские времена, как бы они не были милы их сердцу. Они отчетливо понимают, что в настоящее время *«не могут коммунисты поднять страну»*. Это говорит о том, что даже респонденты, испытавшие огромные трудности в экономической и социальной адаптации к постсоветской действительности, приняли новую власть и в большинстве своем поддерживают ее в лице В. В. Путина. Только один-два человека отметили, что они голосовали не за Путина, а за Зюганова, все остальные же оценивают деятельность нынешнего Президента России позитивно. При этом в их оценках Президента нет намека на «новый культ личности» и при всей поддержке Президента содержится критика конкретных действий (война в Чечне, новый порядок назначения губернаторов). Они, не стесняясь, отмечают, например, его несамостоятельность в принятии ряда решений, зависимость от олигархов и другие подлинные или мнимые недостатки.

Во-вторых, по своему психологическому профилю эта группа респондентов куда ближе к демократическим эталонам, чем к авторитарным. Так, за малым исключением, все они сохраняют интерес к политике и активно участвуют в выборах всех уровней. У них высокий уровень политической информированности, они знают большое число действующих политиков. Некоторые являются активистами ветеранских организаций и поддерживают политические партии. Их отличает довольно высокий уровень толерантности. Так, в частности, на вопрос о том, есть ли у России враги и кто они, было немало тех,

кто либо не видит врагов вообще, либо называет внутренних врагов — коррупцию, бюрократию и трактует их в достаточно самокритичном духе.

5. Связь между типом первичной политической социализации и нынешними взглядами. Как показал анализ полученных данных, несмотря на то, что прямой связи между взглядами респондентов и, к примеру, их родителей, учителей и других агентов социализации не прослеживается, их первичная социализация тем не менее заложила основы их картины мира вообще и политической картины мира в частности. Важнейшими составляющими в этой картине были положительное представление о своей стране, ее лидерах и о мире как об устойчивом и заслуживающем доверия и поддержки. В детстве и юности респондентами были получены базовые представления о должном и правильном, сильно подорванные в ельцинский период. Наиболее травмирующими для опрошенных оказались события или поступки лидеров, которые оценивались ими как не соответствующие моральным нормам: коррупция, **«покупка власти за деньги»**, национальное унижение, превращение страны, которой они гордились, в страну, за которую им стыдно, и т.д.

Современное политическое руководство оценивается опрошенными все еще по сравнению с ельцинским периодом. На этом фоне оно выглядит как «более нормальное», стремящееся к стабилизации. Эти оценки относятся не только лично к Путину, но и к Фрадкову, Иванову, Грефу, Кудрину, Жириновскому и другим известным политическим деятелям.

Отношение к нынешней власти старшего поколения, безусловно, сформировано теми установками на власть, которые были заложены в ходе их первичной социализации. Речь идет не о содержании этих политических установок, но скорее о некой политической норме, которую власть должна соблюдать. При этом можно предположить, что чем глубже пережитый политический кризис, тем больше в сознании человека опорой ему становятся самые фундаментальные, заложенные в семье представления о власти, о ее функциях, о моделях должного. Связь между моделями семейной социализации, иерархичностью отношений между старшими и младшими и нынешними политическими оценками респондентов прослеживается достаточно явно. Однако вряд ли можно оценить их политические пред-

ставления как образец авторитарности, скорее можно говорить о сохранении определенных образцов патриархальной политической культуры, нежели о собственно авторитарных ценностях, которые если и проявляются у старших поколений, то только в качестве защитного психологического механизма.

Среднее поколение

В данный блок респондентов вошли сразу несколько поколений **от 30 до 60 лет**: кто еще может вспомнить свое послевоенное детство, годы хрущевской оттепели и брежневский застой, годы правления Андропова и Черненко. При этом у старших из этой возрастной когорты может быть много общего с респондентами из первой группы, а у младших — больше общего с молодыми. Вопрос о поколенческой идентификации в каждом конкретном случае зависит от обстоятельств жизни конкретного человека.

1. Первичная политическая социализация. Общим для всех поколений этой группы стало то, что фундамент их политического мировоззрения заложен в поздний советский период. Их **семейное воспитание** было, как правило, достаточно жестким и авторитарным, но все же чуть менее жестким, чем у старшей когорты. Немало опрошенных, отмечая строгость родителей, помнят, что с ними можно было поспорить, а некоторые отмечают, что воспитание было весьма либеральным.

2. Вторичная политическая социализация. По методам и содержанию вторичная политическая социализация со стороны системы была той же, что и у более старших опрошенных, но воспринимались официальные политические ценности уже несколько иначе. Так, старшие из числа респондентов среднего возраста (**«шестидесятники»**) указывают на события времен правления Хрущева:

«Хрущевская “оттепель”, разоблачение Сталина, очереди за хлебом во времена Хрущева»,

«Яркие воспоминания детства — полет Гагарина в космос (1961)»;

«О политике я помню хрущевское правление, как стояла в очереди за мукой. И помню Брежневское правление, как начала улучшаться жизнь. Потом она опять похуже стала»;

«Я любила парад за то, что мама готовила на 7 ноября индейку. Не любила — за то, что надо встать рано, поехать — у меня был вещественный подход.

Примечательно, что респонденты упоминают имена лидеров не столько в контексте тех или иных собственно политических событий, сколько в связи с определенными экономическими и даже бытовыми обстоятельствами или техническими свершениями.

Изредка попадаются высказывания собственно политического характера:

«В семье мало говорили о политике. Один раз, помню, отец начал что-то рассказывать о Сталине, Берии, как они сажали и расстреливали».

В этом поколении по сравнению с более старшими опрошенными чаще высказывают критические оценки в отношении системы и лидеров, которые, однако, выглядят как далекие от их повседневной жизни:

«У родителей осталось “послевкусие” после реформ Хрущева, они их обсуждали, критиковали как-то»;

«Какие-то очень далекие дяденьки, которых дома периодически критиковали»;

«Я хорошо помню Брежнева, как мы посмеивались над ним. Никак я к нему не относилась».

Следующее поколение — поколение брежневской эпохи стало еще более «материалистичным» и прагматичным в оценке политики. При этом многие представители этого поколения по привычке продолжали верить пропаганде, порой в весьма мифологизированной форме:

«Я помню, как мой отчим с друзьями во дворе сидели и обсуждали, как что изменилось после прихода Брежнева, это все совпадало с разговорами о повышении зарплаты»;

«Помню по их портретам в газетах, знала их фамилии. А что я могла понимать, я же ребенком была. Помню, как тетя серьезно рассказывала, что Индира Ганди является любовницей Брежнева. Я в это верила»;

«Политические представления у меня, конечно, формировались под влиянием пропаганды, она тогда была очень хорошо организована. Я верил тому, что мне говорили по радио и по телевизору»;

«Искренне считал, что мне очень повезло родиться в СССР, лозунги не были для меня пустым звуком».

Самые младшие из среднего возраста, росшие в эпоху позднего Брежнева, Черненко и Андропова, уже воспринимали современную политическую жизнь и советскую историю сквозь призму прочитанного ими Солженицына и отличались политическим цинизмом и праг-

матизмом. Они воспринимали официальную пропаганду как некий шум, который не проникал глубоко в их сознание, как ритуальные игры политиков, которые никак не затрагивали их лично. Видимо, с этим связан и чрезвычайно бедный в когнитивном отношении образ политики времен из детства и юности. Формально они приняли то, что внушали им сверху. Они в детстве не сомневались в официальных ценностях, но и не принимали их глубоко. Поэтому их ресоциализация в годы перестройки была в чем-то менее болезненной, чем более старших поколений.

При этом, если лидеры предыдущих эпох вызывали страх и почтение, то начиная с Хрущева они воспринимались куда более приземленно, критично и иронично. Новое в их оценке то, что из страшных и уважаемых лидеры превратились в смешных. Критичность эта коренилась не только в определенной либерализации режима, который привел к десакрализации власти, но и в появлении альтернативных источников политической информации:

«И тому, что говорили по радио я верила: у нас слушали “Голос Америки”, “Би-би-си”. Естественно понимала, что страна у нас не лучшая, к лозунгам относилась, как к бессмысленной трескотне».

Школа как агент политической социализации так же, как у предыдущего поколения, не оказывает серьезного политического влияния, хотя система продолжает массированную политическую индокринацию. Это связано с тем, что приобщение детей к политической активности в школьный период носит все более и более формальный характер, и они это очень ясно ощущают:

«Я помню, сперва было приятно, что вот меня приняли в пионеры, в комсомол, но потом начались всякие отчеты, выволочки, так это все было неприятно, обязателька такая»;

«Я верил в СССР, но мне не нравились казенные мнения, а ими учителя грешили».

3. Ресоциализация. События конца 1980-х — начала 1990-х годов для людей среднего поколения были также шоком. Главный итог, заставивший всех наших опрошенных пересмотреть свои политические взгляды и поведение, — это резкая политическая мобилизация. Если до этого все опрошенные были политически апатичны, то в годы перестройки политика переместилась в центр их жизненных интересов. Конечно, у многих этот интерес был подогрет экономическим кризисом. Но главное — политика стала действительно интересным

делом, следить за которым начали все независимо от оценок конкретных лидеров.

Так, и М. С. Горбачев, и Б. Н. Ельцин получили более чем неоднозначные оценки. По сравнению со старшей возрастной группой люди среднего возраста оценили деятельность Горбачева более критически, чем деятельность Ельцина. Как ни парадоксально, но объявленная Горбачевым гласность у этого поколения, по сути уже многое знавшего и критически оценивавшего, не вызвала такого положительного отклика, как у их старших сограждан. Возможно, из опыта первичной политической социализации они вынесли менее монолитный образ власти и меньший пиетет перед ней. Добавим к этому больший прагматизм в отношении к власти: ее оценивали сквозь призму экономики. Отсюда и их критика. Но главное — у многих опрошенных среднего возраста на начальном этапе перестройки появились какие-то надежды, которые *активизировали* людей в политическом отношении. Это тот редкий период нашей политической истории, когда политику стали принимать всерьез и стали в ней участвовать.

— *Вспомните, пожалуйста, что вы думали о власти и политических лидерах в период правления М. Горбачева?*

«Сама перестройка была очень тяжелым периодом — талоны эти. С рюкзаками в Москву ездили за продуктами. И потом изменений к лучшему не было. Все рвали власть на себя»;

«Появилось разочарование»;

«Горбачев говорил много красивых слов, но он все-таки развалил сильное государство»;

«Какие-то надежды были связаны с Горбачевым, все потому, что он говорил не по бумажке, а беседовал с нами, не казался зомбированным, как все предыдущие. Но они скоро закончились. Мне бы хотелось вернуть стабильность; да, было скучно, но была стабильность, особенно для стариков. К Горбачеву я относился скептически, понимал, что он болтун. Из-за гласности, когда на нас обрушилась лавина информации, мне стали явно видны проблемы страны, они не имели отношения к тому, что он говорил»;

«У меня была активная жизненная позиция, потому что я не любил большевиков. Поэтому мне нравился Горбачев. Поэтому когда у нас были первые выборы президента, я даже ходил бабуть по дворам агитировал, чтобы они голосовали за Ельцина, а не за... не помню, кто там у нас был. Ходил еще агитировать за нашего первого депутата в Верховный Совет, какого-то мятежного, насколько я помню. Даже странно сейчас вспоминать, наверное, молодой был, вот и агитировал»;

«Это был такой прорыв, мы не отрывались от телевизора, и казалось, перед нами открываются огромные горизонты, мы даже обсуждали возможность уехать из России»;

«Горбачев — говнюк»;

«Горбачева воспринимала как демагога, он работал на США. При “перестройке” стала жить хуже. Положение неустойчивое было. Следила за всеми событиями, как и все тогда».

Некоторое время в начале правления Ельцина политическая мобилизованность населения продержалась, но разочарование, как и в случае с Горбачевым, наступило очень быстро и привело к новой еще более глубокой апатии и цинизму.

«Ельцин уже откровенно клоунская фигура, алкоголик, который что-то кому-то хотел доказать, идя во власть»;

«Запомнился приход Ельцина к власти, принимала участие в событиях, с этим связанных. Воспринимала все это всерьез. Сейчас понимаю, что все это игры, а тогда политикой сильно интересовалась»;

«Ельцин окружил себя олигархами и ворами. Сам воровал и окружению позволял. Это была власть семьи. Запомнилось начало войны в Чечне. Да, интересовалась, что еще они придумают, чтобы народу стало хуже»;

«Ельцин как человек был очень интересный, умел увлекать людей, обещал золотые горы. Я думаю, он и сам верил в то, что хотел построить, верил в какую-то новую страну, демократию. Запомнился, конечно, дефолт».

Отношение к Ельцину в этой возрастной группе более лояльное, чем у старших. Это объясняется, видимо тем, что за годы после дефолта многие из опрошенных нами сумели адаптироваться. Важным моментом в ресоциализации этой возрастной группе было то, что им было проще, чем старшим и младшим, так как, с одной стороны, их политическая картина мира, сформированная в поздний советский период, была лишена глубоких коммунистических убеждений, а поэтому им легче было от них отказаться. С другой стороны, в ходе первичной и вторичной политической социализации у них были заложены все необходимые для жизни базовые ценности как морального, так и собственно политического характера. Поэтому, когда у всех стала уходить почва из-под ног, они могли опереться на семейный опыт выживания, на представления о должном и правильном, которые помогли им выжить в начале—середине 1990-х годов.

4. Нынешние политические взгляды. Анализ политических представлений представителей среднего возраста показывает, что отношение опрошенных к политике нынешнего режима весьма разнообразно и, как правило, эмоционально окрашено: в их высказываниях встречаются самые разнообразные оценки (резко негативных — большинство):

«Грустно. Появилась некая безысходность и депрессивное ощущение из-за той ситуации, которая сложилась сейчас в правительстве»;

«Чисто субъективное и эмоциональное ощущение какой-то агонии»;

«Я думаю, что Путин хороший политический лидер. Как профессионал, не как “вождь народа”»;

«Я не многих лидеров и знаю. Путин производит благоприятное впечатление, чем остальные. Его хочется и слушать, и верить ему».

Есть и нейтральные оценки, связанные с непониманием политики властей:

«Сегодняшняя власть никому не понятна, те, кого мы видим, — марионетки. Мне запомнились бесконечные финансовые махинации, развал российской армии и Чечня».

Примечательно, что отношение к власти у опрошенных среднего возраста контрастирует с оценками старших поколений и отличается намного большей критичностью в адрес власти. Они отмечают бюрократический характер нынешней власти, ее коррумпированность, отчуждение от населения. Так же как и старшие, люди среднего возраста не видят возможности возврата к старому. Однако в нескольких интервью проскользнула мысль, что в народе зреет серьезное недовольство:

«Мне кажется, что в недрах народа зреет бессмысленный бунт. Есть много бесполезной энергии, нужен механизм, который мог бы ее направить в полезное русло. Но лозунгов, за которыми можно пойти, просто нет».

Важной характеристикой среднего поколения является низкий уровень политической и социальной активности. Среди более чем 60 опрошенных только несколько человек интересуются политикой, немногие ходят на выборы. Один респондент занимается благотворительностью. Иных форм социальной активности в этом поколении нет.

Политические представления этой группы также весьма оригинальны. Большая часть опрошенных полагает, что демократия и выборы как ее элемент России нужны, но с большими оговорками.

Первая из оговорок, как и у старших респондентов, связана с той моделью демократии, которая реально функционирует в России. Она им представляется более чем несовершенной. Эпитеты вроде «декоративной», «манипуляторской», «рекламной» сопровождают понятие нынешней демократии.

Второй момент, связанный с представлениями о демократии, касается разных моделей демократии. Часть опрошенных считает, что для России важно не копировать Запад, а искать свои формы государственного устройства, указывая при этом, что нам всем не хватает патриотизма. Им противостоит точка зрения другого респондента о том, что у России нет никакой особой миссии, и она — не третий Рим. Этот человек полагает, что может быть для России было бы лучше, если бы она распалась на множество мелких частей, и тогда мы бы жили так же хорошо, как жители Швейцарии.

Третий аспект обсуждаемой темы связан с пониманием природы демократии. Здесь тоже нет единства мнений. Одни понимают демократию как *«навязывание человеку чужой воли»* и поэтому говорят о том, что она нужна в России. Другие видят в демократии исключительно *«способ манипулирования населением»* и поэтому не верят в ее пользу для страны. Третьи, будучи убежденными монархистами, отвергают демократию в принципе. Четвертые готовы поддерживать демократию как идею, но считают, что она не принесет пользы на нынешнем этапе развития страны.

Принятие или отказ от демократических принципов еще не говорит о степени демократичности или авторитарности наших респондентов. Одним из маркеров авторитарности личности для нас в данном исследовании был вопрос о врагах России. Примечательно, что по этому вопросу старшие и средние респонденты сильно отличаются. В средней группе число тех, кто видит врагов вовне или внутри страны, было намного меньше, чем в старших поколениях. В числе названных вновь оказались США, наша собственная власть, которая мешает развитию страны, Юг (не только Чечня), «нерусские». Один из респондентов, называя внутренних врагов, заметил:

«Наш первый враг — враг, который внутри нас. Нет непреодолимых вещей ни в политике, ни в экономике, ни в военном деле. Это

расхлябанность, падение нравов, духовной культуры и всей вообще культуры. Есть неверная тенденция к направлению жизни во внешнее русло: возрождения экономики, увеличения ВВП. Надо начинать с внутреннего очищения, искоренения пьянства, игорного бизнеса, того, что отравляет молодую и работоспособную часть нашего населения».

Но и число врагов, и их вредоносность для страны в сознании этого поколения ниже, чем у старших, что говорит о менее выраженной авторитарности. Если же она и проявляется, то это скорее авторитарное подчинение, нежели авторитарная агрессия.

Младшее поколение

Младшая возрастная группа (до 30 лет) — это первое поколение, для которого политика начинается с Ельцина, хотя они родились при советском режиме, а многие успели побывать и октябрятами и пионерами. Они ничего не помнят ни о советской системе, ни о перестройке. Первые политические впечатления связаны с постсоветской политической реальностью. Многие и о Ельцине-то вспоминают лишь в момент передачи им власти Путину.

Первичная политическая социализация этой группы опрошенных оказалась довольно однородной. Только у одного респондента детство проходило в неполной семье, у остальных — семьи были полными и довольно счастливыми. Еще одно обстоятельство объединяет наших респондентов: их семьи были традиционными в смысле распределения ролей между родителями (отец, как правило, главный), но одновременно детям доверяли. Ни к кому из 30 опрошенных не применяли физических наказаний. Они отмечают, что с ними обращались как с равными, т.е. та модель воспитания, которую мы наблюдали в двух старших группах, — модель иерархическую и патриархальную, — для этого поколения уже не характерна. Политика и в этой группе не находилась в центре разговоров старших между собой и старших с младшими, но при этом взгляды родителей почти у всех респондентов совпадают с их собственными. Одно исключение составляет респондент, чья мать — коммунистка, с которой он находится на полярно противоположных позициях. Интересно, что в этой группе уже встречаются перевернутые отношения детей и взрослых, где именно молодое поколение становится образцом для взрослых и авторитетом для них.

В отношении этой группы на данный момент вряд ли можно говорить о ресоциализации. Они с самого начала воспринимали происходящее как что-то само собой разумеющееся, хотя при этом в силу молодости скорее транслировали мнения о политике, услышанное от взрослых. При этом только родители и другие близкие люди были эффективными агентами политической социализации. Ни друзья, ни СМИ, ни учителя (за редким исключением) на политические представления опрошенных влияния не оказали. Исключение составляли респонденты, у которых матери были учительницами. В одном случае опрошенный отмечает, что учился в хорошей «советской школе», где верил всему, что ему говорили о политике учителя. В другом случае респондент вспоминает, что учителя (эпоха Ельцина) тоже ругали власть, подтверждая те высказывания, которые дети слышали и дома.

Нынешние политические взгляды младшей группы опрошенных весьма дифференцированы по части политической идентификации. Отношение к власти Путина отличается у сторонников либеральных взглядов и респондентов с националистическими ценностями. Однако при всех различиях следует заметить, что для молодого поколения власть выступает скорее как разновидность бизнеса, а не ценность сама по себе и, за исключением двух-трех опрошенных, не занимает в их размышлениях существенного места. Молодежь в большинстве своем аполитична и политически индифферентна. При этом личность Путина у многих из них вызывает скорее положительную оценку. Они высоко оценивают его компетентность, интеллигентность, то, что он принес стране стабильность.

Представления о демократии у данной группы респондентов ассоциируются в первую очередь с правами и свободами:

«Демократия — когда человек свободен в своих действиях и может не бояться высказывать свое мнение. России демократия в принципе нужна, но народу она непонятна и чужда, не соответствует традициям»;

«Демократия — это прежде всего соблюдение прав и свобод человека и свобода в самореализации. России нужна демократия как наиболее оптимальный путь развития»;

«Демократия — это свободное общество, господство права. Не нужна России, не приживется».

Как показывают приведенные высказывания других респондентов, молодые люди не считают, что Россия сможет создать демократическую систему в скором будущем. Но относятся к этому они по-разному. Для одних — эта цель и не представляется столь желанной, так как они полагают, что у страны другая историческая судьба. Их оценка «управляемой демократии» Путина звучит не как упрек, а как похвала. Вообще тех, кто считает политику нынешнего режима откатом к прошлому, среди наших респондентов было очень немного. Большинство же довольны «политикой стабилизации и централизации» и высказывают недовольство высоким уровнем коррупции, непрофессионализмом правительства, но стратегическую линию власти оценивают как верную и соответствующую историческим традициям.

При всей своей аполитичности очень многие из опрошенных участвуют в выборах и считают их необходимым инструментом влияния на власть. Правда, по-настоящему интересующихся политикой и участвующих в деятельности политических партий и организаций единицы.

Отличительной особенностью молодых респондентов является низкий уровень этноцентризма и ксенофобии, страха перед врагами, как внутренними, так и внешними. Лишь единицы из числа опрошенных называли в качестве внешних врагов Запад, США, Кавказ. Так, один из опрошенных, говоря о врагах из США, особо выделил тех сенаторов, которые были воспитаны в годы «холодной войны».

Выводы

1. События конца 1980-х — начала 1990-х годов стали важным рубежом в политическом поведении и сознании всех опрошенных нами граждан. Независимо от возраста, в котором они встретили крах старой системы и становление новой, все восприняли эти события как поворотный пункт российской истории и прошли через переосмысление новой политической ситуации. При этом смысл произошедшего, с каким бы знаком он ни оценивался в соответствии с избранной политической позицией, не сводится лишь к замене одной идеологии на другую. Он воспринимается как более глубокий, чем политическая трансформация или реформа. События конца 1980-х — начала 1990-х годов воспринимаются как обвал, как крах прежней жизни и переход к неведомому и неустойчивому существованию. Респонденты ощущают произошедшие политические события как ано-

мию, как отход от нормы. Соответственно их оценка текущей политической жизни основана на том, насколько велика дистанция между нормой и нынешним состоянием социальной и политической системы.

2. Изменения политических взглядов в ходе ресоциализации произошли во всех возрастных группах, хотя его результаты оказались весьма различными. Новые политические ценности встраиваются в сложившуюся личностную структуру, сложно комбинируясь с усвоенными в ходе первичной социализации как политическими, так и нравственными ценностями и убеждениями. У каждого поколения российских граждан был свой опыт первичной и вторичной политической социализации и свой опыт адаптации к новой политической ситуации в постсоветский период. Отсюда и различия в их восприятии важнейших вех советского, позднего советского и постсоветского периодов.

Так, **старшее поколение**, получившее опыт политического участия через октябрятские, пионерские организации и комсомол, усвоило с детства «дух почитания старших и начальства». Эти люди росли в эпоху политического единomyслия, которое достигалось благодаря системным пропагандистским воздействиям. Непротиворечивость и единообразие их политического сознания в доперестроечный период поддерживали их веру в политические мифы того времени. Люди старше 60 лет были, пожалуй, последним поколением, истинно верующим в идеи социализма, в официальные ценности советского времени. Их ресоциализация проходила психологически очень сложно. Им было трудно освоить новый политический язык, принять новые либеральные ценности, но за счет «духа послушания и уважения к начальству» они подчинились, так как авторитарное подчинение было воспитано в период их первичной социализации. Примечательно, что их оценка периода перестройки и личности Горбачева в последние годы улучшилась, а вот оценки Ельцина остались чрезвычайно негативными.

В. В. Путин и его команда приняты ими, хотя и не без критики. В оценках старшим поколением нынешнего политического руководства, вопреки распространенному в либеральных кругах мнению, нет и намек на новый авторитаризм, на новый культ личности. Хотя, конечно, понимание старшими из наших респондентов демократии довольно своеобразно: оно включает ценности свободы наряду с требо-

ванием сильного государства. При этом говорить об авторитарности в психологическом смысле применительно к этому поколению довольно сложно, так как оно характеризуется высоким уровнем активизма, интересом к политике и толерантностью.

Люди **среднего поколения** воспринимали и воспринимают политику намного прагматичнее и порой даже циничнее. Их память сохранила не столько собственно политическое содержание происходивших во времена Хрущева и Брежнева событий, сколько сопровождавшие их бытовые и экономические сюжеты. Так, говоря о Хрущеве, они чаще вспоминают кукурузу, чем XX съезд. На место страха в отношении вождей пришли анекдоты и насмешки. Произошло развенчание героев, и лидеры утратили статус сверхчеловеков. Но одновременно, особенно у самых младших из среднего поколения, под влиянием неофициальной информации («Голос Америки» и «Би-би-си», книги Солженицына) начала расшатываться политическая картина мира. Они еще верили официальной пропаганде, но все чаще сомневались. При этом их вера носила ритуальный характер. Их ресоциализация прошла менее болезненно, чем у старших. Перестройка вызывала у многих представителей этого поколения надежды, которые быстро уступили место критичности в отношении власти. Власть эпохи Ельцина оценивалась ими менее негативно, чем старшими и младшими поколениями, тогда как к В. В. Путину они настроены более критично, чем две другие группы, хотя в целом их также устраивает наступившая стабилизация политической жизни.

Демократию они принимают как идею, но с оговорками: одни считают, что демократия это сила, манипулирование, поэтому она нужна в России. Другие считают, что России демократия если и подойдет, то в далеком будущем. Третьи считают, что в России должна быть демократия, но не такая, как на Западе. Если добавить к этому низкий уровень политической активности, отсутствие интереса к политике и довольно распространенный этноцентризм и ксенофобию, то перед нами довольно полный психологический портрет авторитарной личности.

Младшие из наших опрошенных хотя и успели побывать в пионерах, но по сути проходят сейчас не ресоциализацию, а первичную или вторичную политическую социализацию, поскольку им практически не пришлось менять свои убеждения. Тем более интересно, что их взгляды на современную политику в чем-то схожи со взглядами

их старших сограждан. Так, они так же аполитичны, как их родители, но принимают нынешний режим, хотя их усвоение демократических ценностей ограничивается вербальным уровнем. Они трактуют демократию как режим, который обеспечивает личности права и свободы, но при этом политику воспринимают как бизнес. Кое-кто из них готов принять участие в политике как избиратель, а некоторые не прочь даже войти в политическую элиту в духе комсомольских карьеристов 1970-х годов, но в целом политика не входит в круг интересов молодого поколения. Перспективы демократии в России молодые респонденты оценивают довольно пессимистично и не спешат вмешиваться в этот процесс.

3. Политические представления в сознании людей нередко находятся в противоречии между собой. Эти случаи описаны применительно к стабильным обществам¹. Однако в ситуации политического кризиса, который переживала Россия в начале—середине 1990-х годов, противоречивость политического сознания достигала столь высокого уровня, что граничила с раздвоением личности. В наших исследованиях тех лет наблюдалось не только мучительное сосуществование прежних авторитарных и новых демократических взглядов, но и несоответствие между рациональным одобрением одних ориентаций и эмоциональной симпатией к противоположным². Отсюда такие казусы, когда один из опрошенных, назвавший себя аполитичным, пошел с автоматом защищать Моссовет в октябре 1993 г.

В настоящее время можно говорить о том, что кризис если и не миновал, то все же наметилась определенная стабилизация, и респонденты оценивают ее со знаком плюс. При этом имевший место в 1990-е годы поколенческий раскол общества, когда люди разных поколений радикально различались между собой по восприятию политики, демократии, власти, сегодня в основном преодолен. Наше исследование показало, что в оценках современной политики респонденты разных возрастных групп чаще схожи между собой, что объясняется полученным ими в постсоветские годы опытом ресоциализации, хотя опыт их первичной политической социализации нередко диаметрально противоположен.

¹ New Directions in Political Socialization. N.Y., 1975.

² Перспективы демократии в сознании россиян // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 45–61.

4. Представления наших респондентов о демократии оказались весьма разнообразными. Примечательно, что большинство опрошенных на вербальном уровне позитивно воспринимает демократические ценности, отождествляя себя с демократией и демократами, но понимание демократии в разных возрастных группах отличается. Так, в младших преобладают акценты на таких ценностях демократии, как свобода, права человека, личная независимость. Замыкают список участие граждан в управлении и ответственность. Чем старше опрошенные, тем более важными они считают для демократии ответственность и равенство, а у более молодых на первый план выходят элитаризм и антиэтатизм.

5. Говоря о факторах и агентах социализации и ресоциализации в политике, следует подчеркнуть, что полученные нами данные не подтверждают многих распространенных в литературе положений. Так, полученные нами интервью свидетельствуют, что, несмотря на серьезные пропагандистские усилия советской политической системы, мало какие политические ценности и взгляды уцелели под натиском политического кризиса начала 1990-х годов. Это означает, что не стоит переоценивать влияния усвоенных в ходе первичной социализации конкретных политических представлений. Из всего политического багажа, вынесенного из бесконечных политинформаций, в головах у людей сохранились не лозунги и цитаты, а общее ощущение нормальной жизни, моральные стандарты. Кстати, и ценности демократии в сознании старших поколений во многом базируются на усвоенных с детства советских представлениях о демократии, которые входили в официальный политический лексикон.

Из всех источников политических знаний и ценностей в современной России, как и в Советском Союзе, наиболее существенным была и остается семья, авторитет родителей. В нашем исследовании мы обнаружили, что из многочисленных факторов социализации чаще всего наши респонденты указывали на семью (79,2%) и друзей (49%) как на значимые для них факторы формирования их политических ориентаций. Ни школа, ни учителя или учебники, ни официальные СМИ или политические партии не играют той роли, которую им приписывают исследователи политической социализации.

ГЛАВА 10

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ¹

Откроем свежую газету или зайдём на любой новостной сайт в Интернете. На нас каждый день обрушивается шквал сообщений: Северная Корея осуществила ядерный взрыв. Милиция задержала в Иркутске почти сотню жителей Грузии. Москва простилась с убитой журналисткой Анной Политковской. Нам надо понять, что произошло и что означают эти политические события. Кто стоит за этими событиями? Кому они выгодны?

Эти вопросы с особой силой вновь заставляют задуматься не только об устройстве политической власти в мире и в нашей собственной стране, но и о том, как все мы: политики, политологи, обычные граждане — **понимаем** этот процесс, кто и как нам его **объясняет**, кто лепит ее **виртуальный образ**. В современной политике этот субъективный срез политики является ничуть не менее важным, чем ее объективный, институциональный аспект. Чтобы разобраться в нем, политологи все чаще обращаются к анализу когнитивных процессов, используя категорию менталитета или ментальности применительно к индивидуальному или групповому политическому субъекту.

§ 1. ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Действие любой политической системы зависит от ее способности психологически воздействовать на индивида, побуждая его к поступкам, которые соответствуют целям системы. За исключением применения прямого насилия, когда гражданину уже не до рассуждений, все остальные меры из арсенала политического воздействия предполагают наличие у человека хотя бы минимального уровня знаний о политике, умения оперировать политическими категориями,

¹ Эти два понятия мы используем в качестве синонимов

наличия мнений о ней. Таким образом, между целями системы и поведением индивида лежит промежуточная инстанция в виде политического сознания: массового и индивидуального.

Чем более сложный характер имеет человеческая деятельность (а политическая деятельность основана на весьма изощренной системе взаимоотношений многочисленных субъектов и объектов политических отношений), тем большее значение приобретает отражающее и анализирующее ее сознание.

Все политические движения и партии, организации и объединения стремятся «достучаться» до граждан, формируя политические цели, ценности, нормы и установки. Правда, тактика их при этом может быть различной. Одна тактика основана на прагматической задаче обработки общественного мнения непосредственно перед принятием того или иного решения (голосование на выборах, участие в референдуме и т.д.). Ее сторонники из числа политиков полагают, что избиратель ведет себя так же, как покупатель в магазине, где он останавливает свой выбор на товаре, который лучше разрекламирован. Эти политики признают, что подобное краткосрочное воздействие, своего рода индокринация, не формирует «идеального гражданина», да и не видят в этом для себя никакой пользы. Не видят они в ближайшем будущем и возможностей для создания долгосрочных программ по политическому просвещению. Распространение в последние годы манипулятивных технологий для достижения одной цели — формирования краткосрочной электоральной установки — тому свидетельство.

Другие политики, партии и движения, напротив, полагают, что возможно и желательно постоянное формирование политического сознания в виде целостной идеологии, что позволяет воспитать компетентных граждан и обеспечить высокий уровень их участия в политической деятельности. Правда, следует указать, что хотя эта цель ставилась многими политиками и теоретиками политики, в жизни она редко бывает достигнута. Более того, этот тезис также используется в целях манипуляции массовым политическим сознанием, что мы хорошо усвоили из опыта нашего недавнего прошлого.

Независимо от того, на каких позициях стоят современные политики-практики и политологи, сегодня их объединяет признание того, что политическое сознание является важным элементом политики и его необходимо исследовать для дальнейшего управления. При

этом в исследовании политического сознания встречаются немалые трудности. Так, даже терминологически проблема формирования политического сознания в различных политических культурах ставится совершенно по-разному. Так, в эмпирических исследованиях западных политических психологов категория «сознания» встречается крайне редко. Чаще они пользуются категориями политических «убеждений», «веры», «установок», «менталитета» и «идеологии». Последнее понятие также используется совсем в ином контексте по сравнению с нашим общественным. В отечественной литературе, особенно советского периода, термин «сознание» трактовался в духе марксистской традиции, причем в контексте, предполагавшем апелляцию не просто к рациональным интересам того или иного класса, а именно к «сознательности», т.е. в специфическом морально-политическом смысле, непереводаемом ни на какие языки. В современной литературе предпочтение отдается терминам «массовая психология», «общественное мнение».

Сейчас никто не сомневается в актуальности изучения массового политического сознания как особого феномена, выработанного всей массой членов общества, а не представителями только специализированных видов духовно-познавательной деятельности¹. В ходе трансформации российского общества ушла в прошлое единая официальная идеология. Политические взгляды людей, их настроения и чувства представляют собой все более сложную мозаику. Политическая социология, фиксируя изменения в конфигурации массового политического сознания, не углубляется в рассмотрение их глубинных психологических закономерностей.

Исследования политического сознания средствами политической психологии характеризуются стремлением соединить анализ политического содержания с индивидуальными и групповыми механизмами его функционирования и формирования. Хотя такая задача и формулируется исследователями, но пока она далека от своего эффективного решения. В политико-психологических исследованиях для описания политического сознания широко применяются психологические категории (установки, стереотипы, ориентации, интересы, ценности и т.д.). Однако политической психологии еще предстоит выяснить, как эти отдельные составляющие политического сознания

¹ Утедов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968. С. 160

соотносятся с целостной личностью в процессе ее формирования, как общесоциальные и групповые механизмы сказываются на индивидуальном восприятии политических процессов. Не разработана пока еще и теоретическая модель становления политического сознания. Отсюда и многие упрощенные представления современных политологов. Так, для измерения политического сознания в эмпирических исследованиях используются одномерные показатели. Например, степень развития политического сознания личности измеряют с помощью такого показателя, как информированность о политике без учета системы ценностей, норм и установок, доминирующего мировоззрения в целом. Не менее сложным для интерпретации являются и проблемы выделения факторов политической среды, групповой коммуникации, экономических условий и т.д., определяющих политические установки¹

Таким образом, каждая из названных выше дисциплин имеет свой круг задач в изучении политического сознания, дополняя и обогащая представления о разных уровнях его проявления. В нашу задачу входит прежде всего психологический анализ этого феномена. Это предполагает, что даже изучение массовых форм политического сознания должно быть привязано к личностным механизмам его функционирования, а аналогии с общепсихологическими и социально-психологическими механизмами оправданны и правомерны.

Политическое сознание человека включено в сложную ткань его психической деятельности, функционирует в соответствии с ее законами. Общая психология определяет сознание вообще как «открывающуюся субъекту картину мира, в которую включен он сам, его действия и состояния»². Политическое сознание представляет собой восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения, государства с его институтами.

При этом основные знания и представления человека о политике, его нормативные суждения о ней не являются лишь продуктом его индивидуальной практики. Они впитываются личностью из его социальной среды в ходе социализации. **Полученные знания, ориен-**

¹ См. Кармаинс Э. Г., Хакфельд Р. Политическое поведение: общие проблемы // Политическая наука. Новые направления. С. 235–262

² Леонтьев А. Н. Сознание. Личность. Деятельность. С. 125

тации, ценности и установки в совокупности образуют *политический менталитет*.

Понятие менталитета (ментальности) пришло из исторической психологии. Его ввели французские исследователи Леви-Брюль, А. Февр, М. Блох, и оно означает «наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, определенного общего “умственного инструментария”, “психологической оснастки”, которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя»¹. Несомненно, что такой стиль мышления и чувствования существует и в политических культурах, и субкультурах и оснащает принадлежащих к ним людей политическими взглядами, настроениями и чувствованиями, позволяя им идентифицировать себя с определенными политическими ценностями.

Таким образом, в политическом менталитете можно выделить два важных компонента. Во-первых, это *содержательная сторона*: взгляды, ценности, чувства и т.п., которые складываются в определенные наборы, для обозначения которых используются идеологические «ярлыки». Так, когда о человеке говорят, что он «либерал», «красно-коричневый» или «демократ», то мы можем представить себе набор политических идей, соответствующих этим идеологическим стереотипам. Правда, в российской политической жизни последних лет эти понятия имеют не столь определенные очертания, как в иных стабильных политических системах. Некоторые наши «коммунисты» на деле ближе по своим взглядам к социал-демократам, в то время как другие — к националистам. Современные отечественные «либералы» признают необходимость государственной опеки над малоимущими, а под понятие «демократа» для сторонника этого строя попадают те, кто приятен избирателю. Создание же предвыборных блоков вообще не поддается никакой политической логике: в одном блоке соединяются промышленники и предприниматели, генералы и актеры, не говоря о наличии во многих объединениях представителей криминального мира.

Если же попытаться проследить динамику идейного содержания различных политических партий и движений за 1990-е годы, то по-

¹ Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии 1988 № 1 С 56

что невозможно найти такие организации и движения, где не произошла смена приоритетов.

Во-вторых, это *стиль мышления, характер политических рассуждений, способ восприятия системы* («психологический инструментарий»). Эту вторую сторону менталитета следует особо подчеркнуть, так как в конкретном политическом анализе чаще принимаются во внимание те или иные политические цели и ценности, декларируемые определенными политическими организациями, чем характер их сцепления в контексте личности лидера или идеологической позиции той или иной партии.

Когнитивный стиль проявляет себя и на уровне группового политического сознания, и на уровне личности. Так, российский психолог В. Ф. Петренко провел интересное исследование документов различных российских партий в динамике постперестроечного периода. В результате были составлены когнитивные карты, отражающие *групповые* политические представления правых и левых, радикалов и консерваторов не по самоназванию, а по действительному способу их политического мышления¹.

Что касается политического менталитета *личности*, то сегодня в российских условиях наблюдается большое многообразие когнитивных стилей в политическом мышлении, что связано как с ориентацией на разные политические партии, так и с возрастными, социальными и иными особенностями личности.

§ 2. СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Чтобы разобраться со сложными элементами политического сознания и понять, на основе каких закономерностей они действуют в личности и в группе, попробуем рассмотреть их структуру¹. В политической психологии, как и вообще в психологической науке, при анализе сознания принято выделять два блока элементов: мотивационные и познавательные. К мотивационным относятся потребности, ценности, установки, чувства. К познавательным — знания о политике, информированность, интерес, убеждения. Разделение это во мно-

¹ Петренко В. Ф., Митина О. В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал 1991 Т 12 № 6

гом условно, так как в жизни оба эти блока элементов тесно переплетены. Рассмотрим некоторые наиболее важные из этих элементов.

Рассмотрим **мотивационные** компоненты политического сознания на примере одного из наиболее изученных, среди них: с установкой. *Установка — это специфическое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовлетворение данной потребности в данной ситуации.* Установка предшествует действию, являясь его начальным этапом, настроен на действие. Один из основоположников психологической теории установки, грузинский психолог Д. Н. Узнадзе подчеркивал тесную связь установки с ситуацией, с одной стороны, и с потребностью — с другой¹.

Это положение основано на понимании установки как той промежуточной переменной, которая опосредует внешние стимулы, идущие от ситуации, и внутренние стимулы, определяемые потребностями личности. Установка включена в мотивационные механизмы поведения и сознания человека в силу того, что она, во-первых, служит для настройки деятельности на определенный объект, а во-вторых, обеспечивает относительно устойчивую форму потребностей и мотивов. Благодаря установкам, как считает Г. Г. Дилигенский², субъекту не нужно постоянно определять, в чем состоят его потребности и способы их удовлетворения: они уже зафиксированы в установках.

В политической деятельности установка является регулятором поведения человека или группы, формирующим позитивное или негативное отношение их к власти, государству. Обычно исследователей и их заказчиков интересуют вполне конкретные установки: на политическую систему в целом, на режим, на определенные политические институты, на политических лидеров и даже на те или иные политические решения или события.

Если политологу необходимо представить себе возможные действия той или иной группы населения, предположим на выборах, то накануне этих выборов он предпримет изучение соответствующих политических установок. В основе такой процедуры лежит гипотеза,

¹ Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки // Психологические исследования. М., 1966.

² Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 134.

согласно которой любое политическое действие возможно лишь тогда, когда человек настроен на него, имеет предварительную готовность к действию, т.е. у него сложилась определенная (позитивная или негативная) установка.

В психологических исследованиях принято выделение в структуре установки трех компонентов: *когнитивного*, *эмоционального* и *поведенческого*, каждый из которых образует «относительно самостоятельные подсистемы регуляции активности субъекта»¹.

Когнитивный элемент установки предполагает у личности предварительных знаний, интереса к политике. Наличие этого компонента объясняет тот отбор информации, который личность ведет в отношении тех партий, политиков, процессов, о которых она уже осведомлена, к которым приковано ее внимание. **Эмоциональное** отношение к политическому объекту (нравится—не нравится, приятно—не приятно, доверяет—не доверяет), как правило, предшествует критическому осмыслению информации о политике. Без этого компонента не получили бы столь большого значения политические предрассудки, расовые стереотипы, проявления религиозной и национальной нетерпимости. И наконец, **поведенческий** компонент установки представляет собой готовность к действию: будь это голосование, участие в митинге или шествии, вступление в партию или террористический акт.

Политическое сознание граждан имеет весьма противоречивый характер. Во-первых, их представления часто не стыкуются между собой. Это встречается и в стабильных обществах. Однако в ситуациях политического кризиса того масштаба, который переживает Россия, противоречивость политического сознания на личностном уровне достигает высоких значений, гранича с раздвоением личности. В нашем исследовании мы наблюдали не только мучительное сосуществование прежних авторитарных и новых демократических взглядов, но и несоответствие между рациональным одобрением одних ориентаций или лидеров и эмоциональной симпатией к противоположным. Отсюда такие казусы, когда один из опрошенных, назвавший себя аполитичным, пошел с автоматом защищать Моссовет в октябре 1993 г., а другая женщина, идейная коммунистка, сообщает, что голосует за «демократов» Гайдара и Козырева.

¹ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л., 1979. С. 24.

Политические установки вызвали интерес у исследователей и политиков-практиков в связи с тем, что появилась необходимость их учета как средства обратной связи между теми, кто принимает решения, и теми, кто их исполняет. Установки отличаются друг от друга прежде всего по степени их глубины и укорененности в личности.

Наиболее распространенными являются исследования политических установок в форме мнения. **Мнения** — это лишь один из видов политической установки, отличающийся неустойчивостью и представляющий прежде всего поверхностный вербальный слой сознания.

Более глубокие корни имеет другой вид установки — **диспозиция, или общее отношение**. Третий вид установки — **убеждения**, которые составляют своего рода стержень личности. Политические психологи, изучающие лидеров среди множества их убеждений, обращают особое внимание на наличие среди них национализма (этноцентризма) и недоверия к людям и институтам. Эти два рода убеждений составляют когнитивную основу авторитаризма. Еще одним важным убеждением является уверенность политика в подконтрольности событий. С помощью теста Роттера определяется уровень субъективного контроля индивида. Этот тест позволяет выяснить, приписывает ли человек все свои удачи и провалы самому себе или винит во всем судьбу, обстоятельства и т.п. По нашим данным, политики отличаются от прочих граждан тем, что у них уровень субъективного контроля выше, чем у среднего гражданина. Есть свидетельства и в пользу того, что демократические ориентации в политике коррелируют с высоким уровнем этого показателя¹.

Говоря о мотивационных элементах политического сознания, заметим, что установки включают действие внутриличностных механизмов, опосредующих внешние стимулы политической среды. Для этих структур политического сознания характерно, что они пронизаны эмоциями, которые определяют динамику восприятия политических процессов и явлений.

Важнейшим элементом политического менталитета являются **политические ценности**. По проблеме ценностей вообще и политических ценностей в частности существует огромная литература².

¹ Renshon S. Handbook of Political Socialization Theory and Research. N.Y., 1977.

² См. подробно по этому вопросу статью С. Фелдмана в «Хрестоматии по политической психологии».

Согласно Рокичу, **ценность** — это устойчивое убеждение, что специфичный вид поведения или конечная цель существования является лично или социально более предпочтительной, чем противоположный или обратный вид поведения или конечная цель существования. Система ценностей — устойчивая организация убеждений, касающихся предпочтительных моделей поведения или итоговых состояний в континууме относительной важности. Шварц считает, что «ценности — это понятия или убеждения, которые относятся к желаемым конечным целям или поступкам, выходят за пределы конкретных ситуаций, управляют выбором или оценкой поведения и событий и упорядочены относительной важностью. Ценности, понимаемые таким образом, отличаются от установок прежде всего своей обобщенностью и абстрактностью и своей иерархичной упорядоченностью.

Политическая психология выделяет и другой — **познавательный срез** сознания. Его показателями в эмпирических исследованиях выступают интерес личности к политике, ее информированность, знания о политических событиях и лидерах и, наконец, связанность представлений в определенную идеологическую схему.¹

В современной политике по сравнению с традиционными политическими системами наблюдается тенденция усиления **интереса** граждан к политике (при всех ситуативных подъемах и спадах такого интереса). Об этом свидетельствуют данные последних десятилетий в разных странах. Так, в ФРГ на протяжении 1950–1970-х годов доля лиц, интересующихся политикой, возросла с 22 до 49%, а доля тех, кто ею вообще не интересуется, уменьшилась с 39 до 9%. Во Франции только с 1969 по 1977 г. доля интересующихся возросла в три раза. В Италии число тех, кто активно следит за политическими событиями с 1968 по 1976 г., выросло с 24 до 48%. В Западной Европе в 1981 г. примерно 40% опрошенных выражали интерес к политике¹. Еще раз оговоримся: речь идет о тенденции, характерной для стабильных политических систем с развитыми традициями демократии.

Российский политический процесс в долгосрочном контексте выглядит типичным для стран с элементами авторитарной политической культуры. При высоком уровне участия в политике (поголовное голосование) интерес к политике в советские времена был невысоким. В первые перестроечные годы вплоть до 1991-го наблюдался

¹ Дилленский Г. Г. В поисках смысла и цели. М., 1986. С. 181

взрыв интереса к публичной политике при одновременном падении числа тех, кто участвовал в рутинных формах политического поведения, и одновременно увеличение нетрадиционных его форм.

Помимо информированности и интереса к политике в познавательном блоке политического сознания, следует выделить еще два важных элемента. Речь идет о когнитивном стиле и операциональном коде. **Когнитивный стиль** — термин, описывающий способ мышления. Среди характеристик когнитивного стиля политические психологи выделяют такие, как *понятийная сложность или простота, доверие или недоверие к партнеру, инструментальный акцент (ориентация на «дело»)*. Так, для одних людей свойственно восприятие политики в черно-белых тонах, а для других — большая понятийная сложность, большее разнообразие оттенков в политических позициях. Первый тип когнитивного стиля — с низкой интегративной сложностью — обычно отличает людей негибких, догматичных, невосприимчивых к новому. Ряд исследователей установил связь такого когнитивного стиля с конкретными политическими ориентациями. Так, было доказано, что низкая понятийная сложность чаще встречается у правоконсервативных, чем у либеральных политиков и их сторонников. Вообще радикалы и справа и слева более склонны делить людей на «наших» и «не наших»¹. В нашем исследовании образов власти мы установили, что представления опрошенных относительно власти и на предыдущих этапах и сейчас являются когнитивно скорее сложными, чем простыми у более чем половины респондентов. Это не мешает тому, что их образы власти являются не слишком четкими.

Операциональный код — понятие, применяемое чаще к политическому сознанию лидеров, чем обычных граждан, было выработано в политической науке. Н. Лейтес, А. Джордж, С. Уолкер используют этот термин для обозначения «ответов» политиков на ряд философских (стратегических) и инструментальных (тактических) ответов в политике. Например, в мышлении политика содержатся некоторые устойчивые представления о природе политики, о перспективах реализации их политических ожиданий, о возможности контроля над историческими событиями и т.п. С. Уолкер свел эти кластеры представлений в общую схему (табл. 1)².

¹ См.: Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 193–194.

² Winter D., Hermann M., Veintraub W., Walker S. The Leader as a Projective Scene // Political Psychology. 1991. Vol. 12. No 2.

Структура операционального кода

Характеристики представлений политика	Поведенческие проявления
Дружелюбие/враждебность	Политическую жизнь видит скорее как гармоничную, чем как конфликтную. Отношения с оппонентами скорее дружественные, чем враждебные
Оптимизм/пессимизм	Оптимизм или пессимизм в отношении реализации целей и ценностей
Уровень контроля	История воспринимается как контролируемая людьми, а не случаем
Формулирование целей	Предпочитает всеобщие и долгосрочные цели частным и ограниченным
Методы достижения целей	Вербальные (обещания, угрозы) либо действия (подкрепления, санкции), политическое урегулирование либо конфликт, позитивные методы (призывы к поддержке и сама поддержка) или негативные (сопротивление, оппозиция)

Понятие **операционального кода** является связкой между политическим сознанием и поведением. На основании вербальных проявлений политического сознания политический психолог может реконструировать и поведенческие характеристики личности. О тех или иных компонентах операционального кода мы можем судить по выражениям в речи политика чувств, оценок, прямых апелляций к аудитории. Много могут сказать о ключевых представлениях операционального кода усиливающие наречия и риторические вопросы, отрицания, определения и другие вербальные формы проявления указанного элемента политического сознания.

Подводя итог сказанному о структуре политического сознания, заметим, что по своему составу оно неравномерно. Одни элементы в нем могут быть зрелыми и развитыми, между тем как другие находятся в процессе становления. Формирование политического сознания наталкивается на препятствия как субъективного, так и объективного характера. В недавнем прошлом адекватному отражению политики в сознании граждан препятствовали прежде всего идеологические штампы. Сейчас, напротив, многие политологи видят опасность в том, что в обществе нет устойчивых идеологических схем, которые помогли бы отдельному человеку сверить свою политическую картину мира с национальной, что облегчило бы его ориента-

цию в мире. Главное, что новые поколения входящих в политику изначально не имеют целостного представления о политике, которая представляется им как неустойчивая и совершенно чуждая для большинства людей сфера деятельности.¹ Анализу происхождения политического сознания личности посвящен следующий параграф.

§ 3. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЛИЧНОСТИ

Политическое мышление детей и подростков. До сих пор мы говорили о политическом сознании личности, отвлекаясь от того, как оно складывается. Между тем различия в стилях политического мышления, типах отражения политической системы имеют свои истоки в характере политической социализации. Все те институты, которые призваны заниматься политическим воспитанием, как правило, сосредоточивают свои усилия на совершенствовании воздействий, идущих от системы к личности. Но нельзя не видеть, что эти воздействия далеко не автоматически воспринимаются личностью, имеющей свои внутренние законы, возрастные и другие особенности. Весьма важно учитывать возможности личности анализировать политическую информацию на разных этапах созревания ее мыслительного аппарата.

Данные психологической науки о генезисе мышления служат теоретическим фундаментом анализа созревания политического мышления и сознания. Одним из оснований этого направления работ в области политической психологии являются труды выдающегося швейцарского психолога Жана Пиаже, предложившего свою схему созревания детского мышления и его качественного отличия от мышления взрослых¹.

Так, согласно Пиаже становление речевого мышления начинается на втором году жизни ребенка. В этом возрасте впервые действия ребенка отражаются в форме мысли. С этого возраста и примерно до 7 лет ребенок проходит дооперациональную стадию мышления, которая характеризуется Пиаже как стадия «эгоцентризма» (позже он назвал ее стадией «центризма»). Для этого этапа характерно мышление с точки зрения «я», использование образов, скорее, чем понятий, концентрирование на настоящем моменте.

¹ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.

В возрасте 7 лет происходит переход на стадии конкретных операций. Мышление ребенка «децентрируется», становится свободным от непосредственных восприятий и искажений. Ребенок начинает понимать, что существуют разные точки зрения. Эгоцентризм уступает место социоцентризму. После 11 лет мышление ребенка переходит на новую стадию — стадию формальных операций, которая в основном завершается к 15 годам и характеризует «зрелый ум», способный к дедуктивным умозаключениям и построению гипотез.

Политическая психология развила представления Пиаже о стадиях созревания детского мышления применительно к собственно политическим сюжетам, т.е. мышлению детей и подростков о законах, индивидуальных правах граждан и общественном благе. Одним из первых эту работу начал американский политический психолог Дж. Адельсон. Его исследовательская группа изучала сдвиги в политическом мышлении детей и подростков с 11 до 18 лет в ФРГ, Англии и США.

Данные Адельсона и его коллег свидетельствуют о неравномерности развития политических структур личности на разных этапах социализации. Так, оказалось, что в возрасте 11–13 лет происходит чрезвычайно быстрое развитие политических представлений. По сравнению с этим периодом прогресс с 16 до 18 лет весьма скромнен. При этом мышление 11-летних подростков конкретно, персонализировано и эгоцентрично. Если им говорят об образовании — они имеют в виду учителя, ученика, директора школы. Говорят о законе — видят перед собой полицейского, преступника, суд. Упоминают о правительстве — представляют себе королеву, министра, мэра. 15-летний подросток уже способен к абстрактному, формально-логическому мышлению. Он пользуется такими понятиями, как власть, права человека, свобода, равенство. Адельсон делает вывод о том, что по мере когнитивного созревания появляется важное изменение политического мышления: достижение его абстрактности¹.

По мере развития политического мышления происходит расширение временной перспективы. Так, подросток в отличие от ребенка способен осознать как ближайшие, так и более отдаленные воздействия политических событий на настоящее и будущее. С возрастом развивается способность оценивать последствия тех или иных поли-

¹ *Adelson J., Green B., O'Neil R. Growth of Idea of Law Adolescence // Developmental Psychology. 1969. No 1. P. 327–332.*

тических явлений не только для отдельного человека, но и для группы, общества в целом. К среднему подростковому возрасту достигается некоторое понимание характера деятельности общественных организаций и институтов.

Адельсон также отмечает изменение самого характера рассуждений о политике в ходе когнитивного развития. В предподростковом возрасте мышление носит характер немедленного, чувственного, очевидного и прагматичного отражения реальности. В середине отроческого возраста формируется автономная система морально-политических принципов, влияние которых с возрастом укрепляется и зачастую оказывается сильнее узко понятого интереса.

Весьма симптоматичен вывод, сделанный Адельсоном в ходе исследования: среди подростков в 1970-е годы было широко распространено стремление к реальной перспективе взрослых, чем к «юношеским идеалам». Идеализм среди них встречался реже, чем скептицизм, осмотрительность, осторожность и трезвость оценок. Адельсон пересмотрел вывод Пиаже и Кольберга, полученный теми в 1950–1960-е годы. Он утверждал, что по мере морального и когнитивного созревания у подростков нарастает неприятие политических условностей. Чем выше при этом интеллект, тем более критичны подростки по отношению к существующему политическому порядку. Вывод Адельсона прозвучал неожиданно: ведь согласно житейским представлениям, юность — это время романтических порывов, мечтаний об изменении мира к лучшему.

Следует отметить, что данные, полученные в стабильных политических системах развитых стран Запада, не во всем применимы к иным политическим условиям. Даже в общепсихологических исследованиях было показано, что культурно-исторические условия формирования личности могут способствовать коренной перестройке всей структуры психики. При этом под влиянием смены социальных условий меняются даже такие устойчивые образования, как представления человека о цвете, времени, пространстве¹.

Что же говорить о более подвижных политических структурах сознания? Их формирование нельзя себе представить в отрыве от влияния на личность объективных экономических и политических процессов. Что касается изменений политического сознания и про-

¹ Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

цессов политического мышления под воздействием самой политики, тех глубоких сдвигов, которые произошли в российской политической жизни, то их исследование только начинается. Так, детские психологи свидетельствуют о том, что из жизни самых маленьких наших граждан вместе с Павликом Морозовым, Васьком Трубачевым и Тимуром и его командой ушли не только идеологические штампы, но и вообще всякое позитивное представление о мире. Как результат, атомизация и разрушение самой политической системы и ощущение тревоги, страха, чувства незащищенности личности¹.

В конце 1980–1990-х годов в политическом сознании молодых людей произошел ряд изменений:

— публичный отказ от официальных стандартов советской политической идеологии, ее лозунгов и символов. Особенно быстрый процесс десоветизации и даже деидеологизации как таковой — примерно 1988–1991 гг.;

— спад политической мобилизации после сплочения наиболее квалифицированной и социально-активной части населения (включая образованную молодежь крупных городов) вокруг фигур и идей горбачевской перестройки, а затем ельцинского суверенитета России — примерно 1990–1991 гг.;

— утрата доверия большинству политических институтов и лидеров России — примерно 1991–1993 гг.²

Политическая социализация и политическое воспитание. Одной из важнейших проблем в изучении генезиса политического мышления является вопрос о соотношении естественных процессов созревания мыслительного аппарата и целенаправленного воздействия общества, школы, семьи и других факторов, осуществляющих политическое воспитание.

Политические психологи изучали эту проблему на материале формирования национального самосознания. В исследованиях Ж. Пиаже и А. Вейл выявлена динамика национального самосознания по мере созревания когнитивных характеристик личности³.

¹ *Медведева И., Шишова Т.* «Я с детства мечтал, что трубач затрубит...»: Советы трудным родителям // Независимая газета. 1993. 29 декабря.

² *Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 1994. № 2. С. 18.

³ *Piaget J., Weil A.* The Development in Children of the Idea of Homeland and of Relations with Other Countries // International Social Science Bulletin. 1951. No 3. P. 361–378.

Эти исследователи задались проблемой: как человек узнает, откуда он родом? Ответ на этот вопрос дало изучение детей из Женевы 7–8, 10–11 лет и старше. Так, дети до 7 лет отрицали, что они одновременно являются и женеvцами и швейцарцами, хотя и понимали, что Женева находится в Швейцарии. В то же время они четко не разграничивали понятий «женеvец» и «иностранец», хотя и понимали каждое из них в отдельности. Им кажется, что француз, живущий в Женеве, тоже немножко швейцарец.

Важно, что осознание ребенком своей принадлежности к стране, народу, городу и т.п., осознание взаимоотношения своей страны с другими странами и этническими группами связано с характером когнитивного и эмоционального развития, проходит определенные стадии и подчиняется возрастным закономерностям. Пиаже выделял именно эти стабильные характеристики когнитивной сферы, отвлекаясь от того, в каком духе воздействует на ребенка социальная среда: в духе национальной терпимости или шовинизма, взаимности или возвышения одного народа над другим.

Продолжением этой линии исследований стали работы шотландского политического психолога Г. Яходы. Он установил, что немало 6-, 7- и даже 9-летних жителей города Глазго даже не слышали о таком городе или думали, что он находится где-то поблизости. Если принять во внимание сложные англо-шотландские отношения, то становится понятным, что многие из детей раньше осознают себя англичанами или шотландцами в политическом смысле, чем понимают, как соотносятся географические понятия: Глазго, Шотландия, Британия. Яхода приходит к выводу, отличающемуся от вывода Пиаже: его респонденты уже в 11 лет могут формировать абстрактные понятия, делать логические заключения, особенно в тех случаях, когда эти понятия отражают значимые для них политические явления.

К аналогичным выводам приходят и исследователи в отношении способности детей к восприятию социальных и классовых различий. Так, Р. Коннел¹ выделяет три стадии в этом процессе. Во-первых, это стадия драматических контрастов (5–8 лет). Во-вторых, стадия конкретного реализма (8–12 лет). В-третьих, стадия формирования классовых схем (12–16). Исследование выявило не только наличие

¹ *Connel R. Class consciosness in Childhood // Australian and New Zealand Journal of Sociology. 1970. No 6. P. 87–99.*

стадий когнитивного развития, влияющих на способность воспринимать классовые различия, но и зависимость восприятия от воздействия социальных факторов. Принадлежность ребенка к определенной социальной страте влияет на классовые ожидания (например, каждый может стать миллионером). Оказалось, что у детей рабочих в отличие от выходцев из среднего класса замедлено созревание реалистических классовых представлений.

Эмпирические исследования показывают, что естественные процессы созревания политического сознания в соответствии со стадиями когнитивного развития ребенка и подростка в реальности замедляются или ускоряются под влиянием политической системы, ее институтов, различных агентов политической социализации. Политическое воспитание в отличие от стихийного процесса социализации всегда имеет ту или иную направленность и нацелено на конкретный результат. Этому способствуют школьные учебники и система рекрутирования и воспитания самих учителей, средства массовой информации и специальные правительственные программы. В тех случаях, когда система заинтересована в мобилизации новых поколений на политическое участие, образ политической системы складывается в политическом сознании молодых людей более адекватным. Однако в тех случаях, когда система стремится иммобилизовать часть населения, выключить их из активного действия, она включает такие факторы, которые либо замедляют созревание, либо искажают восприятие политики в направлении, выгодном официальной политике. Известно немало случаев, когда плодом такого политического воспитания становятся национальная и расовая рознь, конфликты, отчуждение от политики.

В российской политической ситуации последних десятилетий происходит переориентация школы на новые официальные политические ценности. Так, согласно нашим исследованиям, молодые люди, прошедшие социализацию уже в годы перестройки, на вербальном уровне вполне усвоили новые ценности либерального спектра¹. Для них стали значимыми ценности прав человека, свободы, личной независимости. В то же время говорить о системе политического воспитания в духе демократии и после десяти лет демократической трансформации не приходится. Во-первых, нет разработанной и адаптированной для детей си-

¹ Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000 С. 190–192.

стемы новых политических ценностей, что отражается в противоречивом их наборе в учебной литературе. Во-вторых, учителя поставлены перед необходимостью быть ретрансляторами ценностей, которые они либо не разделяют, будучи воспитанными в старой системе политических координат, либо не понимают сами, так как система с ними специально не работает, не обеспечивает их методически.

Не только в России, но и в более стабильных политических системах цели политического воспитания нередко оказываются нереализованными, так как это требуется для поддержания системы в равновесии. Результатом является сохранение политического инфантилизма не только в детском и подростковом возрасте, но и в более зрелые годы. Это означает, что у личности не сформированы автономные, не зависящие от ситуации политические убеждения. По данным политических психологов, люди с такими связными политическими представлениями составляют не более четверти взрослого населения. Остальные подвержены внушающим воздействиям со стороны лидеров популистского типа. Их политические взгляды и поступки меняются в зависимости от того, какая политическая погода за окном. Именно это политическое «болото» является наиболее отзывчивым на манипулятивные технологии во время выборов.

Сложность формирования зрелого и адекватного политического сознания в современной России дополняется, помимо общих проблем, характерных в целом для этого процесса, еще и тем, что сейчас у нас отсутствуют выраженные идеологические схемы (не только официальные, но и оппозиционные). Привычка с определенным скепсисом относиться к официальным целям и ценностям, оставшаяся со времен застоя, сочетается с разрушением стабильной картины мира и политической пассивностью. Это создает у молодых граждан неустойчивый и противоречивый тип политического сознания, который не способствует достижению гражданской зрелости и делает личность легкой добычей манипуляторов. Школьному учителю не под силу заменить собой всю систему идейных приоритетов, которые должна вырабатывать вся политическая система. Он привык быть ее ретранслятором. Однако когда он остается один на один со своими учениками, он не может избежать их вопросов, и если хочет остаться для них авторитетом, вынужден самостоятельно искать ответы на все трудные политические вопросы.

ГЛАВА 11

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Чтобы разобраться в хаотичной, становящейся все менее прозрачной и предсказуемой политике, лучше всего рассматривать ее как спектакль¹, в котором прописаны роли и есть исполнители. Поскольку сценаристы со своей задачей справляются плохо, то актеры вынуждены в рамках своих ролевых возможностей импровизировать. Эта театральная аналогия тем более оправдана, что с приближением очередных выборов сама политика все более и более приобретает характер шоу, где действуют не столько реальные политики, сколько их виртуальные имиджи. Однако для начала немного теории.

§ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Начнем анализ того, что люди делают в политике, с моделей, объясняющих внутреннюю механику политического поведения. В теорию политического поведения внесли свой вклад как политологи, так и психологи.

Политологические подходы. В 1994 г. исполнилось пятьдесят лет с начала новой эпохи в исследовании политического поведения. Первая работа Пола Лазарсфельда и его коллег из Колумбийского университета была посвящена исследованию выборов, где основное внимание уделялось поведению избирателей в ходе президентской кампании 1944 г. в Эльмире (штат Нью-Йорк)².

Другой вехой на пути становления новой парадигмы в политологии — поведенческого подхода к политике стали работы Кэмпбела,

¹ См.: *Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago, 1988.*

² *Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice. N.Y., 1944.*

Конверса, Миллера и Стоукса¹ и книга Энтони Даунса об экономической демократии².

Все это вместе привело к образованию трех подходов, основанных на традициях политической социологии, социальной психологии и политэкономии, каждый из которых по-своему трактовал поведение индивида, делающего свой выбор в политике на основе рациональности и личной заинтересованности³.

/ Сам термин «политическое поведение» пришел из психологии бихевиоризма, специализирующейся на изучении «наблюдаемого поведения», т.е. только тех проявлений политики, которые можно регистрировать со стороны, исключая политические взгляды, убеждения и прочие субъективные компоненты действий человека в поле политики.¹ Политические бихевиористы (Д. Истон) предложили подход, названный ими **ситуационным**. Ситуационные факторы включают: 1) физическую среду, 2) органическую среду и 3) социальную среду. Эти факторы не связаны с тем, что думают по этому поводу сами участники политического процесса и носят объективный характер. Их можно контролировать и наблюдать извне. Задача исследователя состоит в выявлении корреляции между поступками человека и факторами среды. Так, одним из важных направлений исследования демократии является установление зависимости между объективным фактором — уровнем социально-экономического развития и утверждением демократического режима. Например, известный американский исследователь С. Липсет предложил гипотезу о прямой зависимости этих двух параметров.

Другой разновидностью той же трактовки поведения является теория **политического обмена** (П. Блау), согласно которой разные участники политического процесса вступают в него, соревнуясь друг с другом, как это происходит и в экономике: кто больше вносит средств, времени, сил, тот может рассчитывать на получение от политики большего вознаграждения. Само политическое поведение рассматривается в качестве результата рациональных решений о том, что

¹ Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. The American Voter. N.Y.; Wiley, 1960.

² Downse A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1957.

³ Более подробно см. в книге: Политическая наука. Новые направления. М., 2000. Ч. III.

индивиду более выгодно. Эта модель применяется и для прогноза результатов выборов, и для анализа принятия решения лидерами. Она рассматривает человека как исключительно «рыночное существо», оставляя без внимания его эмоциональные порывы и стихийные поступки, не говоря уже о ценностях и взглядах.

Для теоретиков **конфликта** (Г. Экстайн) характерно представление о политическом поведении как обреченном на конфликт: либо внутри-, либо внешнеполитический. Конфликт и согласие рассматриваются как два нормальных состояния человеческого существования. Однако в политике, в отличие от выяснения отношений с помощью драки, конфликт облекается в некоторые условные формы, предполагающие признаваемые обществом способы разрешения конфликтной ситуации (договор об общественном согласии, договор о ненападении, операции по поддержанию мира и т.п.)

(В целом в политической науке под термином «**политическое поведение**» понимают как действия отдельных участников, так и массовые выступления, как активность организованных субъектов власти, так и стихийные действия толпы, как акции в поддержку системы, так и направленные против нее. Более того, голосование «против» или неявка на выборы также трактуются как формы политического поведения.)

Психологические подходы. Поиск причин, объясняющих содержание политического поведения, дополняются исследованиями собственно психологической природы тех поступков, которые совершают граждане.

Современные трактовки политического поведения базируются на самых разных методологических основаниях, но все они так или иначе вводят в схему «стимул-реакция» промежуточные факторы, некое «среднее звено», которым может быть установка, мотив, убеждение или ценность, принадлежащая либо отдельному индивиду, либо группе. Как заметил Ф. Гринстайн, «поведение — это функция и от ситуации, складывающейся в окружающей акторов среде и от психологических predispositions, которые они привносят в ситуацию»¹.

Это означает, что никакую форму политического поведения нельзя напрямую объяснить только как результат воздействия поли-

¹ *Greenstein F.* The benevolent leader: Children's images of political authority. ASPR. 1969. Vol. 53. P. 935.

тических стимулов. За исключением, может быть, самых простых проявлений политической активности, предпринятых ради выживания, все остальные акции опосредованы самой политической деятельностью, ее отражением в мышлении и чувствах людей.

Независимо от того, каким термином пользуются психологи, они различают три формы проявления человеческой активности: **инстинктивную, навыки и разумную**¹. Эта психологическая классификация форм деятельности полезна и в описании политики.

Инстинкты представляют собой врожденные модели поведения, детерминированные биологически и задающие направление энергии поведения. Хотя между психологами нет единства в вопросе о том, каковы границы действия инстинктов у человека, но общепризнанно сегодня положение об инстинктивном характере. Одни психологи насчитывают таких инстинктов десятки, другие доводят их число до нескольких тысяч. Набор инстинктов включает как все автоматизмы в поведении человека (от дыхания до ходьбы), так и более сложные врожденные потребности (самосохранение, продолжение рода, любознательность и множество других).

В политике мы находим проявление всех человеческих инстинктов: от агрессивности до жадности и от солидарности до самосохранения. Собственно инстинктивная основа поведения в политике объясняет прежде всего направление энергии тех или иных поступков, которые далеко не всегда осознаются самим человеком.

Так, *инстинкт самосохранения* толкает политиков на борьбу за власть и объясняет некоторые нерациональные поступки с точки зрения здравого смысла. Историки и политологи до сих пор спорят о причинах жестокости таких деятелей, как Сталин. Между тем политические психологи² приходят к выводу, что именно его потребность оградить свою травмированную самооценку от любых сравнений с эталоном, выбранным им с юности (Лениным), побуждало его избавляться от конкурентов.

Жестокость, насилие, агрессия — это тоже инстинктивные формы поведения. Одни авторы полагают, что эти формы поведения врожденные. Другие видят в них результат научения. Третьи исходят из представления об агрессии как реакции на фрустрацию. Однако по-

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 98.

² Такер Р. Сталин. Путь к власти. История и личность. М., 1990.

мимо агрессии, фрустрация вызывает и другие, также инстинктивные реакции: апатию, регрессию, подчинение и избегание¹. В политике все эти поведенческие проявления трактуются как реакция на события или обстоятельства, в которых действуют субъекты поведения.

Солидарность — одна из инстинктивных форм поведения индивидов, способных не только соперничать друг с другом, но и сотрудничать. В основе проявлений солидарности в политике лежит идентификация людей с определенной партией, группой, нацией, позволяющая объединить усилия членов этих групп по достижению своих целей и интересов. Одним из классических проявлений солидарности являются различные акции протеста, принятые в поддержку своих товарищей, когда, например, работники отрасли объявляют готовность к забастовке в целях поддержки того предприятия, которое находится в конфликте с администрацией.

Не описывая многочисленные формы проявления инстинктов в политике, заметим, что в целом инстинкты охватывают все бессознательные, иррациональные, чувственные формы политического поведения как отдельного индивида, так и организованных групп, стихийные выступления масс.

Второй формой поведения являются **навыки**. В отличие от врожденных инстинктов большая часть проявлений человеческого поведения является результатом прижизненного научения. Навыков требует поведение государственного деятеля и обычного избирателя, партийного функционера и сторонника движения. Говоря о политических навыках, мы имеем в виду определенные *умения*, требующиеся для выполнения своих ролей и функций любым участником политического процесса, *привычки*, образующиеся у граждан в определенной политической культуре, *стереотипы*, являющиеся следствием повторения определенных политических действий и упрощающие принятие решений.

Политические умения, или компетентность, предполагают, что гражданин знает, *что* он должен делать в своей политической роли и *как* добиться желаемого им результата. В российской политической жизни последних лет достаточно широко распространена точка зрения, что рядовые граждане, воспитанные в условиях авторитаризма, не имеют навыков демократического участия. Отсюда и неэффектив-

¹ Doves R., Hughes J. Political Sociology. Chichester, 1983. Ch. 13.

ность проводимых реформ. Насколько это верно с точки зрения политической психологии?

Конечно, старые навыки, позволявшие адаптироваться к прежней политической системе, не всегда помогают действовать в новых условиях. Здесь мы сталкиваемся с некоторыми парадоксами. Так, раньше у населения был выработан стойкий политический навык участия в выборах. Число голосующих в советские времена превышало 90% дееспособного населения, независимо от того, насколько сам факт голосования влиял на принятие государственных решений. С началом демократизации мы наблюдаем последовательное снижение числа участвующих в голосовании. Так, если в выборах в Верховный Совет СССР в 1989 г. приняло участие 90% граждан, в выборах в республиканские и местные органы власти 1990 г. — около 80%, то в парламентских выборах 1993 и 1995 гг. в РФ участвовало уже чуть больше половины избирателей. Между тем в конце 1990-х годов в выборах регионального и местного уровня явка избирателей была столь низка, что многие законодательные собрания вынуждены были снизить планку до 25%, которую порой избиратели взять не могут, и выборы признаются недействительными¹.

Одновременно с утратой одних навыков наши граждане приобрели другие. Электоральное поведение становится хотя и менее массовым (можно, видимо, говорить об утрате этого навыка у большого числа граждан), но зато у тех, кто ходит голосовать, появляется определенная компетентность. В отличие от начала 1990-х годов в середине—конце 1990-х граждане стали меньше ориентироваться на личные симпатии и больше на то, какие политические позиции выражают политики, какими они обладают профессиональными и деловыми качествами. Появились и такие новые политические навыки, которые были приобретены в забастовках, голодовках, несанкционированных захватах зданий, пикетах и многих других формах, о которых мы ранее знали лишь понаслышке.

Компетентность в политическом поведении становится тем необходимей, чем сложнее являются сами формы поведения. Лидер должен быть более компетентным, чем рядовой исполнитель той или иной политической роли. Давняя дискуссия в политологии ведется

¹ В ноябре 2006 г. Думой был принят закон, снявший ограничения с порога явки на выборах, что отражает снижение электоральной активности.

по вопросу сменяемости лидеров как условия соблюдения принципов демократии. При этом, скажем, уход вместе с президентом всей его администрации и приход новых, менее опытных политиков приносит снижение уровня компетентности в управлении государственным организмом. Практика показывает, что и бессменное руководство таит свои опасности, среди которых главная — застой общества.

Говоря о выработке политических навыков, следует сказать, что все политические системы заинтересованы в том, чтобы население обладало определенным их набором, для чего создаются специальные институты, отвечающие за политическое просвещение и тренировку в исполнении ряда политических ролей. Так, политические лидеры рекрутируются среди граждан, получивших определенный опыт общественной и собственно политической деятельности в молодежных и иных организациях. В ряде стран существует специальная система обучения уже избранных парламентариев. В других системах их отбирают из числа получивших предварительные знания и навыки, необходимые для законотворческой деятельности. Не случайно во всем мире среди парламентариев много юристов, людей со степенями в области политических наук.

Разумные действия — третья форма поведения, в политике, как и в других сферах деятельности, можно оценивать по-разному. Одним из критериев разумности может быть эффективность (сравнение цели с результатом). Другим — степень осознанности политических действий. Третьим — соответствие высшим ценностям, поставленным во главу угла проводимой политики. Однако как бы ни оценивать эту форму политического поведения, главной ее характеристикой, отличающей от двух предыдущих, является выраженное *целеполагание*.

Чтобы обеспечить политике целенаправленный характер, объединяющий разных участников, применяются различные средства. В первую очередь эту задачу решают всевозможные программы, идеологические схемы, доктрины, концепции конкретных политических акций, кампаний. Особое значение для политического поведения отдельного человека и партий играют *идеологии* как концентрированное и систематизированное выражение целей и ценностей в политике.

Понятно, что поведение никогда полностью не совпадает с обозначенными в доктринах целями и ценностями: последние служат для человека своего рода путеводителем. Исследования массового политического поведения показывают, что незначительное число лю-

дей в разных странах и политических системах руководствуются в своем поведении идеологическими соображениями. Американский политический психолог Ф. Конверс полагает, что число таких граждан в разных странах колеблется от 10 до 25%¹.

В нашей стране долгое время идеологические формулы организовано внедрялись в сознание населения. В постсоциалистический период эти схемы активно разрушались новой властью, которая понимала, что старые догматы служат препятствием для реформирования политической системы. Правда, никто из реформаторов не построил на месте разрушенного новой схемы. В мемуарах тех, кто начинал перестройку (Горбачев, Ельцин, Яковлев, Гайдар), не содержится фактов, подтверждающих, что реформы были начаты по какому-то плану и имели теоретическую схему, не говоря уже идеологию.

Знакомство с программными документами новых политических партий и движений показывает, что и в них пока не содержится четкого представления о том, что и в какой последовательности реформаторы собираются делать, какова иерархия их целей и приоритет ценностей. Исследования индивидуального политического сознания как политиков, так и рядовых граждан показывает, что в настоящее время в головах и тех, и других царит большой хаос. Если прав Конверс и только небольшая часть людей имеет связную систему идей, то, очевидно, среди политиков этот процент должен быть выше. Нельзя осуждать нынешних российских политиков за частую смену взглядов — понятно, что они находятся в поиске. Проблема в том, что этот поиск не завершается четкими представлениями о том, куда они ведут страну, и практически не видно попыток объяснить цели реформирования обычным гражданам.

Выделение указанных трех форм политического поведения: инстинктов, навыков и разумных действий — предпринимается с аналитическими целями. В реальности поведение включает все три формы. Разделить осознанные и бессознательные элементы в поведении не всегда представляется возможным. Однако, помимо дилеммы: сознание—бессознательное, в структуре политического поведения содержится и ряд конкретных психологических элементов, учет которых делает его анализ более точным и детальным.

¹ *Converse Ph. The Nature of Belief Systems in Mass Public // Ideology and Its Discontent / Ed. by D. Apter. N.Y., 1964. P. 21.*

§ 2. ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: МОТИВЫ, ПОТРЕБНОСТИ, ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

Политические психологи, исследующие поведение человека, будь это лидер или обычный гражданин, индивидуальный участник либо массовый субъект политики, исходят из того, что для понимания самого феномена политического поведения необходимо видеть его как причинно обусловленный и направленный на достижение определенных целей¹. В политической психологии существуют различные схемы объяснения истоков политического поведения. Одной из наиболее популярных является пятичленная «карта для изучения личности в политике»², предложенная М. Б. Смитом и несколько усовершенствованная Ф. Гринстайном.

Макросоциальная и политическая система воздействует на непосредственные предпосылки политического поведения. Одновременно аспекты непосредственного социального и политического окружения, с детства и до сегодняшнего момента формирующие личность, определяют те элементы личностной структуры (оценивающие объект, посредничающие в отношениях с другими людьми, обуславливающие эго-защиту, установки), которые непосредственно направлены на поведение.

Есть и иные схемы, объясняющие причинную зависимость факторов, воздействующих на поведение, подчеркивающие, в частности, наличие не только условий, контекста поведения, но и цель, на которую оно направлено³. Независимо от теоретических разногласий разные авторы тем не менее считают необходимым учитывать в поведении следующие моменты:

- внешнюю среду, посылающую стимулы субъекту поведения;
- потребности индивида или группы, участвующих в деятельности;
- мотивы, которыми руководствуется субъект;
- установки, ценности, ориентации, убеждения и цели субъекта;
- личностные особенности роли, стиля принятия решений, стиля межличностных отношений, когнитивного стиля;

¹ Более подробно об этом см.: Политическая наука. Новые направления. Гл. 8, 9, 10.

² Greenstein F. Personality and Politics. P. 63.

³ Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972. С. 39.

- собственно действия и поступки;
- обратную связь между поведением и условиями, его сформировавшими.

Если проанализировать хотя бы важнейшие из ее элементов (прежде всего внешнюю среду, потребности и мотивы), то мы увидим, что поведение начинается с тех стимулов, которые **внешняя среда** посылает субъекту политического поведения. И сама политическая система, и отдельные ее институты предъявляют требования к поведению граждан. Так, в одних условиях от них ожидается высокая активность, в других, даже если это требование декларируется, на деле условия, складывающиеся в политическом пространстве, отнюдь не поощряют граждан к выступлениям даже на стороне системы. Как можно расценить, например, циркулировавшие в «коридорах власти» слухи об отмене выборов незадолго до них? Это негативный стимул для и без того не слишком настроенных на участие людей. Стимулами для политического поведения могут служить общий политический контекст и конкретные события (например, убийство Галины Старовойтовой, запуск первого космического корабля или успех национальной сборной по футболу).

Следует также учитывать роль группового климата, воздействие ближайшего окружения на принятие человеком решения о том ином политическом действии. Так, решение баллотироваться в депутаты Думы разные кандидаты принимают под воздействием различных стимулов: для одних необходимо получить депутатскую неприкосновенность, чтобы укрыться от преследования со стороны закона, для других важно перебраться из провинции в Москву, для третьих решающую роль сыграли экономические стимулы. Возможно, определенное число политиков стремилось принести пользу обществу, и ими двигали побуждения типа «если не я, то кто».

Обычных граждан, как и политиков стимулируют к политическому поведению разнообразные средовые воздействия, либо общие для всех, либо сугубо личные. Однако все эти внешние для человека воздействия не работают автоматически. Они дают эффект только будучи пропущенными через внутренний мир личности.

! Среди внутриличностных факторов, определяющих поведение в политике, первыми выступают **потребности**. Трудно себе представить, чтобы политика порождала у человека какие-то *специфические* потребности, если не считать навязчивого стремления стать депута-

том, министром или президентом, которое, подобно заразному заболеванию, распространилось среди отечественных политиков. В политике действуют *обычные* человеческие потребности, среди которых можно встретить и любопытство, и стремление к свободе, и необходимость удовлетворить голод и иные материальные нужды. Политический психолог из Санкт-Петербурга А. И. Юрьев предлагает такую классификацию потребностей применительно к политическому поведению (табл. 1).

Таблица 1

**Классификация потребностей,
определяющих политические явления**

Потребность в сохранении жизни	Потребность в продолжении рода	Потребность в сотрудничестве	Потребность в ориентации
Безопасность, защита от боли, страха, гнева	Любовь, нежность, признание, голод, жажда	Самоактуализация, самоуважение, достижение самоидентификации	Понимание, осмысление, знание, идентификация
Длительное существование, жизнеспособность, готовность идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации	Энергия, упорство, изобретательность, восстановление численности населения после катастрофических потерь	Расовое, этническое разнообразие. Юридическое и фактическое равенство наций	Способность изменять режим, подходящий для защиты независимости и национальных ценностей

1. «Горизонтальная» классификация потребностей.

2. Перегруппировка признаков «вертикальной» классификации потребностей по А. Маслоу.

3. Средства удовлетворения потребностей (перечень П. А. Сорокина)¹.

Ряд современных исследователей пришли к выводу, что если несколько упростить схему А. Маслоу, то можно говорить о потребностях материалистических, как их называет Р. Инглхарт, и постматериалистических. К первым он относит все потребности материального плана: связанные с владением домом и автомобилем, одеждой и пищей, как о тех факторах, которые побуждают людей к участию в по-

¹ См.: Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. С. 187.

литическом процессе. К числу постматериалистических Инглхарт относит потребности в любви, самореализации и самоактуализации.

Согласно его исследованиям, молодые люди в развитых странах росли в эпоху, когда их базовые материальные потребности уже были удовлетворены, что поставило на первый план такие потребности, которые способствовали их самовыражению вообще и в политике в частности. Так, первые поколения хиппи, устав от буржуазных ценностей потребительства, стремились к ценностям любви, ненасилия. Им на смену в 1980–1990-е годы пришли новые поколения, озабоченные защитой окружающей среды, экологией культуры и человека, сохранением мира.

Примечательно, что материалисты по-прежнему существуют наряду с постматериалистами. Уже в 1970-е годы их соотношение было 3 : 2 по сравнению с соотношением у более старших возрастных групп (10 : 1), что можно назвать революцией сознания в отличие от тех социальных революций, которые имели место ранее. В своей книге «Модернизация и постмодернизация. Культурные, экономические и политические изменения в 43 странах», изданной в 1997 г., Р. Инглхарт представил результат нового исследования. Этот проект направлен на исследование потребностей практически на всех континентах. Для этого была предложена шкала для измерения 12 разновидностей материалистических и постматериалистических потребностей. Исследование показало, что хотя наборы этих потребностей в различных политических культурах выглядят по-разному, но тенденция к доминированию постматериалистических потребностей наметилась и в глобальном масштабе. Так, оказалось, что в бывшем СССР, странах Восточной Европы и в Китае развитие рыночной экономики респонденты рассматривают в качестве постматериалистической ценности. Вообще в бедных странах стремление украшать города рассматривается как материалистическую потребность в отличие от богатых стран¹. Заслуживает внимания общий вывод работы: различия между культурами менее значимы, чем сходство в базовых наборах потребностей. При этом в рамках материалистических культур противоречие между традиционной властью в странах с государственным регулированием экономики и рационально-правовой властью в стра-

¹ *Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton. 1997. P. 75.*

нах с развитой рыночной экономикой — в условиях постмодернизации сменилось снижением значения любой власти при одновременном росте экономического благополучия.

Чтобы понять процессы воздействия потребностей на политическое поведение, приведем некоторые данные из нашего исследования образов власти у российских граждан. Как показал анализ требований граждан к власти, за ним стоят вполне конкретные психологические причины. Рассмотрим те потребности, которые стоят за приведенными высказываниями наших респондентов и определяют их недовольство нынешней властью. Воспользуемся психологической классификацией потребностей, предложенной известным американским психологом А. Маслоу¹. Все потребности он предложил разделить на пять ступеней, расположенных иерархически:

- потребности материального существования;
- потребность в безопасности;
- потребность в любви;
- потребность в самореализации;
- потребность в самоактуализации.

Классификация потребностей, предложенная А. Маслоу, помогает рассортировать многообразные человеческие нужды по мере их возвышения. Маслоу считал, что потребности более высокого уровня мы можем удовлетворить лишь тогда, когда более низкие ступени уже пройдены. Это не означает, что поиском социального статуса можно заниматься только на сытый желудок. Речь идет об ограничении, которое накладывают нереализованные низшие потребности на восхождение человека к самоактуализации.

Количественный анализ высказываний наших респондентов в открытых вопросах анкеты (исследование проходило в конце 1990-х — начале 2000-х годов) позволил выявить следующие зависимости. Рассмотрим, как каждая из пяти потребностей воздействует на формирование того или иного образа власти (табл. 2). В психологической литературе есть данные о том, что, когда потребность не удовлетворена, она оказывает мотивирующее воздействие на поведение человека. Картина мира человека также формируется под влиянием неудовлетворенных потребностей. Относится это и к образам власти, которые нас интересуют.

¹ *Maslow A. Motivation and Personality. N.Y., 1954.*

**Потребности применительно к власти в современной России
(в % к общему числу опрошенных)**

Потребности	1996 г.	1997 г.	2000 г.
Материальные	3	13	6
Безопасности	48,5	25	37
Любви	6	8	2,5
Самореализации	24	25	11
Самоактуализации	8	18	13

Первое знакомство с проблемой позволило сформулировать гипотезу о выраженности материальных потребностей в сознании наших респондентов. Однако дальнейший анализ не подтвердил полностью эту гипотезу. Хотя многие граждане страдают от нерешенности материальных проблем, лишь малая часть опрошенных высказывала претензии к власти, так или иначе мотивированные неудовлетворенными материальными потребностями (резкое имущественное расслоение, высокая инфляция, несправедливая оплата труда, маленькая пенсия). Эта потребность занимает лишь пятое место по степени влияния на образы власти, что можно объяснить тем, что население уже привыкло за эти годы опираться на собственные силы и не ждет от власти решения своих материальных проблем.

Примечательно, что образ идеальной власти не только связан с представлением о том, что политики не должны быть запачканы подозрением о коррупции, но и «не зависимы от своих окладов». Вообще вопросы, связанные с удовлетворением материальных потребностей, больше волнуют людей старшего возраста и меньше — молодых граждан и самих политиков. Исключение — политик левых взглядов, который хотел бы видеть власть прежде всего «не алчной».

Второй среди масловских потребностью выступает потребность в **безопасности**. У наших респондентов она занимает ведущее место. У большей части респондентов неудовлетворенность потребности в безопасности диктует и их восприятие реальной и идеальной власти, создавая фон неопределенности, тревожности и страха, которые в свою очередь окрашивают и их отношение к власти. Восприятие власти как неустойчивой, нерешительной, неподконтрольной народу, бессильной перед преступившими закон коренится в ощущении на-

шими респондентами неспособности власти выполнить свою важнейшую функцию: защитить граждан с помощью закона, навести порядок. Больше всего их тревогу вызывает именно отсутствие правил игры, несоблюдение законов и вседозволенность.

Безопасность, которую призвана обеспечить власть, ассоциируется у опрошенных нами россиян с ее силой, дисциплиной и подконтрольностью закону. Указания на силу власти встречаются чаще всего в образе идеальной власти, между тем как существующая власть кажется им скорее «никакой» (особенно в период правления Ельцина). Наши сограждане предпочитают власть «жесткую» и даже «диктатуру», чем будут наблюдать анархию и распад страны, которые они описывают, используя подчас ненормативную лексику. Хотя чаще требования порядка и жесткого закона звучат из уст людей старшего поколения, однако и более молодые и демократически настроенные люди хотят видеть власть, способной их защитить.

Потребность в любви, причем как со знаком плюс, так и со знаком минус, определяет образы власти у наших респондентов. Это одна из трех мощнейших психологических потребностей, которая обуславливает конфигурацию взаимоотношений власти и народа. Обращает на себя внимание различие между значениями представленности этой потребности в образах реальной и идеальной власти, составляющее более 5% (табл. 3).

Таблица 3

**Потребности применительно к идеальности власти
(в % к общему числу опрошенных)**

Потребности	1996 г.	1997 г.	2000 г.
Матеральные	2	5	3
Безопасности	43	23	28
Любви	6	15	10.5
Самореализации	16	13	10
Самоактуализации	14	28	32

Потребность в любви менее удовлетворена в отношении респондентов к реальной власти. Когда же они говорят о желаемой, она представляется им более реализованной. Люди ожидают от тех, кто олицетворяет власть, подтверждение своей значимости, а не только удовлетворение их политических или материальных интересов.

Власть должна о них заботиться, служить народу, думать о народе, быть небезразличной.

Потребность в самореализации описывается в психологии как стремление добиться более высокого социального статуса, признания в обществе. Очевидно, эта потребность не столь значима для наших респондентов: только 13% опрошенных в своем описании образа власти ссылались на потребности этого уровня. При этом их видение реальной власти в большей степени зависело от этого фактора, чем представление об идеальной власти. С этой потребностью связаны такие требования к власти, как дееспособность, последовательность, решительность, умение себя поставить, «умение себя держать». Один из респондентов так сформулировал это: «Делом надо заниматься! Делом!»

Высший уровень в иерархии потребностей занимает *потребность в самоактуализации*. Эта потребность проявляется как реализация высших духовных начал личности, ее свободы, творческого потенциала. Наше исследование показало, что в отношении власти, особенно идеальной, респонденты высказывают немало пожеланий, истоки которых лежат в нереализованной потребности в самоактуализации. Они верят в то, что власть должна обеспечить свободу и права человека, заботиться о культуре, науке и образовании, следить за экологией, а не только способствовать разрешению материальных проблем¹.

Потребности побуждают человека действовать, создавая определенное напряжение внутри организма. Однако *смысл* действию придает лишь особый *мотив*, являющийся третьим членом в поведенческой формуле. Психологи подчеркивают, что мотив выполняет прежде всего функцию вербализации цели и программы, дающую возможность данному человеку начать определенную деятельность².¹ Мотивы тесно связаны с потребностями и вместе выступают в качестве побудительных сил поведения.

В политическом поведении мы можем встретить широкий набор мотивов, как побуждающих к активному участию в политике, так и обуславливающих пассивность граждан.

Анализ мотивации политического поведения основан на фундаментальных закономерностях, изученных психологической наукой.

¹ Шестонал Е. Восприятие образов власти: Политико-психологический анализ // Полис. 1995. № 4.

² Atkinson J., Feather N. A theory of achievement motivation N.Y., 1966. P. 19.

Так, общепризнанной является классификация мотивов, предложенная Д. Маклелландом и Дж. Аткинсоном, где выделены три ключевых мотива: мотив *власти*, мотив *достижения* и мотив *аффилиации* (стремления быть с другими). Иногда мотив власти дополняется мотивацией контроля, который выступает как четвертый в этой схеме.

Опираясь на классические теоретические разработки Фрейда, Юнга и Мюррея, в течение нескольких предшествующих десятилетий психологи разработали методы измерения важнейших человеческих мотивов с помощью контент-анализа фантазий и прочих вербальных материалов, связанных с воображением. *Мотив достижения* подразумевает нацеленность на превосходство и уникальный результат; он ассоциируется с активной деятельностью, умеренным риском, основанным на знании возможных результатов и предпринимательской инициативе. *Мотив аффилиации* подразумевает нацеленность на тесные отношения с другими людьми. Иногда он ведет к межличностной теплоте и открытости, но в условиях угрозы или стресса — к «колючей», защитной ориентации по отношению к другим. *Мотив власти* — нацеленность на влияние и престиж — ведет как к формальной социальной власти, так и к расточительным, импульсивным действиям, а именно: агрессия, пьянство и чрезмерный риск. Эти три мотива отобраны из всесторонней таксономии Мюррея как соответствующие некоторым из наиболее распространенных и важных человеческих целей и проблем.

Начнем с мотива **обладания властью**. В психологической концепции Маклелланда речь идет не только о политической власти, но и о власти в семье, в отношениях на производстве, в иных сферах жизни. Власть — это некая ценность, к обладанию которой стремятся в той или иной степени все люди. Но есть люди, у которых эта потребность доминирует над другими, и тогда желание достичь власти становится для них высшей ценностью.

Есть данные, что гипертрофированное стремление к власти связано с обстоятельствами формирования личности, порождающими у нее низкую самооценку, страх пассивности, слабости, опасение оказаться под чьим-то «каблуком». В другом случае, потребность во власти может стать результатом развития агрессивных и деструктивных черт личности. Поэтому власть может быть желанна по многим причинам, причем у одного и того же человека в различное время эти

причины могут быть иными. Условно можно выделить три типа причин, по которым власть может быть желанна:

- чтобы доминировать над другими и/или ограничивать действия других, создавать для них определенную депривацию;
- чтобы другие люди над ним не доминировали и/или не вмешивались в его дела;
- чтобы осуществлять политические достижения.

Мотив контроля над людьми и ситуацией является модификацией мотива власти. Политические психологи придают этому мотиву особое значение, так как полагают, что поведение в политике напрямую связано с развитием этого психологического показателя. Известно, что по мере достижения социальной зрелости человек научается контролировать свое собственное поведение, что дает ему чувство уверенности в своих силах, расширяет границы возможного участия в разных сферах жизни, в том числе и в политике. Так, американский политический психолог С. Реншон обнаружил зависимость между высокими значениями субъективного контроля и степенью активности политического поведения. Он высказал гипотезу о том, что существует зависимость между личным контролем и верой в правительство, позитивным отношением личности к политической системе. Эмпирическое изучение американских студентов, предпринятое ученым, показало, что есть корреляция между низким уровнем субъективного контроля и недоверием к правительству, отчуждением от политики, между тем как лица с высоким уровнем субъективного контроля имеют среднюю и высокую степень доверия к власти¹.

Действительно, с помощью теста на локус-контроль (субъективный контроль) можно разделить всех людей на тех, у кого этот показатель имеет высокий уровень (их называют интерналами), и тех, у кого он имеет низкие значения (экстерналы). Первые верят в то, что в них самих содержится источник их успехов и неудач, будь это работа, личная и семейная жизнь или отношения с людьми. Вторые всегда ищут «козла отпущения», если терпят в чем-то поражение, но и свои успехи склонны приписывать удаче, фортуне, случайности или воле родителей, учителей и начальников.

Мотив достижения проявляется в политическом поведении в заботе о совершенстве, мастерстве, в стремлении добиться поставлен-

¹ Renshon S. Psychological Needs and Political Behavior: A Theory of Personality and Political Efficiency. N.Y., 1974.

ных целей с максимальным эффектом. Этот мотив может сделать человека карьеристом, но он же может принадлежать и бескорыстному политику, поведение которого определяется его стремлением к общественному благу.

По мнению Маклелланда и Аткинсона, которые привлекли внимание психологов к этому мотиву, он имеет отношение к мастерству, манипулированию, организации физического и социального пространства, преодолению препятствий, установлению высоких стандартов работы, соревнованию, победе над кем-либо. Как мы видим, это довольно широкая трактовка понятия «достижение», и в таком виде она может больше соответствовать мотивации политического лидера.

Люди, стремящиеся к достижениям, нередко ищут власти, чтобы достичь своей цели. Они более спокойно относятся к изменениям в окружающем мире. У людей с высокой потребностью во власти проявляется тенденция к сильной ориентации на задачу, причем неуспех вначале лишь делает эту задачу для них еще более привлекательной. Интересен вывод о том, что мотивированные на достижение политики рассматривают других людей или группы в своем окружении в качестве фактора помощи или, наоборот, помехи. При этом они предпочитают быть независимыми и избегать таких межличностных отношений, которые могли бы привести их к зависимости.

Дж. Аткинсон и Н. Физер предположили, что поведение человека направлено на избегание провала столь же, сколь и на достижение цели¹. Они выделили два мотива, связанных с потребностью в достижении: мотив достижения успеха и мотив избегания провала, причем оба они рассматриваются в контексте вероятности успеха. У. Стоун отмечает в этой связи: «Степень эмоционального подъема после достигнутого успеха или степень унижения после провала зависят от субъективных ожиданий человека относительно его возможности добиться определенного поста в учреждении»².

Таким образом, выделяется два типа мотивационных схем:

— мотивация избежать провала выше мотивации достичь успеха. Такая мотивационная схема описывает поведение человека, покидающего поле боя со словами: «Я проиграл, потому что не хотел и не пытался выиграть»;

¹ *Atkinson J., Feather N. A Theory of Achievement Motivation. N.Y., 1966.*

² *Stone W. The Psychology of Politics. N.Y., 1974. P. 219.*

— мотивация достичь успеха выше мотивации избежать провала. Это типичная мотивационная схема поведения реальных политических лидеров.

Мотив аффилиации подразумевает дружественные, теплые отношения с другими. Личность с доминантой на мотиве аффилиации предпочтет поведение, которое даст эмоциональный комфорт, скорее, чем контроль над другими, власть или успех. Для политика развитая мотивация аффилиации сделает значимыми одобрение со стороны партнера во время переговоров, дружественный климат и наличие команды единомышленников. Для рядовых граждан мотивация аффилиации во многом определяет принадлежность к политическим организациям, которые не только отстаивают те или иные интересы, но и дают ощущение единства, защищенности. Так, американские исследователи, изучавшие личности Горбачева и Буша накануне их встречи, пришли к выводу, что у обоих политиков доминировал мотив аффилиации, что позволило им эффективно провести переговоры и найти решение сложнейших политических проблем¹.

¹ Одним из важнейших компонентов политического поведения является **политическая роль**. В политической психологии роль понимается прежде всего как набор прав и обязанностей, как статус, как реальные функции, связанные с местом личности в политической системе. Вся политическая система может быть описана через различные наборы политических ролей. Особое значение при этом придается их взаимосвязанности. Так, роль лидера лишена смысла без ролей подчиненных. Без короля нет подданных, а без кабинета — премьер-министра. Все участники политического процесса одинаково признают распределение ролей между ними, т.е. по этому вопросу между ними существует *консенсус*.

Изучение реальных участников политического процесса, исполняющих различные роли в системе, привело сторонников ролевой теории политики к убеждению, что для их понимания необходимо углубление именно психологического анализа поведения. Так, работа Н. Ная и С. Вербы показала, что разные формы политических ролей привлекают исполнителей с различными психологическими складом и ориентациями².

¹ Winter et al. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy // Political Psychology. 1991. Vol. 12. No 2. P. 215–243.

² Nie N., Verba. S. Political Participation // Handbook of Political Science / Ed. by F. Greenstein and N. W. Polsby. Boston (maas), 1975. Vol. 4. P. 17–22.

Что же это за роли, которые граждане играют в политике? Так, самая простая, которую играет каждый дееспособный гражданин, — это роль избирателя. Другая роль — политический активист, член какой-либо партии, организации. На вершине политической пирамиды стоят те, кого политические психологи называли «гладиаторами», т.е. наиболее активные граждане, вершители судеб, публичные политики. В политологии их принято называть лидерами, представителями политической элиты.

Психологи обнаружили, что исполнение политических ролей требует определенной подготовки и тренировки. Так, например, многие нынешние политические лидеры, особенно из англо-саксонских политических культур, начинали свою карьеру как... футболисты. Речь идет не о профессиональном спорте, а об участии в студенческих командах. Действительно, политика, как и футбол, игра командная. Чтобы в нее играть хорошо, надо научиться чувствовать локоть товарища, понимать его без слов. Для политика необходим навык, который англичане определяют словом *cooperativeness*, а мы — коллективизм. Этот навык требует определенной тренировки, в том числе и на спортивной площадке. Кроме того, в дальнейшей политической жизни будущим министрам и председателям партий особенно пригодятся те дружеские связи, которые также зарождаются в молодые годы.

В социологии и психологии принято выделять в самой структуре роли несколько компонентов. Это относится и к политическим ролям. Во-первых, в роли присутствует объективный компонент, связанный со **статусом**, т.е. положением, который занимает данный индивид в политической системе. У президента, политического активиста или террориста свой статус в системе. Отличаются статусные моменты роли у рядового гражданина и представителя элиты. Обычно они закреплены в юридических документах, нормах, в уставах организаций, а иногда связаны с общепринятыми нормами, с традициями. Так, например, в прежние времена советологи определяли реальный политический вес того или иного советского руководителя по тому, какое место рядом с Генеральным секретарем он занимал на официальных приемах. Чем ближе к вождю — тем выше реальный политический вес.

Два других компонента роли имеют субъективный характер. Ведь роль — это не только набор функциональных обязанностей политика. **Ожидания**, надежды, представления окружающих людей о том, что

он должен и чего не должен делать, и составляют второй компонент роли. Можно сказать, что именно эта сторона и составляет важную часть его имиджа. Данный компонент может не совпадать с реальным содержанием личности политика. С одной стороны, здесь возникают возможности манипуляций массовым политическим сознанием, но, с другой — ожидания как рядовых граждан, так и окружения политического деятеля оказывают и сдерживающее воздействие на поведение политика, очерчивают для него границы возможного.

Третий компонент роли — это представление политика о самом себе, его **Я-концепция**, самосознание. Одна и та же политическая роль столь по-разному исполняется политиками в силу не столько отличий их характеров, сколько собственных представлений о том, как надо это делать, т.е. идеального образа их собственной роли. Следует отметить, что сказанное относится и к роли Президента, и к роли простого избирателя. Один человек видит свой гражданский долг в участии голосования, даже если не видит достойного кандидата. Другой — спокойно проигнорирует призывы государственных мужей и будет считать свою пассивность гражданской доблестью.

§ 3. ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Поступки, действия в политике имеют и общечеловеческую логику, определяемую тем, что даже высшим политикам «ничто человеческое не чуждо», и чисто политические резоны, диктуемые существующими правилами игры и распространенными в данной политической культуре формами, в которые поступки отливаются. Но как бы ни были важны внутренние побуждения и внешние обстоятельства, подталкивающие нас к совершению того или иного поступка, судить о человеке будут прежде всего по тому, что собственно им сделано.

Попробуйте прервать на минуту чтение и провести маленький эксперимент. Возьмите несколько газет разных политических направлений и выпишите наиболее существенные **политические действия**, совершенные за один день. Можно также просмотреть новости на разных каналах телевидения. Вполне может случиться, что ими будут выделены разные события и различные политические действия. Что в этих политических событиях было важным, а что несущественным? Ответить не так просто. Значимость тех или иных политических событий особенно трудно определить в момент их свершения,

так как их смысл становится понятен далеко не сразу. Многие эпизодические по значению политические действия таковыми вначале не были признаны. Другие же немедленно привлекали к себе внимание. Политический характер может принять болезнь лидера, игра на бирже и криминальная разборка.

Чтобы разобраться в происходящем, выделить разные формы политического поведения не «на глазок», политическая психология строит специальные классификации. Основанием для выделения типов служат как объективные характеристики политического поведения, так и субъективное восприятие политики человеком, его понимание собственной роли в ней.

Приведем одну из наиболее разработанных схем политической деятельности, учитывающую как политические качества, так и психологические формы проявления.

1. Реакция (позитивная или негативная) на импульсы, исходящие от политической системы, от ее институтов или их представителей, не связанная с необходимостью высокой активности человека.

2. Участие в действиях, связанных с делегированием полномочий (электоральное поведение).

3. Участие в деятельности политических и примыкающих к ним организаций.

4. Выполнение политических функций в рамках институтов, входящих в политическую систему или действующих против нее.

5. Прямое действие.

6. Активная (в том числе и руководящая) деятельность во внеинституциональных политических движениях, направленных против существующей политической системы, добивающихся ее коренной перестройки.

Авторы этой классификации справедливо обращают внимание на формы не только политических действий, но и иммобильности, например:

а) исключенность из политических отношений, обусловленная низким уровнем общественного развития;

б) политическая исключенность как результат заорганизованности политической системы, низкой эффективности механизмов обратной связи между такой системой и гражданским обществом в целом, разочарование в политических институтах;

в) политическая апатия как форма неприятия политической системы (например, после чужеземного завоевания и оккупации, победы контрреволюции, кровавого подавления массовых социальных и политических движений);

г) политический бойкот как выражение активной враждебности к политической системе и ее институтам¹.

Конечно, приведенные выше формы политического поведения отнюдь не равнозначны как в количественном, так и в качественном отношении. Одни из них занимают скромное место в политической практике и представлены единичными акциями, другие необычайно развиты и серьезно влияют на ход событий. Степень развитости каждой из этих конкретных форм поведения является показателем, по которому можно судить о политической системе в целом и политической культуре в частности. Так, из всех форм политической активности в политических системах развитых стран Запада выделяется прежде всего электоральное поведение. При этом в конкретных политических культурах этих стран «вес» электорального поведения среди других видов активности имеет сильный разброс. Так, в Великобритании в голосовании принимают участие в среднем 75% избирателей, в США — 53%.

Однако само по себе участие в голосовании еще недостаточный показатель, чтобы судить о развитии политической деятельности. В той же Великобритании интересуются политикой 20% населения, 8% являются индивидуальными членами партий и 2% — активистами этих партий. Эти данные говорят о том, что действительная активность, предполагающая компетентность и сложную политическую деятельность, — удел незначительного меньшинства населения. В условиях быстро изменяющихся политических отношений в нашей стране появляются такие типы политического поведения, как митинги и забастовки, самосожжения и захват заложников, погромы и бунт. Однако и в традиционных формах политического поведения возникло немало нового. Психологические сдвиги, приведшие к появлению всех этих типов поведения, заслуживают специального анализа.

Политические психологи, изучающие поведение, давно пришли к выводу, что объективные показатели политического участия необходимо дополнить психологическими показателями, среди которых

¹ Рабочий класс в странах Западной Европы. М., 1982. С. 64–65.

они особо выделили *восприятие индивидом* своего участия, *чувство вовлеченности* в политику и *мотивацию* участия. При наложении этих субъективных аспектов участия на разные типы и формы активности в политике получают интересные классификации, дающие более объемное представление о политическом поведении. Исследования с использованием этих показателей обнаружили, например, что неактивные граждане, практически не участвующие ни в каких действиях, и психологически не имеют чувства вовлеченности или ощущения личного контроля над событиями. Напротив, активисты, участвующие во всех видах деятельности, имеют определенные навыки и психологически вовлечены в происходящие процессы. Так, английские политологи, интересовавшиеся политическим поведением своих соотечественников, обнаружили, что среди тех, кто участвует в движениях за мир, в экологических, женских и иных «новых» движениях, большой процент составляют люди из истеблишмента, одновременно входящие во всевозможные партии (в том числе и в правящую), правительственные комиссии и другие традиционные формы политической жизни.

«Только голосующие», как правило, не участвуют больше ни в каких других видах деятельности (сюда входит большинство взрослых британцев, предпочитающих эту самую простую форму поведения). Из табл. 4 видно, что «групповые активисты», например, больше представлены в США, чем в Великобритании. «Партийные активисты» или «участники кампаний» составляют также в Англии меньшую долю, чем в США¹.

Таблица 4

**Распределение типов политического поведения в США
и Великобритании (в % к числу опрошенных)**

Виды активности	Великобритания	США
Неактивные	19,6	24,7
Только голосующие	62,6	23,6
Групповые активисты	8,1	22,5
Партийные активисты	6,7	16,9
Активисты вообще	3,0	12,4

¹ *Kavanagh D. Political Science and Political Behaviour. L., 1983. P. 183.*

Активная психологическая вовлеченность имеет разный смысл в каждой из политических культур. Так, в западных политических культурах членство в партиях воспринимается индивидом без обязательной «погруженности» в дела партии. Освоение этой роли происходит достаточно просто. Человек может быть активным или пассивным, посещать собрания, слушать радио или читать специальную литературу. Психологически, по своим интересам, ориентациям, насыщенности политическими контактами он мало чем отличается от более пассивной части населения. Его интерес к политике и знания о ней, а также социальный статус лишь незначительно выше, чем у других групп населения¹.

Такая ситуация с партийным поведением связана с тем, что в своих активистах партии нуждаются преимущественно при регулярных поворотах избирательного маховика. Тогда происходит мобилизация сторонников для поддержки партийного кандидата на выборах. Отечественные политики тоже не прочь позаимствовать такую систему. Так, один из лидеров парламентских фракций в Думе следующим образом описал свой идеал политической жизни: два месяца сумасшедшей активности перед выборами и четыре года спокойной жизни. Однако, не похоже, чтобы российская политика была готова к применению западных образцов: наша политическая система все еще не стабильна. Партии и движения нуждаются в активистах, чтобы построить свои структуры. Этот процесс в России идет весьма интенсивно, хотя пока без особых результатов.

Характер вовлеченности в политику в российском контексте выглядит отличным от западноевропейского или американского. Обращает на себя внимание не только появление новых типов поведения, но и их динамика на протяжении коротких отрезков политической истории.

Важным аспектом проблемы политического участия является определение его оптимальных границ с точки зрения стабильности как системы, так и конкретных партий и движений. Так, когда в конце 1960-х — начале 1970-х годов в странах Запада возникла необходимость активизировать политическое участие ранее пассивных слоев населения, властные элиты разработали специальные программы для привлечения в политику таких слоев, как женщины, молодежь,

¹ *Walke H., Eulau H et al The Legislative System N Y 1962 P 135*

этнические меньшинства. Однако в результате их активизации произошел сдвиг политической жизни вправо: политические новобранцы оказались более консервативными, чем и вызвали поворот всего политического механизма вправо. Таким образом, воздержание от политической деятельности наиболее пассивных и консервативных слоев населения до определенного предела идет на пользу развитию демократических процессов.

Политическое поведение в организованных и стихийных формах. Институционализированные партии и движения отличаются прежде всего тем, что поведение их участников подчиняется определенным правилам, записанным в программах и уставах. Но и в той части, где правила игры остаются незафиксированными, поведение организованных политических групп резко отличается от стихийных выступлений. Речь идет о наличии в первых четкой системы распределения ролей между лидерами и последователями, функционального распределения труда, иерархических отношений между членами. Для массовых политических организаций важны взаимодействие отдельных структур между собой, специализация видов деятельности. Поддержание жизнеспособности таких типов организаций требует и специальной работы по отбору и рекрутированию новых членов, их обучению и поддержанию сплоченности.

Эффективность политической организации базируется на ряде условий, среди которых одно из важнейших — идентификация индивида со своей группой. Принадлежность к сплоченной группе помогает личности снизить тревожность, дает ощущение своей сопричастности социально значимым целям, удовлетворяет другие важнейшие человеческие потребности. Сказанное относится не только к отношениям внутри партий, но и в отношениях между партиями, блоками, с одной стороны, и их электоратом — с другой.

В политической психологии партийная идентификация является одним из центральных объектов изучения. Если раньше партийная принадлежность или поддержка той или иной партии на выборах была семейной традицией из поколения в поколение, то в последние десятилетия даже в наиболее устойчивых политических системах такая идентификация является скорее исключением из правила.

Примерно четвертая часть молодых людей в странах Запада может поменять свои партийные пристрастия в течение двух месяцев. При этом есть данные, что в возрасте 18–25 лет свою партийную при-

надлежность изменяет до 40%. Помимо этого, почти половина молодых американцев не видит себя среди сторонников ни одной из основных политических сил в стране. Сложности с партийно-политической идентификацией нарастают и в странах Западной Европы¹.

История последних лет в России дает возможность наблюдать неоднократную смену политической идентификации не только у молодых людей, но практически во всех возрастных группах, равно как и рост стремления отодвинуться ото всех политических партий. На протяжении последнего десятилетия граждане, отождествляющие себя с определенными политическими партиями, успели несколько раз поменять свои пристрастия. Это относится, однако, не ко всем партиям. У коммунистов, например, исключительно преданные сторонники.

Говоря о поддержке тех или иных партий и других организованных политических институтов в России, следует иметь в виду, что в силу традиций нашей политической культуры, а также того, что сами политические организации представляют собой скорее квазипартии, их поддержка значительно менее значима для граждан, чем поддержка того или иного лидера.

Анализ организованного политического поведения будет не полон без учета климата организации, стиля межличностных отношений в ней. Этот стиль во многом определяется лидером. В частности, склонностью последнего к доминированию и диктату или, напротив, демократичностью отношений с последователями. В психологии принято выделять авторитарный, демократический и попустительский типы климата в организации, не вкладывая в указанные термины собственно политического смысла. Однако следует заметить, что прямой связи между демократическими убеждениями политика и стилем его отношений нет. Так, например, Е. Гайдар, которого наши граждане чаще других российских политиков называли в 1990-е годы «демократом», лидер довольно жесткий в отношении оппонентов, партнеров, хотя отличается мягкостью среди близких людей.

В отличие от организованных политических групп **стихийные** выступления предъявляют к своим участникам иные психологические требования. К числу стихийных форм поведения относятся как незапланированные поступки, совершаемые отдельными людьми, так

¹ Шестопал Е. Личность и политика. М., 1988. С. 75.

и неорганизованные массовые выступления, бунты, восстания, митинги протеста и т.п. Политическую психологию больше интересуют массовые формы как в силу их политической значимости, так и потому, что в них действуют иные психологические законы, чем в индивидуальном поведении.

До последнего времени мы мало интересовались такой экзотической проблематикой, как поведение толпы, паника, слухи. Со времен Лебона и Тарда психология мало что добавила к представлению о механизмах массовой агрессии или энтузиазма. Но события, происходящие в отечественной политике, подтолкнули психологов на поиск в этом направлении. Нарастание стихийных элементов политического поведения показало неготовность властей, воспитанных в иных условиях, обеспечить безопасность граждан, участвующих в митинге, который выходит из-под контроля и превращается в погром.

Стихийное поведение чаще всего является массовой реакцией людей на политический кризис и нестабильность. Для этой реакции характерно преобладание иррациональных, инстинктивных чувств над осознанными и прагматическими. Причины и непосредственные поводы к возбуждению недовольства или энтузиазма толпы могут быть самыми разнообразными и необязательно политическими: от повышенной активности солнца до падения курса национальной валюты. Так, при наличии немалого числа и собственно политических причин события 1989 г. в России некоторые аналитики предсказали на основании астрономических наблюдений. Доказано, что повышение солнечной активности коррелирует с возникновением массовых эпидемий, социальных волнений и политических эксцессов, участники которых этого могут и не осознавать.

Поведение толпы давно описано в психологии. Начиная с работ Лебона, Фрейда, Бехтерева, исследователи подчеркивают, что в толпе человек чувствует себя анонимным и это подталкивает его к действиям более рискованным и безответственным. Эти действия могут быть героическими, но в той же мере вероятны насилие, вандализм и хулиганство. Иррациональность поступков объясняется стадным чувством, которое позволяет отдельным участникам отключить свою волю, сознание и действовать по законам толпы.

Толпа как тип социальной группы характеризуется аморфностью, однородностью структуры. В ней либо вообще нет лидера, либо, если он появляется (а нередко это происходит благодаря самоназначению),

все члены группы делятся на две роли: лидер и его последователи. При этом власть лидера бывает неограниченной, так как его последователи не размышляют, а слепо следуют его приказам.

Поведение людей в толпе определяется закономерностями разных уровней. Так, в ней действуют и чисто физические движения, которым подчиняется география толпы. Эти законы имеют такую же физическую природу, как и законы колебания морских волн. На человека в толпе влияет духота, резкие звуки (выстрелы). Нередко стихийные действия подогреваются такими факторами, как алкоголь и наркотики, что приводит к дополнительным эффектам, как это было, например, во время погромов в начале 1990-х годов в Баку, Душанбе и Фергане.

Собственно психологические факторы, такие как нарастание чувства неуверенности, страха, недоверия к официальным средствам информации, ведут к появлению слухов, панике, агрессии. Эмоции людей, находящихся в массе, распространяются по своим собственным законам: это многократное усиление эмоций под влиянием заражения и внушения, получившее наименование циркуляторной реакции.

Следует учесть, что, хотя описываемые действия имеют действительно стихийный характер, всегда находятся политические силы, готовые использовать этот эффект стихийности и получить от них определенный политический капитал. Наиболее характерны в этом смысле разного рода экстремистские, правонационалистические движения и партии, для которых характерно стремление воздействовать на бессознательную, иррациональную мотивацию участников политического процесса. Политические психологи выявили, что именно для политиков этого спектра характерен «большой репрессивный потенциал, т.е. склонность к агрессивному поведению и применению насилия, авторитарная структура личности»¹. Не в меньшей степени важно и то, что такие политики опираются на определенные социальные слои, которые являются их социальной базой. Это прежде всего такие социальные группы, которые в силу условий жизни становятся благодатной почвой для соответствующего воздействия. В древности их называли охлосом (чернью) в отличие от демоса (народа).

Наиболее податливы к распространению стихийных форм политического поведения маргинальные слои в силу утраты традицион-

¹ *Korpi W. Working-class Communism in Western Europe: Rational or Non-Rational // American Sociological Review. 1972. No 36. P. 973.*

ных ценностей, привычных социальных ориентиров, отчуждения. Быстро меняющиеся условия жизни вызывают протест против стирания вероисповедальных, национальных, расовых и иных барьеров, служивших опорой их мировоззрению.

Можно выделить целый набор ценностей и целей, установок и стилевых особенностей, которые характерны для экстремистского поведения. Первое, что бросается в глаза, — это духовная ущербность и антиинтеллектуализм таких движений. Они апеллируют к предрассудкам, которые наиболее пышно расцветают именно в маргинальных слоях. Однако идейные соображения не являются ни главным механизмом, ни основной ценностью экстремистских движений. В первую очередь они опираются на бессознательные структуры, эмоции, инстинкты, веру, предрассудки и суеверия. Стихийность, как правило, умело насаждается и умело используется политическими лидерами, что способствует сплочению людей вокруг них.

* * *

| Подводя итог нашему анализу различных форм политического поведения, следует отметить, что политическая психология дает для его понимания целый арсенал средств, недоступных для традиционной политической науки. Эти методы не заменяют собой тех, которые позволяют исследовать политические институты, но дополняют их в той части, которая касается человека, действующего в политике и как субъект и как объект. /

ГЛАВА 12

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

Ни об одном феномене не спорят так часто, как о лидерстве. К действиям и личностям лидеров, как правило, сводят сообщения о происходящих событиях. Размышления о высоких назначениях будоражат умы политических деятелей. Рядовым избирателям, уже изрядно разочаровавшимся в бесконечно сменяемых политических фигурах, тем не менее не за что больше зацепиться глазом в современной политической картинке, кроме лиц ведущих политиков, с которыми они отождествляют партии, движения, да и политику в целом.

Политическая психология, как и другие науки, изучающие феномен политического лидерства, пытается найти разгадку того, почему массы людей подпадают под очарование той или иной личности, с которой они связывают решение собственных проблем и которую возносят на политический Олимп. Откуда берутся эти политические идолы? В чем загадка их обаяния? Какова природа лидерства вообще и российского лидерства в частности?

Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем бегло обозначить некоторые подходы, уже опробованные исследователями.

§ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИДЕРСТВА

Как полагали с древних времен, лидером может стать человек особенный, наделенный своего рода божественным даром вести за собой, руководить. С легкой руки Макса Вебера этот дар начали обозначать как *харизму*, т.е. особую способность внушать людям веру сродни религиозной! Если объяснить это явление обыденным языком, то речь идет о своего рода обожании, которое лидер может вызвать у толпы или массы. Современные политологи предпочитают го-

ворить о доверии и симпатии со стороны электората к тому или иному политику, измеряя при этом уровень их влияния и рейтинги в массовом сознании. Однако смысл тот же: лидер — это избранник (не суть важно избран он Богом, гражданами или унаследовал свою легитимность от родителей-монархов), значит, он выделяется среди обычных людей, отличен от них. Возникает вопрос: почему, за счет каких качеств? Может, лидеры — это некая особая порода людей?

Эти вопросы волновали мыслителей с незапамятных времен. Платон и Аристотель задумывались не только о том, как и почему человек берет в свои руки власть, но и о тех целях, которые он ставит перед собой, используя эту власть. Для этих философов не было сомнения в том, что хороший лидер должен стремиться к справедливости и честно служить государству. Аристотель особенно подчеркивал, что участие в политике для лидера — это высшая форма проявления человеческого достоинства. Примечательно, что античные мыслители прежде всего говорили не о «технологии», а о нормативных аспектах в исполнении лидерских ролей: о том, что должно знать тому, кто стремится получить власть.

В отличие от такого нормативистско-моралистского подхода к лидерству Макиавелли акцентировал внимание на вопросе прагматического удержания власти лидером, особенно во времена перемен и нестабильности. Он был убежден, что хитрость и жестокость — инструменты, вполне дозволенные, если речь идет об удержании власти, и применение их отодвигает вопросы справедливости и долженствования. Эти идеи сделали имя Макиавелли нарицательным для лидеров манипулятивного толка.

Начиная с середины XIX в. философы, социологи и социальные психологи в большей степени, чем Макиавелли, сконцентрировали свое внимание на том, как лидеры появляются в группах и взаимодействуют с ними. Так, одним из наиболее влиятельных психологических механизмов, на которых основано воздействие лидера на своих последователей, была признана **воля**. Ницше был среди первых, кто объявил **волю к власти** движущей силой истории (Он видел в воле к власти творческий инстинкт, который проявляется прежде всего у лидеров, которые не только ненасытно стремятся к проявлению власти и ее применению, но и преодолевают инстинкт толпы, обладая сверхчеловеческими качествами.

Таким образом Ницше впервые сформулировал два тезиса, в дальнейшем получившие развитие в политической психологии. Первый тезис касается природы лидерства как *иррациональной, инстинктивной силы*, связывающей лидера и его последователей. Второй — приписывает лидеру *выдающиеся качества*, превращающие его в сверхчеловека.

Этот подход был близок и к трактовкам лидерства в европейской социальной психологии и социологии середины—конца XIX в. Такие психологи, как Г. Лебон, Г. Тард, С. Сигеле, В. Вундт, по-своему, но в целом сходным образом трактовали природу политического лидерства как иррационального феномена, объединяющего лидеров и последователей. Г. Лебон, как и Ницше, видел в воле лидера то ядро, вокруг которого «кристаллизуются и объединяются мнения». Пока этого не произойдет лидер управляет толпой, как «раболопным стадом, которое не может обойтись без властелина»¹.

В этом подходе к лидерству также имплицитно присутствуют представления о лидерстве как о двойственном — рационально-волевом и одновременно иррационально-инстинктивном — феномене. При этом второй аспект преобладает над первым, сводя ведущую функцию лидера к *вере*, которая позволяет ему заражать последователей. При этом Лебон не видит особого отличия веры религиозной от политической или социальной. Г. Тард добавляет к этой модели еще один инструмент воздействия — *подражание* последователей своему лидеру.¹

Идея гипнотического, завораживающего воздействия лидера на массу, толпу или народ была подхвачена З. Фрейдом, на которого книга Лебона оказала столь сильное воздействие, что он написал специальную работу², где вступил в полемику с Лебоном. Полагая, что природа лидера связана с особыми качествами сродни *гипнотическим*,¹ Фрейд ищет истоки тех механизмов, которые делают подобное воздействие возможным,¹ в потребности любого человека *в поклонении авторитетам*, идущей от тоски по отцу.

В отличие от социальных психологов, делавших акцент на психологической зависимости между личностью лидера и массой, социологи того же периода (В. Парето, В. Михельс, Г. Моска, М. Вебер)

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 234.

² Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 1991 С 422–481

больше интересовались феноменом **политической власти** как объясняющим природу лидерства. Так, М. Вебер определяет саму политику через понятие лидерства, которое в свою очередь определяется через понятие власти как главной ценности для лидера. Существенно важным для социологической трактовки лидерства является рассмотрение власти лидера как социального феномена, а не только индивидуального. Работа Г. Моски «Правящий класс» наиболее отчетливо выразила этот подход.) В. Парето акцентирует эту проблему в ее динамическом аспекте, показывая зависимость стиля лидерства от **социального запроса**, который приводит к смене «львов» на «лис» и наоборот.) Другой важной особенностью социологической трактовки является выделение **ситуации** как фактора, определяющего поведение лидера.

Исследователи середины – второй половины XX в. внесли много нового в трактовку лидерства. Парадоксально, но при огромном числе работ по лидерству вообще политологи, которые не могут обойтись без этого понятия в своем исследовании власти, в малой степени способствовали развитию данной отрасли знания. Так, по данным Американской ассоциации политических наук, среди почти 5 тыс. статей, попавших в каталоги американских библиотек с 1906 г., напрямую лидерству были посвящены только 42. Число книг было более существенным. С 1898 по 1975 г. было опубликовано более 3 тыс. книг, а с 1975 по 1999 г. еще 2151. Сегодня ни один исследователь лидерства не может обойти труды таких известных политических психологов, как Г. Лассвелл, начавший разработку этой проблемы еще в 30-е годы, А. и Дж. Джорджи, создавшие биографию В. Вильсона (1956). Исследования К. Шумахера личности К. Аденауэра (1965), работы Б. Глэд о личности американского политика Ч. Э. Хьюза, труды Дж. М. Бернса, Р. Такера, К. Монро, Ф. Гринстайна, М. Херманн и многих других современных специалистов по лидерству отличаются многообразием методологии, в которой тем не менее преобладают различные варианты психоанализа и психобиографии.

Современные подходы к исследованию лидерства имеют не только разные истоки, но и различаются по своей дисциплинарной принадлежности. Это следует иметь в виду при поиске методологических ключей к исследованию. Так, следует прежде всего отметить вклад **психологов**, принесших в исследования лидерства различные варианты **теорий личности**. О вкладе психоаналитических концепций мы

уже упоминали. Они наложили отпечаток именно на понимание личности лидера, его различных характеристик и качеств, позволяющих лидеру стать во главе организации, партии или государства. Психологи также много внимания уделяют отдельным структурным компонентам личности (мотивам, потребностям, воле, эмоциям, темпераменту, здоровью, характеру, стилю, Я-концепции, самооценке и др.)

Не менее существенным оказался и вклад социальных психологов, разработавших теорию лидерства в рамках психологии групп. Прежде всего стоит назвать многочисленные экспериментальные исследования поведения лидера в малых группах. Немало работ (правда, в основном старых) и по психологии массового стихийного поведения, где лидеру уделяется особое внимание. Правда, специфика политического лидерства не выделяется ни в работах по личности, ни в работах по групповому поведению.

Политическая наука последних десятилетий, как это не парадоксально, оказалась плохо оснащена для изучения феномена лидерства. Дело здесь, видимо, в том, что большинству современных политологов была ближе позитивистская методология, которая не оставляет для личности вообще и для личности лидера в частности много места в анализе политического процесса. За последние годы эта проблематика все больше выводилась за пределы исследовательского поля, так что во многих учебниках этот раздел блистательно отсутствует. Даже такая авторитетная работа, как «Политическая наука: новые направления», не содержит в себе главы по политическому лидерству. Такое отношение отчасти объясняется и определенной настроенностью позитивистских ориентированных политологов к психоаналитическим теориям лидерства, сводящим поведение лидера к тем или иным формам отклонений от нормы.

В последние десятилетия мощным стимулом исследования лидерства стало развитие **теорий менеджмента**. Потребность практического использования социологических и психологических теорий лидерства для практических целей управления привела к разработке проблематики лидерства в рамках различных управленческих проектов. Один из наиболее известных специалистов по менеджменту Г. Саймон в своей книге «Административное поведение» (1965) большое внимание уделяет институциональным, а не личностным аспектам лидерства, полагая, что последние используются тогда, когда нам не достает интеллектуальных инструментов для анализа организации.

Личность лидера в теориях менеджмента присутствует в той степени, когда необходимо учесть этот фактор с целью манипулирования организацией.

Если искать материал для изучения лидерства, то прежде всего стоит обратиться к *историческим* трудам. Многочисленные биографии и жизнеописания известных политических деятелей, написанных современными историками, дают огромный фактический материал. Однако в поисках методологии мы наткнемся на использование психобиографических методов, позволяющих оценить уникальный объект исследования, описанный так, что его можно сопоставлять с другими не менее уникальными историческими объектами.

Таким образом, ни в политической науке, ни в психологии, ни в других смежных гуманитарных областях нет единого подхода к изучению лидерства. Нет общепризнанного представления о его природе и функциях в человеческом обществе. Политическое лидерство как одна из форм лидерства также не описывается в рамках некой общей теории, а является областью компилятивной и междисциплинарной. Перед политической психологией как наукой стоят вопросы, как касающиеся природы лидерства в целом, так и относящиеся к конкретному политическому лидерству.

§ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Одним из важнейших, на наш взгляд, является отнюдь не разрешенный до сих пор вопрос, в какой области следует вести поиск. Лежит ли разгадка природы лидерства в собственно личности политика или для ее понимания следует прежде всего исследовать социальный запрос, электоральные предпочтения, т.е. фактор среды, контекста? До сих пор акцент, несомненно, делается на факторе личности, хотя фактор среды признается. Лишь небольшая часть исследователей реально занимается вопросом взаимодействия личности лидера и среды, не выделяя ни один из двух факторов. Рассмотрим все три компонента лидерства: **личность, среду и их взаимодействие.**

Для понимания природы лидерства и построения общей теории лидерства в сравнительной перспективе необходимо выделить несколько ключевых вопросов, касающихся методологии исследования и определения самой предметной области. Прежде всего необходимо

выяснить, что является неотъемлемыми атрибутами лидерства, которые далее подлежат сопоставлению и измерению в эмпирических исследованиях.

1. Первое, что не вызывает сомнения у большинства исследователей, — это **личностный компонент лидерства**. Определяя задачу поиска в личности отдельных оснований для сравнения политиков между собой, исследователи пошли разными путями. Так, одни избрали своим предметом **ролевые** компоненты, имеющие более функциональный, нежели собственно личностный, характер. Сравнение между собой, например, двух президентов или двух депутатов парламента (раздел 3), выполняющих одну и ту же роль, позволяет рассмотреть собственно личностные факторы, определяющие исполнение этой роли. Здесь возникают возможности не только сравнить вес личностного фактора в целом при исполнении лидерской роли, но и подойти к эмпирическому изучению эффективности поведения лидера.

В данной области исследования есть немало дискуссионных вопросов. Среди них, например, остается далеко не решенным вопрос о том, что первично : роль или личность политика, которая определяет выбор данной роли. Неясно и то, является ли лидер продуктом своего статуса или именно личность придает роли лидера блеск¹. Так, недавний уход со своих постов двух крупных российских политических лидеров, последовательно занимавших пост премьер-министра, Черномырдина и Примакова хорошо иллюстрирует роль личностных и статусных компонентов их лидерства. После ухода Черномырдина, несмотря на активные попытки вернуться в большую политику, его рейтинги резко упали. Примаков, потерявший свой пост, не только остался среди фаворитов российской политики, но и заработал еще больший авторитет. Ничем иным кроме обаяния личности в данном случае это объяснить нельзя.

Кроме роли исследователи обращают внимание на такие личностные компоненты, как **мотивационно-потребностная сфера**. Существует множество различных личностных потребностей, которые так или иначе связаны с политической деятельностью лидера и могут быть объектом сравнения. Однако можно выделить несколько основных потребностей, мотивирующих политическое поведение лидеров:

¹ См. известную работу Дж Барбера о законодателях (*J Barber The Law-makers*).

- потребность во власти;
- тесно связанная с потребностью во власти потребность в контроле над событиями и людьми;
- потребность в достижении;
- потребность в аффилиации, т.е. в принадлежности к какой-то группе и получении одобрения.

При том что потребности во власти и в контроле привлекли к себе наибольшее внимание исследователей политического лидерства, сегодня никто из них не оспаривает того факта, что каждая из четырех названных потребностей имеет свое значение для поиска причин, объясняющих политическое поведение лидера. Сравнительный анализ мотивов, например у двух президентов М. Горбачева и Дж. Буша, позволил Д. Уинтеру с соавторами дать американским политикам важную информацию накануне саммита¹.

Несомненный интерес для исследователей политического лидерства представляет *когнитивная сфера* личности. Особенности того, как принимает лидер решения в сфере международной или внутренней политики, как ведет торг со своими противниками и выходит из конфликтов, коренятся в устройстве его когнитивных процессов, имеющих индивидуальные особенности. Исследования когнитивного стиля, стиля принятия решений, особенности политического менталитета и операционального кода лидеров лежат в данной плоскости.

Эмоциональная составляющая поведения лидера, как ни странно, изучена значительно меньше, чем когнитивная². Казалось бы, именно иррациональный характер воздействия лидера на окружающих должен был подвигнуть исследователей на внимание к этому компоненту личности. Однако серьезных исследований, посвященных этой теме, единицы.

Еще одним компонентом личности лидера, привлекающим внимание политических психологов, является *«Я-концепция» и самооценка* лидера. Так, многие политические психологи, исследующие лидеров, обращают внимание в первую очередь на *уровень самооценки* политика, справедливо полагая, что их сравнительный анализ ли-

¹ Winter et al. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy // Political Psychology. Vol. 12. No 2. 1991. P. 215–243.

² См.: Davies A. F. Skills, Outlooks and Passions // A Psychoanalytic Contribution to the Study of Politics. Cambridge, 1980.

дерев можно проводить, сопоставляя этот показатель, который можно измерять как непосредственно, так и дистантно.

Так, выяснилось, что чем выше самооценка у политиков, тем хуже они реагируют на ситуацию, тем ниже их реактивность. Лидеры с высокой самооценкой менее зависимы от внешних обстоятельств, они имеют более стабильные внутренние стандарты, на которых основывают свою самооценку.

Я-концепция, т.е. осознание человеком кто он, имеет несколько аспектов. Наиболее существенные из них — это образ «Я», самооценка и социальная ориентация политического лидера. У. Стоун считает¹, что самооценка — позитивное чувство в отношении себя, понимая его как самоуважение. Д. Оффер и Ч. Строзаер² рассматривают образ «Я» политика, который соответствует «общей сумме восприятий, мыслей и чувств человека по отношению к себе»... «Эти восприятия, мысли и чувства могут быть более или менее ясно проговорены в образе “Я”, в котором “Я” разделено на шесть различных частей, тесно взаимодействующих»: физическое «Я», сексуальное «Я», семейное «Я», социальное «Я», психологическое «Я», преодолевающее конфликты «Я».

Важной основой для сравнительного анализа Я-концепции политических лидеров является ее сложность. Под этим термином Р. Зиллер и его соавторы³ понимают как число аспектов «Я», воспринимаемых политическим лидером или как степень дифференциации Я-концепции. Р. Зиллер в другом своем исследовании, проведенном в 1973 г., обнаружил, что люди с высокой сложностью Я-концепции имеют тенденцию стремиться к получению большей информации перед принятием решения, чем обладающие низкой. Поскольку сложность Я-концепции связана с восприятием сходства с другими людьми, то политики с высокой сложностью Я-концепции более вероятно воспримут информацию от других, так же они имеют тенденцию легче ассимилировать как позитивную, так и негативную информацию и, таким образом, реагировать на ситуацию на основе обратной связи, чем лидеры с низкой сложностью Я-концепции.

¹ Stone W. The psychology of politics. N.Y., 1974.

² Offer D., Strozier Ch. Reflections on leadership // The Leader. Ed. D. Offer, Ch. Strozier. N.Y., 1985. P. 301–313.

³ Ziller R., Stone W., Jackson R., Terbovic N. Self-other orientations and political behavior // A psychological examination of political leaders / Ed. M. Hermann, T. Milburn. N.Y., 1977. P. 176–204.

Таким образом, личность политического лидера в целом, как некая система свойств, и отдельные эти свойства и характеристики представляют для исследователя лидерства несомненный интерес. Однако заметим, когда речь идет о лидерах национального уровня, то, как правило, ни последователи этого лидера, ни политические психологи не имеют возможность оценивать их непосредственно. Мы имеем дело с их **вербальным или визуальным имиджем**, сконструированным имиджмейкерами и транслируемым через средства массовой информации. Здесь таится возможность мифологизации образа политика, который превращается в некий артефакт и обретает виртуальную реальность. Возникает вопрос: в какой мере реальная личность политического лидера пересекается со своим виртуальным двойником? С неизбежностью возникает и проблема посредников, участвующих в создании имиджа: политических консультантов, советников, журналистов, являющихся архитекторами и режиссерами одновременно. Вносят свой вклад в конструирование имиджа политика и его противники и партнеры.

2. Помимо личности в качестве основания для сравнительного анализа лидерства используется фактор **среды**. Ее истоки лежат в традиции *ситуативных теорий лидерства*. Считается, что появление лидера есть не столько его собственная заслуга, сколько результат места, времени и обстоятельств. Так, *атрибутивные теории* прямо рассматривают лидера как своего рода марионетку, получающую прямые указания и власть от своих последователей, которые приводят его в движение как кукольник свою куклу.

Данная точка зрения предполагает, что лидер отражает цели группы и действует от ее имени. Таким образом, для понимания лидерства необходимо иметь представление об ожиданиях и целях последователей, которые также можно изучать в сравнительной перспективе. Нам представляется, что это весьма продуктивное направление, если учесть, что такое «отражение» политического лидера в сознании последователей не полностью адекватно реальной личности лидера. Правда, оно имеет и самостоятельное значение для понимания природы лидерства. Ведь последователи идут не за тем, кого они обязательно знают лично, а за тем, кто существует в их сознании как «виртуальная реальность». Именно этот образ и вызывает их чувства и побуждает принимать решения.

Э. Хартли предложил свою модификацию этой теории. Он предположил, во-первых, что если человек становится лидером в одной

ситуации, не исключено, что он им станет и в другой. Во-вторых, в результате стереотипного восприятия лидеры рассматриваются группой как «лидеры вообще». В-третьих, став лидером в определенной ситуации, человек приобретает авторитет, который способствует его избранию и в следующий раз. В-четвертых, лидером чаще выбирают человека, имеющего мотивацию к достижению этой позиции.

Однако такая размытая формулировка не сняла проблемы односторонности теории, и, как это часто бывает, два крайних варианта породили третий, более или менее компромиссный, — *личностно-ситуативные теории*. В частности, еще в 1952 г. Г. Герт и С. Милз¹ выделили четыре фактора, которые необходимо учитывать при рассмотрении феномена лидерства:

- 1) черты и мотивы лидера как человека;
- 2) образы лидера и мотивы следовать за ним, которые существуют у последователей;
- 3) характеристики роли лидера;
- 4) институциональный контекст, т.е. те официальные и правовые параметры, в которых работает лидер и в которые он и его последователи вовлечены.

Большинство исследователей понимают этот феномен как взаимодействие лидера и его последователей, которое может быть рассмотрено либо с акцентом на лидере, с акцентом на последователях, либо как результат их взаимного влияния.

3. Таким образом, выделяя различные основания для сравнительного анализа политических лидеров (личность в целом и ее отдельные компоненты, среда, ситуация, взаимодействие лидера и последователей, образы политических лидеров в сознании граждан), мы получаем инструмент, позволяющий сопоставлять уникальные объекты, каковыми являются лидеры. Форма, в которой это сопоставление осуществляется, может быть различной. Это case-studies, типологические исследования, количественные данные опросов по образам политиков в массовом сознании и качественные психологические портреты, это биографические исследования и анализ средового контекста в форме коллективного портрета элиты, это сравнительные исследования межкультурного и внутрикультурного свойства.

¹ Gerth H., Mills C. W. A sociological note on leadership // J. E. Hulett and R. Stagner. Problems in social psychology. Urbana, 1952.

§ 3. ЛИДЕРСТВО В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Проблема личности лидера всегда была центральной в анализе российской политики. Никто из специалистов не ставит под сомнение, что для российской политической культуры во все времена — от Ивана Грозного до Ельцина — было характерно особое значение личностных составляющих политического процесса. Российская история не может быть понята без учета того, КТО правит страной, независимо от его титула: царь, генсек или президент.

Описывая дореволюционный период, исследователи традиционного выделяют сакральный характер царской власти, которая имела не столько правовую, сколько религиозно-мистическую легитимацию. Гораздо меньше внимания в литературе уделяется собственно психологическим аспектам исполнения высшей политической роли. Исключение составляет замечательная работа Г. Чулкова¹, в которой упор как раз сделан на дифференцировании психологических характеристик российских царей. Однако во всех работах о политических лидерах той эпохи не ставится вопрос о личностных качествах, которыми должен обладать царь, чтобы его воспринимали не просто как исполнителя функции, пусть и священной, но как личность.

Советский период принес не только новый тип лидера, но и поновому поставил проблему его легитимации. Даже простое перечисление лидеров советского периода: Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко — показывает, что общее основание в виде политического режима еще не означает единообразия в типе лидерства. Распространенная концепция, трактующая лидерство советской эпохи в терминах авторитаризма—тоталитаризма, не дает адекватного объяснения психологическим отличиям перечисленных лидеров, того, почему столь отличными оказались эпохи их правления и в какой мере причиной тому стали их личностные особенности, а в какой — природа системы.

Если в отношении харизматических персонажей (Ленин, Сталин, отчасти Хрущев) ясно, что они были личностями с яркой индивидуальностью, то брежневско-черненкоковский период позволяет говорить скорее об отсутствии тех качеств, которые принято называть «личностными». Один из респондентов в нашем исследовании сравнил речь советских политиков с тарахтением трактора: ему запомнился звук,

¹ Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. М., 1991.

лишенный смысла. Стереотипные фразы, безликая внешность непривлекательных, далеко не молодых и «одинаковых» лидеров — таков узнаваемый портрет политика позднесоветского периода на всех этажах власти. Более того, выделяться, обладать индивидуальностью было противопоказано для тех, кто делал политическую карьеру.

Приход Горбачева¹ и других лидеров перестройки был революционным с точки зрения стиля. В политику вернулись яркие неповторимые индивидуальности. Личностно окрашенными стали их речь, поступки, внешность. Чем более непохожими на прежних лидеров, критичнее были их выступления, тем больше был шанс выдвинуться. Политика с 1985 г. становилась все более публичной, а следовательно, вопрос о том, чего от политика ожидает общество, превратился в один из главных для установления новых демократических норм. Телевидение сделало отличия между политиками видимыми и слышимыми.

Постперестроечный период привнес новую смену парадигмы лидерства. Прежде всего сменились доминирующие роли. Пришедшие на волне перестройки «чисто политические лидеры» были привлекательны в силу необычно яркой риторики, манеры общения и идеологического разнообразия. На политической сцене, особенно парламентской, блистали шоумены. Выборы 1993 г. со всей остротой поставили перед политологами необходимость объяснения феномена Жириновского, в котором наиболее наглядно сконцентрировался тип лидера, завоевавшего голоса избирателей за счет риторики, актерских данных и внешней броскости.

В последующие годы этот тип в целом оказался вытесненным новой политической модой. На его место пришел лидер, наиболее ярко представленный московским мэром Лужковым: профессионал, хозяйственник, занятый строительством храмов и домов, уборкой улиц и украшением столицы. Он всячески подчеркивает, что политика его мало интересует. При этом в последние годы он занял четкие националистические позиции по ряду ключевых политических вопросов и получил поддержку со стороны более чем 80% избирателей.

На первый взгляд этот тип лидера похож на своих коммунистических предшественников. Но на самом деле возврата к старому стилю не происходит. Это публичный политик, одаренный коммуникативными способностями, гибкий и неординарный, использующий в

¹ См., напр.: *Glad B. The psychological Roots of Gorbachev's Performance as Leader of the Soviet Union // Paper Presented at the ISPP Meeting, Helsinki, 1991.*

своей практике местный колорит и деятельно решающий повседневные проблемы. Подражающие Лужкову региональные лидеры получили максимальную поддержку на губернаторских выборах в 1996–1997 гг. Этот тип преобладает в то время и в верхней палате российского парламента — Совете Федерации.

После августа 1998 г. политическая мода вновь сменилась. Подражание аполитичности Лужкова было оправдано лишь до дефолта. Действительно в конце 1997 — начале 1998 г. исследования фиксировали утрату гражданами интереса к политике. Экономический кризис усилил интерес граждан к политической позиции лидеров. Замеры настроений избирателей показывали, что прежде чем решить, кто ему нравится, избиратель пытается выяснить, во что политик верит. С кем он и против кого выступает. Левый он или правый.

Начиная с 1999 г., когда Путин был вначале назначен премьер-министром, а затем избран Президентом, в российской политике произошла смена типа лидерства. Здесь можно обсуждать, то ли российские политики в очередной раз выстроились за новым лидером, то ли ситуация сделала востребованным именно этот тип лидерства, но факт остается фактом: ярких и харизматичных лидеров ельцинской эпохи сменили политики более скромные, скорее непубличные. Те, кто пришел в российскую политику вслед за Путиным, ведут себя совсем не так, как политики предшествующего периода.

Этот краткий исторический экскурс показывает, что

— личностный фактор был значим в российской политике на всех этапах независимо от качеств конкретных лидеров, их достоинств и недостатков, от того, был ли лидер просто бюрократом или отличался яркой индивидуальностью;

— собственно индивидуальность, индивидуальная неповторимость, впервые стала рассматриваться как необходимый компонент лидерства лишь с развитием публичной политики;

— социальный и политический кризис последних лет потребовал от лидеров демонстрации их личностного потенциала. При этом набор личностных переменных оценивается гражданами как в целом (общее восприятие), так и дифференцированно в контексте политической ситуации. Чтобы удержаться «в седле» в кризисной ситуации, политику приходится быстро реагировать на изменения ожиданий избирателей и демонстрировать свое политическое «лицо» с разных сторон. Иногда при этом возникает ощущение, что это оно за какие-то дни меняется до неузнаваемости.

При анализе образа политика мы пользовались принятыми в психологии тремя измерениями личности, предложенными еще Дж. Осгудом: это привлекательность, сила и активность. Мы исходили из того, что все оценки гражданами политиков (как рациональные, так и иррациональные) можно проинтерпретировать через эти три личностных измерения, для чего мы строили соответствующие психологические шкалы.¹

Эти параметры используются для оценки реального политика и для описания его «идеального прототипа», который должен быть «приятным во всех отношениях», сильным и активным. Считается, что принятие гражданами решения о том, нравится или не нравится им политик, своего рода «примерка» идеального прототипа на того или иного исполнителя политической роли. Если живая модель соответствует шаблону, то политик принимается гражданами.

В реальности оценки того или иного политика хотя и сопоставляются с идеальным прототипом, но выявленные отклонения парадоксальным образом не всегда приводят к отказу от голосования. Более того, сам выбор гражданами конкретного политика подчас основывается на системе ценностей, которая может не совпадать с социально одобряемой. В таком случае подлинные ценности, служащие основой выбора, не осознаются человеком и носят иррациональный характер, что отражается на восприятии политических лидеров, опосредуемом этими «скрытыми ценностями». В таком случае ответы респондентов об их предпочтениях и намерении голосовать могут не соответствовать реальности и не работают как надежный инструмент прогноза. Их необходимо дополнить исследованием бессознательных установок, в которых заложена система ценностей респондентов, которая им может ощущаться как «неправильная» с точки зрения принятых норм.

ГЛАВА 13

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ

Создание психологического портрета, или профиля политика, — один из самых важных видов политико-психологического исследования. В отличие от популярных политических биографий, написанных журналистами, психологический портрет создается профессиональным политическим психологом с определенной целью: выявить наиболее существенные элементы в структуре личности политика. Использование такого портрета может быть различным. Так, он может быть использован консультантом для обеспечения эффективности деятельности политика в ситуации стресса, в ходе подготовки к публичным выступлениям, в ходе тренинга или для работы не столько с личностью лидера, сколько с его имиджем.

При этом есть случаи, когда знание психологических характеристик политика используется его противниками. Самым знаменитым из них стал известный Уотергейтский скандал, когда в ходе предвыборной борьбы сторонниками действующего в тот момент Президента США была сделана попытка выкрасть из кабинета психоаналитика папки с психологическими данными на сотрудников оппозиционного кандидата, чтобы впоследствии оказать на них психологическое давление. Поэтому политический психолог должен соблюдать нормы профессиональной этики, которые призваны защитить интересы клиента, и при этом не навредить третьим лицам, если по ходу работы ему приходится их исследовать. Нередко, публикуя те или иные материалы, касающиеся исследуемых политиков, политический психолог зашифровывает полученные данные. Это, однако, не касается тех данных, которые не были получены в ходе специально заказанного клиентом исследования и на которые клиент не имеет эксклюзивного права.

§ 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКОВ

Политическим психологам, изучающим личность лидера, редко выпадает возможность непосредственного знакомства с объектом своего научного интереса. Это, конечно, случается в ходе политико-психологического консультирования политиков. Но, чем выше позиция, занимаемая политиками, тем более насторожены они в отношении консультантов и тем реже привлекают специалистов. Что касается первых лиц государства, то, конечно, есть примеры привлечения консультантов для решения конкретных политических задач, но в России это случается чрезвычайно редко.

В случае возможности доступа к политику политический психолог может использовать весь арсенал инструментов, которые есть в арсенале общего психолога. В качестве ограничителя выступает постоянное отсутствие времени у политика, что делает невозможным применение многих методик, требующих определенного времени для их использования. Кроме того, использование экспресс-методик позволяет не только сэкономить время, но и убедить клиента в эффективности работы консультанта, что нередко является весьма насущной задачей при работе с политиками.

В большинстве случаев политические психологи для исследования лидеров используют **дистантные методы**, позволяющие наблюдать за политиками на расстоянии. Так, для создания психологического профиля широко используется анализ видеозаписей выступлений лидеров, тексты их публичных выступлений.

При этом существует распространенная практика использования не только аутентичных текстов политика, например ответов на вопросы журналистов на пресс-конференциях, где политик редко может пользоваться «домашними заготовками», но и текстов, написанных спичрайтерами. Считается, что, во-первых, первые лица государства сами подбирают спичрайтеров, которые разделяют их взгляды, а во-вторых, политик не может публично произнести текст, с которым он внутренне не согласен. Следовательно, этот текст отражает не только его взгляды, но и структуру личности политика.

В наших исследованиях личностей российских лидеров мы использовали самые разные методы. Прежде всего эффективными оказались методы психологического анализа текстов политиков на предмет выявления через них **неосознаваемых мотивов** (методика Д. Уинте-

ра)¹. Не менее ценные данные о политических взглядах политика дает использование методики выявления **операционального кода** политика через анализ его текстов².

Так, в исследовании личности В. В. Путина (см. § 2) мы выявляли личностные психологические характеристики посредством анализа его текстов. При этом мы брали три разных типа текстов: во-первых, биографическую книгу «От первого лица», написанную журналистами со слов Президента, где, несомненно, присутствует авторская позиция и факты биографии, которые рисуют определенные черты его личности, хотя, конечно, и обработанные журналистами. Во-вторых, это тексты президентских посланий, очевидно, написанные спичрайтерами, но произнесенные самим Президентом. И, в-третьих, ответы на вопросы журналистов на пресс-конференциях, которые являются аутентичными.

Рассматривая блок «ранних» текстов как успешный, обеспечивший стабильный высокий рейтинг (или по крайней мере не препятствовавший таковому), мы смогли выявить ряд важнейших психологических составляющих личности Президента, ответственных за «успешность», и проследить их динамику в поздних текстах, а также основные тенденции развития.

Специалисты используют также качественный и количественный **контент-анализ** текстов речей, интервью и видеозаписей, который позволяет воссоздать «лингвистическую личность» политика.

! **Психобиографический метод** позволяет с помощью анализа биографических вех в жизни политика выявить важнейшие факторы его социализации и объяснить многие неосознаваемые им самим мотивы и поступки в сфере политики.

Метод создания психологического профиля политических деятелей предполагает выявление ведущих личностных структур политика, которые объясняют логику принятия им ключевых решений, что позволяет прогнозировать его поведение и в ситуации консультирования, оказывать ему помощь в принятии решений.

Кинесико-проксемический анализ поведения политиков предполагает анализ внешнего рисунка его поведения, что позволяет через изучение невербальных сигналов выявить неосознаваемые осо-

¹ См.: Уинтер Д. и др. Личности Буша и Горбачева, измеренные на дистанции // Хрестоматия по политической психологии; под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2004.

² Там же.

бенности его личности и устранить коммуникативные барьеры в общении политика и граждан в ситуации публичных выступлений.

Метод анализа видеозаписей «кадр за кадром», позволяющий исследовать вербальные и невербальные паттерны поведения.¹

Все перечисленные методы требуют для своего применения не только профессионализма в исполнении и соответствующей профессиональной этики, но и навыков в интерпретации полученных результатов, которые складываются не только из собственно психологических методик, но и из умения соединять их с анализом политического контекста, в котором действует политик и который придает соответствующий смысл его поступкам. К сожалению, есть немало примеров того, как профессиональные психологи, не имевшие опыта работы с политиками, терпели неудачу в установлении контакта с клиентом в конкретной политической ситуации, которую они плохо понимали. Отсюда можно сделать вывод, что для эффективной работы политическому психологу недостаточно только владеть собственно психологическими методами. Ему необходимо грамотно анализировать политический контекст, знать расклад политических сил как в ситуации в целом, так и в ближайшем окружении политика.

Ниже мы приведем конкретные примеры анализа личности политиков, исполняющих разные политические роли: президента, партийного лидера, депутата. Мы пользовались для этого в каждом случае разными методами. Личность Президента мы исследовали на дистанции. У партийного лидера, с которым непосредственно мы не работали, удалось взять глубинное интервью. Депутата мы изучали в непосредственном общении и для анализа смогли собрать большой психологический материал как с помощью наблюдения, так и тестов.

§ 2. ПРЕЗИДЕНТ

Психологический профиль, операциональный код, политические убеждения В. В. Путина¹.

Для данного исследования личности действующего Президента РФ В. В. Путина нами был использован метод качественного контент-анализа текстов, который позволяет оценить некоторые психологические характеристики через анализ текстов его выступлений.

¹ Эмпирическая часть данного исследования выполнена В. Зориним.

Для анализа были отобраны тексты интервью **В. В. Путина**, использованные в период 2000–2002 гг. Текстовый массив формировался из спонтанных выступлений (тексты интервью и записи пресс-конференций).

В исследовании анализировались следующие переменные:

- **мотивы: власти, достижения и аффилиации;**
- «**операциональный код**», отражающий общее представление личности о природе политики;
- **три шкалы, оценивающие взгляды и убеждения личности как соответствующие или не соответствующие демократическим ценностям.** Данная методология опирается на методику, предложенную американскими политическими психологами Д. Уинтером, М. Херманн и др. и адаптированную для русскоязычных текстов¹.

Построение психологического профиля начнем с мотивационной структуры личности. Для любого психологического исследования выявление мотивации личности дает наиболее важные ключи к пониманию ее поведения и прогноза дальнейших поступков.

Прежде всего следует сказать о мотивах, имеющих наибольшее значение для анализа политического поведения.

Мотивационный профиль президента Путина характеризуется устойчивым равновесием мотивов власти и достижения (рис. 1).

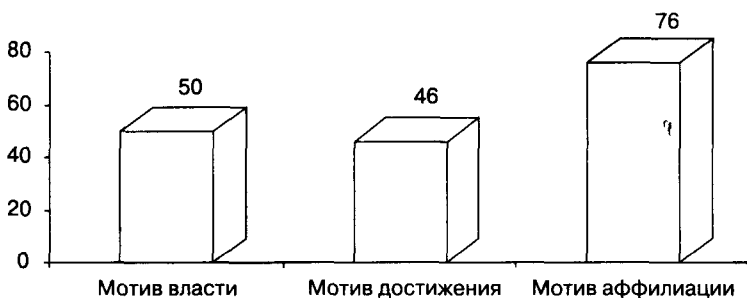

Рис. 1. Мотивационная структура личности В. В. Путина (в % по отношению мотивов друг к другу)

¹ Описание данной методологии см.: Уинтер Д., Херманн М., Уайнтрауб У., Уокер С. Дистантное изучение личностей Дж. Буша и М. Горбачева: развитие предсказаний // Политическая психология: Хрестоматия; под ред. Е. Б. Шестопаля. М., 2002. С. 93–103.

Примечательно, что при этом ни один из этих мотивов не является доминирующим. Некоторое преобладание наблюдается лишь в мотиве аффилиации. Политик этого типа сочетает умение сосредоточиться на исполнении своих деловых и профессиональных обязанностей и ориентироваться в политическом процессе, приспособливаться к изменениям конъюнктуры. Вообще ярко выраженное доминирование одного из этих двух мотивов позволяет причислить этого политика к четко выраженным и хорошо знакомым типам. Лидер, ориентированный на достижение в ущерб власти, — это «политик-предприниматель», который воспринимает власть как собственное предприятие, бизнес и подходит к исполнению своих функций с привычными для деловой среды критериями максимизации доходов и минимизации издержек. Противоположный тип — политик популистского типа («агитатор» в типологии Г. Лассуэлла), который обладает высокоразвитым лидерским инстинктом и стремится контролировать ход происходящих вокруг него событий, при этом такой политик не является экспертом в какой-либо отрасли экономики или политики и в решении своих задач делает ставку прежде всего на личные качества и способности. Путин не принадлежит ни к одному из двух типов, напротив, он занимает наиболее сбалансированное положение между этими крайностями. Он не одержим властью, хотя, несомненно, осознает ответственность, которую она дает, и умеет употреблять властные ресурсы для достижения своих целей. В то же время он не воспринимает политику как рутинную работу, способен подходить к ней творчески и получает от власти удовольствие.

Отличительной чертой мотивационного профиля Путина является довольно высокий уровень мотива аффилиации. Этот показатель характеризует личность, которая высоко ценит теплый климат межличностных отношений и ищет поддержку и одобрение результатов своей работы. Такой политик не склонен к конфликтам, с готовностью оказывает и принимает помощь, стремится к спокойствию и стабильности в обществе. Возможно, именно эта черта личности объясняет стремление Путина создать вокруг себя команду единомышленников. Для такого политика особенно важно «чувство локтя», чувство принадлежности к команде. Вместе с тем чрезмерно высокий уровень мотива аффилиации содержит в себе опасность, которая в политической психологии получила название «негативного цикла аффилиации»: если личность с очень высоким уровнем мо-

тива аффилиации не находит поддержки и понимания, к которым она стремится, то ее ответная реакция может носить характер защитной агрессии, что потенциально опасно в сочетании с сильно выраженным мотивом власти. Именно лидеры, сочетающие высокие показатели мотивов власти и аффилиации, наиболее склонны втягивать свои страны в войны и политические скандалы. В случае Путина вероятность таких осложнений невелика, так как мотив власти находится на среднем уровне и уравновешен мотивом достижения, который позволяет переключать внимание с личных интересов (добиться понимания и поддержки) на чисто технические, инструментальные аспекты проблемы. Тем не менее для Путина характерно стремление к поиску помощи и экспертизы со стороны специалистов в отдельных областях, без чего он неизбежно будет испытывать трудности при исполнении профессиональных обязанностей. Кроме того, для него не безразлична забота о собственном позитивном имидже и рейтинге. Еще одной важной особенностью политика с подобным мотивационным профилем является невысокая способность справляться со стрессовыми ситуациями. В случае неудач и потери привлекательности в глазах населения фрустрация может достичь высокого уровня и разрушить столь ценное им самим (и его избирателями) состояние стабильности и предсказуемости.

Помимо мотивов, для описания личности политика важно оценить его когнитивные структуры. В политической психологии методом такой оценки является анализ **«операционального кода» политика**.

Операциональный код — понятие, применяемое к политическому сознанию чаще лидеров, чем обычных граждан, было выработано в политической науке. Н. Лейтес, А. Джордж, С. Уолкер используют этот термин для обозначения «ответов» политиков на ряд философских (стратегических) и инструментальных (тактических) вопросов в политике. Например, в мышлении политика содержатся некоторые устойчивые представления о природе политики, о перспективах реализации их политических ожиданий, о возможности контроля над историческими событиями и т.п. С. Уолкер свел эти кластеры представлений в общую схему¹.

¹ Winter D., Hermann M., Veintraub W., Walker S. The Leader as a Projective Scene // Political Psychology. 1991. Vol. 12. No 2.

Операциональный код Путина позволяет описать его как политика, ориентирующегося на мир. В политическом пространстве он прежде всего стремится найти точку опоры в лице союзников, партнеров. Сочетание этого показателя со значительным преобладанием оптимизма над пессимизмом и воли над случаем характеризует Путина как политика, уверенного в своих силах, обладающего позитивным эмоциональным настроем и способного заражать этими настроениями своих последователей.

Путин ориентируется преимущественно на демократические ценности. Если в экономических убеждениях Путина прослеживается отчетливая либеральная составляющая, то в политической сфере — он выраженный государственник: у него, как, впрочем, и почти у всех других крупных политиков, за исключением Явлинского, достаточно высокие значения по шкале «этатизма» и низкие значения по шкале «антиэтатизма». В общем, идеологическая ориентация Президента может быть обозначена как «либерал в экономике — государственник в политике». Он понимает демократию как приверженность рыночной экономике и интеграцию России в мировое сообщество, но вместе с тем стремится осуществлять преобразования в данных сферах с опорой на государственные механизмы и с учетом приоритета национальных интересов.

Эти показатели, а также мотивационный профиль Путина адекватны роли лидера страны, находящейся в условиях стабильности. Именно это ставится в заслугу нынешнему Президенту России, именно это состояние общества наиболее приемлемо и благоприятно для него. В то же время необходимость вести страну к новым достижениям, предлагать перспективные направления общественного развития, генерировать идеи и убеждать общество в своей правоте — может стать серьезным вызовом для В. В. Путина.

«Языковая личность» В. В. Путина¹

В нашем анализе мы исходили из того, что личность проявляется в вербальной сфере (в выступлениях, произнесенных политиком или опубликованных в СМИ или книгах). Анализ того, что лингвисты называют «языковой личностью», т.е. анализ текстов Президента, был проведен методами контент-анализа и психосемантического

¹ Эмпирическая часть данного исследования выполнена Е. Кругловой.

анализа. Исследованию были подвергнуты десятки текстов как официальных выступлений, авторство в которых Путин, вполне очевидно делит со своими спичрайтерами, так и специально отобранные наиболее аутентичные тексты — интервью, пресс-конференции, где вопросы нельзя подготовить заранее и авторство которых единолично. Как показал контент-анализ, авторство путинских текстов можно установить достаточно точно.

Для работы использовалась компьютерная программа «Контент-анализ для Windows» (автор А. Н. Чураков)¹.

Основной проблемой при контент-анализе текстов публичного политика такого уровня является проблема авторства текста. Не секрет, что подготовкой речей и ответов на возможные вопросы занимаются профессиональные спичрайтеры.

Под авторским инвариантом понимается количественная характеристика литературных текстов (некий параметр), который:

а) однозначно характеризует своим поведением произведения одного автора или небольшого числа «близких авторов», и

б) принимает существенно разные значения для произведений различных групп авторов².

В результате проведенного исследования удалось найти такой показатель — это процент употребления служебных слов (частиц, союзов и предлогов). Этот показатель практически не контролируется автором и стабилен уже при выборке в 16 тыс. слов.

Для того чтобы проверить методику, был подсчитан процент служебных слов для нескольких известных произведений Льва Толстого. Получены следующие результаты:

«Метель» — 22,87%.

«Анна Каренина» (половина текста) — 22,92%.

«Хаджи-Мурат» — 22,93%.

¹ Для анализа было сформировано 4 текстовых массива объемом от 10 до 36 тыс. слов. Первый (Т1) — это текст книги В. В. Путина «От первого лица», в котором оставлен только текст, действительно написанный от первого лица (вырезаны вопросы корреспондента и комментарии других лиц). Второй (Т2) — тексты интервью и ответы Путина на вопросы, задаваемые журналистами на пресс-конференциях. Еще два массива текстов — официальные выступления В. В. Путина за январь (Т3) и октябрь 2001 г. (Т4).

² Фоменко В. П., Фоменко Т. Г. Авторский инвариант русских литературных текстов // А. Т. Фоменко. Методы статистического анализа исторических текстов. Приложения к хронологии. М., 1999. Т. 2.

«Детство. Отрочество. Юность» – 22,22%.

Как мы видим, максимальный разброс результатов равен 0,71%, что подтверждает гипотезу В. П. Фоменко и Т. Г. Фоменко.

Для анализируемых текстов Путина этот разброс критерия существенно больше и соответственно равен:

T1 (книга «От первого лица») – 23,92%,

T2 (интервью и пресс конференции) – 24,30%,

T3 (официальные выступления за январь 2001 г.) – 20,97%,

T4 (выступления за декабрь 2001 г.) – 21,76%.

Как считают В. и Т. Фоменко, если для двух исследуемых произведений процент служебных слов разнится больше, чем на единицу, то есть основания заподозрить различное авторство сравниваемых текстов¹.

Таким образом, первые два текста могут быть написаны одним автором, а третий и четвертый – каким-то другим или в соавторстве... Собственно, результаты лишь подтверждают предположения, что эти тексты пишут спичрайтеры и журналисты.

Эталонном, очевидно, является массив T2, так как ответы на вопросы, безусловно, принадлежат самому Путину. Даже если его консультировали, ЧТО ИМЕННО отвечать на те или иные вопросы, то подбор слов и выражений соответствует языковой личности Путина.

Для дальнейших исследований авторства можно принять процент служебных слов для текстов Путина равным 23,40.

Для всех текстов были вычислены стандартные коэффициенты (средняя длина слова, средняя длина предложения и т.д.) (табл. 1).

Таблица 1

Лингвистические особенности текстов Путина

	T1	T2	T3	T4
Средняя длина слова	5,06	5,55	6,26	6,04
Число предложений	2494,00	2419,00	700,00	1080
Средняя длина предложения в словах	9,35	15,00	14,43	14,15
Средняя длина предложения в символах	47,31	83,25	90,33	85,47
Лексическое разнообразие текста, %	17,20	11,54	23,84	19,25
Грамматическая сложность текста	1,04	1,98	1,36	1,4
Коэффициент Флеша-Кинсайда	3,6			

¹ Там же.

Средняя длина слова и средняя длина предложения в первую очередь свидетельствуют о сложности текста для восприятия, а также о когнитивной сложности как параметре личности Президента.

Как видно из таблицы, наиболее простым языком написана книга. Это подтверждает и коэффициент Флеша-Кинсайда, характеризующий уровень образования, который рассчитывается по формуле

$$(0,39 \times \text{СДП}) + (11,8 \times \text{СДС}) - 15,59,$$

где СДП — средняя длина предложения (число слов в документе, деленное на число предложений);

СДС — среднее число слогов в слове (число слогов в документе, деленное на число слов).

Рекомендуемое значение этого коэффициента для читателей со средним образованием 7–8, в то время как в тексте книги оно составляет 5,06, а в интервью и ответах на вопросы на пресс-конференциях — соответственно 5,55. Следовательно, в книге «От первого лица» и с журналистами на пресс-конференциях Путин (или записавшие его воспоминания журналисты) изъясняется более, чем простым языком.

В интервью (Т2) мы видим значительное увеличение длины предложения, в то время как средняя длина слова практически та же, что в книге и официальных выступлениях. В этом тексте также наблюдается самый высокий показатель грамматической сложности текста (это отношение числа запятых к числу предложений) и самый низкий показатель лексического разнообразия текста (это отношение числа групп к числу слов в процентах). Средняя величина лексического разнообразия текста равна 32–37%, т.е. индивидуальными характеристиками речи Путина можно считать относительную бедность языка при высокой грамматической сложности речи.

Что касается текстов официальных выступлений, то, основываясь на результатах анализа авторства, мы не можем делать выводы о языковой личности Путина. Как видно из табл. 1, данные по текстам Т3 и Т4 достаточно близки авторским и не противоречат жанру официального выступления.

Для всех текстов была подсчитана частота употребления следующих слов: «я», «мы», «меня, мне, мной». В литературе есть попытки психологической интерпретации их употребления в зависимости от характера, мотивации политической деятельности и стиля политического поведения. Результат подсчета отображен в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение местоимений (я/мы – я/меня)

	T1	T2	T3	T4
«Я»	2,38	1,26	0,51	0,58
«Меня» (все падежи)	1,17	0,45	0,05	0,0001
Соотношение частоты употребления «я» и «меня»	0,49	0,36	0,10	0,00
«Мы»	0,71	1,28	0,97	1,37
Соотношение частоты употребления «я» и «мы»	3,35	0,98	0,53	0,42

Прежде всего бросается в глаза, что в официальных выступлениях практически не встречается группа «меня». Возможно, это делается сознательно, так как существует гипотеза, что частое употребление слова «я» свидетельствует об активной жизненной позиции и решительности, а «меня», «мне», «мною» и т.д. — о пассивной. В T1 и T2 «меня» употребляется примерно в два раза реже, чем «я». Таким образом, вырисовывается тенденция, свидетельствующая, что автор этих текстов весьма активный, решительный в своем политическом поведении человек.

Очень высок процент употребления слова «я» в книге. Это в среднем каждое сороковое слово. Стоит сравнить этот показатель с ответами на вопросы.

Перевес «я» над «мы» очень велик в книге — почти в три с половиной раза (это можно интерпретировать как интровертированность и слабое отождествление себя с какими-либо группами), в официальных выступлениях «мы», напротив, употребляется в два раза чаще, а в интервью эти показатели примерно равны.

Чтобы судить о географической самоидентификации В. В. Путина мы попробовали определить соотношение упоминаний Санкт-Петербурга и Москвы. Подсчитывались все формы, например «Питер», «Ленинград» и т.д. (табл. 3).

Это соотношение для книги, фактически автобиографии, может служить своеобразной моделью отношения Путина к этим двум городам. Если можно так выразиться, Петербург для него важнее Москвы более чем в два раза. В интервью разница уменьшается до полутора раз, и в официальных выступлениях Москва преобладает, очевидно, из соображений политкорректности.

Таблица 3

Частота упоминаний Москвы и Санкт-Петербурга

	T1	T2	T3	T4
Петербург (Питер. Ленинград)	0,21	0,06	0,01	0
Москва	0,09	0,04	0,06	0
Соотношение «Москва—Питер»	2,33	1,50	0,17	0,00

В программе «Контент-анализ для Windows» реализована такая функция, как подсчет связей для определенного слова, при этом подсчитывается частота употребления всех слов из массива, сформированного из предложений, в которых данное слово содержится.

В связи с тем что все тексты произносились лично Путиным, то подсчет связей для слова «я» позволил выявить глаголы и существительные из тех фраз, в которых он говорил о себе.

Наиболее часто встречающиеся глаголы для контекста слова «я» (табл. 4).

Таблица 4

Был	1,16			
Работал	1,07			
Говорил	1,03	1,35		1,39
Думал	0,86	3,99		1,58
Считал	0,82	1,25		
Сказал	0,64	1,75	0,72	1,19
Понимал	0,56			
Начал	0,47			
Сделал	0,43			
Пришел	0,43			
Хотел	0,39	0,60	5,40	4,36
Решил	0,39			
Поблагодарить			1,44	1,19
Пронинформировать				0,79
Подчеркнуть				0,59
Поздравить			2,16	
Предлагаю			1,44	

Уверен			1,08	
Имею		0,45	1,08	
Знал		0,75		
Должен		0,40		

Обращает на себя внимание абсолютное преобладание в официальных выступлениях словосочетания «я хочу», но, как мы знаем, авторство В. В. Путина здесь относительно. В интервью, где максимально отражается индивидуальное своеобразие речи Президента, чаще всего встречается «я думаю» («я думал»), демонстрирующее высокий уровень рефлексивности. В книжке чаще всего встречается «был», это, очевидно, связано с жанром автобиографии.

Для Т1 лидерами являются две условные группы слов: отражающие вербальные («сказал», «говорил») и аналитические («думал», «считал», «знал») характеристики когнитивного стиля Президента. Практически не встречаются «кинестетические», «аудиальные» и «тактильные» глаголы (допустим «пошел», «увидел», «услышал» и т.д.). Здесь в пору предположить определенное внутриличностное противоречие между не слишком выраженной интеллектуализацией и решительностью характера, с одной стороны, и вербальными характеристиками — с другой. Иначе говоря, получатся, что характер, заданный глубинными особенностями личности («человек дела», «не теоретик»), и языковые средства выражения этого характера («думатель», «оратор») противоречат друг другу. Эта внутренняя противоречивость будет нами проанализирована далее.

Для политико-психологического исследования личности В. В. Путин представляет интерес также частое употребление глагола «хотел» в сочетании с «я» как в книге, так и в интервью. Можно предложить несколько интерпретаций. Прежде всего такое словоупотребление свидетельствует о значимости и даже напряженности мотивационно-потребностной сферы В. В. Путина. Примечательно, что если «я хотел» появляется достаточно часто и в книге и в интервью, то словосочетание «я решил» — только в книге. Таким образом, можно говорить о несовпадении сферы желаний со сферой воли, свидетельствующем об некой рассогласованности эмоциональной и волевой характеристик личности. Эти наблюдения нуждаются в дальнейшей

проверке, но указанные факты являются определенными диагностическими признаками, требующими внимательного анализа.

Наиболее часто встречающиеся существительные для контекста слова «я» даны в табл. 5.

Таблица 5

Знак	0,82			
КГБ	0,34			
Университет	0,34			
Год	0,30			0,4
Президент	0,26			
Питер	0,21			
Орган	0,21			
Проблема				0,99
Сегодня				0,79
Слово				0,59
Событие				0,4
Начало			1,08	
Вопрос		0,35	1,08	
Сфера			1 08	
Внимание			0,72	
Вид		0,45		

Для человека с достаточно невысокой когнитивной сложностью речи и мышления указанные существительные (особенно «знак», «орган», «университет», «сфера», «проблема») выглядят как некое противоречие стремлению говорить просто и даже предельно просто. Они служат доказательством более сложной психологической организации, чем Путину хотелось бы показать. Он демонстрирует имидж «простого парня», но скорее на самом деле — это тот, кто «косит под простачка».

Совершенно очевидна значимость той роли, которую в автобиографии В. В. Путина играют понятия «КГБ», «орган», «университет», «Питер». Понятна и субъективная значимость для него института президентства особенно в начале пути, когда готовилась книга «От первого лица». Более сложно объяснить значимость слова «вопрос», по существу главного в интервью, авторство которого нельзя поста-

вить под сомнение. Можно предположить, например, что Путин, как человек рефлектирующий, все ставит под вопрос и ничего не принимает на веру. С другой стороны, поскольку слово это выделено именно в сочетании с местоимением «я», стоит задуматься о том, не вызывает ли у него его собственная личность некие знаки вопроса, что может быть свидетельством определенной неуверенности в себе.

Однако больше всего интригует использование слова «знак». Это не просто сложное для употребления и интерпретации понятие, которое предполагает высокий уровень когнитивной сложности говорящего. Путин явно ищет некие знаки в событиях, которые происходят с ним. Эти знаки должны ему подсказать его путь. Это знаки судьбы, высших сил, которые ведут его по его пути. Такая интерпретация вполне соответствует данным психосемантического анализа. Это свидетельство не столько рационализма В. В. Путина, сколько некоего высшего знания, данного избранному судьбой человеку.

Использование слов «работа», «дело» в сочетании с «должен» — наиболее значимым словом из аутентичных текстов — рисует человека с высоко развитым чувством ответственности, поглощенного своей деятельностью, «трудоголика», служащего своей «стране, «России». Однако слово «Россия» для него не совсем синоним слова «страна». Вполне можно допустить, что страна для него несет несколько иной смысл, возможно, более узкий, чем Россия.

Столь же очевидно, что экономические проблемы не находятся в числе приоритетов Президента. К числу приоритетов скорее относятся «человек», «страна», «государство», «Дума».

Словарь В. В. Путина позволяет также высказать предположение, что в его личности вербальная и мыслительная активность ярко выражены, хотя он отнюдь не относится к числу записных ораторов. Об этом свидетельствует значимость в его словаре таких слов, как «говорил», «сказать», «знать», «думать».

Наиболее часто встречающиеся существительные и глаголы для всех текстов целиком приводятся в табл. 6.

Таблица 6

	T1	T2	T3	T4
Был	1,67			
Говорил	0,56			
Работа	0,54		0,51	0,4

Продолжение

Сказать	0,34			
Знать	0,30	0,38		
Год	0,24			0,48
Дело	0,24			
Человек	0,23			
Начать	0,23			
Хотеть	0,22			
Думать	0,22			
Должен		0,63		
Будем		0,61		0,45
Страна		0,43		0,42
Россия		0,40	0,71	0,76
Дума		0,40		
Государство		0,40	0,38	
Вопрос			0,37	0,37
Проблема			0,36	0,33
Сегодня			0,35	
Друг			0,33	
Экономика				0,32

Хотя для официальных текстов «Россия» часто употребляемое слово, в текстах интервью и книги оно используется значительно реже.

Интересно отметить, что одним из самых распространенных глаголов в интервью является глагол «будем (будет)». Это можно интерпретировать как определенную нацеленность на будущее.

Специально для данного исследования была написана программа, подсчитывающая число языковых клише (повторяющихся словосочетаний из двух, трех и более слов) в тексте.

В табл. 7 приведены наиболее часто повторяющиеся словосочетания из двух слов.

Таблица 7

	T1	T2	T3	T4
У нас	46	105	14	26
У меня	45			
Потому что	41	92		
Я не	38			
Не было	35			
В том	28	94	13	39
Что я	27			
Что-то	26			
Что это	26	66		
С ним	24			
Как-то	22			
И в	21		19	35
Это было	21			
Что он	21			
И не	21			
И я	21			
Когда я	20			
Думаю, что		92		25
Я думаю		71		
Вы знаете		62		
В этом		63		
В том что				
Не только			27	30
В этом			17	32
Но и			17	22
В этой			16	
Российской Федерации			15	
И не			12	
То что				30
Хотел бы				22
В России				22
Об этом				19
Еще раз				19

По количеству повторов можно судить о клишированности речи, о ее лексической бедности/разнообразии, а также выявить часто повторяющиеся словосочетания из пяти и более слов. Например, для текстов Путина это будут словосочетания: «в том-то и дело», «на самом деле», «в том числе и в», «уважаемые дамы и господа» и т.д.

Выделенные выше клише дают основания для выявления в «языковой личности» Путина определенных элементов пассивности при весьма решительном в целом характере (преобладание словосочетаний «у нас», «у меня»). Употребление частицы «не», обозначающей отрицание, в психологической литературе принято интерпретировать либо как выражение гнева, либо как наличие оппозиционности по отношению к каким-то важным для личности позициям. Употребление неопределенных выражений типа «что-то» или «как-то» трактуется как проявление чувствительности к критике, определенной тревожности и ответственности.

§ 3. ПАРТИЙНЫЙ ЛИДЕР

Case 1. Политик X — известный думский деятель. Анализ проведен на основе личного интервью. Вот что он говорит о себе и о власти:

Я был шестым ребенком в семье. Отец... был простым юрисконсультom, работал в Управлении Туркестано-Сибирской железной дороги. Он умер в год моего рождения в результате автомобильной катастрофы. Я стал сиротой.

Два брата были офицерами, приезжали в отпуск, военная форма, разговоры об армии, и в этом плане они повлияли на меня. Я мечтал стать офицером. Ну а сестры, они все старше меня. Я был самым младшим, особо конфликтовать мне было сложно. Я помню, что в детский сад не хотел ходить, а старшая сестра меня водила силой, и это мне не нравилось, и я с ней по этому вопросу конфликтовал, в том плане, что я сопротивлялся.

Мама ничего о политике не говорила. Она говорила, что без партбилета ничего не получить. В этом плане сожалела, что была однопартийная система. Знакомые... все мучались. По радио слушали информацию, воспринимали.

В школе, авторитет — преподаватель по истории. Мне этот предмет больше всего нравился. Спорил с учителями все время. За это мне снижали оценку за поведение. С ребятами тоже спорил (споры в основном политические). Уже тогда для меня социальное было важнее, чем личное. Я участвовал в политзанятиях. Сам проводил политзанятия. Это было интересно. Мои выступления нравились.

На первом этапе я верил тому, что говорят по радио, телевизору, но потом стали закрадываться сомнения. Я был комсоргом, и учительница двойки закрывала тройками, чтобы повысить успеваемость. Очковтирательство это называется. Вот это все видел я, моменты фальшивые. В детском саду, я из бедной семьи, а другие дети из богатых, приносили ей духи, конфеты, и воспитательница относилась к ним лучше, а ко мне соответственно хуже.

К лозунгам хорошо относился. Демонстрации любил. Все это красивое, оркестры, все веселые. Хорошо было. Голубей запускали.

В партию не вступил. Я критиковал и видел порочности системы, видел, что партия фальшивит, поэтому не хотелось участвовать в организации, которая обманывает. С годами это становилось все ощутимее.

Свобода определенная была. Мы из роготок стреляли по окнам, по лампочкам, дымовые шашки пускали в троллейбус.

Как нужно воспитывать детей ?

Главное, чтобы это был ребенок, которого хотят родители.

Идеальный отец должен больше заниматься воспитанием, чем мать, особенно воспитанием мальчика. Патриотическое воспитание, трудовое, половое, выбор профессии — это все должен делать отец. Идеальная мать. Ну... она... Идеальный вариант, когда два ребенка в семье. Девочка больше с матерью, отец с сыном, чтобы... обычно родители ругаются, они разрушают семью сами, ребенок растет, видит ругань, поэтому...

Моя мама старалась быть «идеальной». Она очень нас любила, все, что могла, отдала. Сын должен любить отца, звонить ему периодически и говорить: «Здравствуй, папа !» Заботиться об отце должен идеальный сын, но... Если идеальный отец, то у него идеальный сын, поэтому отец часто сам не дает то, что нужно ребенку. Воспитывать, учить жизни реальной, такой, какая она есть на самом деле. Если дурак, зачем ему учиться в вузе? Толку нет. Не надо делать ничего искусственно. Фальшь, фальшь... то есть ложная любовь, ложная профессия и потом ложным государство становится и ложная цивилизация.

Этот отрывок из интервью обнаруживает очень сложные и неоднозначные отношения респондента к власти. В первую очередь, очевидно, что для него как для личности и профессионального политика власть желанна, притягательна, ценна. Оброненные им детали составляют довольно явственный позитивный образ власти времен его детства и юности. Когда он вспоминает о чтении закрытого письма ЦК 1956 г., это означает, что члены его семьи должны были быть членами партии, которые к тому же плакали в день смерти Сталина.

Не следует особенно доверять словам **Х** о том, что его мать сожалела об однопартийной системе, а знакомые все мучились: это сказано, чтобы произвести на интервьюера вполне определенное политическое впечатление. Зато вполне достоверны его воспоминания о том, что по радио слушали информацию и ее воспринимали, что сам он участвовал в политзанятиях и ему это было приятно и интересно, что был он комсоргом, что лозунги и демонстрации он любил. Последнее высказывание окрашено очень личными и эмоциональными оттенками: с этими политическими символами нашей прежней жизни у **Х** ассоциируется все яркое, красивое, праздничное, веселое («Хорошо было. Голубей запускали»).

Образ власти у **Х** психологически соотносится с силой. Об этом можно судить косвенным образом по репликам, относящимся к не политическим, а чисто семейным отношениям. О том, как выглядит власть, он получил первое представление, когда против его желания мальчика силой водили в детский сад. Позитивным образом государственная власть, сила ассоциировались с братьями-офицерами, причем они сами, их форма так заворожили мальчика, что он стал мечтать о военной карьере. Таким образом, здесь мы имеем довольно любопытный симбиоз положительных и негативных ассоциаций респондента с властью. С одной стороны, позитивные характеристики связаны с ее восприятием как силы, причем военной (неслучайными, видимо, были и его недавние мечты о том, чтобы помыть сапоги в южных морях). Примечательно, что свободу от власти он понимал либо по-детски агрессивно (стрелял из рогаток по окнам, дымовые пашки пускал в троллейбус), либо пассивно, как сопротивление («конфликтовал в том плане, что сопротивлялся»).

С другой стороны, власть вызывает у него массу неудовольствий. Даже если вынести за скобки чисто конъюнктурные соображения о порочности прежней системы, остается одна весьма значимая (повторяющаяся в коротком интервью несколько раз) характеристика власти как **фальшивой**. Государство, партия, система, учительница — все они фальшивили, обманывали, занимались очковтирательством. Это очень серьезный момент в отношении между респондентом и политикой. Что стоит за этим? **Х** поразительным образом приоткрывает нам внутреннюю логику происхождения своих представлений о власти, претензии к которой имеют очень личный характер, говоря: «Фальшь, фальшь, т.е. ложная любовь, ложная профессия и потом

ложным государством становится и ложная цивилизация». Проследим эту логику. Она коренится в истории становления его личности, в опыте отношений власти и подчинения, полученном в ходе первичной политической социализации.

Х родился в первую послевоенную весну. Это главное событие всего повествования о его жизни. В тексте интервью его «Я» выпирает из рассказа, временами оттесняя даже отлитый в многочисленных книгах и интервью почти канонический имидж политика. Эгоцентризм **Х** достигает большого накала. Например, говоря о своей семье, он сообщает, что был шестым ребенком, но, рассказывая о смерти отца, объясняет, что именно он стал сиротой (про остальных братьев и сестер мы от него ничего не узнаем).

Исключительность нашего героя проявляется и позже, когда в шестилетнем возрасте он, узнав о смерти вождя всех народов, не плачет (а все кругом плачут). Он спорит и с учителями, и со сверстниками, в основном по политическим моментам. Вот здесь возникает сомнение в достоверности такого объяснения: скорее всего и тогда, и сейчас этот человек просто реализует свое Эго за счет других. Происходит это под влиянием тех травм его детского «Я», которые деформировали его Я-концепцию¹. Прежде всего в данном случае можно говорить о травмах его семейного и социального «Я», которые и побуждали его искать компенсацию в политике, во власти.

Комплексы **Х**, лежащие за его гипертрофированным «Я», проявляются в первую очередь в его неудовлетворенности социальным статусом семьи. Когда он сообщает, что его отец был *простым юрисконсультантом*, когда рассказывает, что после смерти отца семья очень нуждалась (вспоминает о продаже коровы, об ощущении бедности уже в детском саду), то становится ясным, что речь не идет о чисто материальных проблемах: наш герой страдает от социального унижения, избавиться от которого можно, только поднявшись на *самую высокую* ступень социальной лестницы.

Другой серьезной травмой Я-концепции является травма его семейного «Я». Сложные отношения **Х** к отцу, матери, братьям и сестрам были тем фундаментом, на котором позже выросли и его отношения с другими людьми, с властными структурами. Принято считать,

¹ Winter et al. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits, and Policy // Political Psychology. Vol. 12. No 2. 1991. P. 215–243.

что младшие дети в семье обычно получают больше ласки, чем старшие. Из интервью, напротив, можно сделать вывод, что перед нами человек, которому не додали заботы, ласки, которых заслуживает намного большего: лучших родителей, лучшую судьбу. Обида сквозит в целом ряде высказываний, причем довольно часто не осознается автором. Так, ему не нравится то, что он был шестым ребенком в семье (**идеальная семья — это отец, мать и максимум двое детей, родители должны хотеть ребенка, идеальный отец должен больше, чем мать, заниматься воспитанием ребенка, и т.д.**). Мы видим, что эти идеалы мало соответствуют обстоятельствам реальной жизни **X**. Он и дальше будет чувствовать, что он недостаточно защищен, когда в детском саду его мать не может сделать подарок воспитательнице, а в школе ему снижают отметки за то, что он спорит с учителями. Жизнь его обманула, она не дала ему того, что он заслуживает. Может быть, отсюда идет эта логическая цепочка, с которой мы начали: ложная любовь, ложная профессия, ложное государство? Может, здесь лежат корни того, что, отвечая на наши вопросы, **X** больше говорит не столько о реальных обстоятельствах своей жизни, сколько пространно описывает свои фантазии об идеальных близких? Во всяком случае, именно травма его семейного «Я» очень существенна для понимания того образа власти, который фиксирует интервью. Власть имеет для **X** компенсаторный характер. Не случайно представление об идеальном отце включает требование, которое он переносит и на власть: отец должен заниматься воспитанием, делать то, что нужно ребенку (т.е. **X**). За это идеальный сын скажет ему: «Здравствуй, папа!»

§ 4. ДЕПУТАТ

Мы выбрали для анализа достаточно неординарный случай — женщину-политика, покидавшую стены ГД и вновь вернувшуюся туда. Депутат **Z** принадлежит к либеральной части спектра. В Думе она пробыла более чем один срок, будучи избранной оба раза по партийному списку. Свой второй срок она не окончила, получив приглашение на пост министра в одно из «технических» правительств. Внешне **Z** весьма привлекательная и приятная в общении молодая женщина. О ней в Думе многие отзываются как об одном из наиболее квалифицированных и профессиональных политиков. Она внесла существенный вклад в создание ряда законов. После ее ухода в правительство отношения с коллегами по фракции у нее испортились,

хотя внешнему наблюдателю трудно сказать, было ли это результатом политической самостоятельности **Z**, принявшей решение против воли лидера фракции, либо просчета ее в отношениях с коллегами. Наш анализ опирается на наблюдения в ходе консультирования и многочисленные психологические тесты и глубинные интервью.

Социализация

Ранняя семейная социализация проходила у **Z** достаточно благоприятно. Любящие родители имели единственного ребенка. Отец до сих пор является образцом для подражания. Не случайно в школе **Z** была не способна к чистописанию, пению, рисованию. От мамы унаследовала жизненную силу.

Семья дала **Z** психологическую устойчивость, эмоциональное благополучие. Одновременно, привыкнув быть центром семейной вселенной, она и в зрелые годы ожидает к себе внимания. Вообще в выступлениях депутата **Z** нередко проглядывает такая умненькая девочка, прилежная и ждущая похвалы. Отсутствие братьев и сестер, глубоких детских воспоминаний о дружбе со сверстниками (при положительном опыте общения с ними) не дали **Z** навыков общения на равных и сделали ее собственным стилем общения достаточно прохладным и отстраненным.

Детский сад, в который **Z** ходить не любила, не занимает в ее рассказе о себе много места. Однако не исключено, что именно этот институт социализации дал ей не просто негативный опыт, **но и породил психологические травмы**. Так, она не могла вспомнить причину заикания, но это относится именно к детсадовскому периоду.

Школьный опыт социализации воспринимается **Z** позитивно. Ни ученики, ни учителя не вызывали у нее негативных эмоций. Период раннего отрочества оставил интересную и лично значимую память. К ней в школе относились очень хорошо.

Годы учебы в институте и работы сформировали у **Z** определенный опыт, который накладывает как позитивный, так и негативный оттенок на ее личность и особенно на политический имидж. Она училась легко как в школе, так и в институте. Ее самооценка подкреплялась успехами. Хотя успехи эти дают прекрасный старт для карьеры, но и сам институт, и лаборатория, где она работала, а затем была руководителем, чрезвычайно бедный жизненный опыт. Отсюда хорошее самоощущение только в знакомой интеллигентской среде и незнание того, как себя вести в иных социальных группах. Опыт руководства

15 сотрудниками заставляет вспомнить такой же неудачно обыгранный опыт заведующего лабораторией Гайдара и других младореформаторов. В связи с этим у **Z** проявляются две проблемы. Одна — отсутствие разнообразного общения. Ее отчасти компенсирует работа в Думе. Другая — это неполное осознание того, как ее биография видится со стороны.

В биографии женщины-политика следует особенно внимательно проследить ее линию личной жизни. Она у **Z** — наиболее яркая часть биографии. Женщина, впервые вышедшая замуж в 36 лет, да еще за депутата, безусловно, интересна. С одной стороны, **Z**, необыкновенно женственна и обаятельна, с другой — выглядит как настоящий синий чулок: подбросила своего маленького ребенка родственнице и не умеет ценить свое женское начало, гордиться им и использовать женские стратегии поведения. Чрезмерная прямолинейность, акцент на профессиональной компетентности — серьезная психологическая прореха в исполнении роли депутата.

Структура личности

Потребностно-мотивационная сфера. Доминирующей, бьющей через край потребностью личности **Z** является *потребность в социально значимой деятельности*, ориентированной на интеллектуальное самовыражение и управление социальной реальностью. По всей видимости, **Z** является типичным представителем весьма не часто встречаемого среди политиков типа **самоактуализирующейся личности**. В комплекс качеств, характерных для этого типа людей, входят потребность в самореализации, увлеченность делом, способность к переживанию проблем своей группы (страны в целом) как своих собственных, умение видеть действительность такой, какова она есть без искажений и др. Этим набором качеств **Z** обладает.

Богатый внутренний мир, интеллектуальная ориентированность, способность глобально мыслить и чувствовать, эмоциональный комфорт, чувство внутреннего удовольствия делают натуру самодостаточной. В определенной степени мир воспринимается как источник непредсказуемости и возможных неприятностей. Этот мир надо контролировать. **Потребность в контроле** весьма значима для личности. При этом потребность во власти, разновидностью которой является потребность в контроле, выражена не явно и не носит компенсаторного характера.

Потребность в достижении очень высока. И что важно, носит не компенсаторный, а спонтанный характер. **С потребностью в аффилиации не все обстоит благополучно.** Потребность эта явно ниже

остальных в личности **Z**. Это сказывается в том, что люди значат для нее меньше, чем организация, дело. Будучи самодостаточна, она не нуждается в них так, как, возможно, они от нее ожидают.

Z опирается на адекватно высокую самооценку, признание своего профессионализма, социальной значимости. В то же время в натуре есть застенчивость, местами скованность. Несмотря на жесткость позиций, женский стереотип поведения преобладает, а это значит, что в сложных ситуациях может испытывать потребность в поддержке, в сильном плече рядом.

Таким образом, ведущей является потребность в достижении. Следом за ней идет потребность в контроле. Наименее развита потребность в аффилиации, при том, что **Z** может и хочет работать в команде.

Самооценка у **Z** высокая. Для нее характерна неудовлетворенность своим положением в социуме, стремление обрести большее признание. Признание себя «великой», ощущение своей необычности, непохожести на других отчасти соответствуют реальности. Правда, здесь просматривается и опасность неадекватной самооценки, неумения соразмерить самооценку с оценками окружающих, усиливаемые интровертированностью, ориентацией на себя, а не на других. При этом развитая интуиция может скомпенсировать этот недостаток.

Я-концепция у **Z** сложная, нюансированная. Она склонна к рефлексии и самоанализу. **Отдельные компоненты Я-концепции нуждаются в детализации и проработке.**

Семейное «Я» у **Z** вполне благополучно. Она идентифицирует себя с отцом как в отношении лидерских качеств, так и по той роли, которую она как лидер хотела бы играть, это роль реформатора, генератора идей, но никак не исполнителя.

Семейное «Я», связанное с замужеством и семейными отношениями с родственниками мужа, другая, чрезвычайно благодарная линия. Добрые отношения, взаимопомощь (не только помощь с их стороны) с родней мужа помогут прорисовать патриархальные нравы в семье и компенсируют «феминистскую» часть образа.

Социальное «Я». **Z** относит себя к интеллигенции. В некоторых ее высказываниях, а чаще в позе, взгляде и других невербальных проявлениях она дает понять свою элитарность. При этом, описывая свою работу в лаборатории, говорит: «Мы были черная кость, рабочие лошадки» по сравнению с теми, кто работал на кафедрах.

Амбиции в политике очень большие. Считает, что сама судьба стелит ей рельсы. Может практически все. Роль реформатора страны. Роль

в хорошей команде. Организатор. Наладит один участок, перейдет на следующий. Готова к роли вице-премьера сначала по экономике, потом по социальным вопросам и т.д. Умеет и любит строить систему.

Социальное «Я» не травмировано. Однако проблемы есть: это неосознанный снобизм, уверенность в том, что именно она может и должна быть у власти. Такая позиция плохо сочетается с демонстрируемыми демократическими взглядами. Речь идет о том, что **Z** не дается манера держаться на равных. Сейчас она смотрит на людей то снизу вверх, то сверху вниз, будто растолковывая что-то непонятным и даже туповатым ученикам.

Физическое «Я» **Z** определенно травмировано. Об этом свидетельствует и рисуночный тест. Буквальная трактовка уязвимых мест в физическом облике пробивает брешь в самооценке, которая в остальном чрезвычайно высока. Многие межличностные шероховатости могут быть результатом того, что **Z** просто как следует не видит (плохое зрение), а не того, что не смотрит на собеседника. Отсюда впечатление закрытости, отстраненности и замкнутости, мешающие проявлениям спонтанности и раскованности.

Психологическое «Я». **Z** — типичный интуитивный интроверт.

Две наиболее яркие черты **Z** — интуиция и способность принимать решения. Вторая из них чисто мужская. Это ее сильные стороны, опора ее личности. При этом, если сенсорные способности у нее достаточно четко выражены, то воспринимающие способности развиты мало. Это требует компенсации и коррекции.

Z гордится своей независимостью. Чем бы ни занималась, любит быть первооткрывателем. Благодаря интуиции **Z** обладает потрясающим воображением, собственным видением ситуации и ее возможностей. Ее девиз: «Какова бы ни была ситуация — ее можно несомненно улучшить». В сфере бизнеса такие люди созданы для реорганизации и перестройки. В политике — это реформаторы. Однако этот тип не может заниматься все время одним и тем же. Достигнутый результат для него не интересен. Поэтому такой человек постоянно нуждается в новых задачах, все более сложных и трудных, чтобы было к чему стремиться.

Z смотрит в будущее, а не в прошлое. Строит системы и действует на основе теоретических схем. Авторитет сам по себе не производит на нее никакого впечатления. Она крайне прагматична и рассматривает реальность как то, что она сможет переделать или игнорировать, т.е. как свое орудие. Действительность у нее подчинена идеям. Она открыта

новому. Имея склонность к логике, с готовностью следует тому, что кажется ей логичным, следя за последствиями применения своих идей. Теории, которые не работают, быстро отвергаются ею. Она стремится к завершенности, учитывает отдаленные последствия, рассматривает трудности как призыв к проявлению творческой инициативы. При этом может встать на весьма ограниченную точку зрения.

Межличностные отношения. Ввиду стремления требовать от других нести такой же груз, какой она берет на себя, ее могут считать чрезмерно требовательной и придирчивой. Она ориентирована не на требования людей, а на требования организации.

Она не склонна к выражению чувств. Временами выглядит холодной, замкнутой и плохо реагирующей. Неохотно идет навстречу другим. На самом деле это проявление потребности в автономии, личном пространстве. Безразличие или критику в свой адрес переносит невозмутимо, когда считает их справедливыми.

Добавим к этому психологическому портрету лишь несколько штрихов.

Тесты показывают, что у **Z** отсутствует агрессивность при одновременной уверенности в себе, в своих действиях, — черта очень привлекательная в политике.

Рисунок принадлежит человеку закрытому, интровертированному, замкнутому. Это создает сложности в публичном исполнении политических ролей.

Анализ личности **Z** показывает, что психологические аспекты роли депутата во многом не только определяют стиль ее исполнения, осознание отдельных аспектов роли, но и диктуют наполнение роли политическим содержанием. Восприятие этим политиком роли депутата, с одной стороны, способствует достижению высокой эффективности и результативности. Ее компетентность, воля, целеустремленность делают исполнение ею своей депутатской роли весьма эффективным и результативным. С другой стороны, эта роль ограничена рядом личностных особенностей, психологических травм, которые сужают репертуар деятельности и затрудняют восприятие **Z** ее избирателями.

Итак, наши герои не похожи друг на друга. Они исполняют разные политические роли. Их отличают несхожие политические взгляды. Различен и их опыт политической социализации, но каждый из них по-своему типичен. Каждый по отдельности и все вместе они вписали странички в политическую летопись 1990-х годов.

ГЛАВА 14

ОБРАЗ И ИМИДЖ В ПОЛИТИКЕ

Если в предыдущей главе нас интересовали личности политических лидеров и методология создания их психологических профилей политическим психологом, то сейчас мы обсудим, что собой представляет их образ и имидж. Совершенно очевидно, что личность и образ связаны между собой, но при этом никогда полностью не совпадают, так как в процессе восприятия происходит искажение реальности при прохождении ряда серьезных барьеров¹. В этой главе мы попытаемся разобраться в проблеме политического восприятия, как она стоит в политической практике, проанализировать ее теоретические аспекты, среди которых важнейшими являются выделение основных параметров образа и тех факторов, под влиянием которых этот образ складывается в сознании граждан.

§ 1. ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

| Наверное, нет сегодня большей власти, чем власть виртуальная. Если нам телевидение не покажет забастовку или теракт, то его, вроде бы, как и не было. После 11 сентября с прямой трансляцией террористической атаки на Америку и смерти «в прямом эфире» бывшего чекиста Литвиненко стало ясно, что власть образов — это не менее страшная сила, чем власть денег или власть силы. Самое удивительное даже не в том, что во всем мире населением сегодня управляют с помощью телевизионного пульта, а то, что и сама власть верит только в то, что прочтет в свежей газете или увидит в выпуске теленовостей.

Понятно, поэтому, что одной из самых модных профессий в последние годы стала профессия политического технолога или имид-

¹ См. раздел 14.3 в книге: *Шестопал Е.* Образы власти в постсоветской России.

жмейкера! Знакомясь с будущими клиентами — кандидатами на различные политические должности, они нередко обещают, что смогут так «подать» своего героя, что черное будет казаться избирателям белым, недостатки превратятся в достоинства и что за него проголосуют те, кому ранее это и в голову не приходило. Большинство из специалистов этого профиля не собираются прибегать ни к пластической хирургии, ни к тренингам своего подопечного, да и вообще что-либо менять в политике, кроме разве что цвета галстука. Они предпочитают работать не с личностью и не исправлять огрехи воспитания своего клиента или форму его носа, а манипулировать образами, т.е. виртуальной реальностью. В ход идет все: от сочинения подходящей данному кандидату биографии, в которой спрямляются одни линии жизни и округляются другие, вплоть до прямой подтасовки фактов. Бывают такие кампании, в которых кандидата даже стараются просто спрятать подальше от общественности и выпускают на экран или на страницы газет не его самого, а тех, кто говорит о нем или от его имени.

Однако в центре внимания общества все равно появляется образ того политика, за которого в день выборов голосует избиратель. Поскольку особенно в политике национального масштаба вероятность лично познакомиться с кандидатом — чрезвычайно мала, то решение о выборе политика принимается избирателями на основании знакомства не с ним самим, а с его имиджем или, как сейчас принято говорить, брендом, созданием которого, как правило, занимается не он сам, а команда специалистов-имиджмейкеров или политтехнологов. При этом политик и его имидж хотя и связаны между собой, но могут изрядно отличаться друг от друга. Но во всех случаях у избирателя нет другого способа узнать кандидата, кроме как через его избирательные ролики и листовки, выступления доверенных лиц и тому подобные средства, которые используются для создания его имиджа.

Данная ситуация — не уникальный российский феномен. Примерно так же выбирают своих президентов и сенаторов американцы и англичане, французы и немцы. Правда, есть и отличия: в развитых демократиях, как и в развитых экономиках, избиратель ведет себя как грамотный потребитель, который не хватает первый попавшийся продукт в красивой упаковке, а определяет его свежесть, изучает состав белков и углеводов, сравнивает цену на сходные продукты. Аналогично он поступает и с кандидатами, опирается при этом не только на

свой личный опыт. За кандидата «ручаются» политические партии и движения, которые вкладывают в него деньги и обеспечивают его «раскрутку». Они находят самого кандидата и проводят его через различные формы политической деятельности, где он делом доказывает свою пригодность к исполнению роли политического лидера. В случае победы партия осуществляет и своего рода контроль за качеством такой «продукции», формы которого весьма разнообразны. Так, например, фракции партий в английском парламенте имеют в своем арсенале такую должность, как «партийный кнут», — человека, следящего за «правильностью» голосования партийного депутата. Если депутат «отвязывается» и не выполняет партийных решений, то его ждут различные наказания — от отлучения от партийной кормушки до исключения из партийного списка.

В российских условиях пока партии эту роль выполняют довольно слабо — мы еще находимся в начале строительства новой политической системы. Поэтому нередко, как людям не очень опытным, нам «впаривают» не вполне качественный товар и нас «разводят» всякого рода недобросовестные политические коммерсанты. В этом отношении между политическим и экономическим развитием можно увидеть немало аналогий. Общества защиты политических потребителей у нас пока не создано. Соблазн прибегнуть к политической манипуляции у власть имущих возникает накануне очередных выборов. Надо сказать, что имиджмейкеры приобрели большой опыт и действительно сумели выработать немало эффективных приемов, с помощью которых им удалось привести в политику и криминальных баронов, и просто безответственных и малограмотных политиканов, обойдя естественную настороженность и подозрительность уже не раз обманутых вкладчиков «Чары» и «МММ», которые еще раз попались на призывы голосовать за «самого лучшего и порядочного», «ум, честь и совесть нации».

Правда, следует сказать, что постепенно мы обучаемся разбираться в тех товарах, которые предлагает нам политический рынок. Хотя избирателей никто специально не обучал, они стали более разборчивыми и несколько раз подряд «на мякине» их провести не удастся. Особенно это касается местных и региональных политиков, которые гораздо больше на виду, чем депутаты Государственной Думы или кандидаты в Президенты. Да и в отношении последних приобретает определенный опыт оценки. При этом рядовые граждане, даже из числа тех, кто и политикой-то особо не интересуется, имеют какой-

то особый инструмент для достаточно точной оценки политиков, хотя знания о них весьма скудны, а доверие СМИ резко снижено.

Более чем десятилетие политических реформ — время немалое. Можно попытаться подвести некоторые итоги. Хотелось бы понять, действительно ли мы присутствуем при осуществлении оруэлловских фантазий, реализации которых он ожидал к 1984 г., но у нас они начали осуществляться чуть позже. Окажется ли власть образов под руководством «Министерства правды» и впрямь столь сильна, как описывал великий английский писатель и политолог, или мы все же сумеем сделать власть подотчетной гражданам и прозрачной настолько, что серьезные манипуляции окажутся невозможными и в России появится подлинное гражданское общество?

Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо исследовать, как же в этих условиях личность принимает решение о выборе той или иной властной фигуры? На каких психологических механизмах основано политическое восприятие граждан? Каковы законы политической психологии, которые позволяют людям ориентироваться в мире политических образов и символов? Ведь понятно, что в эпоху новых коммуникативных технологий избиратель имеет дело именно с властью образов, приобретающих характер не просто отражения реальной власти, но переходящей в новое качество и замещающей свои реальные прототипы.

Мы убеждены, что для раскрытия секретов воздействия современной власти на сознание граждан важнее всего исследовать не столько власть как таковую, и не технологов, создающих образы, а само наше политическое сознание, наполненное образами. Мы полагаем, что для понимания природы образов власти и лидеров, конечно, необходимо изучать и самих властителей, и инструменты осуществления власти. Однако в этой главе нас будет интересовать именно природа политического восприятия — феномена, трудно уловимого традиционными политологическими методами. Для его изучения мы воспользуемся методами политической психологии, позволяющими более глубоко и прицельно изучать психологические феномены в политике вообще и образы власти и политиков в частности.

За годы работы в области политической психологии мне не раз приходилось наблюдать, как политики, по чьей просьбе мы проводили исследования их образов в массовом сознании, знакомились с его результатами. За исключением немногих, кому их портрет понравил-

ся, большинство были им не очень довольны. Никто, понятно, открыто этого недовольства не высказывал, но мне известно, что один из тех, кто стал героем нашего исследования, по словам его помощников, не спал ночь после прочтения нашего отчета, переживая то, что граждане, как оказалось, видели его не таким, каким, очевидно, он видел себя сам. Но ведь политический психолог только подносит политикам, власти то зеркальце, которое « всю правду говорит », и свою задачу видит именно в том, чтобы помочь политику. Здесь возникает немало этических проблем взаимодействия с политиками-клиентами, некоторые из которых не позволяют показать полученные данные даже начальникам своих предвыборных штабов, опасаясь утечки информации. Публикуя данные наших многолетних исследований, мы осознаем всю деликатность обнародования таких сведений о политиках, которые могут быть использованы как во благо, так и во зло. Однако это уже зыбкая почва политической технологии. Мы же остаемся на почве чистой науки и стараемся с максимальной беспристрастностью и объективностью зафиксировать те образы, которые мы обнаружили в сознании российского общества.

После первого исследования, проведенного в 1993 г., мы повторяли свои замеры каждый год, иногда дважды в год. Это небольшое по формату и затратам, качественное исследование позволяло получить очень серьезные данные, которые давали хороший прогностический эффект. Постепенно отрабатывалась методология, шел поиск теоретических оснований для интерпретации результатов.

Если учесть, что одним из важнейших ресурсов современной власти является ее положительный имидж в глазах граждан, то становится понятным, почему тема образов власти вышла на первый план в современной политической науке в целом и в политической психологии в частности.

§ 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Дефиниции

Для того чтобы разобраться с психологическими законами политического восприятия, прежде всего следует определить, что мы понимаем под этим термином. Понятие « восприятие » получило широкое развитие в психологической науке. Под восприятием вообще и

социальным восприятием в частности принято понимать восприятие индивидом социальных объектов. Термин «социальная перцепция» был введен Дж. Брунером¹ в 1947 г. в рамках разработанного им проекта «New Look». Позже в его совместной работе с Постменом социальная перцепция стала пониматься как восприятие социальных объектов: личностей, групп, более широких социальных общностей, в том числе и целого общества.

Политическое восприятие имеет свои специфические особенности, отличающие его от других видов восприятия². Во-первых, оно направлено не столько на отражение объективной действительности, сколько на смысловые и оценочные интерпретации политической власти и лидеров. Во-вторых, оно отличается большей слитностью когнитивных и эмоциональных компонентов перцепции. В-третьих, оно является опосредованным (в основном СМИ). И, наконец, поскольку политическое восприятие — это, как правило, восприятие, происходящее на уровне массового сознания, то на него влияют ценности, стереотипы, установки, присущие массовому сознанию.

Если восприятие — **процесс** отражения в массовом и индивидуальном сознании власти, лидеров, политики и других политических объектов, то основными элементами, «крипичиками», из которых строится этот процесс, являются **образы**. В психологии под «образом» понимается обобщенная картина мира (предметов, явлений), складывающаяся в результате переработки информации о нем, поступающей через органы чувств³. **Политический образ** представляет собой, как и любой образ, с одной стороны, отражение реальных характеристик объекта восприятия, т.е. политической власти личности лидера и т.д., а с другой — проекцию ожиданий субъекта восприятия, т.е. граждан. В образе политической власти отражаются знания, представления, мнения, оценки, ожидания, эмоции, требования массового сознания к власти.

В отечественной литературе существуют различные интерпретации понятия образа. Так, по мнению Д. А. Леонтьева, понятие «образ» не тождественно понятию «имидж»: «Как известно, слово “имидж” явля-

¹ Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.

² См.: Психология политического восприятия / Под ред. Е. Шестопа. М., 2002.

³ Восприятие и деятельность. М., 1976; Психологический образ: строение, механизмы функционирования и развитие. М., 1994. Т. 1.

ется английским эквивалентом русского слова “образ”. Имиджем я называю впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно, а образом — то, которое формируется спонтанно. Образ можно конструировать специально, и тогда он становится имиджем... Образ есть всегда, образ всегда можно диагностировать и описать — точно и разносторонне... Имидж — это навешивание совершенно конкретных ассоциаций и намеков»¹.

Можно согласиться с приведенным мнением Д. Леонтьева, касающегося разведения двух разных феноменов: естественно существующего образа у каждого объекта отражения (политического образа, в частности) и специально сконструированного образа-имиджа, хотя сам автор признает, что с лингвистической точки зрения такое разделение некорректно. Таким образом, у любого политического деятеля, независимо от того, есть ли у него консультанты по имиджу или нет, всегда имеется некий **образ**, который транслируется в массовое сознание, если этот политик ведет публичную деятельность, выступает перед избирателями, публикует свои политические заявления и программы и пр. Поэтому под **образом** мы будем понимать отражение личности лидера (партии, государства, организации, товара и пр.) в массовом и индивидуальном сознании граждан. Между тем под **имиджем (или брэндом)** мы будем понимать специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (партии, государства, товара и т.д.).

В данном разделе учебника нас в первую очередь будут интересовать **образы политических лидеров**, существующие в массовом сознании. Это связано с тем, что в российской политической культуре власть всегда носила и носит **персонифицированный характер**² (подробнее о персонификации власти см. § 3 в гл. 6). По мнению Д. В. Ольшанского, «для нас люди важнее, чем идеи»³. Ю. Левада также отмечает, что российское общественное сознание склонно переносить на безлич-

¹ Леонтьев Д. А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг // Реклама и жизнь. 2000., № 1 (13). С. 19–22.

² Кантор В. Личность и власть в России: сотворение катастрофы // Личность и власть: межкультурный диалог. М., 1998; Соловьев А. И. Психология власти: противоречия переходных процессов // Власть многолика. М., 1992.

³ Ольшанский Д. В. Б. Н. Ельцин на фоне массового сознания (политико-психологический портрет) // Психологический журнал. 1992. № 4.

ные социальные институты и символы характеристики межличностного общения, в результате чего все общественно значимое выступает в персонифицированном виде — и корни зла, и надежды на добро¹.

Поэтому при изучении проблемы восприятия политической власти нельзя обойтись без анализа восприятия политических лидеров², которые эту власть олицетворяют и в которых персонифицированы все властные отношения. При этом важно иметь в виду, что помимо и наряду с реальными лидерами в политике участвуют и их отражения — образы лидеров.

Структура и функции образа политика

По мнению Е. В. Егоровой-Гантман и ее соавторов, образ состоит из **образа-знания, образа-значения и образа потребного будущего**³. Образ-знание концентрирует в себе переработанную и проинтерпретированную информацию и всегда присутствует в сознании у индивида и является наиболее устойчивым. Он влияет на формирование образа-значения и образа потребного будущего.

Американские политические психологи выделяют 4 функции формирования политического образа⁴:

1. Удовлетворение инструментальных потребностей воспринимающих. Так, Р. Нойштадт⁵ считает, что представления масс о том, каким должен быть, например, президент, складываются в результате того, что с ними происходит, на основе особенностей их собственной жизни. Частично образ власти нужен людям для того, чтобы предсказывать будущее своей страны и свое собственное будущее.

2. Выполнение оценочной функции. В силу того что власть олицетворяет собой определенный политический курс, конкретные традиции и ценности, суждения о власти отражают определенную идентификацию, систему ценностей, общее мировоззрение индивидов.

¹ Левада Ю. М. Комплексы общественного мнения (статья 2) // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1997. № 1. С. 9.

² Стоит отметить, что лидерство, как самостоятельный феномен, остается за скобками данной работы.

³ Имидж лидера / Под ред. Е. Егоровой-Гантман. М., 1994. С. 177, 212–213.

⁴ См.: Kinder D., Peters M., Abelson R., Fiske S. Presidential prototypes // Political behavior. 1980. № 2. P. 315–338.

⁵ Newstadt R. Presidential power. The politics of leadership. N.Y., 1960. P. 95.

3. Выполнение познавательной функции. Мнение о власти служит своеобразным стандартом или рамками соотнесения для понимания окружающего мира.

4. Функция экстернализации внутренних конфликтов. Индивиды переносят свои внутренние конфликты на внешние, уменьшая, таким образом, внутреннюю тревожность.

В структуре образа политического лидера Е. Егорова-Гантман выделяет персональные, социальные и символические характеристики¹. **Персональные** характеристики включают в себя физические особенности (внешность, пол, возраст), психологические особенности (характер, личностные черты, манера говорить) и чисто политические, профессиональные и деловые качества (политические ориентации, организаторские способности, лидерский потенциал). Влияет на восприятие и манера политика говорить. Различают речь, построенную на убеждении и аргументации, и речь, построенную на владении «сигнальным контролем» — использовании в речи «сигнала», на который аудитория будет реагировать определенным образом².

Из деловых и политических качеств политика наиболее важной считается его компетентность³.

Социальные характеристики: статус лидера — официальная позиция, принадлежность к определенной социальной группе, материальное положение; происхождение и биография, в которой имеет значение не только то, что политик сделал, но также и то, чего он не делал; характер взаимодействия с различными социальными группами — сторонниками и оппонентами. Так, по отношению к сторонникам политик должен демонстрировать покровительство и любовь, а по отношению к противникам — агрессивность.

Социальные характеристики являются довольно подвижной частью имиджа и конструируются в соответствии с требованиями реальности.

Символические характеристики, которыми нагружен образ политика, также являются его неотъемлемым компонентом. Лидеры становятся знаками определенных идеологий, того или иного возможного будущего, определенного курса действий. Символические харак-

¹ Имидж лидера / Под ред. Е. В. Егоровой-Гантман. М., 1994. С. 118–135.

² Там же. С. 102.

³ Там же.

теристика имиджа политика значительно усиливаются в переломные моменты истории, когда люди ощущают потребность в объединяющих символах. В подобное время «лидер персонифицирует сферу страхов и надежд»¹, но в мирное время символическая нагрузка имиджа лидера становится менее всеобъемлющей и носит не такой драматический характер.

Символические характеристики являются наиболее устойчивыми и неизменными компонентами и связаны с социокультурными архетипами и прототипами политических лидеров.

Среди факторов, влияющих на восприятие политических лидеров, одними из наиболее существенных являются психологические черты политического лидера. Д. Киндер² выделяет такие качества, как компетентность, лидерство, честность, порядочность и способность к сочувствию. Американский исследователь Дж. Маркус говорит о компетентности и честности. Б. И. Макаренко³ отмечает, что существует 2 необходимых качества, предъявляемых к политику, — «способность понимать» (куда автор включает ум, образованность, кругозор, опыт) и гарантии моральной порядочности (честность, некоррупционность и верность закону). Р. Ф. Ромашкина⁴ связывает личные характеристики лидера с архетипами, свойственными русскому народу, и выводит следующие черты, которые политики должны демонстрировать для достижения своего успеха: сила, справедливость, властность, доброта, щедрость и социальная справедливость.

Ф. Гринстайн⁵ выделяет четыре фактора: идеологическая ориентация, партийная приверженность, политическая платформа и симпатия к кандидату.

С другой стороны, Р. Такер⁶ отмечал, что надо говорить не только о способности лидера отражать интересы определенных социальных групп, но о степени озабоченности людьми теми проблемами, кото-

¹ *Edelman M.* Constructing the Political Spectacle. Univ. Of Chicago Press, 1988. P. 37.

² *Kinder D, Peters M, Abelson R, Fiske S.* Presidential prototipes. Political behavior. 1980. 2. P. 315–338.

³ Феномен политического лидерства в восприятии общественного мнения // Вестник РОПЦ. 1996. № 2. С. 20.

⁴ *Ромашкина Р. Ф.* Формирование и функционирование имиджа политического лидера: автореф. ... канд. психолог. наук. С. 13.

⁵ *Greenstein F.* Personality and Politics. Princeton, 1987.

⁶ *Tucker R.* Politics as Leadership. N.Y., 1981. P. 161.

рые пытается решить лидер. Если лидер пытается предложить решение тех проблем, которые являются значимыми для большинства населения, то он воспринимается как лидер. М. Эдельман¹ считает, что люди пытаются объяснить поведение лидеров тем, что они пытаются сделать, а не обязательно тем, добился он успеха или нет. С этим же согласен и Ф. Хайдер, отмечающий, что «если лидер воспринимается как человек, способный достичь благоприятного результата, но не делающий этого из-за очевидного безволия или нежелания, то он имеет больше шансов потерять последователей по сравнению с лидером, не способным достичь желаемого, но предпринимающим явные усилия для достижения цели», а одним из важных качеств идеального лидера является его способность изменить ситуацию и ум².

§ 3. ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОБРАЗА ПОЛИТИКА

Прежде чем исследовать конкретные образы политиков, следует определить показатели или параметры, по которым можно судить об их личностном потенциале.

В поиске таких показателей мы исходили из ряда теоретических положений. Так, нас интересовала публичная сторона личности политика, т.е. те ее аспекты, о которых могут судить и эксперты, и неспециалисты. Это сужает поле исследования до наблюдаемого поведения.

Исследование образа мы проводим через его восприятие гражданами, т.е. само восприятие имеет отраженный характер. Как показали наши предыдущие исследования³, несмотря на опосредованный характер, это отражение в целом вполне адекватно реальности, т.е. оценка лидера неподготовленными, необученными гражданами вполне сопоставима с мнениями специалистов-экспертов. Несмотря на то что формирование образа политика в сознании граждан не основано на четкой и полной информации рационального характера, они тем не менее обладают психологически точным инструментом для прочтения образа политического лидера, позволяющего им сделать если

¹ *Edelman M.* The symbolic uses of politics. Urbana. Chicago, 1985. P. 78.

² *Heider F.* The Psychology of Interpersonal Relations. N.Y., 1957.

³ *Новикова-Грунд М., Шестопал Е.* Психологический и лингвистический анализ восприятия образов 12 ведущих российских политиков // Полис. 1996. № 5.

не полностью рациональный, то во всяком случае эмоционально приемлемый для них выбор.

В переходных обществах, как верно отмечает Г. Дилигенский¹, личность есть смысл изучать прежде всего через систему аттитюдов, так как они более подвижны, чем ценности, убеждения и другие элементы личности. В психологической литературе принято выделять в аттитюде три элемента: когнитивный, аффективный и конативный (поведенческий). Мы исходим из того, что не только реальная личность, но и образ политика по своей структуре имеет сходное строение. Это означает, что необходимо выявить не только *когнитивные* элементы (вербализованные и, как правило, осознаваемые личностью), но и элементы *аффективные*, которые редко осознаются, и элементы *поведенческие*, более близкие к совершению поступка. В наших исследованиях эта задача решается с помощью ассоциативного метода, выявляющего неосознаваемые ассоциации респондента с тем или иным политиком и дающего возможность проанализировать аффективные компоненты его образа.

Большинство известных нам исследователей рассматривает вербализованные и рациональные составляющие образа политического лидера², полученные в ходе опросов или фокус-групп. Это, несомненно, дает ценный материал об ожиданиях граждан в отношении личности политического деятеля и его позиции. Однако такой подход оставляет за рамками рассмотрения большой пласт неосознаваемой информации, что делает портрет политика односторонним. Между тем существует расхождение между установками на политиков и действительным электоральным выбором, подтверждаемое отличием данных социологических опросов от результатов голосования на выборах 1993 и 1995–1996, 1999–2000 и 2003–2004 гг. Во многом это расхождение объясняется тем, что в социологических опросах, как правило, фиксируется именно рациональный, наиболее поверхностный слой установок.

¹ Дилигенский Г. Российские архетипы и современность // Вестник РОПЦ. 1996. № 2. С. 46.

² Kinder D. R., Peters M. D., Abelson R. P. Presidential Prototypes // Political Behavior. 1980. No 2. P. 315–337; Lodge M. McGraw K. M., Stroh P. An Impression-driven Model of Canadian Evaluation // American Political Science Review. 1989. No 83. P. 399–419; Miller A. Public Judgments of Senate and House Candidates // Legislative Studies Quarterly. 1990. No 25. P. 864–885.

Рациональные и эмоциональные элементы установок на того или иного политика никогда полностью не совпадают. Одной из причин такого рассогласования является противоречие между социально одобряемой в данный момент системой ценностей и подлинными предпочтениями избирателей. Социально одобряемая система ценностей находит свое выражение в определенном наборе требований к политическому лидеру: он должен быть «компетентным», «честным», «умным» и пр. В ситуации расхождения эмоциональных и рациональных компонентов установки респонденты будут руководствоваться не столько рациональным выбором, сколько эмоциональными предпочтениями.

Сказанное позволяет подойти к пониманию структуры образа лидера с учетом его реальной сложности. Этому должна служить и методология анализа. Мы полагаем, что она должна включать три элемента. Во-первых, необходимо проследить важнейшие тенденции в *рациональном* восприятии политиков. Во-вторых, анализировать *эмоциональные* составляющие образов, имеющие более непосредственный характер и свидетельствующие о неосознаваемых респондентами тенденциях. И в-третьих, два ряда компонентов следует *сравнить* между собой. Их совпадение свидетельствует о цельности образа, в то время как расхождение может объясняться либо нечеткостью образа, либо его внутренней противоречивостью, но в любом случае дает представление о внутренней структуре личности политика. Такая схема анализа может быть применена как для анализа каждого отдельного политика, так и для сравнения их между собой.

Рациональные оценки включают в себя несколько моментов. Так, до начала содержательного анализа тех качеств политика, которые нравятся или не нравятся гражданам, важно выяснить *узнаваемость* их образов. Динамика изменения узнаваемости политика является важным показателем его успеха. Независимо от того, узнал ли респондент политика или не уверен в том, чья фотография ему предъявлена, ему все равно задают вопрос: нравится ли ему этот человек или нет. Данная методика позволяет вычленив собственно личностную привлекательность в чистом виде, отделив ее от политических пристрастий. При этом оказалось, что на общую оценку политика и ее знак это мало влияет. Таким образом, именно личностная привлекательность, теплота, человечность определяют общее впечатление от политика. В литературе принято подчеркивать такие качества, как

харизматичность и способность сочувствовать, в качестве составляющих электорального успеха¹.

Рациональные оценки политиков в содержательном плане прежде всего имеет смысл рассмотреть под углом *привлекательности* лидера. В целом она является одним из трех важнейших измерений в оценке личности политика. В литературе существуют самые различные подходы к расшифровке этого понятия. Так, Д. Киндер выделяет следующие составляющие привлекательности: компетентность, лидерство, честность (порядочность) и способность к сочувствию². Дж. Маркус сводит их к двум: компетентности и честности³. К. Функ предлагает рассматривать эти четыре черты как взаимосвязанные, но имеющие самостоятельное значение в общей оценке политика⁴. Б. Макаренко оперирует примерно теми же двумя понятиями, полагая, что политик должен демонстрировать:

— *способность к пониманию*, включающую ум, образованность, кругозор, опыт;

— *гарантии моральной порядочности*, которые могут трактоваться как личностные (честность, некоррупционированность) либо институционализированные (верность закону)⁵. Определяя выявленный в ходе президентской кампании 1996 г. набор привлекательных для граждан качеств, Б. Макаренко предлагает такое описание «идеального лидера»: опытный политик; готов к разумным компромиссам; сторонник практических дел и сторонник решительных шагов; выдержанный, спокойный. При этом он замечает, что внешность и приватная сторона жизни для российских политиков не значимы.

В контексте той теоретической модели, которая была обоснована выше, можно несколько иначе сформулировать проблему выделения привлекательных личностных характеристик. Набор черт, кото-

¹ Rosenberg S., Sedlak A. Structural Representations of Implicit Personality Theory // Advances in Social Psychology. Vol. 6 (ed. by L. Berkowitz). N.Y., 1972.

² Kinder D. R. Presidential Character Revisited // Political Cognition: The 19th Annual Carnegie Symposium on Cognition, ed. by Richard R. Lau and David O. Sears, Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1986.

³ Markus G. B. Political Attitudes during an Election Year: A Report on the 1980 NES Panel Study // American Political Science Review. 1982. No 76. P. 538–560.

⁴ Funk C. L. Getting Specific About Traits in Candidate Evaluations // Paper Presented at the Annual Meeting of ISPP. Vancouver, 1996. June 30 – July 3.

⁵ Макаренко Б. Феномен политического лидерства в восприятии общественного мнения // Вестник РОПЦБ. 1996. № 26. С. 20.

рый рисует Макаренко, возможно, входит в портрет идеального лидера, но мало похож на живых политических деятелей. По крайней мере, возникают сомнения, что именно за эти качества Ельцина избрали Президентом, а 2-е и 3-е места получили Зюганов и Лебедь. При этом речь идет не об особенностях российской политики. В упомянутой выше работе К. Функа приводятся данные по оценке американцами компетентности 6 кандидатов в Президенты США (Буш, 1992, Клинтон, 1992, Буш, 1988, Дукакис, 1988, Рейган, 1984 и Мондейл, 1984). Среди названных по параметру компетентности резко выделяется Рейган. Не вступая в дискуссию по вопросу объективности американского общественного мнения, рискнем предположить, что во многом этому результату способствовало умелое использование PR-средств и телевидения, а не то, что Рейган был в действительности самым компетентным американским президентом.

Во всех случаях к выделенным качествам следует относиться с определенной осторожностью. Прежде всего мы полагаем, что предметом рассмотрения должны стать не только положительные, но и отрицательные качества реальных политиков. Образы многих из них составлены из оценок, которые на первый взгляд кажутся взаимоисключающими. В действительности привлекательные характеристики смешаны с непривлекательными. Важно то, что повторяющиеся в разных интервью оценки независимо от их знака указывают на их важность в личности данного политика.

Другим существенным моментом является то, что набор рациональных оценок привлекательности состоит из качеств, специфичных для каждого лидера. Так, один из них — «умный», другой — «опытный», третий — «упрямый» и т.д. Понятно, что сравнение между собой крайне затруднено. Как показал лингвистический анализ материала, полученного в наших исследованиях, выявленные повторы являются своего рода «дифференциальными признаками» образа лидера. Образ одного лидера отличается от образа другого системой «дифференциальных признаков», составляющих его специфику¹.

На основании повторяемости синонимов были проранжированы указанные характеристики:

1. Психологические характеристики — необходимое качество с положительным рядом: «спокойный», «уверенный», «серьезный»,

¹ Шестопал Е., Новикова-Грунд М. Психологический и лингвистический анализ восприятия образов 12 ведущих российских политиков // Полис. 1996. № 5.

«мужественный», «целеустремленный» и с соответствующим негативным рядом («жесткий», «упрямый», «твердолобый», «ограниченный», «не терпящий возражений»).

2. Внешность — положительная характеристика (особенно взгляд, глаза и прическа).

3. Речевые характеристики — положительные (индивидуализирующий признак).

4. Деловые качества (с негативным рядом).

5. Ум (с негативным рядом).

6. Убеждения (с негативным рядом).

7. Морально-этические качества (с негативным рядом).

8. Возраст (позитивным является отсутствие характеристики).

Неосознаваемые оценки. В образе политика, каким его видят респонденты, всегда есть «двойное дно» — те пласты образа, которые не осознаются самим респондентом. При этом одни бессознательные характеристики связаны с индивидуальными особенностями того, кто оценивает политика. Другие — связаны с массовыми стереотипами, порожденными средствами информации. Третьи — коренятся в глубинных представлениях, общих для людей данной культуры («архетипах коллективного бессознательного» по Юнгу).

Первый слой бессознательных установок в образе политика не столь значим при анализе полученных данных (одни индивидуальные особенности гасят другие индивидуальные особенности и в расчет мы принимаем те установки, которые повторяются у *разных* людей). Второй слой представляет интерес при анализе динамики восприятия политика под влиянием его собственных действий и действий его политических противников, которые также стремятся воздействовать на его имидж. Этот слой обладает обычно невысокой устойчивостью и весьма изменчив. Третий слой, напротив, включает довольно устойчивые структуры бессознательного, заложенные в ходе первичной социализации: это образный ряд, почерпнутый нами из фольклора, из традиций, из резервуара национальной культуры и очень прочно связанный с наиболее фундаментальными психологическими конструкциями личности, такими как представления о смысловых значениях того или иного цвета, запаха, пространственно-временных координатах, социальных нормах (хорошо—плохо) и структуре властных отношений (кто главный — кто подчиненный).

В данном случае нас интересует преимущественно этот наиболее глубокий срез восприятия политиков, для выявления которого

нами был использован метод ассоциаций с животным, цветом и запахом. Полученные данные были проанализированы как с помощью психологических шкал, так и с помощью структурно-лингвистических методов. В частности, ассоциации с животными были изучены под углом зрения тех значений, которые они имеют в русском фольклоре. В первую очередь принимались во внимание *роли*, которые разные животные играют в сказках, пословицах, поговорках и место их обитания (*локус*). Эти аспекты восприятия позволяют оценить скрытые аспекты образа политика.

Для работы с бессознательными элементами образа политика мы используем те же параметры оценки, что и для рациональных составляющих, хотя и с определенными модификациями. Так, **привлекательность** оценивалась на бессознательном уровне через:

- яркость визуального образа;
- приятные ассоциации с запахами;
- приятные ассоциации с животными.

Сила интерпретировалась через:

- масштаб ассоциативного образа (ассоциация с животным);
- физическую силу (ассоциация с животным);
- социальный статус, роль (ассоциация с животным);
- интенсивность (ассоциации с запахом, цветом);
- мужественность/женственность (ассоциации с запахом).

Активность рассматривалась в ее выражении через:

- оттенки (ассоциации с цветом);
- агрессивность (ассоциации с животными).

Соотношение рациональных и неосознаваемых аспектов образа политика будет обсуждаться нами на конкретном материале, полученном в исследовании. В первую очередь нас будет интересовать степень совпадения или несовпадения этих элементов, их динамика, а также соотношение образа и политика в общественном мнении и его объективных личностных данных.

И наконец, еще один параметр образа политика, на который следует обратить внимание. Образ всегда доносится до граждан определенными средствами: это либо вербальные, либо визуальные носители. С возрастанием роли телевидения роль визуальных параметров образа политика резко возрастает. Это пытаются использовать в своей работе по «раскрутке» политиков их консультанты, используя определенные цветовые, смысловые и иные визуальные компоненты подачи образа.

Перед исследователем образа политика стоит иная задача: описать образ политика, существующий в массовом сознании, учитывая как его **вербальные** составляющие (то, какими словами описывают респонденты того или иного политика) и соответственно выделить в них смысловые, собственно психологические характеристики и визуальные компоненты (то, как **видят** политика граждане). Для осуществления второй задачи мы в наших исследованиях пользуемся проективными тестами, в частности просим наших респондентов не только описать словами, но и нарисовать власть, политиков, ее олицетворяющих. Анализ этих рисуночных (проективных) тестов дает возможность выявить неосознаваемые (в частности, собственно визуальные) компоненты образов политиков.

§ 4. ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПОЛИТИКА

В политической практике необходимо не только получить информацию о восприятии массовым сознанием того или иного политика, но и при необходимости скорректировать образ политика, если он не воспринимается населением адекватно. Это ставит перед политическим психологом задачу выявления тех факторов, которые воздействуют на восприятие политика.

Среди многочисленных факторов, воздействующих на процесс восприятия и его результат — образ политика, необходимо выделить два основных: во-первых, это **личность** самого лидера и, во-вторых, **политический контекст**, в частности контекст избирательной кампании.

Говоря о *личности* политика, необходимо заметить, что информация о нем поступает к избирателю по двум основным каналам: *вербальному*, т.е. то, что политик говорит и как он это делает, и *визуальному*. При этом в литературе подчеркивается особая важность визуальной информации. Приводят даже такие цифры: 55% впечатления зависит от того, как политик выглядит, 38% — от тембра его голоса и только 7% от того, что он говорит. Не настаивая на точности этого соотношения, заметим, что важность визуальной информации в эпоху телевидения не подлежит сомнению.¹ Как показывает опыт политического консультирования, именно первые впечатления являются наиболее сильными и устойчивыми и складываются из визуального знакомства с кандидатом.² При этом неосознаваемый компонент визуального контакта имеет длительное и глубокое воздействие.

В личности политика, как и в его образе, можно выделить несколько компонентов. Согласно концепции Ч. Огуда, мы в личности политика выделяем три измерения: привлекательность, силу и активность. Показатели **привлекательности** были нами расшифрованы следующим образом:

— *внешность* (одежда, манера поведения) и *телесные характеристики* (здоровье—болезнь, конституция, полнота—худоба, вредные привычки, маскулинность—фемининность, возраст, темперамент, физическая привлекательность),

— *психологические особенности* (характер, отдельные черты, речевые обороты) и морально-этические оценки политика,

— *чисто политические*, профессиональные и деловые качества (опыт, политические взгляды, лидерские качества, навыки политической деятельности, компетентность).

Каким бы ни был набор привлекательных качеств того или иного лидера по содержанию, эти качества необходимо также оценить с точки зрения двух других личностных измерений: **силы и активности**. Личностная **сила** несомненно укрепляет привлекательность политика. В этот параметр входят такие компоненты, как здоровье, возраст, физические и интеллектуальные ресурсы, психологическая устойчивость, способность защищать интересы страны и многое другое. Оценивая все ответы респондентов по этому показателю, мы получаем дополнительный инструмент, отсеивающий многие, казалось бы бесспорные личные черты (например, ум, компетентность), которые без силы не много дают для оценки и прогноза политической карьеры.

В российской политической культуре вообще и в постсоветской в особенности параметр **силы** играет особую роль. Не только сила, но и насилие традиционно оценивается в российской и советской традиции достаточно амбивалентно, но чаще — со знаком плюс. Это не удивительно в условиях незрелости правового государства. Здесь уместно отметить, что мало, кто из респондентов будет открыто восхвалять насилие. Но даже в осознаваемых оценках качеств, которые нравятся или не нравятся респондентам, есть менее осознанный слой установок, связанный с представлением о том или ином политике как о сильном или слабом.

Сказанное о параметре силы во многом относится и к показателям **активности**. Активность как личностная характеристика политика имеет отношение к исполнению властных полномочий.

Эти параметры воздействия личности политика, как правило, вполне осознаются гражданами на рациональном уровне. Однако в политическом восприятии есть и неосознаваемый слой, который также необходимо выявить и зафиксировать. Так, **привлекательность** политика проявляется в том, воспринимается ли он как мужественный или не очень (в случае с женщиной-политиком речь идет о женственности). И так же как и в рациональном восприятии, важное значение на неосознаваемом уровне имеют его сила и активность. Добавим к сказанному, что при восприятии личности политика граждане приписывают ему те или иные мотивы, независимо от того, руководствовался ли политик этими мотивами в реальности. Вероятность адекватного считывания мотивов, как показали наши исследования, довольно велика.

Вторым важнейшим фактором восприятия образа политика является собственно **политический контекст**, на котором происходит восприятие. В ситуации серьезной конкуренции на образ политика влияет сам факт наличия выбора между разными политиками. В ходе восприятия избиратель будет сравнивать политика с ними! В последние годы реальной политической конкуренции становится все меньше, и избиратель реально делает выбор без выбора. В этой ситуации воздействие личности политика снижается и возрастает влияние самого факта принадлежности его к «партии власти». Хотя, как показали, например, недавние региональные выборы, нередко даже административный ресурс не оказывает привычного воздействия, и надоевшие политики, принадлежащие к «партии власти», проигрывают оппозиционным политикам, как это было на выборах в Великом Новгороде, где кандидат от «Единой России» проиграл кандидату от КПРФ, чего никак не ожидало местное руководство.

Таким образом, массовое сознание и содержащиеся в нем образы политиков становятся серьезным политическим фактором, влияющим на ход политической жизни. /

ГЛАВА 15

ОБРАЗЫ РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Исследование образов политиков методом case studies (отдельных случаев) мы начнем с самых заметных политиков — президентов. Нас, как и всех российских граждан, в первую очередь будут занимать российские президенты, в частности первый — Б. Н. Ельцин. В нашем распоряжении есть данные периода его первого срока. Однако большая часть наблюдений велась начиная с 1996 г. Образ действующего Президента В. В. Путина изучался на протяжении всего его президентства, и динамика этого образа будет представлена в этой главе.

§ 1. ВОСПРИЯТИЕ ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА Б. Н. ЕЛЬЦИНА

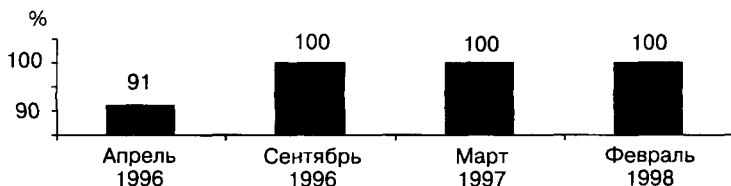
Б. Н. Ельцин был не просто первым российским Президентом, его правление знаменует собой целую эпоху в истории нашей страны. Он был не просто участником переломных моментов в политической жизни России, но и активным их создателем. Отношение к нему со стороны рядовых граждан на протяжении десятилетия сильно менялось: от нежной любви и безоговорочной поддержки до лютой ненависти. Но чего у граждан никогда не было в отношении Ельцина, так это равнодушия. Независимо от отношения практически все наши респонденты считают его яркой и сильной личностью, способной формировать события. Недаром за ним закрепилось устойчивое выражение — «царь Борис». Написаны воспоминания о Ельцине как о человеке и политике¹, есть и интересные социологические наблю-

¹ Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001.

дения, показывающие, как Ельцина оценивало общественное мнение страны¹. Мы же видим свою задачу в том, чтобы попробовать разобраться в более глубоких психологических закономерностях смены моделей восприятия первого российского Президента массовым сознанием.

Прежде всего отметим, что он один из немногих политиков, узнаваемость которого редко опускалась ниже 90%.

Диаграмма 1. Узнаваемость

Анализ ответов на вопросы: «Что вам нравится?» и «Что вам не нравится?» в этом политике позволил выделить основные параметры его образа и особенности восприятия.

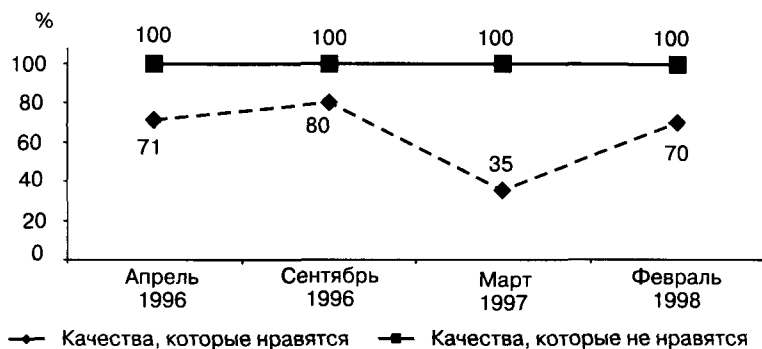
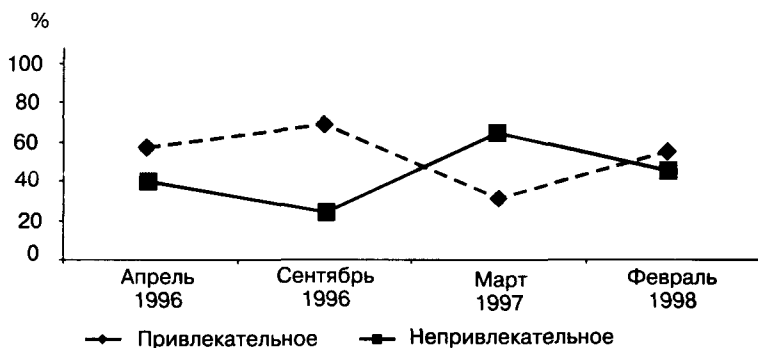
Согласно общей схеме анализа, личностные особенности Б. Н. Ельцина, приписываемые ему респондентами, мы разделили на:

- чисто внешние характеристики;
- телесные характеристики;
- психологические особенности;
- моральные особенности;
- политические, деловые и профессиональные качества.

Как видно из диаграммы 2, на протяжении всего анализируемого периода в образе Ельцина на рациональном уровне преобладали негативные оценки. Все респонденты находили в нем качества, которые им не нравятся, в то время как положительные называли не более 80% опрошенных. Привлекает внимание резкое падение числа положительных оценок весной 1997 г.

Однако проведенный анализ бессознательного уровня восприятия не столь однозначен. Если привлекательность на бессознательном уровне изменяется примерно так же, как привлекательность на

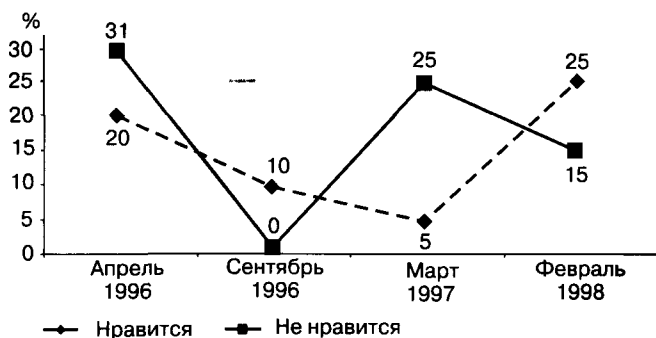
¹ Докторов Б. З., Осгон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: мнения россиян // Социологические очерки. Фонд общественное мнение. 2003.

Диаграмма 2. Сравнение положительных и отрицательных характеристик образа Ельцина на рациональном уровне**Диаграмма 3.** Привлекательность образа на бессознательном уровне

рациональном, то вот негативное восприятие образа этого политика идет по совсем иным законам. Если в апреле 1996 г. негативные ассоциации Ельцин вызвал почти у 40% респондентов, то к сентябрю того же года число таких ассоциаций было лишь у четверти из них. Правда, к марту 1997 г. вновь появляется большое число негативных характеристик (одновременно снижается число положительных) и на протяжении года меняется незначительно.

Внешние характеристики образа Б. Н. Ельцина также претерпевают значительные изменения. Отношение к ним неоднозначно (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4. Внешность

В апреле и сентябре 1996 г. респонденты описывали Ельцина как внушительного, импозантного и артистичного.

Привлекала внимание его белая рубашка, которая ассоциировалась с чистотой, стабильностью и уверенностью: «люблю белый чистый цвет — вызывает доверие, так как это уверенный в себе человек, способный принимать решения и отвечать за свои слова».

У респондентов вызывало исключительно положительные оценки аккуратность в одежде и внешнем облике Президента.

Однако уже в марте 1997 г. оценки респондентов стали отличаться более личностным подходом. Они стали оценивать этого политика не только как политического деятеля, но и как человека: «Не только как власть, а как человека его воспринимаешь». К февралю 1998 г. оценки внешних качеств политика вновь резко дифференцировались, стали подчеркиваться характеристики его облика: «прическа аккуратная», «актерские способности», «ухаженный». При этом респонденты выражали свою неуверенность при приписывании таких качеств: «хороший костюм... наверное».

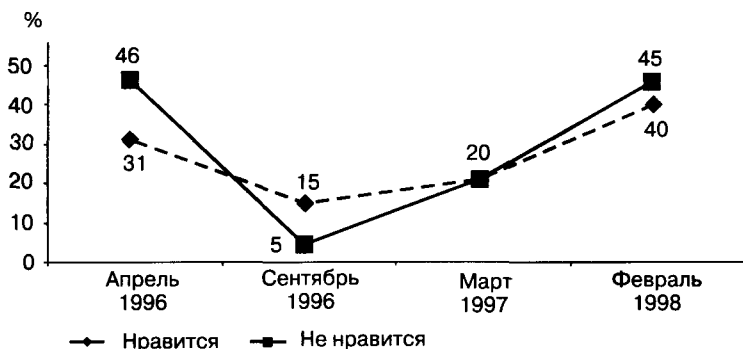
Среди негативных характеристик **внешности** Б. Н. Ельцина респонденты выделяли «недобрые глаза», «не вполне достойные манеры поведения» и т.д. Что касается **телесных** характеристик, то здесь преобладают негативные характеристики. Среди них в основном указания на нездоровый образ жизни: «внешний вид говорит о непостоянстве характера — одутловатое лицо нездорового человека», «алкоголик», «старость», «обрюзглый вид», «напоминает алкоголика», «одутловатость, одышка» и т.д.

Среди положительных качеств встречаются такие характеристики, как: «Обаяние старого дедушки, много прожившего — это хорошее качество для человека» или «Он выглядит внушительно, это приятно».

Однако в конце 1996 г. даже известное пристрастие Б. Н. Ельцина к спиртным напиткам так интерпретировалось респондентами: «Мужик русский может выпить, душа хорошая за столом!» Вообще вплоть до своего ухода Б. Н. Ельцин, несмотря на болезнь, воспринимался как сильный и мужественный человек: «На него смотришь — он хоть мужчиной кажется, сибирячок такой», «решительный мужик» (март 1997 г.), «сильный мужик» (февраль 1998 г.) и т.д.

Другим важным компонентом образа политика является восприятие его **психологических характеристик**. Как видно из диаграммы 5, отношение к этой группе характеристик у респондентов амбивалентно. Граждане не высказывают четкого позитивного или негативного отношения к этому политику.

Диаграмма 5. Психологические характеристики

Качественный анализ психологических характеристик свидетельствует о том, что в образе Б. Н. Ельцина важным качеством является его упорство в достижении, воля, целеустремленность вплоть до «упертости». Среди его основных качеств респонденты называли способность «убедить и навязать свое мнение».

Особое место в оценках и иногда даже восхищении занимают такие качества Б. Н. Ельцина, как «умеет поступать так, как нужно именно в данный момент» или «способен на поступок».

К сентябрю 1996 г. респонденты выделяют «самоуверенность», «настойчивость», умение «ставить перед собой цели и добиваться их». В марте 1997 г. в образе Б. Н. Ельцина доминирующим положительным качеством явилась решительность: «В критический момент может мобилизоваться и преодолеть обстоятельства и препятствия к достижению цели (как в 1991 г.) во время болезни». В начале 1998 г. респондентам явно импонировала решительность и сила воли Б. Н. Ельцина¹: «сильный мужик», «лидер от Бога».

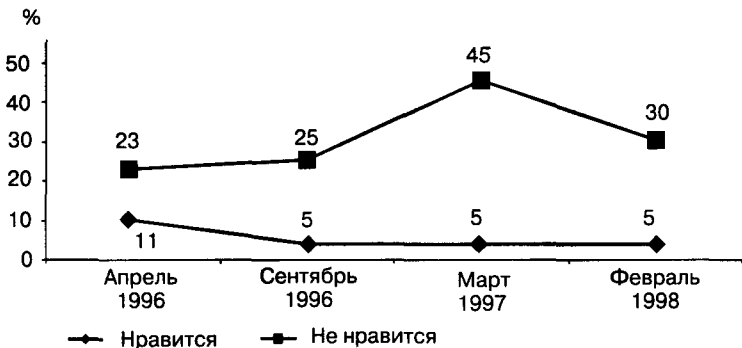
В негативных оценках упорство и решительность трансформировались в «агрессивность», «ненадежность», а настойчивость и умение поступать так, как считает нужным, в «равнодушие».

Морально-этические качества Ельцина получили резко негативную оценку. В апреле 1996 г. граждане ценили в политике хитрость (так как «для политика это хорошо»), умение «поступать так, как нужно именно в данный момент», «непосредственность». Кроме того, положительные оценки в образе Б. Н. Ельцина вызвали и такие качества, как «приспособляемость» и «изворотливость».

В сентябре 1996 г. в образе Б. Н. Ельцина отмечались «способность врать» и «непотопляемость».

Отдельную группу морально-этических характеристик занимают высказывания, характеризующие отношение политика к другим людям. Эта категория качеств позволяет гражданам судить о степени близости этого политика к ним. Здесь для граждан являются важны-

Диаграмма 6. Морально-этические характеристики

¹ При оценке Г. А. Зюганова таких характеристик не встречалось.

ми «открытость» и «приветливость», а такие качества, как злоупотребление алкоголем, сторонниками Ельцина воспринималась как то, что «мужик русский может выпить (душа хорошая за столом)». Появление такого политического феномена, как «семья», характеризовало Ельцина как «хорошего семьянина».

В марте 1997 г. респонденты вновь отмечают, что «он как бы свой», «состояние близости происходит у человека». Именно поэтому они говорят о том, что «он хороший, отец хороший, семьянин».

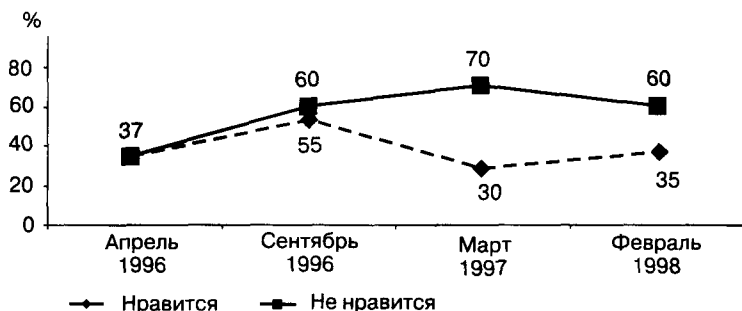
Образ Б. Н. Ельцина в феврале 1998 г. приобретает совершенно иные краски. Граждане стали отмечать его «сильную волю», проявляющуюся в «своенравии» и «крутом характере», невероятном «самообладании».

Политические и деловые качества Б. Н. Ельцина в 1996 г. воспринимались неоднозначно. Ни негативные, ни положительные оценки не преобладали в его образе. Однако с марта 1997 г. в оценках политических и деловых качеств Ельцина резко возрастает число негативных характеристик. Так, в апреле—сентябре 1996 г. основными негативными политическими качествами были «популизм» и просчеты в реформировании государства («Натворил много дел, которых ему простить нельзя. Например, программа 500 дней: когда говорил о ней, или ничего не соображал, или это ненужный популизм»). Главными были замечания к его поведению, которые оценивались с точки зрения того, соответствует оно или нет поведению главы государства: «Не вполне достойные манеры поведения — это унижает и Президента, и страну», «Это все дискредитирует нашу страну в глазах мировой общественности». В марте 1997 г. все претензии к Б. Н. Ельцину сосредоточились вокруг двух основных проблем: невозможности Б. Н. Ельцина представлять страну на международном уровне и невыполнении им обещаний. Однако характеристики, относящиеся к этим двум категориям, встречаются практически у всех респондентов.

В то же время среди положительных качеств в апреле 1996 г. в Ельцине ценилось «умение сглаживать партийные противоречия», а основным было «чувство времени» и «умение добиваться популярности в стране, если захочет и когда захочет». При этом он «должен разбираться в людях и уметь ими руководить», обладать «работоспособностью» и «новаторством».

Однако во многом оценка образа этого политика в апреле 1996 г. шла по принципу меньшего из зол, и особую актуальность получили

Диаграмма 7. Политические и деловые качества

сравнительные оценки: «лучше, чем мог бы быть на его посту: из существующих вариантов это лучший (по крайней мере не худший) Президент». Респонденты с горечью говорят о его прошлых заслугах и талантах, подтверждения которых они не видят в настоящем.

В образе Б. Н. Ельцина в сентябре 1996 г. граждан привлекает «рыночная экономика, как он это организовал: у людей появилась возможность себя показать», «жить свободнее стало». Однако чаще встречаются более расплывчатые характеристики: «смог внести что-то новое», «то, что он смог сделать то, что до него никто не делал». В целом в оценках Ельцина значительное место занимают его предыдущие заслуги: «уважение как личности, но это в прошлом — на баррикадах 1990–1991 гг.», «его поступок, что он смог сделать Беловежское соглашение и всяческие реформы», «то, что он первым положил партизлет» и т.д.

Другим важным компонентом образа политика является его **сила**. Она оказывает решающее влияние на избираемость политика. На приведенных диаграммах показана динамика восприятия силы и слабости в оценках Б. Н. Ельцина. На диаграммах 8 и 9 приведены данные по рациональным и бессознательным оценкам силы и слабости¹.

Из данных диаграмм следует, что если на рациональном уровне у граждан нет однозначного мнения о том, насколько сильным или сла-

¹ В диаграммах представлены данные в % от числа респондентов. В данных диаграммах приведены сводные данные оценок силы и слабости как в положительных, так и в негативных оценках.

Диаграмма 8. Оценки силы—слабости. Рациональный уровень

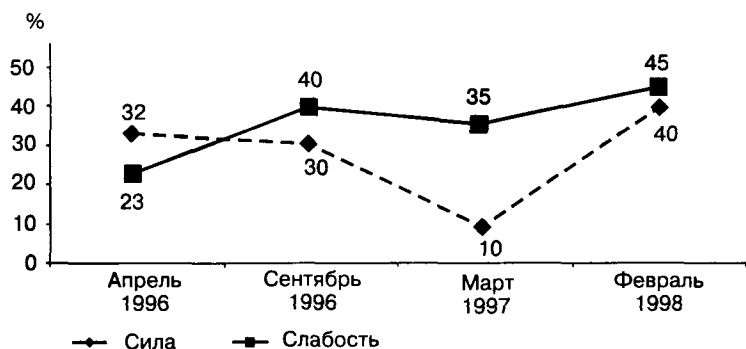
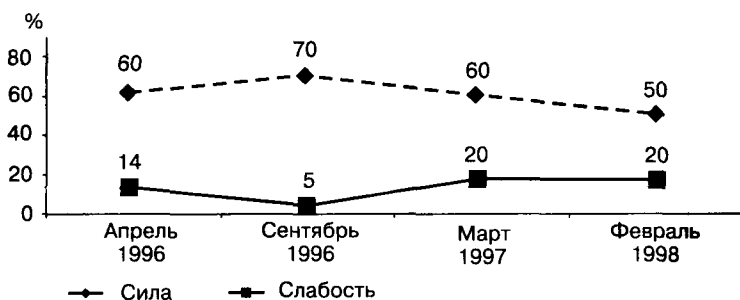

Диаграмма 9. Оценки силы—слабости. Бессознательный уровень

бым политиком является Б. Н. Ельцин, то на положительном полюсе в его образе всегда находились оценки силы: «решительность», «смелость», «целеустремленность», «упорство» и бойцовские качества. Среди негативных оценок: «трусость», пристрастие к алкоголю и неумение себя вести, а также невыполнение обещаний. Как видно из диаграммы 8, последние даже перевешивают число характеристик силы. Однако на бессознательном уровне (см. диаграмму 9), несмотря на плохое здоровье, «пустые обещания» и т.д., Б. Н. Ельцин устойчиво воспринимается как сильный политик, способный на решительные и неожиданные поступки.

Такие же тенденции наблюдаются и в оценках активности—пассивности этого политика. На рациональном уровне восприятия вплоть до февраля 1998 г. активность воспринималась как исключительно

положительное качество, в то время как пассивность — негативное. Однако в начале 1998 г. активность Б. Н. Ельцина получила резко негативные оценки. Тем не менее, несмотря на практически полное отсутствие на телеэкранах и постоянное пребывание в ЦКБ, Б. Н. Ельцин на бессознательном уровне воспринимался как активный политик, постоянно (хотя и незримо) присутствующий на политической сцене и руководящий страной, пусть и из больничной палаты.

Как уже говорилось выше, в отличие от целого ряда видных российских политиков Б. Н. Ельцин оценивается гражданами в особой системе координат, доминирующими из которых являются его статусно-ролевые позиции. Являясь первым, а на момент исследования единственным Президентом РФ, и при полном отсутствии других политических фигур, обладающих равными с ним возможностями и

Диаграмма 10. Оценки активности—пассивности.
Рациональный уровень

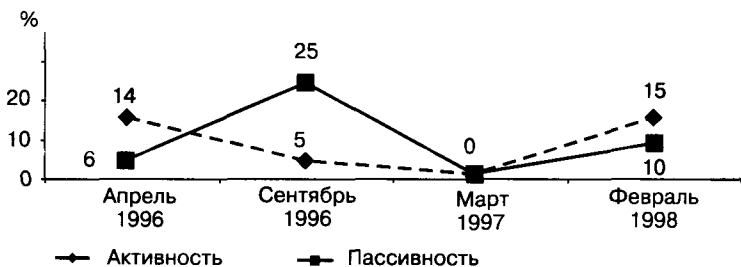
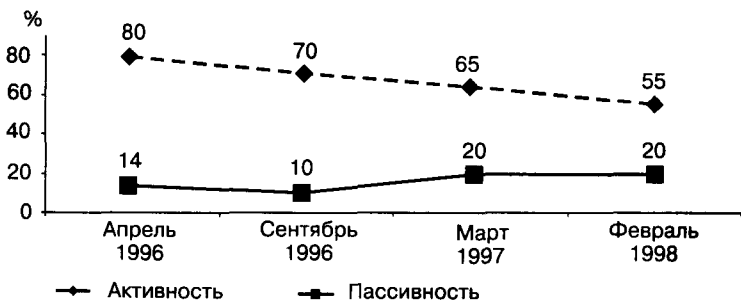

Диаграмма 11. Оценки активности—пассивности.
Бессознательный уровень

правами, Б. Н. Ельцин оценивается не просто как российский политик, а как руководитель государства. Статус Президента, дает ему изначально позицию «над схваткой».

Вплоть до марта 1997 г. в его образе преобладали животные, выполняющие роли «повелителя», «хозяина леса». Низкое число ассоциаций, выполняющих роли «слуг», говорит о том, что на бессознательном уровне Б. Н. Ельцин воспринимается как самостоятельный и независимый от кого бы то ни было политик.

На втором месте по количеству ассоциаций стоят роли «финансиста» и «хранителя норы», говорящие о приписывании данному политику меркантильных интересов. Однако если роль «финансиста» свидетельствует об альтруистических мотивах (т.е. эти финансовые ресурсы политику нужны не для себя, а чтобы обеспечить граждан), то вот роли «хранителей норы» свидетельствуют о стремлении обеспечить прежде всего себя, свою «семью».

В феврале 1998 г. статусно-ролевая структура образа Б. Н. Ельцина кардинально меняется. На первый ряд выходят ассоциации с животными «не из нашего леса» и с животными, выполняющими роль «жертвы». Кроме того, резко уменьшается число крупных по размеру животных и увеличивается число средних. Это говорит о том, что граждане перестали воспринимать Б. Н. Ельцина как самостоятельного политического лидера, способного руководить страной, задолго до того, как он ушел с политической сцены окончательно.

Данные тенденции подтверждаются и в ассоциациях с цветом. Преобладание основных или дополнительных цветов говорит о четкости или, наоборот, смешанности восприятия образа политика. Если основные цвета — красный, синий, желтый, зеленый — имеют простую и однозначную интерпретацию, то дополнительные говорят о **неоднозначности образа, его нечеткости и амбивалентности.**

Анализ с точки зрения преобладания того или иного цвета в ассоциациях показывает, что респонденты видят образ Б. Н. Ельцина по преимуществу в темных, дополнительных, холодных и тусклых тонах. При этом именно к февралю 1998 г. в образе Ельцина резко увеличивается число теплых, тусклых и дополнительных и уменьшается количество темных, основных и ярких цветов (почти в полтора-два раза).

Таким образом, *статусно-ролевое восприятие образа Б. Н. Ельцина претерпевает серьезные изменения лишь к февралю 1998 г., ког-*

да общество перестает воспринимать его как единственного возможного лидера государства.

Одним из важных аспектов имиджа политика является мотивация его участия в политике. Не имея возможности получить достоверную информацию, граждане приписывают политикам те или иные мотивы. Все ответы на вопрос: «Как Вы думаете, зачем этому человеку нужна власть?» мы разделили на две основные группы, которые условно назвали: «корыстные» и «альтруистические» мотивы. К первой группе мы отнесли такие мотивы, как власть ради денег, самоутверждение, власть ради власти; ко второй — власть нужна ради дела, не нужна совсем и власть как призвание, харизма.

Следует отметить, что преобладание «корыстных мотивов» в целом характерно для образов российских политиков. Граждане не верят в их честность и бескорыстность, хотя и надеются на нее. Что же касается образа Б. Н. Ельцина, то здесь преобладает именно эта группа качеств. Более трети респондентов считают, что основным мотивом для Ельцина является самоутверждение: «удовлетворение личных амбиций», «войти в историю хочет», «Беловежскую Пущу затеял, чтобы скинуть Горбачева и стать первым». Другая треть считает, что для Б. Н. Ельцина власть является самоцелью: «он без нее жить не сможет, он — ее заложник», «власть нужна, чтобы властвовать над людьми» и т.д. Что же касается удовлетворения материальных интересов, то такую мотивацию экс-президенту приписывали от четверти (в марте 1997 г.) до 5% (в феврале 1998 г.). В целом от 70 до 80% (в зависимости от даты исследования) опрошенных приписывают Б. Н. Ельцину «корыстные мотивы» стремления к власти.

Вторая группа мотивов — «альтруистическая мотивация» — представлена в образе Б. Н. Ельцина значительно меньше. От 10 до 25% респондентов допускают, что им движут благородные мотивы: «Мне кажется, что он хотел вначале изменить что-то в нашей стране, стремился к этому. Трудно сказать, почему он сейчас... Может быть, он тоже хочет исправить ошибки на втором сроке. Это такой человек, что, если у него есть взгляды, он готов их защищать. Ему казалось, что страна идет к развалу, он, как мог, пытался что-то изменить. Он бы не пошел на второй срок, если бы не коммунисты, те, с кем он боролся всю жизнь... Дать им снова шанс пролезть... Иначе не стал бы». Еще около 5% респондентов считают, что он «по натуре лидер, доказывает сам себе, что он лидер».

Однако в образе Б. Н. Ельцина есть и такая группа мотивов (около четверти ответов), которые хотя и не свидетельствуют о каких-либо амбициозных устремлениях, тем не менее говорят о негативных тенденциях в образе политика. Это указание на то, что политику власть не нужна вообще. Как правило, такие характеристики встречаются в том случае, когда респонденты не могут найти достоверной на их взгляд причины стремления политика к власти. В этом случае они говорят о том, что «шел, шел и пришел, а куда деваться? Не рвался, просто так все получалось. А кому сейчас ее передать, нельзя на переправе коней менять. Он же не хотел на второй срок, его окружение уговорило. Ему все равно» или «Сейчас даже незачем, просто по инерции. Команда заинтересована в нем, его как чучело держат».

Анализ мотивов, которые приписываются Б. Н. Ельцину респондентами, показывает, что основными мотивами стремления к власти для него являются амбиции и власть как таковая. Около четверти респондентов говорили о несамостоятельности выбора такого пути и подозревали сильное влияние на Б. Н. Ельцина его «окружения».

Проведенный анализ отражает серьезные расхождения в восприятии образа Б. Н. Ельцина на рациональном и бессознательном уровнях. Так, в прямых ответах респондентов образ Б. Н. Ельцина выглядел как не слишком привлекательный, старый и больной человек, совершивший немало ошибок и просчетов за время своего пребывания на посту. Все положительные черты сосредотачивались вокруг его бывших заслуг в период 1991 по 1993 г. Среди приписываемых мотивов ведущими, по мнению респондентов, были крайне сильные амбиции и властолюбие, на которых умело играет его ближайшее окружение.

Однако на бессознательном уровне образ экс-президента наполняется качественно новыми чертами, что позволяет с некоторой долей вероятности объяснять причины столь большого влияния Б. Н. Ельцина на политику и на мнение граждан (вне зависимости от его знака), тогда когда социологические опросы фиксировали падение к нему доверия граждан.

Хотя на бессознательном уровне Ельцин воспринимается как не очень привлекательный политик, тем не менее он обладает ярко выраженной силой и активностью. Граждане приписывают ему наличие выдающихся лидерских качеств, умение быстро реагировать на изменения окружающей среды, смелость и решительность.

Важной вехой в динамике образа Б. Н. Ельцина стал конец 1997 — начало 1998 г., когда произошли серьезные сдвиги в глубинных слоях восприятия его образа. Он перестал восприниматься как единственно возможный глава государства и встал в общественном сознании на один уровень с другими крупными российскими политиками. Очевидно, именно это подвигло Ельцина к досрочному уходу с поста Президента и передаче полномочий своему преемнику.

§ 2. ОБРАЗ В. В. ПУТИНА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Рациональный срез образа Путина. Первый раз образ Путина был нами исследован в марте 2000 г. накануне первых для него президентских выборов. Последние по времени фокусированные интервью были получены в декабре 2004 г. незадолго до нового 2005 г. Всего было сделано 8 замеров. Этот массив данных позволяет проследить динамику изменения восприятия Путина.

Таблица 1

Узнаваемость Президента Путина

	Март 2000	Октябрь 2000	Март 2001	Сентябрь 2001	Май 2002	Июнь 2003	Ноябрь 2003	Декабрь 2004
Да	99	98	100	95	100	100	100	100
Нет	0	2	0	0	0	0	0	0
Не определился	1	0	0	5	0	0	0	0

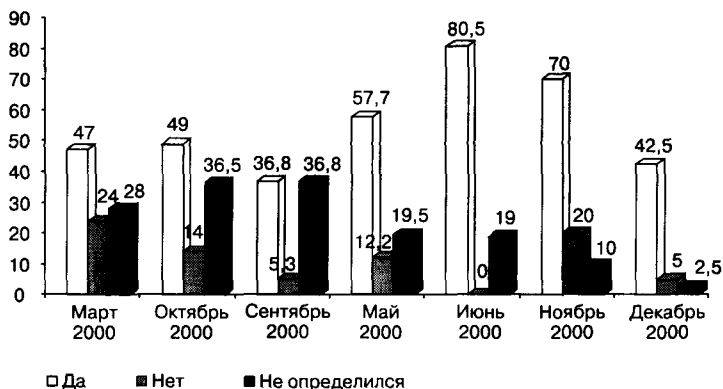
Как видно из табл. 1, даже в самом начале своей президентской карьеры В. В. Путин был почти абсолютно узнаваем. Это вполне естественно для политика такого уровня, на которого к тому же работали все государственные СМИ, которые перед первыми выборами провели массивную пиаровскую кампанию, от которой не мог спрятаться ни один избиратель. Так что с известностью у Президента и раньше, и сейчас полный порядок.

Вопрос, который возникает в связи с этим: что же именно донесли до избирателей многочисленные телевизионные и печатные СМИ? В какой мере им удалось убедить граждан в том, что этот человек — единственно достойный символ власти? Ответ на этот вопрос предполагает выяснение того, стали бы опрошенные голосовать за этого человека (т.е. измерение электорального рейтинга) и одобряют ли оп-

рошенные политические взгляды Президента, какие мотивы они ему приписывают, что именно в нем им нравится и не нравится.

Начнем с отношения респондентов к политическим взглядам В. В. Путина (диаграмма 12).

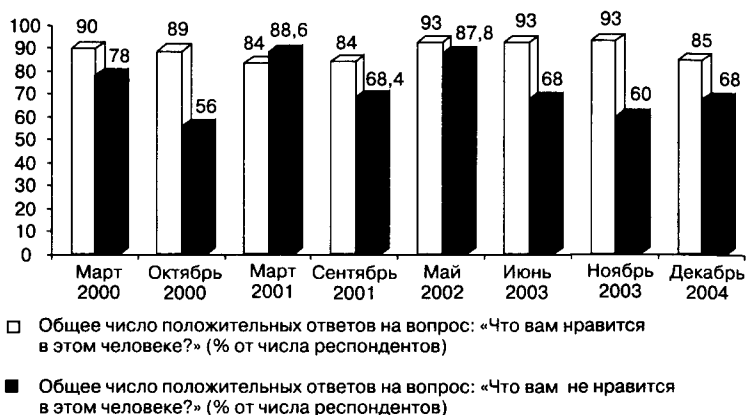
Диаграмма 12. Одобряете ли Вы политические взгляды В. В. Путина?

Как видно из графика, одобрение политических взглядов Путина не имеет безусловного характера. В начале его первого президентства можно было говорить о тенденции к росту одобрения. Интересно было бы понять, что произошло летом 2003 г. и почему, собрав более чем 80% почитателей его политических взглядов, Путин не смог их удержать и начал стремительно терять. На самом деле нам представляется, что полученные нами данные говорят о том, что с самого начала своей президентской карьеры Путин не имел четких и ясных политических позиций. Это отмечали наши респонденты и до 2003 г. Путин прислушался к общественному запросу и высказался более определенно. И тогда его взгляды не всем пришлись по вкусу. Об этом свидетельствует и параллельное уменьшение числа тех, кто по этому вопросу не определился.

Теперь посмотрим на образ Путина-человека. В исследовании был поставлен открытый вопрос, чем этот человек респондентам нравится (диаграмма 13).

Диаграмма 13. Общая привлекательность

Анализируя такой важный параметр образа Путина, как **привлекательность (со знаком плюс)**, обратим внимание прежде всего на необычайно высокий (самый высокий среди всех российских политиков за период с 1993 г.) уровень общей привлекательности, который мы измеряем числом положительных ответов на вопрос о том, что в Путине нравится. Видимо, вполне закономерно, что в год выборов общая привлекательность победившего Президента достигает максимальных значений. Так же понятно, что в период после выборов этот параметр теряет свою устойчивость и что ориентироваться только на этот параметр в анализе привлекательности было бы неверным.

Рисунок образа Путина-человека складывается из одного-двух доминирующих характеристик и нескольких, менее важных для его понимания. В целом образ выглядит достаточно неустойчивым в количественном отношении. Ни один параметр привлекательности со временем не сохраняет своего ранга в структуре личности. Но можно говорить об определенной тенденции доминирования **политических, профессиональных, деловых характеристик** среди привлекательных черт образа Путина. Эти характеристики занимают первое-второе места и доминируют по представленности в образе привлекательного политика. Если в 2000–2002 гг. внимание респондентов было сосредоточено в основном на личности Путина, то с 2003 г. их стала

интересовать прежде всего его деятельность. Из этого следует, что ответственность Президента за проводимый им политический курс возросла. Пришло время, когда электоральная привлекательность Путина зависит не столько от внешних особенностей его личности, отличий от предыдущего президента, умения произвести впечатление на аудиторию и других качеств, сколько от того, какими будут результаты его политики.

Другой сильной стороной Путина являются его **психологические качества**, среди которых респонденты называют решительность, волю, интеллект.

Вопреки существующей в политико-психологической литературе точке зрения¹ о том, что для национальных лидеров высшего уровня внешность и соматические характеристики имеют первоочередное значение, в образе Путина эти параметры играют незначительную роль. В ходе последнего замера мы установили, что оба эти параметра существенно снизили значение, как впрочем, и психологические характеристики и моральные качества. Падение последних после 2003 г. выглядит особенно удручающе. Все реже Путин кажется нашим респондентам честным и скромным. Своих максимальных значений этот показатель достиг в ноябре 2003 г. — 70%. Уже через год он опустился до 45%.

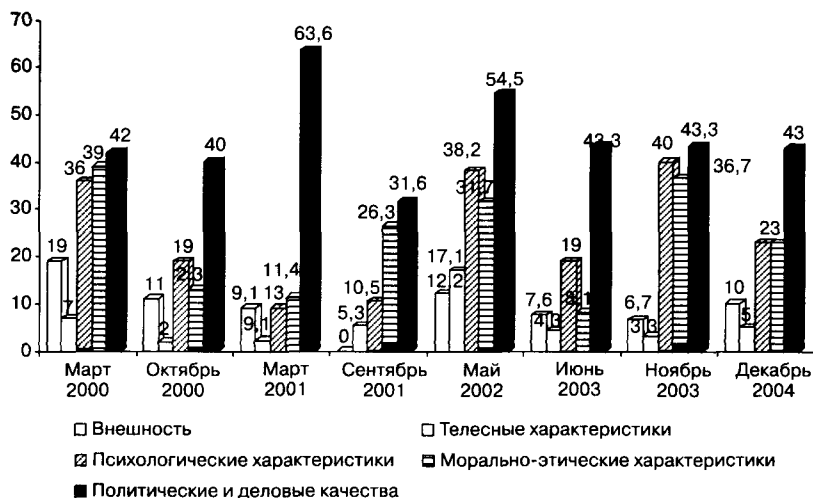
Негативные оценки образа Путина также дают пищу для размышлений. Общее число тех, кто заметил в этом образе что-то неприятное, несколько меньше числа его абсолютных сторонников, но их число значительно выше, чем у других политиков (от 68 до 88% ответов содержат те или иные негативные упоминания).

Так же как и в положительных характеристиках, в отрицательных доминируют упоминания о **политических, деловых и профессиональных качествах** Путина. Это наиболее выпуклая черта его образа. В негативном контексте респонденты упоминают и отдельные политические решения Путина, и его национальную политику. Во втором президентстве уже в негативном, а не в позитивном смысле, как в начале его президентства, упоминают его кэжэбэшное прошлое. Однако наиболее интересно то, что отрицательные компоненты политических качеств Путина стабилизировались и остаются неизмен-

¹ См. напр.: Пансер М. С. и др. Формирование восприятия политических лидеров. Кросс-национальное сравнение. Политическая психология. Хрестоматия. М., 2002.

ными в ходе последних трех замеров, а остальные претензии хотя и незначительно, но снизились (см. диаграмму 14).

Диаграмма 14. Отрицательные оценки

На втором месте по степени неприятия стоят **психологические характеристики** Путина. В разные годы они выходят на второе-третье место. За ними следуют **моральные качества**.

График показывает, что за последний период ухудшилось восприятие **внешности и телесных качеств, его психологических и моральных характеристик**. Единственное, что удерживает пока его образ на плаву — это **политические и деловые качества**.

Сила и активность

Сила и активность — два важнейших параметра образа политика, которые наряду с привлекательностью позволяют судить о структуре образа. За все время измерения оба эти параметра в образе Путина выглядят крайне неровными. В начале первого срока президентства весьма высоки были параметры силы в числе привлекательных черт Президента, но уже на второй год эти показатели сильно снизились. В мае 2003 г. вновь некий всплеск данного показателя и вновь падение. Примечательно, что начиная с осени 2003 г. и до настоящего мо-

мента этот показатель имеет очень высокое значение. Подтверждает данную тенденцию и то, что не только его сторонники, но и противники признают этот факт. Что касается активности, то налицо постоянная тенденция ее нарастания в образе Путина, за исключением двух временных точек (табл. 2, 3).

Таблица 2

**Сила—слабость и активность—пассивность в образе Путина.
Позитивные характеристики**

	Март 2000	Октябрь 2000	Март 2001	Сентябрь 2001	Май 2002	Июнь 2003	Ноябрь 2003	Декабрь 2004
Сила	67	54	23	21	58	17	70	60
Слабость	1	0	5	0	1	0	0	0
Активность	33	29	52	37	59	23	73	60
Пассивность	3	0	5	11	1	0	0	0

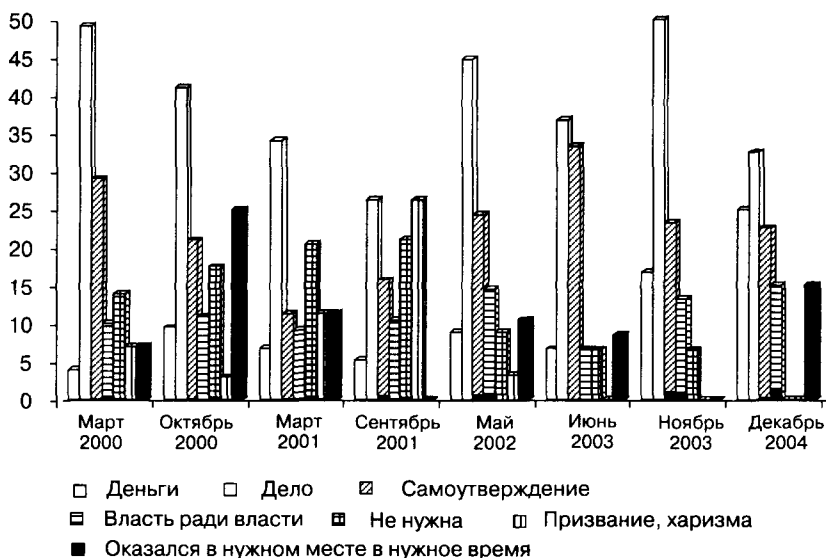
Таблица 3

**Сила—слабость и активность—пассивность в образе Путина.
Негативные характеристики**

	Март 2000	Октябрь 2000	Март 2001	Сентябрь 2001	Май 2002	Июнь 2003	Ноябрь 2003	Декабрь 2004
Сила	8	5	1	5,3	11	9,5	6,7	10
Слабость	24	30	30	21	40	0	17	10
Активность	7	3	32	11	12	7,1	10	23
Пассивность	4	22	27	32	37	0	6,7	13

Для анализа образа политика психологически важно, какие властные мотивы граждане приписывают политику. Для большинства образов российских политиков характерны мотивы эгоистические, среди которых выделяются честолюбие и корыстолюбие, а также мотивы самореализации. Мотивы «дела», т.е. служения стране встречаются нечасто. Мотивы, приписываемые Путину, до последнего времени были скорее исключением из этого правила. Мотив дела присутствовал в структуре его образа весьма выпукло. И в последнем нашем замере этот мотив занимает первый ранг среди других мотивов. Но налицо тенденция к его количественному снижению (диаграмма 15).

Диаграмма 15. Мотивы власти

Интерес представляет и существенный рост двух «эгоистических» мотивов — мотива денег (с ноября 2003 г. он вырос с 16,5% до 25% и занял второй ранг) и мотива «власть ради власти» (соответственно 13,3 и 15%). Негативно для восприятия Президента и то, что ушедший было на предыдущем замере мотив случайности попадания во власть вновь вернулся и составил 15%. Стоит отметить и исчезновение появившегося было в первом сроке президентства признание особого призвания — харизмы в Путине. Начиная с июня 2003 г. респонденты не видят Путина в качестве харизматического лидера.

Бессознательный компонент образа Путина. В анализе бессознательных оценок образа Путина мы использовали метод направленных ассоциаций, основанный на реакции респондента на черно-белую фотографию в качестве стимульного материала. Респонденты давали три ассоциации: с животным, с цветом и с запахом. Как показали наши предыдущие исследования, для анализа образа политика имеет существенное значение ряд параметров в этих бессознательных компонентах образа, которые мы можем сопоставить с аналогичными параметрами рациональных оценок: это привлекательность, сила и активность.

Привлекательность

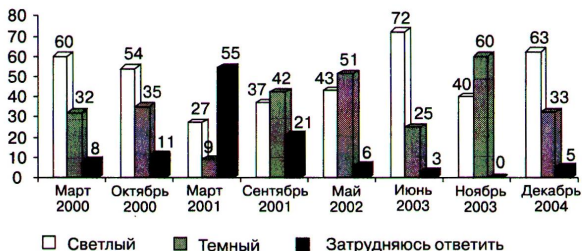
Привлекательность измерялась нами и в ассоциациях с животными, и в ассоциациях с запахами. Последние отражают более глубокий уровень бессознательного восприятия. Так, по данным всех лет измерения этот параметр имел довольно неровное значение. Начиная с 40% оценок в марте 2000 г. он достиг своего максимума в июне 2003 г. и самое низкое значение имел в ноябре 2003 г. По сравнению с этим он поднялся на 8% в декабре 2004 г. Эти данные показывают, что наиболее глубокие слои бессознательного отношения респондентов к Путину в целом весьма для него благоприятны, однако не приобрели устойчивости за годы президентства. К тому же наряду с теми, кто воспринимает Путина как приятного человека на бессознательном уровне, увеличилось и число тех, кто отметил неприятные ассоциации с ним (это возможно за счет уменьшения числа нейтральных ответов). В привлекательности образа Путина определенную роль играют такие факторы, как восприятие его как здорового и спортивного человека, человека естественного. Практически константным остается такой параметр образа Путина, как маскулинность, которую в последнем замере отмечают 45% респондентов.

В ассоциациях с животными привлекательность также имеет очень высокие значения и также отличается неустойчивостью в цифровом исчислении.

О привлекательности, если можно так сказать «профессиональной», свидетельствует изучение тех ролей, которые приписывают Путину в ассоциациях с животными. Среди ассоциаций, появившихся в недавнее время, прослеживаются некоторые изменения в восприятии ролей, которые играет Путин. Так, среди этих ролей во втором сроке президентства стало больше лидерских. Одновременно хотя степень самостоятельности Путина и снизилась, но она отмечается четвертью респондентов. Опасной тенденцией для Президента является и то, что в его образе появились ассоциации, свидетельствующие о его способности сыграть и роль жертвы (13%). Интересный аспект образа связан и с такой характеристикой, как жадность. Число ассоциаций с многочисленными в прежние годы мелкими, хитрыми и жадными зверьками вроде хорька или мыши в 2004 г. существенно снизилось, что противоречит рациональным оценкам тех же респондентов, которые отмечали растущую роль денег во властной мотивации Путина. В данном случае расхождение между рациональными и бессознательными оценками следует трактовать в пользу Президента.

Диаграмма 16. Бессознательные оценки.

Цвет: светлый—темный

Ассоциации с цветом дают представление прежде всего о той дистанции, которая имеется между властью и гражданами. Наши предыдущие исследования показали, что все политики, которые имеют в своих руках власть, воспринимаются в темных, холодных и тусклых тонах. В нашем последнем замере (см. диаграмму 16) видно, что ассоциации со светлыми тонами у Путина превысили темные.

Можно сказать, что на бессознательном уровне респонденты вновь отметили, что власть как бы уплывает из рук Путина.

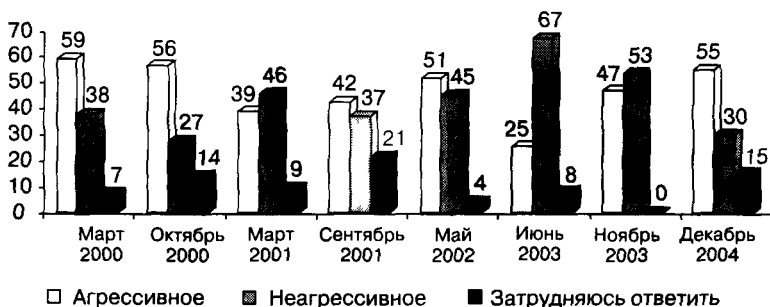
Сила и активность

Сила — вторая по важности шкала для измерения образа политика. Этот параметр в начале президентской карьеры Путина выглядел не очень солидно — порядка 30–40%, но уже в июне 2003 г. он составил 71%. И хотя с тех пор этот параметр понизился, все же в декабре 2004 г. он составлял почти половину всех оценок.

Активность в образе Путина на бессознательном уровне, так же как и на рациональном, отмечена высокими значениями. Но в цифровом выражении эти значения выше. Так, в последнем замере она составила 73% по сравнению с 60% на рациональном уровне.

Одним из проявлений активности является агрессивность. Этот параметр чрезвычайно важен для прогноза политической устойчивости российских политиков. На диаграмме 17 видно, что агрессивность, достигнув своего минимума в июне 2003 г., затем стала нарастать и в настоящее время выглядит весьма внушительно.

Диаграмма 17. Бессознательные оценки.
Агрессивность

ВЫВОДЫ

1. Полученные нами данные свидетельствуют о происходящих на втором сроке президентства Путина существенных изменениях образов власти вообще и образа Президента Путина в частности, коснувшихся и рациональных оценок, которые в большинстве своем стали более критичны в отношении власти (что не ново для России) и лично Президента (и это отличает первую путинскую республику от второй). В наших прежних публикациях¹, основываясь на негативной динамике ряда бессознательных составляющих образа и их расхождении со вполне позитивными рациональными оценками, мы прогнозировали возможность ухудшения восприятия Президента массовым сознанием. К сожалению, этот прогноз оправдывается, и на момент последнего замера, который был проведен еще до монетизации льгот в январе 2005 г., мы зафиксировали серьезные деформации восприятия образа Президента Путина. При этом коррозии подверглись не только эмоциональные и когнитивные аспекты образа, но и его поведенческие характеристики.

Полученные нами данные относительно намерения респондентов проголосовать за Путина, если бы выборы проходили сейчас, также весьма примечательны. Если перед самыми выборами 2000 г. число его сторонников составило 43%, то после выборов их стало на 14%

¹ См.: Шестопал Е. Б., Пищева Т. Н., Гикавый Е. М., Зорин В. А. Образ Путина в сознании российских граждан // Полис. 2004. № 3.

больше. Логика поведения избирателей во втором избирательном цикле уже иная. Путин завоевал симпатии наибольшего числа избирателей сразу после выборов 2003 г., а уже осенью того же года стал их терять. Повторю, летом 2003 г. не произошло ничего такого, чем можно было бы объяснить поведение избирателей. Гораздо более драматичным для Президента, как нам кажется, является падение числа его избирателей в конце 2004 г. Оно также не имело явных причин (событий или решений власти, которые можно было бы считать непосредственным стимулом для изменения отношения граждан). Эти цифры не сопоставимы с данными ведущих социологических центров, но это связано с иной технологией опроса.

2. Совершенно очевидно довольно существенное снижение эмоционального климата в стране после избрания Путина на второй срок. Надежды первой путинской республики растаяли, а на их место пришло неверие во власть, которое пока еще не достигло ужасающих значений времен Ельцина, но указывает на быструю утрату доверия граждан. Люди считают, что власть в целом (исполнительная власть в особенности) пассивна и безразлична к их нуждам, не учитывает общественное мнение.

3. Персонификация власти в лице Президента не помешала проявлению новой тенденции, которой не было ни во времена Ельцина, ни в первый срок путинского президентства: произошло ослабление образа института президентства и снижение его публичной силы за счет усиления роли в массовом сознании такого субъекта власти, как «силовики». Привлечение Путиным к управлению проверенных временем соратников из силовых ведомств сыграло с ним злую шутку: они серьезно потеснили из образа власти не только его как личность, но и сам институт президентства. Наши респонденты приписывают им больше власти, чем Президенту.

4. Налицо замеченное гражданами пока лишь на бессознательном уровне ослабление публичной сферы власти и укрепление ее теневых вариантов. Сама эта тенденция выглядит достаточно амбивалентной. Новым в политическом восприятии последнего периода является то, что из числа влиятельных властных групп выбыли отмечаемые ранее олигархи и мафия, что можно считать позитивным трендом. Но одновременно резко возросли манипулятивный характер власти и ее непрозрачность. Об этом свидетельствуют в первую очередь результаты проективного теста и фокусированных интервью, позволяющие судить о бессознательной стороне образов власти.

5. По сравнению с первой путинской республикой, в которой крайне негативное отношение к власти парадоксальным образом сочеталось с эмоционально позитивным отношением к символу власти — Президенту, вторая путинская республика демонстрирует сохранение первой части этой формулы (сохраняется и даже ухудшается восприятие власти, но и персонифицированный образ власти бледнеет на глазах). Путин все еще сохраняет в целом позитивные черты: в его образе отмечается сила и возросшая активность. Его политические, деловые и профессиональные характеристики представляются респондентам скорее положительными, но в то же время формируется и вполне критическая оценка как личностных, так и деловых качеств. Связано это не просто с усталостью граждан от уже хорошо им знакомого политика, а с тем, что претензии стали высказываться применительно к принимаемым, а чаще не принимаемым Путиным решениям, к его нечувствительности к массовым настроениям, к нерешаемости многих проблем — от бедности до войны в Чечне. При этом как показало изучение бессознательных (особенно визуальных) компонентов образа Президента и власти, у Президента в его втором сроке есть еще определенный потенциал, воспринимаемый людьми на бессознательном уровне. Сумеет ли он использовать этот потенциал или растратит его, как и тот потенциал доверия, с которым он пришел в Кремль, зависит только от него.

ГЛАВА 16

ПРЕМЬЕР В. С. ЧЕРНОМЫРДИН: ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗ

Премьеры в постсоветской России менялись значительно чаще президентов. Для иллюстрации мы выбрали одного российского премьера постсоветской эпохи, который запомнился гражданам своими яркими языковыми оборотами и нестандартным политическим стилем: В. С. Черномырдина.

Для политического психолога представляет интерес и его публичный образ, та роль, которую он играл в качестве председателя российского правительства, и его политическая личность. В данной главе мы рассмотрим, во-первых, личностные особенности этого политика, во-вторых, проанализируем его телевизионный образ, а в-третьих, посмотрим, как первые два фактора влияют на тот образ, который сложился в массовом политическом сознании.

Председатель правительства Виктор Черномырдин в годы его премьерства был самым упоминаемым в российской прессе политиком. Американский вице-президент Альберт Гор почтительно обращается к русскому премьеру: «Виктор Степанович». Российская политическая элита его сокращенно называла ЧВС, вольно или невольно подражая американцам, несколько фамильярно обращавшимся к своим президентам: FDR, LBJ, JFK.

Будучи по своему положению в российской структуре власти человеком № 2, устойчиво занимая в рейтингах политиков с 1993 г. второе место после Президента Ельцина, этот человек до самого конца своего премьерства не соответствовал привычному стереотипу публичного политика. Его намного реже и менее интересно, чем его заместителей, показывали по телевидению. Он не был любимцем публики и журналистов. Правда, похоже, чувство это было взаимным. ЧВС также не был в восторге от журналистов, скорее терпел их и не

напрашивался на интервью. Известно, что с ним не работал никто из имиджмейкеров, да и вообще он неохотно подпускал к себе на близкое расстояние людей, не входящих в его ближайшее окружение.

Однако накануне своей отставки его добровольное или вынужденное политическое отшельничество завершилось. Начиная с зимы 1998 г. он резко активизировался в публичном пространстве российской и международной политики. С марта на государственном общероссийском канале начались еженедельные выступления ЧВС в прямом эфире. Эксперты связывали это событие с началом предвыборной кампании 2000 г. Многие писали и о том, что это решение было санкционировано Ельциным, хотя открыто Президент никогда не говорил о том, кого он хотел бы видеть своим преемником.

ЧВС как личность и особенно его отношения со средствами массовой информации выглядят интригующими. Представляет интерес вопрос о том, почему ньюсмейкеры так настороженно относились к премьеру. Не менее важно понять и то, по каким причинам личного и политического характера сам он уходил в тень при малейшей возможности.

В истории взаимоотношений ЧВС со СМИ были и взлеты, и падения. Тот образ премьера, который сложился за пятилетний срок его работы в этой роли, конечно, менялся, оставаясь неизменным в главном — образ традиционного руководителя старого советского типа, строгого, солидного, скучноватого, но опытного, ответственного и знающего реальную экономику страны. Таким его видели журналисты, так этот имидж закрепился и в массовом сознании. Хотя премьер сформировался в первую очередь как непубличный политик, за годы своей работы в правительстве он проделал заметную эволюцию под влиянием новых условий, потребовавших от него таких качеств, которые не могли быть востребованы в советский период.

Главная особенность работы его кабинета в последние годы премьерства — это перманентная нестабильность. За годы пребывания в должности не проходило и двух-трех месяцев, чтобы в СМИ не возникли слухи об его отставке. Реальность этих слухов не была преувеличенной. За годы пребывания на посту премьера серьезная вероятность отставки возникала по меньшей мере 10 раз. Только поразительная пластичность и психическая устойчивость ЧВС позволила ему не только устоять, но и сохранить работоспособность. Следствием такого перманентного стресса стала устойчивая подозрительность премьера к средствам массовой информации, тиражирующим слухи о его отставке.

В какой мере недоверие премьера обосновано, а обида на журналистов имеет реальное основание? Чтобы ответить на этот вопрос, следует понять истоки недоверия и антипатии СМИ к ЧВС. Несомненно, их несколько. Играет свою роль и психологическая «несовместимость» между ЧВС, привыкшим к чинопочитанию и иерархичности, и журналистами, раскованными, позволяющими себе острые вопросы. Для руководителя, чье становление связано с партийно-хозяйственной работой, такой стиль вынести трудно: он ломает его представление о своей роли, вызывает агрессивную реакцию.

Немаловажно и искреннее непонимание со стороны ЧВС, как, впрочем, и со стороны более молодого и образованного Чубайса¹, что на общение со СМИ нельзя жалеть времени и это не менее важная работа для политика, чем собственно принятие решений. Сказывается отсутствие потребности у российских руководителей к общению с гражданами. Особенно это относится к ЧВС, который не зависел напрямую от общественного мнения, так как он не выбирается гражданами. Здесь надо упомянуть и ревностное отношение к росту популярности ЧВС со стороны Президента, которое чутко улавливали подконтрольные ему издания. Особенно это ощущалось в тот период, когда их курировал А. Б. Чубайс.

В последний год работы ЧВС на посту премьера особенно важное значение для понимания его отношения со СМИ играло положение дел в самих СМИ, которые практически утратили свою независимость и были распределены между основными финансово-экономическими и политическими группами. Как отмечают аналитики Центра политических технологий², к тому времени все крупнейшие финансово-промышленные группы осознали значение СМИ и произвели первичный раздел сфер влияния. Как сами СМИ, так и их владельцы определились в отношении к правительству и его председателю. Хотя это отношение отличалось определенной неустойчивостью, тем не менее заслуживает внимания тот факт, что ряд крупнейших владельцев СМИ (в первую очередь электронных) занимали вполне лояль-

¹ См. интервью А. Б. Чубайса, где он говорит: «У меня все время выбор: либо сделать, либо сказать о том, как я это делаю... Нет проблемы недостатка времени, есть проблема приоритета». Продажная газета, продажные журналисты, продажный главный редактор // Независимая газета. 1998. № 40. 7 марта.

² Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России. М., 1997.

ную позицию по отношению к ЧВС. Так, около 30% акций НТВ было приобретено Газпромом, за которым стоял тогда лично премьер. Делал ставку на премьера и банк «СБС-Агро», принадлежавший Смоленскому. Этот банкир имел определенную долю в кампании «ОРТ». Ее главный владелец Березовский также был заинтересован в то время в поддержке премьера. Резко против ЧВС настроены несколько влиятельных изданий, хотя это не относится ни к одному из каналов телевидения.

Наиболее существенным, на наш взгляд, является вопрос о том личностном потенциале, который был у ЧВС как у публичного политика, который давал о себе знать в его самопрезентациях на телевидении. Именно на этом мы и остановимся в данной главе. Мы исходим из того, что ответ на вопрос о характере его личностного потенциала следует искать по двум направлениям. Во-первых, следует понять место премьера в российской системе власти, диктующее его исполнение этой роли и его личностные возможности. Этому служит психологический анализ его выступлений в прессе и на телевидении. Во-вторых, интересен и результат воздействия публичного образа на телезрителей. Мы исследовали это восприятие начиная с декабря 1993 г. Последний замер относится к февралю 1998 г. Некоторые результаты этих исследований мы приведем ниже.

§ 1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА: РОЛЬ И ЕЕ ИСПОЛНИТЕЛЬ

По сути, ЧВС является первым постсоветским премьером. Его предшественник Егор Гайдар был в течение полугода и.о. премьера, его назначение Президентом Ельциным не было поддержано Верховным Советом. ЧВС находится на своем посту с 17 декабря 1992 г. Как справедливо считают многие, в России в столь неспокойное время каждый год следует считать за три. Поэтому ЧВС стал рекордсменом-долгожителем на политической сцене России.

Уникальность этого феномена становится тем яснее, что с самого начала и по сей день распределение обязанностей между Президентом и премьером таково, что Президент имеет де-факто контроль над назначениями (прежде всего силовых министров), а премьер — ответственность за действия правительства целиком. Нередки были случаи, когда не только министры, но и сам Председатель правительства узнавал о новых сотрудниках из газет. Только в связи с ухудше-

нием здоровья Президент Ельцин вернул силовые министерства в подчинение премьеру.

Этот расклад полномочий оставляет премьеру нередко не много места для маневра. Он зависит от Президента, от президентского окружения и, о чем сейчас говорят уже открыто, даже от отношения к нему семьи Президента. При этом ЧВС, будучи человеком, лояльным Ельцину, никогда не был в числе его фаворитов, как, скажем, его непосредственные подчиненные — Чубайс и Немцов, которые имели прямой доступ к Ельцину, минуя ЧВС. Один из российских журналистов¹ обозначил схему отношений Президента и премьера как «охотник и его собака», подчеркнув при этом, что премьер не выбирает свою роль. К аналогиям с животными мы еще вернемся, говоря о том, как премьера и других наших политиков видят простые граждане.

Другим центром влияния, важным для премьера, является Федеральное Собрание. Именно оно, а точнее его нижняя палата, утверждает кандидатуру премьера, предложенную Президентом. Здесь у ЧВС тоже был непростой участок работы. Хотя он в принципе устраивал оппозицию, имеющую тогда в Думе большинство, но это был союз, основанный не на идеологии и общих целях, а скорее на психологическом родстве немолодых людей, получивших сходное политическое воспитание в советское время. Оппозиция время от времени ставила вопрос о выражении недоверия правительству. Хотя у ЧВС была собственная фракция НДР, но она не только не имела большинства, но и не могла блокироваться со своими ближайшими соседями — либералами из фракции «Яблоко», наиболее последовательными противниками ЧВС справа. Здесь, правда, тоже следует иметь в виду, что подлинные причины расхождения позиций лежат не в принципах управления экономикой страны, которые Премьер гибко менял, а в личной несовместимости Явлинского и ЧВС. Впрочем, нет такого российского политика, с которым лидер «Яблока» мог бы работать вместе.

Роль премьера требует от ее исполнителя достаточно гибкой линии поведения в отношении такого центра власти, как финансово-промышленные группы. Хотя у ЧВС был большой опыт работы с руководителями разного уровня и с разными интересами, в этом деле у него были не только удачи. Известно его противостояние с Чубайсом, за которым стояли финансовые группы, в ходе приватизации крупнейших

¹ Бергер М. Интервью еженедельнику «Коммерсант» // Коммерсант. 1995. 17 декабря. № 38. С. 14.

государственных предприятий. ЧВС в данном случае выступал не в роли премьера, а в роли защитника интересов Газпрома, из недр которого он вышел и оставался его наиболее высокопоставленным лоббистом. Его внутриполитическая и внешнеполитическая деятельность во многом служила интересам естественных монополий и прежде всего собственно Газпрома. На протяжении всех лет пребывания у власти ЧВС не без внутреннего усилия уходил от сложившегося в общественном мнении (не говоря уже о его собственном сознании) образа, связывающего его с Газпромом. Только в последние годы премьерства он стал выступать и восприниматься как руководитель общенационального масштаба, способный более широко смотреть на экономику и политику. Удалось ему, по-видимому, заручиться поддержкой и основных центров экономического влияния в стране.

Так выглядит роль Премьера. Каков же ЧВС как ее исполнитель? Отметим некоторые личностные особенности ЧВС, которые оказывали влияние на его политическое поведение. Для этого несколькими штрихами обрисуем его **психологический профиль**.

Хотя многим журналистам ЧВС кажется человеком простоватым и даже «мужиковатым», не склонным к рефлексии, психологический анализ показывает, что его личность характеризуется достаточно сложной структурой. Так, его представление о себе, его **«Я-концепция»** отличается сложностью, детализацией. Он явно не страдает комплексом неполноценности, имеет высокую и вполне адекватную самооценку. Ошибочно приписывать его высокую самооценку только номенклатурному прошлому и долгому опыту руководящей работы. С детства она формировалась на основе реальных достижений, рано сложившейся системы значимых ценностей, способности твердо стоять на ногах.

ЧВС и до сих пор обладает незаурядной витальной силой, мощной энергетикой, сильными Эго и супер-Эго. Сильное Эго проявляется в демонстрации своего «Я», отстаивании своих позиций, масштабы деятельности. Сильное супер-Эго проявляется в значимых для него постулатах: «я должен», «мне Президент сказал: “надо”», в готовности подчиниться авторитетам. На формирование особенностей супер-Эго, видимо, повлиял авторитетный отец, старшие родственники-мужчины. Немалую роль должны были сыграть казачьи традиции тех мест, где вырос ЧВС, представления о социальной иерархии, непререкаемость авторитета старших. В функции супер-Эго вхо-

дит сдерживание человеческой природы в рамках определенных традиций, предписаний, стереотипов. Примечательно, что в рамках иерархической системы ЧВС демонстрирует необычайную гибкость и даже артистизм, который позволяет ему балансировать между противоречивыми требованиями разных групп интересов.

Важнейшим элементом структуры личности является *система ее потребностей*, среди которых выделяются потребность во власти и контроле, в достижении и в одобрении и поддержке. Доминирующей у ЧВС является потребность в достижении. При этом для него достижения — это не маленькие победы сегодняшнего дня, а размеренное поступательное движение по воплощению глобальных стратегических задач. Похоже, этот человек не возвращается в прошлое, чтобы перебирать оставшиеся в нем победы или поражения. И не потому, что не способен к рефлексии, а потому, что его по-настоящему интересует только сегодняшний день. Именно эта потребность определяет его стиль решения проблем.

Второй по значимости для личности ЧВС является потребность в контроле над людьми, событиями, ситуацией в целом. Это выражается прежде всего в отношении ближайшего окружения. Потребность во власти имеет у него инструментальный характер, что достаточно редко встречается в российской политической среде, где очень многие представители элиты стремятся к власти для залечивания своих психологических травм. Власть премьеру нужна была не для самоутверждения, а для решения проблем, встающих перед ним на его посту. Он реалист и прагматик. Потребность во власти выступает как средство удовлетворения двух основных потребностей. Интенсивность потребности во власти не вполне очевидна, так как она может блокироваться очень сильным контролем сознания. Как показывает анализ его политического поведения, потребность в доминировании не проявляется на поведенческом, сознательно контролируемом уровне, но временами выплескивается в неосознаваемых жестах.

Потребность в поддержке, одобрении у ЧВС не слишком значительна. Он достаточно сильная личность, чтобы не искать поддержки окружающих во что бы то ни стало. Он ждет от них не столько одобрения, сколько конструктивного сотрудничества. В своих выступлениях он одинаково часто упоминает своих единомышленников и противников.

Понятно, что политик с такой структурой потребностей больше ориентируется на дело, чем на свой имидж. В зависимости от ситуации он может менять свое поведение и точку зрения, что со стороны может восприниматься как непоследовательность. Сильное стремление к достижениям сопряжено со способностью идти на риск. В деловых отношениях ЧВС кооперативен, ориентирован на партнерские отношения. В то же время он предпочитает окружать себя экспертами, профессионалами, а не друзьями. В интересах дела легко может пойти на перестановку кадров. Профессиональная компетентность важнее для него, чем личные отношения. ЧВС стремится сохранить позицию, независимую от окружения.

Говорить о *системе политических убеждений* премьера имеет смысл в рамках небольшого временного интервала. Его опыт хозяйственного руководителя приучил его мыслить в масштабе пятилеток. ЧВС проявляет необыкновенную для своего возраста гибкость, когда за пять с небольшим лет он из защитника советской социалистической экономики превратился в борца за «наше правое монетаристское дело». Это также является следствием способности к развитию и прагматизма. Для него идеи сами по себе не имеют большой ценности

Стиль принятия решений ЧВС отличается жесткостью и одновременно осторожностью. Все эти годы он всячески подчеркивал, что он не политик, а хозяйственник. Ему чрезвычайно сложно было принять себя в этом качестве. Но если бы такое решение им было принято, он изменил бы свой стиль в соответствии с собственным представлением о политической игре.

Стиль межличностных отношений ЧВС характеризуется чрезвычайно избирательностью. В отношении близкого окружения он жесток, но открыт и готов прислушиваться. Известна привычка, унаследованная от советских и партийных руководителей — обращаться к собеседникам (нижестоящим) на «ты». С людьми малознакомыми ЧВС держится, как правило, отчужденно. Они его не интересуют. Это нередко относится и к тем, перед кем он выступает. Стиль отношения с Президентом, напротив, чрезвычайно лояльный, эмоционально теплый. Однако наиболее яркой характеристикой стиля межличностных отношений премьера является его речь. На эту тему можно писать тома специальных исследований. Речевые особенности ЧВС соединяют чрезвычайно невнятность, смысловую неопределенность и одновременно афористичность, яркие эмоциональные образы, ко-

торые рождаются у него спонтанно и запоминаются слушателям, превращаясь чуть ли не в пословицы. Очевидно, последнее случается с ЧВС в наиболее острые моменты его политического поведения, когда словно открываются некие шлюзы, сдерживающие его речь. Не исключено, что это происходит тогда, когда он «заводится» и на эмоциональном подъеме (чаще этому помогает злость) преодолевает барьеры в межличностном общении.

§ 2. ПРЕМЬЕР И ЕГО ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ОБРАЗ

Ввернемся к тому, как выглядит премьер на телевизионном экране. Миллионы телезрителей, а нередко и политическая элита получают представление о политике только через этот канал. При этом зрители улавливают не только то, что говорит премьер, но и его невербальное поведение, отражающее то, что он хочет сказать, но не осознает.

Нами были проанализированы видеоматериалы за несколько последних лет. Мы не ставили перед собой задачу провести контент-анализ всех этих видеовыступлений. Большая часть из них представляет собой официальную хронику, дающую чрезвычайно слабое представление о личности премьера. Чаще всего это традиционная демонстрация открытия заседания правительства, где ЧВС сидит во главе стола или подходит к нему, здороваясь с кем-нибудь из министров. Ряд экспертов полагает, что эту выигрышную для него ситуацию премьер не использует из-за нежелания дразнить Президента.

Другая часть видеосюжетов — официальные встречи премьера с отечественными коллегами. Наиболее важными из них являются показы посещения ЧВС Президента Ельцина. В силу отмеченных выше отношений субординации, которые он внутренне принимает, ЧВС выглядит в этих сценах добрым служакой, иногда даже чрезмерно угодливым. На встречах с зарубежными государственными деятелями он предстает в достаточно формальной роли любезного хозяина. Редко с кем из этих людей ЧВС связывают более тесные отношения, позволяющие продемонстрировать настоящую сердечность и человеческие качества ЧВС. Для него вообще характерна изрядная психологическая дистанция с малознакомыми ему людьми. Исключением являются его встречи с политиками, которых он уже встречал и познакомился с ними ближе, где он демонстрирует искренне друже-

любие. В целом же этот вид сюжетов не несет большой смысловой нагрузки. Более того, как показали исследования массового сознания, эти материалы не прибавили публике понимания личности ЧВС.

Иным выглядел премьер во время наиболее значимых для него публичных выступлений. Это прежде всего его выступления в Думе, где он неоднократно демонстрировал лучшие свои способности политика и дипломата. Хотя ряд зарубежных аналитиков¹ не видят в этих выступлениях ничего, кроме набора банальностей, да еще выраженных весьма невнятным языком, для своей аудитории (как в зале, так и на телевизионном экране) образ ЧВС несет важный сигнал: перед публикой выступает политик убедительный, крупный, возможно, один из наиболее крупных в стране, хотя и изрядно традиционный по стилю.

Однако это тоже не весь Черномырдин. Есть и другой его образ, который запомнился телезрителям в наиболее трудные моменты его политической карьеры. Первое его появление на заседании ВС в декабре 1992 г., когда решилась его судьба во время трудного голосования. Он был собран, ярок и убедителен настолько, что смог изменить в свою пользу счет голосования во втором туре. В биографии ЧВС останется эпизод, который изменил к лучшему отношение к нему телезрителей. На протяжении нескольких недель между кампанией НТВ и Генеральным прокурором шла борьба за закрытие телешоу «Куклы». Телевидение обвиняли в том, что насмешки над первыми лицами государства дискредитируют власть. Ходили слухи, что это преследование было начато по указанию ЧВС. В ходе одного из интервью с ним телекомпания НТВ привела двойника премьера, и тот имитировал все движения ЧВС в прямом эфире. Кукла вызвала такую естественную и добродушную реакцию премьера, он так заразительно смеялся, что это лучше любой рекламы сработало в его пользу. После этого эпизода его перестали воспринимать как сухого и лишённого чувства юмора бюрократа.

Среди всех видеозаписей выступлений премьера выделяется одна, сыгравшая особую роль не только в восприятии ЧВС, но и в истории России. Это прямая трансляция его переговоров с чеченскими лидерами во время захвата заложников в Буденновске. Премьер проявил необычайную выдержку, чувство собственного достоинства и добился освобождения заложников под свое честное слово. Такие проявления характера нельзя симитировать. Это был момент, когда

¹ Например, Марк Франчетти в газете «The Times».

проявляются как лучшие, так и худшие стороны природы любого человека. Среди наиболее удачных выступлений ЧВС есть немногие кадры, где он предстает перед зрителями в домашней обстановке, в кругу семьи, естественный и раскованный.

Правда, и здесь он дает немало оснований для подтверждения своего традиционного образа. Однако все же эти кадры рисуют его в более благоприятном свете, чем интервью в официальной обстановке, где он проявляет чрезмерную осторожность, неумение прямо и коротко отвечать на вопросы, нежелание общаться с журналистами на равных, а порой и подозрительность. Одним из примеров такой неудачной попытки объясниться было интервью Е. Киселеву, в котором ЧВС пытался объясниться по поводу нашумевшей истории с убитыми им на охоте медведями. Он, кажется, так и не понял из-за чего поднялся такой шум и почему после этой истории общественное мнение, особенно на Западе, было так взбудоражено.

Отношение журналистов, работающих в эфире с образом ЧВС, — это отдельная тема. Здесь есть и определенная предвзятость (например, только один из четырех важнейших российских телеканалов откликнулся на пятилетний юбилей пребывания ЧВС в правительстве), и поверхностное стереотипное к нему отношение, и недостаточная профессиональная зоркость. Как бы ни относились к ЧВС на телевидении, очевидно, что он сам дает достаточно поводов для того, чтобы его имидж оставался размытым, не очень ясным. Поэтому следует более внимательно присмотреться к его личности, а точнее к тем ее аспектам, которые выявляются при выступлениях на телевидении.

На фоне монолитности личности у ЧВС проявляется некоторая тенденция к *невротизации*. Особенно заметно это в мелких движениях пальцев, манипулирующих очками, в сбоях вегетатики, тяжелых вздохах. Одним из каналов невротизации является феномен переученного левши. ЧВС берет стакан, играет в бильярд правой рукой. В ситуациях же эмоциональной вовлеченности манипулирует прежде всего левой рукой. Это еще один пример значимости представлений о должном, подчинении природы требованиями общепринятых норм. Естественные тенденции прорываются в условиях снижения контролирующей функции сознания. У левшей доминирующим полушарием является правое, ответственное за эмоциональную сферу личности. Отсюда у ЧВС образность выражений, артистичность природы.

В интервью образу ЧВС недостает внутренней согласованности. На рациональном уровне ЧВС задачу принял, просчитал достаточно высокую вероятность успеха, надеется на него, но эмоционально не вовлечен, личностно не включается. Ощущается некое внутреннее сопротивление, мешающее ему чувствовать себя психологически комфортно.

Прорывается несоответствие сознательных установок и подсознательных тенденций. Фраза «У меня такой цели не было» дважды сопровождается утвердительным кивком головы. Утверждение «Экономика будет мерилом (успеха движения)» сопровождается отрицательными движениями головы.

ЧВС спокоен, владеет ситуацией, но очень равнодушен и безразличен, занимает оборонительную позицию, пассивно реагирует на вопросы. Ощущается эмоциональный дискомфорт: чуть сдвинуты брови, печальный взгляд, сильно опущены уголки губ. Таким образом, у него проявляются негативная эмоциональная установка, переживание трудностей, досада, готовность к отказу. Заканчивая ответ на вопрос, жестко проджимает нижнюю губу, проявляя готовность оказать сопротивление. Эта позиция может быть спровоцирована ситуацией интервью. Состояние ЧВС может означать нежелание допускать собеседника в сокровенные мысли, когда дело еще не сделано. У него четко прослеживается погрешность в достаточно большой дистанции с «чужими».

Интервью в домашней обстановке выигрышно для ЧВС по жанру. Образ премьера более интегрирован, он является самим собой. Здесь больше оптимизма, уверенности в себе. Он декларирует принятие роли политика и пытается утвердиться в ней.

Установка ЧВС «Я никому не старался понравиться. Я такой, каков я есть» звучит достаточно скромно, но политик не может себе позволить такой позиции. Один из недостатков образа ЧВС — оборонительность позиции, что вызывает и соответствующую реакцию зрителей.

Во время официальных встреч премьер выглядит как триумфатор: в ауре уверенности, стабильности, надежности, заражает оптимизмом. Он демонстрирует широкие жесты, охватывающие пространство, экспрессивен. Он хорошо входит в контакт с самыми разными людьми, что отражается в телесных проявлениях (ЧВС трогает собеседника за рукав, обхватывает за плечо). Он весел, галантен с женщинами. Это лидер, уверенный, что его любят. Психологический анализ позволяет предположить, что сняты шлюзы запретов и лавина освобожденной энергии окрыляет ЧВС.

Таким образом, во-первых, налицо эволюция его поведения. Если в первых публичных телевыступлениях он сам и другие воспринимают его скорее как хозяйственного руководителя, то в дальнейшем видна определенная работа над собой и постепенное принятие роли собственно политика. В исполнении этой роли у него есть определенные проблемы: декларируя ее принятие, он внутренне еще не совсем ее освоил и на бессознательном уровне ей сопротивляется. Так, не случайно он утверждает, что дома с женой не говорит о политике. Эмоционально он не вовлечен в эту роль. Само понимание роли политика явно нуждается во внутреннем принятии и расшифровке. Вероятно, он понимает политику как политиканство, которое мешает работе.

Другой линией эволюции образа ЧВС является растущий навык публичных выступлений. Правда, в этой области у ЧВС остается немало сложностей, связанных с установлением контакта с большой аудиторией, с журналистом и с камерой. Ему иногда бывает трудно сразу включиться в разговор. Он долго «раскачивается» при ответах на вопросы. Но когда он «заводится», то чаще на злости, чем на положительных эмоциях.

Во-вторых, ЧВС, несомненно, обладал психологическими ресурсами для эволюции своего политического поведения. Психологические особенности ЧВС, структура его личности позволяют ему быть эффективным политиком. Артистичность, владение ситуацией, способность в игровой манере решать сложные проблемы взаимоотношений, кураж — очень ценные качества политического лидера, которыми ЧВС владеет. При наличии определенной негибкости натуры ЧВС в то же время способен учиться. На протяжении даже небольшого периода времени произошли положительные сдвиги в его публичном поведении.

В-третьих, как и всякий политик, ЧВС сталкивается с определенными психологическими трудностями. Позитивному восприятию его образа мешал ряд проблем. Есть моменты сбоя в вегетатике. Не все в порядке и с жестами: поздравляет с Новым годом, позой демонстрируя отстраненность. Излюбленный жест ЧВС — указующий перст — может быть воспринят, как чрезвычайно обидный и восприниматься как агрессия, неуважение к собеседнику и высокомерие. Несмотря на бравадность некоторых выступлений, у ЧВС проявляются элементы беспокойства. Следует отметить плохо скрытую обидчивость и болезненное восприятие критики. Однако его внутренние

личностные проблемы не носят угрожающего характера. В целом в личностном плане он достаточно благополучен.

§ 3. ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА В. С. ЧЕРНОМЫРДИНА МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ

Большинство российских граждан никогда не встречались с премьером лично. Если спросить их о том, какое у них мнение о ЧВС как о политике и человеке, то мало кто такого мнения не имеет. Это, по видимому, и есть главный результат телевизионного заочного знакомства. Попробуем разобраться в том, что думают и каким видят ЧВС рядовые граждане. Оговоримся, что это не одно и то же. Многолетние исследования восприятия образов политиков и власти в России убеждают нас в том, что при минимуме информации наши граждане достраивают эти образы и делают это чрезвычайно точно. При этом они пользуются не только рациональными инструментами рассуждений, но и основываются на эмоциональных впечатлениях, на интуитивном прочтении визуальных сигналов. Ниже приводятся некоторые материалы нашего исследования, касающегося восприятия ЧВС и других ведущих российских политиков рядовыми гражданами¹.

Результаты

Для любого публичного политика **узнаваемость** — необходимый компонент его образа. Хотя, если политика все узнают, это не значит, что его действия одобряют, а высокая степень узнавания политика «в лицо» — это определенный показатель продвижения его имиджа.

¹ Данное исследование проводилось начиная с декабря 1993 г. ежегодно, иногда дважды в год. Мы остановимся на анализе данных апреля 1996 г., марта 1997 г. и февраля 1998 г. Это дает возможность проследить динамику изменения образа ЧВС. Выборка была составлена с учетом пропорциональной представленности по полу, возрасту, уровню образования и различий в политических ориентациях («левые», «правые» и аполитичные). Мы не ставили своей задачей получение данных, репрезентативных для всей России. Поэтому большая часть опрошенных — москвичи, хотя среди респондентов были и иногородние. Общее число полученных интервью по каждому замеру: 180–200–200. Для качественных исследований данного типа такая выборка более чем достаточна, так как нашей задачей является не столько обобщение мнений разных людей о том или ином политике, сколько поиск тенденций в эмоциональном и рациональном восприятии политических лидеров. Но те цифры, которые приводятся в данном исследовании, значимы, так как цена повторов в небольшом массиве ответов чрезвычайно высока.

Узнаваемость ЧВС в настоящее время достигла максимума — все респонденты узнали его в лицо. Из табл. 1 видно, что за последний год премьеру удалось добиться того, к чему он шел на протяжении всех лет своего пребывания в должности.

Таблица 1

Динамика узнаваемости образа ЧВС
(в % к общему числу опрошенных)

Узнаваемость	Узнали	Не узнали
Декабрь 1993 г.	80	20
Март 1996 г.	90	10
Сентябрь 1996 г.	95	5
Март 1997 г.	94	2 (4 лицо знакомо, но не вспомнили, кто это)
Февраль 1998 г.	100	0

Вторым измерением образа являются **рациональные оценки** респондентами положительных и отрицательных характеристик ЧВС.

Обратимся к тому, что в понимании опрошенных нами граждан является достоинствами и недостатками ЧВС. Его **привлекательность** оценивалась нами с точки зрения его **морально-психологических качеств, внешности и деловых и политических** характеристик.

Морально-психологические характеристики у ЧВС, как, впрочем, и у других российских политиков, являются важнейшим критерием оценки их гражданами. Так, в *апреле 1996 г.* респонденты акцентируют его *ум*. Примерно в каждом пятом ответе упоминаются *надежность, определенность, выдержанность, уверенность, спокойствие*. Отдельно отмечена *решительность* Черномырдина. Характерно, что это качество несколько снижено другой его чертой: осмотрительностью, тактичностью, которые, по мнению опрошенных, мешают ЧВС.

В марте 1997 г. **морально-психологические качества** ЧВС по-прежнему занимают важное место среди его достоинств, как, впрочем, и среди его недостатков. При этом человеческие и моральные характеристики премьера скорее **не нравятся** гражданам, чем нравятся. В этот период вызывали одобрение опрошенных многие из тех качеств, которые им нравились и раньше: *целеустремленность, ответственность, уравновешенность, лояльность* (Президенту). Упоминали они и *ум*, хотя и не столь часто, как прежде. Но сравнение ЧВС с другими политиками, в част-

ности с Ельциным и Лужковым, по этому параметру явно в его пользу. Новый компонент образа ЧВС — его *опыт* как политический, так и жизненный. Очевидно, что привлекательность осознаваемых компонентов образа ЧВС уже достаточно закрепились, включает в себя такие черты, как *надежность, предсказуемость, опыт, порядочность*. Это те качества, которые необходимы хорошему управленцу, но которых недостаточно для **политического** лидера.

Среди неприятных с точки зрения респондентов *психологических* характеристик ЧВС на первое место вышли его *речевые* особенности. Если их и упоминали в предыдущих исследованиях, то наряду с прочими. В 1997 г. опрошенные ни в чем не были так единодушны, как в признании у ЧВС проблем с русским языком. О его языке они говорят, как о «кривом», «корявом», «заплетающемся», им неприятна его манера говорить. Нередко из-за этого содержание выступлений остается туманным. Респонденты отметили, что ЧВС не умеет выражать свои мысли, не способен формулировать принципы, ведя диалог, «выскакивает себя в агрессивной манере». Этот «языковой» акцент в восприятии ЧВС может быть следствием того, что из-за отсутствия Президента на политической сцене ЧВС больше выступал публично, а значит, ошибки стали более заметны, стали бросаться в глаза. С другой стороны, то, что раньше ему не делали таких упреков, может объясняться и тем, что за эти полгода он стал рассматриваться опрошенными как более значительный политик, и спрос с него стал строже. Как бы ни объяснять эту особенность восприятия, очевидно, что она очень вредит его образу.

Опрос февраля 1998 г. подтвердил важность *моральных и человеческих характеристик* в образе ЧВС — это измерение осталось ведущим среди его рациональных оценок как со знаком «+», так и со знаком «-». ЧВС преодолел предубеждение сограждан в отношении своих моральных и человеческих качеств. В нашем последнем замере можно наблюдать существенное преобладание позитивных оценок над негативными. Хотя по-прежнему его упрекают за нескладную речь, но к этому, кажется, уже привыкли. Новой чертой образа ЧВС стала вышедшая на первый план непосредственность: «он абсолютно не стесняется своих ляпов и ошибок, ни готовится ни к чему, что говорит». Если раньше ему ставили в вину чрезмерную осторожность, то сейчас отмечают, как политическое достоинство, его способность идти на компромиссы, умение вести диалог. Все больше респондентов ви-

дят и ценят его волю, мужественность. Одна из опрошенных очень метко описала ум ЧВС, который она «не назвала бы глубоким: это ум мужской, управленческий, житейский».

Внешность Премьера на всех этапах его карьеры была его сильным козырем. Невысокого роста, плотного телосложения, немолодой и нескладно говорящий человек вызывает у своих соотечественников весьма позитивные чувства в отношении своей внешности, манер, поведения. Единственным объяснением этому может служить соответствие этих параметров личности ЧВС неким привычным стандартам, за счет чего он воспринимается как «свой». Отсюда и тот факт, что в апреле 1996 г. более трети опрошенных положительно отмечали внешность (табл. 2).

В 1997 г. соотношение позитивных и негативных оценок было почти равным, хотя респонденты чаще говорили о его политических и деловых качествах. В феврале 1998 г. можно сказать, что внешность премьера стала восприниматься **очень позитивно** (30% положитель-

Таблица 2

**Сравнение достоинств и недостатков ЧВС
(в % к общему числу опрошенных)**

Качества	Качества, которые нравятся			Качества, которые не нравятся		
	1996	1997	1998	1996	1997	1998
Аттрактивность						
Морально-психологические	70	54	75	70	61	55
Внешность	35	29	30	10	26	5
Политические	25	34	25	65	49	30
Таких нет	5	—	15	20	15	35
Без ответа	—	25	—	—	—	—
Сила						
Сила	50	10	25	—	—	—
Слабость	5	—	—	45	20	10
Активность						
Активность	25	11	15	—	—	10
Пассивность	—	—	5	50	29	20

ных оценок против 5% отрицательных). Отмечая его «шикарные костюмы», дорогие очки, представительность и солидность, наши респонденты видят во внешности выражение социального статуса, престижа. Им нравится, что внешний вид и поведение ЧВС соответствуют тому высокому государственному посту, который он занимает. Это тем более любопытно, что эти достоинства ЧВС не были столь очевидными пять лет назад. Нашим респондентам понадобилось почти три года (с 1993 по 1996 г.), чтобы разглядеть внешность ЧВС, которая практически не упоминалась ранее. Примечательно, что респектабельность, представительность премьера произвела впечатление вначале на российских мужчин. Женщины, которые тоже позитивно оценили внешность данного политика, в 1996–1997 гг. давали более размытые оценки. В 1998 г. ситуация изменилась: внешность ЧВС привлекает внимание женщин чаще, чем мужчин. Для них более значимо в образе ЧВС проявление внутренней силы, мужественности и надежности. Сравнивая его с другими российскими политиками, они обращают внимание на достаточно редкие у представителей российской политической элиты внешние проявления таких моральных качеств, как трезвость, чувство собственного достоинства, обаяние. Очевидно, эти качества настолько нетипичны, что один респондент даже увидел в ЧВС «что-то немецкое», заметив, что он похож на Г. Коля.

Однако наряду с поклонниками внешности ЧВС у него есть и недоброжелатели, хотя их и меньше. Одним не нравится его *костюм* в полосочку, другим — *хмурый взгляд*, третьим — *второй подбородок*, четвертым — *возраст*. Последнее практически не отмечается в ответах на прямой вопрос, но выступает в качестве негативного основания для сравнения с более молодыми политиками (Явлинским, Лебедем и даже Лужковым). Хмурость, суровость, чрезмерная серьезность выражения лица — эти качества, отмеченные в исследовании, свидетельствуют о внутренней напряженности ЧВС. Любопытно, что в последнем исследовании одна из респонденток посетовала на его «деревенскость» и «мужиковатость», которую она трактует, как твердолобость и простоватость.

Восприятие *политических, деловых и профессиональных* качеств ЧВС не претерпело больших изменений за последние годы. Этот параметр личности ЧВС является его наиболее уязвимым местом. На всех этапах нашего исследования эти качества оценивались респон-

дентами скорее со знаком «-», чем со знаком «+» (см. табл. 2). Те, кто одобряет ЧВС, называют примерно те же качества, которые им нравятся в ЧВС, что и год, и два года назад: неплохой экономист, дипломатичный, не дает пустых обещаний...

Относительно **неприятия** политических и профессиональных качеств ЧВС динамика менее прямолинейная. В исследовании 1993 г. к ЧВС было больше всего претензий собственно политического характера. Опрошенные вспоминали его «старорежимное» прошлое члена ЦК. Хотя и позже стиль его политического поведения описывается словом «аппаратчик», но характер политических претензий меняется: они перемещаются скорее в экономическую плоскость. Весной 1996 г. упоминание политического «происхождения» ЧВС встретилось только пару раз, хотя претензий профессионального характера было много. В дальнейшем наблюдается резкое снижение остроты политического недовольства Черномырдиным в количественном отношении и в том, что эти высказывания мало детализированы.

Из профессиональных качеств, которые вызывали недовольство респондентов в 1996–1997 гг., отметим то, что многими он продолжает восприниматься скорее как *хозяйственник, бюрократ, управленец*, чем политик государственного масштаба. Не случайно некоторые респонденты считают, что его уровень — это уровень министерства, и ставят ему в упрек мышление на уровне отдельной отрасли. В исследовании 1998 г. никто из опрошенных не сомневался в том, что ЧВС — политик национального масштаба, что он не «отраслевик», а отвечает за страну в целом.

Отдельный вопрос, смог ли бы ЧВС играть роль Президента? Одни респонденты уверены в том, что он «слабоват», «не сможет как сказать, так и сделать. Он должен советоваться с кем-то, не совсем уверенный, не настолько сильный». Другие, напротив, считают, что ему придется это сделать и он отлично подготовлен для этой роли. Они видят в нем реальную кандидатуру. В последнем исследовании таких стало значительно больше. Оговоримся, что на вопрос: будут ли они голосовать за ЧВС, если выборы состоятся в ближайшее время, положительный ответ давал только каждый четвертый.

В оценке личностных характеристик политика в терминах **силы и слабости** мы учитывали как прямой смысл, так и контекст суждений респондентов. Как показало исследование, в сознании респондентов «сила» и «слабость» не всегда находятся на противополож-

ных концах континуума и исключают друг друга. Так же не всегда сила рассматривается опрошенными как положительное качество, хотя слабость у всех политиков снижает общую оценку их образа.

По шкале силы—слабости в образе ЧВС произошли противоречивые сдвиги. С одной стороны, восприятие его как сильного политика колеблется (50–20–25), в целом снижаясь по сравнению с уровнем 1996 г. Одновременно снижаются и его оценки как политика слабого. Происходит это за счет нейтральных оценок. В то же время среди отрицательных качеств ЧВС ответы респондентов не дают оснований для того, чтобы связать это изменение образа ЧВС с конкретными событиями, с личными промахами или изменением соотношения сил. Скорее речь идет о нерешенности тех экономических и социальных проблем, за которые отвечает его правительство. Кроме того, ответы респондентов показывают, что премьер в эти годы стал намного больше, чем ранее, отождествляться с решениями, принятыми государством. Власть стала персонифицироваться во многом в его образе.

Об **активности или пассивности** политика люди судят не только по выполнению ими намеченных планов, по количеству и качеству сделанных дел, но и по частоте появления на экране, по энергичной жестикуляции, манере двигаться и другим, а иногда и более косвенным признакам. Активность является неотъемлемой частью образа эффективного политика. Как показывают данные исследования, не всегда проявления активности нравятся респондентам. Всякая суетливость, чрезмерное мелькание в средствах массовой информации тут же оборачиваются негативными оценками активности. Так, некоторый рост активности ЧВС этой зимой (15% ответов тех, кому ЧВС нравится) привел и к тому, что появилось и определенное недовольство этой активностью (10% тех, кому он не нравится).

Активность и пассивность, будучи противоположными психологическими характеристиками, так же как сила и слабость, не всегда воспринимаются как взаимно исключающие друг друга. Так, падение активности ЧВС с 25% в 1996 г. до 15% в 1998 г. сопровождалось снижением пассивности с 50 до 20%. Это стало возможным за счет нейтральных оценок. Не увеличивал числа сторонников ЧВС тот факт, что в целом он воспринимался как политик скорее пассивный, чем активный. Хотя в последнем замере число тех, кто видит его как ак-

тивного, и тех, кто замечает в нем пассивность, сравнялось. Вот как выражают эту мысль респонденты:

- «Течет по течению»;
- «Безынициативный»;
- «Он раб привычки»;
- «У него нет никакой власти, ему что скажут, то он и делает...»;
- «Он может и играет какую-то роль, но я сомневаюсь, а больше подневольный, из-под чьей-то руки он что-то делает...»;
- «Он может и играет какую-то роль, но я сомневаюсь...»;
- «Единственный раз, когда сделал в Буденновске захват, проявил активность, показал, что может сделать...»;
- «Ему не хватает реальной власти, не дают власти, правительство не работает, Ельцин и Чубайс — у власти, недостаточно самостоятельный»;
- «Исполнитель, просто выскочил на вершину благодаря стечению обстоятельств, несильная личность, то, что он возглавляет правительство 4 года, заслуга не его, а Ельцина»;
- «Неопасный для других, как для президента, так и для Думы»;
- «Серенький, управленец, несамостоятельный, нерешительный».

§ 4. БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ

В данном исследовании нас интересовал преимущественно наиболее глубокий срез восприятия политиков, для выявления которого был использован метод ассоциаций с животным, цветом и запахом. В частности, ассоциации с животными были рассмотрены под углом зрения тех значений, которые они имеют в русском фольклоре. В первую очередь принимались во внимание *роли*, которые разные животные играют в сказках, пословицах, поговорках и место их обитания (*локус*). Эти аспекты восприятия позволяют оценить скрытые аспекты образа политика.

Политические роли. Начнем с ассоциаций с животными, смысл которых выражается в исполнении лидерских ролей: роли «**повелителя**», «**хозяина леса**» (медведи, львы, тигры и т.п.). Эта роль максимально благоприятна для образа политического лидера, ибо не ими управляют, а они правят. Эти животные не только крупные, сильные, дикие и хищные, но и уважаемые своими «подданными». Если в 1996 г. эти роли составили 40% всех ответов, рисующих образ ЧВС, то в 1997 г. их доля снизилась до 25%, а в 1998 г. — вновь увеличилась до

половины всех ответов. Эти данные отражают динамику лидерского потенциала ЧВС.

В то же время усилилось присутствие другого компонента образа, связанного с ролями «слуг» (с 15% в 1996 г. до 22% в 1997 г. и 25% в 1998 г). Среди них различные по смыслу ассоциации: от пожилого буйвола до кошки, которую не стоит гладить против шерсти, от хорошей доброй собаки (сенбернар, дворняжка) до свирепого бульдога¹. Встречаются и лошади, буйволы, быки и другие, спокойные и много работающие домашние животные. Этот ассоциативный ряд связан с восприятием ЧВС не столько как политического лидера, сколько как исполнителя, чиновника. Этот ряд бессознательных установок вполне согласуется с рациональными оценками, в которых отмечаются его исполнительские функции. Однако в этих ассоциациях ярко высвечивается несамостоятельность роли ЧВС, что снижает возможности его политического маневра.

Важной частью образа ЧВС являются ассоциации, фольклорный смысл которых «охотники—соперники». Их место не дома, а в лесу. Они сильны и самостоятельны, независимы, но не играют роли первой скрипки (волки, лисы, шакалы). Такие ассоциации возникают примерно в 20% случаев, что свидетельствует о том, что, несмотря на проявления несамостоятельности, стремление не раздражать заявками на лидерские позиции, ЧВС все же стал играть более активную роль. Он достаточно силен и представляет опасность для тех, кто попытается отобрать его «добычу». Он может и сам напасть на соперника. Однако этой роли не хватает лидерских характеристик: инициативы, популизма, размаха, это — движение в позитивном направлении.

Намного менее существенным к концу его премьерства стал мотив денег, их накопления и соответственно таких черт характера, как жадность, корыстолюбие. Если в рациональных оценках этот мотив встречается, но не имеет явного характера, то бессознательные ассоциации придают ему гораздо более яркое звучание. Среди ролей, связанных с деньгами, есть две, противоречащие друг другу. Так, среди ассоциаций с животными, с одной стороны, встречаются мелкие грызуны — «жадные и хитрые хранители норы» (суслики, хорьки, белки, бобры и барсуки и даже скунс). С другой — обильно представле-

¹ Вспомним, что не только у наших респондентов, но и у журналистов роль премьера ассоциировалась с местом собаки при хозяине.

ны свиньи, кабаны и кабанчики, которые в российской фольклорной традиции тесно связаны с особой мистической ролью денег, которые **«экономист»** добывает не для собственной корысти, а для **«повелителя»**. В данном контексте эти ассоциации подтверждают те высокие оценки, которые в рациональных ответах респонденты давали хозяйственным, экономическим способностям ЧВС. Если первая из этих ролей — роль эгоистичного и жадного хранителя норы — крайне негативна для ЧВС, так как отражает неосознанные подозрения относительно финансовой нечистоплотности премьера, то вторая — роль «экономиста» — вполне благоприятна для его политической биографии.

Последнее место в ряду ассоциаций занимает роль, которую можно обозначить как **«трудную жертву»**. Это, как правило, крупные и сильные животные: лоси, олени, слоны, гамадрилы и т.п. Это тоже независимые и самостоятельные животные, которые могут стать жертвой «повелителя» или «охотника», но только в исключительно неблагоприятных обстоятельствах. Их очень трудно, хотя и возможно «съесть». Такие ассоциации в нашем списке были в исследованиях 1996–1997 гг., но исчезли в последнем опросе.

Привлекательность. На бессознательном уровне *привлекательность* выявлялась в ассоциациях с животным, цветом и запахом. В ассоциациях с животными ЧВС оставался среди наиболее привлекательных политиков, уступив в 1998 г. только Лужкову.

В ассоциациях с цветом ЧВС видят в серых, черных и синих тонах. В эту гамму вплетены немногочисленные яркие пятна: зеленый, красный, желтый, желто-коричневый и особенно коричневый. Некоторая яркость, броскость все же делает образ ЧВС более живым и разнообразным. Хотя в целом его цветовую гамму не назовешь ни яркой, ни теплой, однако в ней нет и кричащих противоречий, как это было в предшествовавшие годы.

ЧВС наши респонденты видели как более *темную* (90% в 1998 г.) фигуру. Одновременно в его цветовом восприятии *яркости* поубавилось, и сегодня ЧВС самый *«тусклый»* из 9 российских политиков. Психологическое значение темных цветов в российском культурном контексте может быть интерпретировано с точки зрения удаленности, отчужденности носителей власти от респондентов. Казалось бы, исполнение публичной роли заметно выигрывает, когда политик воспринимается ярко. Примеры восприятия в ярких тонах — такие разные политики, как Явлинский, Лужков и Чубайс. Одновременно рос-

сийская традиция по-прежнему давит над нашими гражданами: они считают, что крупный политик не должен выбиваться из классических канонов темных и скромных тонов.

Ассоциации с запахами — открывают наиболее глубокий слой восприятия. Для ЧВС характерно противоречивое сочетание приятных и неприятных запахов (почти поровну). *Приятные* ассоциации рисуют образ естественного, бодрого и здорового человека, к тому же человека высокого социального статуса (дорогой, престижный мужской одеколон, смесь коньяка и хороших сигар). Среди *неприятных* запахов выделяются канцелярские запахи, запахи гнилости «затхло-сти и застоя», что показывает чрезмерную «обюрокраченность» премьера. Особое место в марте среди неприятных запахов заняли запахи газа, бензина, выхлопных газов и даже прямые ассоциации с Газпромом. Это прямое подтверждение того, что ЧВС по-прежнему ассоциируется с Газпромом, хотя и значительно менее, чем раньше.

Обращает на себя внимание и то, что ряд респондентов не смог определить, чем «пахнет» ЧВС. Отсутствие или неопределенность запаха свидетельствует о размытости образа, отсутствии его телесной наполненности.

Восприятие запахов позволяет определить и такое измерение образа политика, как *мужественность*, имеющее и чисто телесный, и этический смысл. Для политика-мужчины этот показатель однозначно позитивно сказывается на его восприятии в целом. ЧВС входит в тройку самых мужественных политиков вместе с Лебедем и Ельциным. Не случайно одна из опрошенных отметила то, что ЧВС встречал «женщину из Турции» (очевидно, Тансу Чилер) с букетом цветов. Ей показалось, что только он один из российских политиков мог так красиво поступить. Примечательно, что совершенно протокольное мероприятие было воспринято как личная заслуга ЧВС.

Таким образом, в целом бессознательные ассоциации дают более привлекательный образ этого политика, чем его рациональные оценки респондентами.

Сила—слабость. Восприятие политика как сильного или слабого на бессознательном уровне измерялись в ассоциациях с животными через оценки размера или *масштаба* животного в ассоциации и в оценке собственно *силы*. Введение дополнительного критерия *масштаба* связано с тем, чтобы выяснить, связано ли восприятие политика с размером его влияния («крупная» личность имеет больше шан-

сов быть воспринятой как лидер) или с собственно силой (физической или моральной).

Так, оказалось, что с 1996 по 1998 г. стало больше ассоциаций с крупными животными (соответственно 40–41,3–60%), с которыми ассоциировался ЧВС, и меньше мелких и средних. Такая динамика говорит о росте лидерского потенциала ЧВС, который постоянно входит в круг ведущих политиков.

Непосредственно по параметру *силы* ЧВС в течение трех лет двигался по весьма странной траектории (соответственно 55–33–75%). При этом соотношение сильных и слабых ассоциаций у него постоянно было в пользу сильных. По этому параметру его опережает в 1998 г. только Лебедь.

Шкала *активность—пассивность* была приложена прежде всего к ассоциациям с животными и выражалась в их «хищном» или «травоядном» характере. Напомним, что на российской политической сцене ассоциации с хищниками являются необходимым, хотя и не достаточным компонентом образа эффективного лидера. Вопрос о мере агрессивности и соотношении агрессивности и «травоядности» не до конца ясен. Однако высокие показатели агрессивности в образе тех политиков, которые на президентских выборах заняли первые четыре места, говорит сам за себя. Неагрессивные политики не имеют шансов на то, чтобы стать лидерами национального уровня. Данный показатель является отражением неосознанного восприятия активности, способности «удержаться в седле». *Агрессивность* как характеристика политика выявляется, как правило, в бессознательных ассоциациях, между тем как в рациональных оценках опрошенные не называют этого качества, считая его социально неприемлемым.

Так, по параметру агрессивности образ ЧВС претерпевал резкие изменения по сравнению с 1996 г., когда его восприятие как политического «хищника» отметили 30% респондентов. В 1997 г. он потерял почти половину от их числа. Но в течение следующего года он «показал зубы» и уже две трети респондентов увидели агрессивный стиль премьера, уступая лишь А. Лебедю по этому параметру.

Таким образом, и по части привлекательности, и по параметрам силы и активности образ ЧВС в его бессознательном измерении сильно отличается от рационального восприятия в благоприятном для премьера отношении.

Все приведенные выше характеристики образа ЧВС свидетельствуют об имеющихся личностных резервах этого политика, которому необходимо преодолеть свою осторожность, освоить роль публично-политика национального уровня, используя те природные данные, которые пока не раскрыты.

Не менее важны ситуативные факторы, влияющие на оба уровня оценок образа ЧВС. Он выигрышно смотрится в ситуациях, когда он сам принимает решения и может продемонстрировать такие свои сильные стороны, как мужественность, опыт, масштабность личности. Общая политическая ситуация и длительное пребывание на посту премьера, напротив, работают против него, вырабатывая устойчивый стереотип, связывающий все трудности страны с ним лично. При этом стереотипы играют меньшую роль при сравнении ЧВС с возможным соперником. Из тех 9 политиков, которые были в нашем списке, он выглядит привлекательнее, чем большинство из них. По крайней мере на сегодня.

БИБЛИОГРАФИЯ

Обязательная литература

- Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М., 2001.
- Адорно Т. В.* Негативная диалектика // Научный мир. 2003.
- Алексеева Т. А.* Современные политические теории. М., 2000.
- Алмонд Г. А., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.
- Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 2000.
- Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А.* Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М., 2002.
- Белановский С. А.* Метод фокус-групп. М., 2001.
- Белановский С. А.* Глубокое интервью. М., 2001.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. М., 1994.
- Вебер М.* Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 3.
- Психология восприятия власти / Под ред. Е. Шестопал. М., 2002
- Гозман Л. Я.* Психология в политике — от объяснения к воздействию // Вопросы психологии. 1992. № 1.
- Гринштейн Ф.* Личность и политика // Социал.-полит. науки. М., 1991. № 10.
- Грушин Б. А.* Массовое сознание. М., 1987.
- Грушин Б. А.* Процессы массовизации в современном обществе // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 6.
- Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология. М., 1994.
- Дилигенский Г. Г.* Индивидуализм старый и новый (Личность в постсоветском социуме) // Полис. 1999. № 3.
- Евгеньева Т. В.* Культурно-психологические основания формирования образа «другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. Сер. «Образы мира». М., 2004. Т. 2.
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
- Зверев А. Л.* Образ «другого» в полиэтничных регионах России (на материале исследований в Республике Бурятия) // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. Сер. «Образы мира». М., 2004. Т. 2.

- Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
- Климова С. Г., Якушева Т. В.* Образы политиков в представлении россиян // Полис. 2000. № 6.
- Ковалевский П. И.* Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1904.
- Лассуэл Г.* Коммуникативный процесс и его структуры // Современные проблемы социальной коммуникации. СПб., 1996.
- Лассуэлл Г.* Психопатология и политика. Монография. М., 2005.
- Лебон Г.* Психология народов и масс. Минск; М., 2000.
- Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избр. психолог. произведения. М., 1983.
- Макгроу К.* Политические впечатления: формирование и управление // Хрестоматия по политической психологии; под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2007.
- Медведева С. М.* Проблема политического стереотипа в зарубежной политической психологии. М., 2005.
- Мельникова О. Т.* Фокус-группы в маркетинговом исследовании: Методология и техники качественных исследований в социальной психологии. М., 2003.
- Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. М., 2004.
- Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
- Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения. Лекции. 2001.
- Назаров М. М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2000.
- Образы власти в постсоветской России. Коллективная монография / Под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2004.
- Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.
- Пищева Т. Н.* Образы политиков в контексте региональной идентичности // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 4.
- Пищева Т. Н., Шелекасова Н. П.* Образ идеального политического лидера в массовом сознании // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 4.
- Политическое консультирование. Психологическое пособие для политиков / Под ред. Е. В. Егоровой-Гантман. М., 1999.
- Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / Под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2002.
- Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М., 1979.
- Преснякова Л. А.* Теория политической социализации в условиях современной трансформации политических систем // Политическая наука: Проблемно-тематический сборник. «Динамика политического сознания и поведения». 2002. № 2.

- Психологические аспекты политического процесса во «второй путинской республике» / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2006.
- Психология восприятия власти / Под ред. Е. Б. Шестопал. Сер. «Научные доклады». 2002. Вып. 1.
- Психология политической власти // Сб. науч. докладов. Сер. «Научные доклады». Саратов, 2004. Вып. 1.
- Ракитянский Н. М.* Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М., 2001.
- Ракитянский Н. М.* Портретология власти: Теория и методология психологического портретирования личности политика. М., 2004.
- Ренион С.* Ковбойская политика Дж Буша-мл.: исследование // Хрестоматия по политической психологии / Под ред. Е. Б. Шестопал, 2007.
- Торни-Пурта Дж.* Политическая социализация подростков в изменяющемся контексте: международное исследование в духе Невитта Стенфорда // Хрестоматия по политической психологии / Под ред. Е. Б. Шестопал, 2007.
- Уотсон Дж.* Психология с точки зрения бихевиориста // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М., 1980.
- Фельдман С.* Ценности, идеология и структура политических установок // Хрестоматия по политической психологии / Под ред. Е. Б. Шестопал, 2007.
- Фрейд З., Буллит У.* Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование. М., 1992.
- Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «я». Минск, 1994.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989.
- Херманн М.* Стили лидерства в формировании внешней политики // Политические исследования. 1991.
- Чиж В. Ф.* Психология злодея, властелина, фанатика. М., 2001.
- Чулков Г.* Императоры. Психологические портреты. М., 1991.
- Шелекасова Н. П.* Бессознательные аспекты имиджа политического лидера // Полис. 2000. № 4.
- Шерковин Ю. А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. 1973.
- Шестопал Е. Б.* Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Полис. 1995. № 4.
- Шестопал Е. Б.* Личность и политика. М., 1988.
- Шестопал Е. Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000.
- Шестопал Е. Б., Пищева Т. Н., Гикавый Е. М., Зорин В. А.* Образ В. В. Путина в сознании российских граждан // Полис. 2004. № 3.
- Юрьев А.* Выборы глазами политического психолога // Власть. 1996. № 4.
- Юрьев А. И.* Введение в политическую психологию. Л., 1992.

Дополнительная литература

- Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М.* Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. М., 1993.
- Белкин А.* Вожди или призраки. М., 2001.
- Андрееenkova А. В.* Постматериалистические / материалистические ценности в России // Социс. 1994. № 11.
- Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л.* Постмодерн или постмодернизация? Опыт концептуализации ценностных изменений // Полис. 2002. № 2.
- Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева.* М., 2003.
- Башкирова Е. И.* Изучение ценностей российского общества // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М., 2003. Т. 1.
- Башкирова Е. И.* Трансформация ценностей российского общества // Полис. 2000. № 6.
- Бусыгина И. М.* Какие ценности в цене? / Полис. 2004. № 1.
- Гаврилюк В. В.* Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации // Социологические исследования. 2002. № 1.
- Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б.* Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.
- Грачев М. Н.* Средства массовой информации в социально-политическом поле // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2000. № 2.
- Дилигенский Г. Г.* Психологические аспекты политического лидерства // Социально-политическая психология. М., 1996.
- Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С.* Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки // Институт Фонда «Общественное мнение». М., 2002.
- Дубов И.* Психология больших групп: социально-психологические феномены. М., 2004.
- Дубов И. Г., Пантилеев С. Р.* Восприятие личности политического лидера // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 6.
- Егорова Е. В., Плешаков К. В.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // МЭиМО. 1988. № 12.
- Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Минтусов И.* Восприятие власти. Поиск явных образов // Власть. 1994. № 1.
- Егорова-Гантман Е. В. и др.* Политиками не рождаются. Как стать и остаться эффективным политическим лидером. М., 1993.
- Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К. В.* Политическая реклама. М., 2002.
- Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М., 2002.

- Келли Г.* Процесс каузальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М., 1984.
- Киселев И. Ю.* Принятие решений в политике. Теоретические аспекты психологии выбора. Ярославль, 2002.
- Киселев И. Ю., Смирнова А. Г.* Образ государства и принятие решений в международных отношениях. Спб., 2004.
- Лапкин В., Пантин В.* Ценности постсоветского человека // Человек в переходном обществе: Социологические и социально-психологические исследования / Под ред. Г. Дилигенского. М., 1998.
- Лапкин В. В.* Политические ценности и установки россиян // Полис. 2002. № 2.
- Левада Ю.* Координаты человека. К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1.
- Левада Ю.* Структура российского электората // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1996. № 3.
- Левада Ю.* Факторы и фантомы общественного доверия (постэлекторальные размышления) // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1996. № 5.
- Левада Ю.* Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1998. № 5.
- Левада Ю.* Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1999. № 6.
- Левада Ю.* Ищем человека. М., 2006.
- Левада Ю. М.* Комплексы общественного мнения (статья 2) // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1997. № 1.
- Макаренко Б.* Феномен политического лидерства в восприятии общественного мнения // Вестник РОПЦб. 1996. № 26.
- Малиновский П. В.* Историческая ритмодинамика правящих элит // Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. М., 2004.
- Массовое сознание россиян в период общественной трансформации — реальность против мифов. М., 1996.
- Мельникова О. Т.* Фокус-группы в маркетинговом исследовании: Методология и техники качественных исследований в социальной психологии. М.: Издательский центр «Академия». М., 2003.
- Нестерова С. В., Сибирко В. Г.* Восприятие политических лидеров и отношение к демократии: некоторые особенности сознания россиян // Полис. 1997. № 6.
- Новикова-Грунд М. В.* «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Полис. 2000. № 4.
- Ольшанский Д. В.* Психология современной российской политики: Хрестоматия для вузов. М.; Екатеринбург, 2001.

- Ольшанский Д. В.* Массовые настроения в политике // Политика: проблемы теории и практики / Отв. ред. С. В. Братчиков. М., 1990. Вып. VII. Ч. 1.
- Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.
- Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / Под общ. ред. В. Я. Гельмана, Г. В. Голосова, Е. Б. Мелешкиной. М., 2000.
- Петренко В. Ф., Митина О. В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997..
- Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. М., 2004.
- Петренко В. Ф. и др.* Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М., 2000.
- Петренко В. Ф., Митина О. В.* Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6.
- Петухов В., Седова Н., Холмская М.* Политическое участие россиян: характер, формы, основные тенденции // Власть. 1999. № 1.
- Попов М. Ю.* Социализация поколений в современной России: зарубежный опыт и социальная реальность // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6.
- Преснякова Л.* Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3.
- Преснякова Л. А.* Влияние личностных особенностей на восприятие политической власти в России (1990-е годы) // Психология восприятия власти / Под ред. Е. Б. Шестоपाल. М., 2002.
- Психология масс. Хрестоматия. Самара, 1998.
- Разворотнева С. В.* Язык власти, власть языка. (Анализ исследований политической коммуникации в Америке) // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 3.
- Ромашкина Р. Ф.* Формирование и функционирование имиджа политического лидера: автореф. дис. М., 1995.
- Самсонова Т. Н.* Политическая социализация российских школьников: достижения, проблемы, перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2.
- Самсонова Т. Н.* Проблемы политической социализации в современной России (<http://www.prof.msu.ru/publ/book3/sams.html>).
- Самсонова Т. Н.* Разработка в России и США эффективной модели политической социализации для XXI века: общее и особенное (http://www.kennan.ru/index.php/corporate/media/node_260/1/xxi/html).
- Ситников А. П., Огарь И. В., Бахвалова Н. С.* Политический консалтинг. М., 2004.
- Соловьев А. И.* Психология власти: противоречия переходных процессов // Власть многолика. М., 1992.
- Трубецкой А. Ю.* Психология репутации. М.: Наука, 2005.
- Фрейд З.* Я и Оно. Тбилиси, 1991.

- Хенкин С.* Партия власти: штрихи к портрету // *Полития*. 1997. № 1.
- Цой С. П.* Образ московской власти: Диссертация на соискание ... кандидата полит. наук. М., 2004.
- Цуладзе А.* Формирование имиджа политика в России. М., 1999.
- Человек, политика, психология (Материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 1995. № 4.
- Чиж В. Ф.* Психология злодея, властелина, фанатика. М., 2001.
- Шевченко Ю.* Между экспрессией и рациональностью: об изучении электро-
рального поведения в России // *Полис*. 1998. № 1.
- Шевченко Ю.* Политическое участие в России // *Pro et Contra*. 1998. № 3(3).
- Шестопал Е. Б., Новикова-Грунд М.* Психологический и лингвистический анализ восприятия образов 12 ведущих российских политиков // *Полис*. 1996. № 5.
- Шестопал Е. Б.* Образы власти в постсоветской России. М., 2004.
- Шестопал Е. Б.* Оценка гражданами личности лидера // *Полис*. 1997. № 6.
- Шестопал Е. Б.* Психологический профиль современной российской политики. М., 2000.
- Шестопал Е. Б.* Оценка гражданами личности лидера // *Полис*. 1997. № 6.
- Шестопал. Е.* Личность и политика, М., 1988.
- Шуленина Н. В.* Политическая психология. М., 2005.
- Щербинин А. И.* Вхождение в политический мир (Теоретико-методологические основания политической дидактики) // *Полис*. 1996. № 5 (<http://www.politstudies.ru/fulltext/1996/5/13.html>).
- Яницкий М. С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000.
- Barber J. D.* Presidential character: Predicting performance in the White House. Englewood, 1972.
- Barnett G. A.* A multidimensional analysis of the 1976 presidential campaign. *Communication Quarterly*, 29, 1981.
- Benoit W. L., McKinney M. S., Holbert R. L.* Beyond learning and persona: Extending the scope of presidential debate effects. *Communication Monographs*, 68, 259–273; 2001.
- Brathwaite V.* Beyond Rokeach's equality-freedom model: Two-dimensional values in a one-dimensional world. *Journal of Social Issues*, 1994, 50.
- Brennan R. M., Dan G., Hahn F.* Listening for a President: A Citizen's Campaign Methodology. New York: Praeger Publishers, 1990.
- Brower H. H., Emrich C. G., Feldman J. M., Garland H.* Images in Words: Presidential Rhetoric, Charisma, and Greatness // *Administrative Science Quarterly*. Vol. 46: 3, 2001.
- Burgoon J. K.* Nonverbal communication research in the 1970s: An overview // D. Nimmo (Ed. *Communication yearbook 4* (pp. 179-197). New Brunswick, NJ: Transaction Books; Chesebro, 1984.

- Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E.* The American Voter. N.Y., 1960.
- Candidate Images in Presidential Elections. / ed. Kenneth L. Hacker. Praeger: Westport, CT, 1995.
- Denton R. E., Holloway R. L.* (eds.) The Clinton Presidency: Images, Issues, and Communication Strategies. Westport, 1996.
- Denton R. E., Woodward G. C.* Political Communication in America. Westport, 1998.
- Edwards G. C., Wayne S. J.* Presidential Leadership: Politics in the Making. N.Y., 1998.
- Feldman S.* Values, Ideology, and the Structure of Political Attitudes. Oxford handbook of political psychology. D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford University Press, 2003.
- Fenno R. E.* Home style: House members in their districts. Boston, 1978.
- Fiorina M.* Retrospective Voting in American National Elections. New Haven, 1981.
- Fiske S. T., Taylor S. E.* Social Cognition. New York: McGraw-Hill, 1991.
- Flanigan W. H., Zingale N. H.* Political behavior of the American electorate. Washington, 1991.
- George A. L., George J. L.* Presidential personality and performance. Oxford, 1998.
- Gitlin T.* Media Unlimited: How the Torrent of Images and Sounds Overwhelms Our Lives. N.Y., 2002.
- Graber D. A.* Mass Media and American Politics. Washington, 2002.
- Granberg D.* Political Perception// Explorations in Political Psychology. Eds. Shanto Iyengar, William J. McGuire. Durham, 1993.
- Greenstein F. I.* Can personality and politics be studied systematically // Political psychology Winter D.G., Hermann M.G., Weintraub W., Walker S.G. The personalities of Bush and Gorbachev measured at a distance procedures, portraits and policy // Political Psychology. 1991. Vol. 12. № 2; 1992. Vol. 13.
- Greenstein F. I.* Personality and politics: Problems of evidence, inference, and conceptualization. Princeton, 1987.
- Greenstein F. I.* The impact of personality on politics: An attempt to clear away underbrush // Amer. polit. science rev. 1967. Vol. 61.
- Greenstein F. I.* The presidential difference: Leadership style from Roosevelt to Clinton. N.Y., 2000.
- Houston D. A., Doan K.* Can You Back That Up? Evidence (Or Lack Thereof) for the Effects of Negative and Positive Political Communication // Media Psychology. 1.3, 1999.
- Kaid L. L., McKinney M. S., Tedesco J. C.* Civic Dialogue in the 1996 Presidential Campaign: Candidate, Media, and Public Voices. Cresskill, NJ, 2000.
- Katz E., Blumler J. G., Gurevitch M.* Utilization of mass communication by the individual // The Uses of Mass Communications / Eds: Blumler J. G., Katz E. Beverly Hills, CA, 1974.

- Kendall K. E.* Communication in the Presidential Primaries: Candidates and the Media, 1912–2000. Westport, 2000.
- Kinder D. R.* Communication and Politics in the Age of Information // Oxford Handbook of political psychology / D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford University Press, 2003.
- Klingemann H. D.* Mapping Political Support in the 1990s: A Global Analysis. Discussion Paper FS III 98–202. Berlin, 1998.
- Kraus S.* Televised Presidential Debates and Public Policy. Mahwah, N.J., 2000.
- Lang K., Lang G. E.* Television and Politics. New Brunswick, 2002.
- Lewin M.* The Gorbachev Phenomenon. Berkeley, 1990.
- Lippman W.* Public Opinion // With a new introduction by Michael Curtis. New Brunswick, N.J., 1997.
- Maslow A.* Self-actualizing and Beyond // Challenges of Humanistic Psychology. N.Y., 1967.
- Miller A. H., Reisinger W. M., Hesli V. L.* The Russian 1996 Presidential Election Referendum on Democracy or a Personality Contest? // Electoral Studies, 1998, 17(2).
- Perloff R. M.* Political Communication: Politics, Press, and Public in America. Mahwah, NJ, 1998.
- Pfau M.* Subtle Nature of Presidential Debate Influence // Argumentation and Advocacy. Vol. 38 (4), 2002.
- Political Psychology / Ed. by David O. Sears, Leonie Huddy, Robert Jervis, Oxford University Press, 2003
- Rohan M. J.* A rose by any name? The values construct // Personality and Social Psychology Review. 2000, 4.
- Tetlock P. E.* Coping with trade-offs: Psychological constraints and political implications // S. Lupia, M. McCubbins, S. Popkin (Eds.) Political reasoning and choice. Berkeley, 2000.
- Yaremko R. M.* Handbook of Research and Quantitative Methods in Psychology: For Students and Professionals. Hillsdale, NJ, 1986.

Учебное издание

Шестопа Елена Борисовна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебник

Ведущий редактор *Л. Н. Шинова*

Корректор *М. П. Молокова*

Художник *Д. А. Сенчагов*

Компьютерная верстка *О. С. Коротковой*

Подписано к печати 22.01.2007. Формат 60x90¹/₁₆,
Гарнитура PetersburgC. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27.

Тираж 3000 экз. Заказ № 6266.

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»
111141 Москва, Зеленый проспект, д. 8.
e-mail: info@aspectpress.ru

www.aspectpress.ru

Тел. 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.